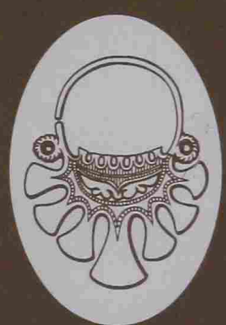
ISSN 0869-6063

Номер 1

Январь - Февраль - Март
2001

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Главный редактор
В.И. Гуляев

http://www.maik.ru

“НАУКА”
МАИК “НАУКА/ИНТЕРПЕРИОДИКА”

Российская академия наук
Институт археологии

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 2001

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, Ю.Ф. Кирюшин,
В.П. Любин, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин, М.Г. Мошкова,
Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин, Б.А. Рыбаков, В.В. Седов,
А.А. Формозов, А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

В.И. Гуляев (главный редактор),
Х.А. Амирханов, Л.А. Беляев (зам. главного редактора),
А.Н. Гей, И.С. Каменецкий, Г.А. Кошеленко,
Н.А. Макаров, В.С. Ольховский (ответственный секретарь),
Е.Н. Черных

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, Дм. Ульянова, д. 19

Москва
Издательство "Наука"
Международная академическая
издательская компания "Наука/Интерпериодика"

© Российская академия наук
Институт археологии РАН, 2001 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1, 2001

Исследования неолита на Аравийском полуострове: современное состояние и проблемы
А. Р. Аль-Ма'мари 5

Древние бронзы Леванта
Л. И. Авилова 15

Раннесредневековые гончарные клейма (к дискуссии о назначении)
В. Д. Гупало 27

О месте погребения Ярослава Мудрого (проблема княжеской усыпальницы)
Е. И. Архипова 37

Из истории феодального землевладения Московской земли XIV в. (землевладение Воронцовых-Вельяминовых)
А. А. Юшко 45

Дискуссии

Скифы, сарматы и другие в контексте достижений отечественной археологии XX века
Л. Т. Яблонский 56

Публикации

Минеральные порошки из курганов Южного Урала и Северного Казахстана и их возможное использование
А. Д. Таиров, А. Ф. Бушмакин 66

Погребения раннесредневекового периода из Пичвнари
А. Кахидзе, Ш. Мамуладзе 76

Технологические особенности железных изделий из древнерусских памятников Посулья
В. И. Завьялов 88

Белоглиняная керамика в средневековой Москве
В. Ю. Коваль 98

Заметки

Книдский ойнофор из Херсонеса
С. В. Дьячков, Д. В. Журавлев 110

Находка каменной иконки на Старом Гостином дворе в Москве
А. Г. Векслер 115

История науки

Дневники В.А. Шишкина в архиве Государственного музея Востока
Т. Г. Алпаткина 117

Критика и библиография

С. А. Васильев. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб., 1996
С. В. Маркин 125

В.И. Молодин, Д.В. Черемисин. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. Новосибирск, 1999
М. А. Дэвлет, Е. Г. Дэвлет 128

О журнале "Татарская археология"
Е. А. Армарчук 133

М. А. Дэвлет. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). М., 1998
О. С. Советова 138

Археология Республики Коми. М., 1997.
К. А. Смирнов 141

Т. Б. Никитина. История населения Марийского края в I тыс. до н.э. //
Труды Марийской археологической экспедиции. Т. V. Йошкар-Ола, 1999
А. В. Уткин 146

Thunmark-Nylen L. Die Wikingerzeit Gotlands II
(The Viking Age of Gotland, II). Stockholm, 1998
Т. А. Пушкина 148

М. Г. Иванова. Иднакар. Древнеудмуртское городище XI–XIII вв. Ижевск, 1998
К. А. Смирнов 152

Harhoiu R. Die Fruhe Volkerwanderungszeit in Rumanien.
Editura Encuclopedica, Bukarest, 1998
В. И. Кулаков 155

Хроника

К 80-летию Л.В. Алексеева
Т. И. Макарова 159

Всероссийская научная конференция
"Экология древних и современных обществ" (Тюмень, 1999)
Н. П. Матвеева 164

IV Международная конференция
"Проблемы сарматской археологии и истории"
И. В. Сергацков, В. М. Клепиков, В. Н. Мышкин 168

Маргулановские чтения–2000 (Алматы, 2000)
А. М. Досымбаева, Т. Н. Лошакова 173

Международный коллоквиум, посвященный изучению трепанации черепа
в истории человечества (Великобритания, Бирмингем, 2000)
М. Б. Медникова 178

Памяти Юрия Александровича Заднепровского (1924–1999)
Б. Я. Ставиский 180

Памяти Владимира Ивановича Беседина (1954–2000)
А. Д. Пряхин, И. Е. Сафонов 183

Памяти Аттилы Кишша (1939–1999)
М. Надь, А. В. Мастыкова, И. О. Гавритухин 186

Список сокращений 188

Правила для авторов 189

Contents

Number 1, 2001

Investigations of the Neolithic on the Arab peninsula: present state and the problems
A. R. Al-Ma'mari 5

Ancient bronzes in the Levant
L. I. Avilova 15

Early Medieval potter's signs
V. D. Gupalo 27

On the resting-place of prince Yaroslav the Wise (the problem of the princely burial-vault)
E. I. Arkhipova 37

On the history of feudal landownership in Moscow land in the 14th century.
The Vorontsovs-Velyaminovs' family land property
A. A. Yushko 45

Discussions

The Scyths, Sarmatians and others in context of achievements of Russian archaeology in the 20th century
L. T. Yablonsky 56

Publications

Mineral powders from barrow mounds of the Southern Urals and North Kazakhstan and their possible function
A. D. Tairov, A. F. Bushmakin 66

Early Medieval graves in Pichvnari
A. Kakhidze, Sh. Mamuladze 76

Technological characteristic of iron artefacts from ancient Russian sites situated in the Sula river basin
V. I. Zav'yalov 88

White-clay pottery in medieval Moscow
V. Yu. Koval 98

Notes

Cnidean oinophoros from Chersones
S. V. D'yackov, D. V. Zhuravlev 110

The find of stone icon at the Old Commercial Arcade in Moscow
A. G. Veksler 115

History of science

V.A. Shishkin's diaries in the archive of the State museum of Orient
T. G. Alpatkina 117

Critics and bibliography

S. A. Vasil'yev. The Late Palaeolithic on the Upper Yenisey (according to the material from the multilayer sites in Maina region). St. Petersburg, 1996
S. V. Markin 125

Molodin V.I., Cheremisin D.V. Earliest Rock-Gravings of the Ukok Highland. Novosibirsk, 1999
M. A. Devlet, Ye. G. Devlet 128

On the journal "Tatarskaya Arkheologiya"
E. A. Armarchuk 133
M. A. Devlet. The petroglyphs on the Sayan reservoir bottom (the Aldy-Mozaga mountain). Moscow, 1998
O. S. Sovetova 138
Archaeology of Komi Republic. Moscow, 1997
K. A. Smirnov 141
T. B. Nikitina. The history of population in Mari territory in the 1st millennium BC. Proceedings of the Mari archaeological expedition. Vol. V. Yoshkar-Ola, 1999
A. V. Utkin 146
Thunmark-Nylen L. Die Wikingerzeit Gotlands II (The Viking Age of Gotland, II). Stockholm, 1999
T. A. Pushkina 148
M. G. Ivanova. Idnakar. The early Udmurt hillfort of the 11th–13th centuries. Izhevsk, 1998
K. A. Smirnov 152
R. Harhoiu. Die Fruhe Volkenwanderungszeit in Rumanien. Editura Enciclopedica. Bukarest, 1998
V. I. Kulakov 155

Chronicle

The 80th anniversary of L.V. Alekseev
T. I. Makarova 159
All-Russian scientific conference "The ecology of ancient and modern societies" (Tyumen', 1999)
N. P. Matveeva 164
The IVth International conference "The problems of Sarmatian archaeology and history"
I. V. Sergatskov, V. M. Klepikov, V. N. Myshkin 168
A.Kh. Margulan colloquium–2000 (Almaty, 2000)
A. M. Dosymbaeva, T. N. Loshakova 173
International colloquium on cranial trepanation in human history (Great Britain, Birmingham, 2000)
M. B. Mednikova (Moscow) 178
In memory of Yury Aleksandrovich Zadneprovsky (1924–1999)
B. Ya. Stavisky 180
In memory of Vladimir Ivanovich Besedin (1954–2000)
A. D. Pryakhin, I. E. Safonov 183
In memory of Attila Kiss (1939–1999)
M. Nagy, A. V. Mastykova, I. O. Gavritukhin 186

List of abbreviations 188
Information for Authors 189

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 5–14

ИССЛЕДОВАНИЯ НЕОЛИТА НА АРАВИЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

© 2001 г. А. Р. Аль-Ма'мари

Университет Сана'а. Республика Йемен

В изучении неолита Аравийского полуострова место своеобразного рубежа занимает середина 1970-х годов. К этому времени завершается длительный период случайных открытий и эпизодических исследований, начавшийся в 20-е годы XX в. За эти десятилетия были накоплены относительно многочисленные, хотя и недостаточно систематизированные материалы, получены первые радиокарбоновые даты, определены основные направления будущих исследований. На этой базе начался период целенаправленных, многолетних, комплексных работ по изучению нового каменного века Аравии. Стимулировался он, помимо собственно научного интереса, индустриальным развитием аравийских государств, правительства которых были заинтересованы в масштабных археологических работах для сохранения памятников древней истории и культуры.

Начало нового этапа исследований связано с многолетними работами французской археологической экспедиции в Восточной Аравии. В составе экспедиции, возглавлявшейся известным специалистом в области каменного века Ж. Тиксье, вела свои исследования М.-Л. Инизан. Именно ею было поставлено на подлинно научную основу изучение каменного века прибрежных территорий стран Персидского залива и прежде всего Катара. Большим достижением экспедиции явилось открытие ряда новых стратифицированных памятников. Это позволило существенно пересмотреть выработанную ранее датским археологом Х. Капелом и уже утвердившуюся к тому времени культурно-хронологическую схему развития каменного века Восточной Аравии. В частности, была переоценена роль бифасиальных изделий в составе коллекций местонахождений с залеганием материала на современной поверхности. Обнаружение подобных орудий в стратифицированных памятниках в совместном залегании с убейдской керамикой позволило пересмотреть возраст материалов, которые выделялись Х. Капелом в качестве палеолитических – материалы группы А по Х. Капелу (Kapel H., 1967; Inizan M.-L., 1988). Столь же важным было строгое типологическое описание "пластинчатой индустрии" Восточной Аравии с черешковыми наконечниками стрел, определение хронологической и культурной позиции этого круга памятников в рамках докерамического неолита (Inizan M.-L., 1980, p. 233–236).

Памятники, открытые М.-Л. Инизан (всего их пять) распадаются на два хронологических уровня, разделенных временем появления убейдской керамики. Граница эта устанавливается радиоуглеродными датами и лежит примерно в начале V тыс. до н.э. До появления убейдской керамики на территории Восточной Аравии существуют памятники со специфической пластинчатой техникой, которая датируется возрастом 6885 ± 325 лет тому назад по материалам стоянки 36 и 36H в Катаре и поселения Айн-Каннас (Masry A., 1974) в Восточной провинции Саудовской Аравии. Приводимые М.-Л. Инизан датировки для трех поселений, в которых были найдены обломки убейдской керамики (6900, 6420, 6500, 6290 лет тому назад) вызывают сомнения даже у нее самой, поскольку они заметно расходятся с месопотамской хронологией, где Убейд 3–4 относится приблизительно к IV тыс. до н.э. "Только поселение P в Аль-Хоре с датировкой 5530 лет тому назад согласуется с данными по Месопотамии, но оно единственное, в котором нет керамики" (Inizan M.-L., 1988, p. 95).

На полуострове Катар был отмечен также ряд памятников с отщеповой техникой расщепления и бифасиальной традицией во вторичной обработке. Среди орудий здесь преобладают черешковые наконечники стрел, в целом аналогичные индустрии внутренних частей Аравийского полуострова и ее южных пустынных районов. Датируются эти памятники началом V тыс. до н.э.

Таким образом, можно говорить о существовании двух ведущих культур в Восточной Аравии так же, как и на всем аравийском полуострове в целом: пластинчатой и отщеповой. При этом в первой прослеживаются левантийско-месопотамские элементы, а вторая демонстрирует близость с культурой Внутренней и Южной Аравии. Ситуация усложняется появлением керамики убейдского типа, которая тесно связана с югом Месопотамии. М.-Л. Инизан полагает, что последнее скорее всего связано с культурными контактами, а не с притоком нового населения. Что касается пластинчатой технологии, то, по ее мнению, она не является показателем однокультурности нео-

литических культур собственно Ближнего Востока и Восточной Аравии.

Итоговая работа М.-Л. Инизан "Prehistoire a Qatar. Mission archaeologique a Qatar" (1988) является существенным вкладом в развитие археологических знаний об Аравии. Конечно, далеко не все проблемы решены или даже поставлены. Можно в этой связи указать на большие лакуны в проблематике социального и экономического укладов носителей различных неолитических культур Катара и характера их взаимных отношений. В этом смысле значение монографии заключается "не столько в решении основных проблем, сколько в определении больших потенциальных возможностей памятников первобытной археологии Катара для реконструкции древнейшей истории стран Персидского залива и всей Аравии" (Амирханов Х.А., 1992, с. 287).

Основные памятники с пластинчатой культурой в Катаре расположены в Аль-Уасил, в Аль-Уакре, в Умм-Сауд – все это на восточном побережье; на юге страны – еще два памятника: один в районе Сауда-Нафел, второй – без названия – находится северо-западнее последнего. На западном побережье существует группа, состоящая из четырех памятников, расположенных относительно недалеко друг от друга: в районе Асила, в Аль-Джубиджиб, в Умм-Таке и в Закейн Аль-Бахар.

Памятники с убейдской керамикой в Катаре известны на северо-восточном побережье в бухте Аль-Хор, на юго-восточном побережье в районе Шагры; и на западном побережье в Аль-Даасе и Рас-Абуруке, севернее города Дохана.

По восточной полосе Залива и в сторону Бахрейна насчитывается около 37 памятников, расположенных в районах Аль-Хафуфа, в Айн-Каннас, Аль-Мархх, Дираз, Аль-Хирсания, Аль-Даусарии, Абу Хамис и др.

Почти одновременно с французской экспедицией в Катаре на территории Саудовской Аравии началась реализация Комплексной программы археологического обследования (CASP). Осуществлялась программа правительством страны с приглашением специалистов из США. Первоначальная задача CASP – картирование археологических памятников с целью их последующего изучения. Активная работа в этом направлении велась в конце 1970-х – начале 1980-х годов.

В рамках программы был создан ежегодник "Атлал", посвященный археологии главным образом Саудовской Аравии. В первых публикациях "Атлала", ввиду рекогносцировочного характера археологических исследований, возраст стоянок каменного века давался ориентировочно либо авторы воздерживались от сколько-нибудь определенных датировок (Adams P. McC. et al., 1977).

С начала 1980-х годов исследованиями была охвачена вся территория Центральной Аравии. Задачи работ стали шире, чем просто фиксация и картографирование памятников. Начинается углубленное изучение конкретных археологических проблем. Предлагаются определенные концепции относительно археологической периодизации и интерпретации каменного инвентаря, уточняются археологические датировки стоянок, которые до того оставались предварительными или сомнительными. Так, например, пересматривается ряд датировок сольбухской группы стоянок (Zarins J. et al., 1979) и некоторых других памятников с каменным инвентарем в северной зоне. Возраст многих из последних в начале 1980-х годов был определен как неолитический.

С конца 1970-х годов применительно к некоторой части материалов каменного века Аравии начинают использовать понятие "эпипалеолит". Им датируют ряд стоянок северной зоны (Parr P.J. et al., 1970, p. 38), некоторые стоянки на юге центральной зоны (Zarins J. et al., 1979, p. 17, 18). Однако с самого начала этот термин оставался достаточно размытым. С одной стороны, он не рассматривается как аналог мезолита, а с другой – не указываются четкие критерии для его отчленения от неолита. Судя по некоторым публикациям (Zarins J. et al., 1980, p. 43–58), образцы каменных орудий, отнесенные к эпипалеолиту, трудно отличить от изделий, обычных для пластинчатой неолитической технологии. Возможно, необходимую ясность в этот вопрос внесет более полная публикация конкретных материалов. В других же работах неолит объединяется с халколитом (Parr P. J. et al., 1978, p. 49, 51).

Эпипалеолитическая индустрия, по Н. Валену, характеризуется набором скребковидных орудий, ножами, проколками, провертками, зубчатыми и леваллуазскими предметами (процентное количество последних очень незначительно в сравнении с палеолитическими коллекциями). По размерам орудия колеблются от средних до крупных. Артефакты, как отмечают авторы, слабо патинированы. Стоянки располагаются, как правило, на склонах базальтовых, риолитовых и гранитных горных образований (Whalen N. et al., 1981, p. 49). Эта оценка расходится с характеристикой эпипалеолита у других исследователей (Nayeem M.A., 1992, p. 39, 61, 62). С точки зрения М.А. Наима, микролитичность является основной чертой эпипалеолита-мезолита. В действительности рассматриваемые в этой связи материалы представляются нам не чем иным, как наконечниками вообще и наконечниками стрел с бифасиальной обработкой. Эти "микролиты" – бифасиальные наконечники стрел имеют относительно небольшие размеры. М.А. Наим полагает, что черешковые наконечники стрел с плечиками – типично неолитические. Автор относит подобные типы к

позднему неолиту, основываясь на выработанной для района Аль-Абр в пустыне Рамлат Ас-Сабатейн шкалы патинизации кремневого материала, залегающего на современной поверхности (Рашид А.А., 1993а, с. 24–33). Тем не менее М.А. Наим подобные предметы публикует в разделе эпипалеолита в качестве микролитических острий (Nayeem M.A., 1992, pl. XVI, XVII), хотя в действительности они являются наконечниками стрел с полностью или частично обломанными черешками.

В целом памятники, называемые эпипалеолитическими, в Центральной Аравии редки. Это позволило говорить об археологической лакуне, попадающей на засушливую климатическую фазу между XV–XIII тыс. до н.э. (Parr P.J. et al., 1978). Существует даже гипотеза о необитаемости полуострова в это время. Схожие лакуны имеются в восточной пустыне Египта, в бассейне долины Аль-Азрак в Иордании. По мнению автора этой статьи, нельзя говорить об абсолютной необитаемости полуострова. Вполне возможно, заселенность в это время носила оазисный характер, поскольку для памятников этого периода наблюдается преемственность в технике расщепления кремня между неолитом и предыдущими эпохами.

Характерная черта неолитической эпохи в Саудовской Аравии (центральной и южных ее областей) – обилие различных типов бифасиально-черешковых наконечников стрел с плечиками. Многие разновидности стрел имеют удлиненное перо с зазубренными краями. Они сосуществуют с листовидными наконечниками стрел, скребковидными орудиями. Все орудия изготовлены в основном из кремня и реже из кремнистого известняка. В то же время в северных территориях Аравии господствует пластинчатая технология.

С начала 1980-х годов актуальной стала проблема хронологии и периодизации неолита Аравии. К этому времени накопился значительный материал, правда, главным образом подъемный. Объем данных представлялся достаточным для создания относительной хронологии всего каменного века, включая неолит. В периодизации неолитических стоянок исследователи Центральной Аравии выделяют две стадии – раннюю (иногда ее называют докерамической) и позднюю. Индустрия, относящаяся к раннему периоду, берет свое начало предположительно с VIII или VII тыс. до н.э. Поздний неолит очерчивается рамками 5000–2500 лет до н.э. Ранний неолит, как правило, связывают с пластинчатой индустрией, а поздний – с отщеповой.

Что касается общей культурной географии, то для неолита Аравии мною выделены две культуры: пластинчатая и отщеповая (Рашид А.А., 1993б). Истоки пластинчатой культуры связаны с Левантом. В этой культуре керамика отсутствует, так же как и в раннем неолите Ближнего Востока.

Наконечники и наконечники стрел и другие типы орудий с бифасиальной обработкой на отщеповой заготовке – наиболее важный элемент для характеристики отщеповой культуры Аравии. Наконечники стрел черешковые с плечиками на отщепах разделяют ранний и поздний периоды неолита внутри самой отщеповой культуры пустынной части Аравийского полуострова. И время V тыс. до н.э. – это дата проникновения отщеповой культуры в Восточную Аравию, которая сменяет здесь пластинчатую. Возможно, наличие ранней отщеповой культуры в Южной и Центральной Аравии явилось барьером для расширения в эту сторону ареала пластинчатой культуры.

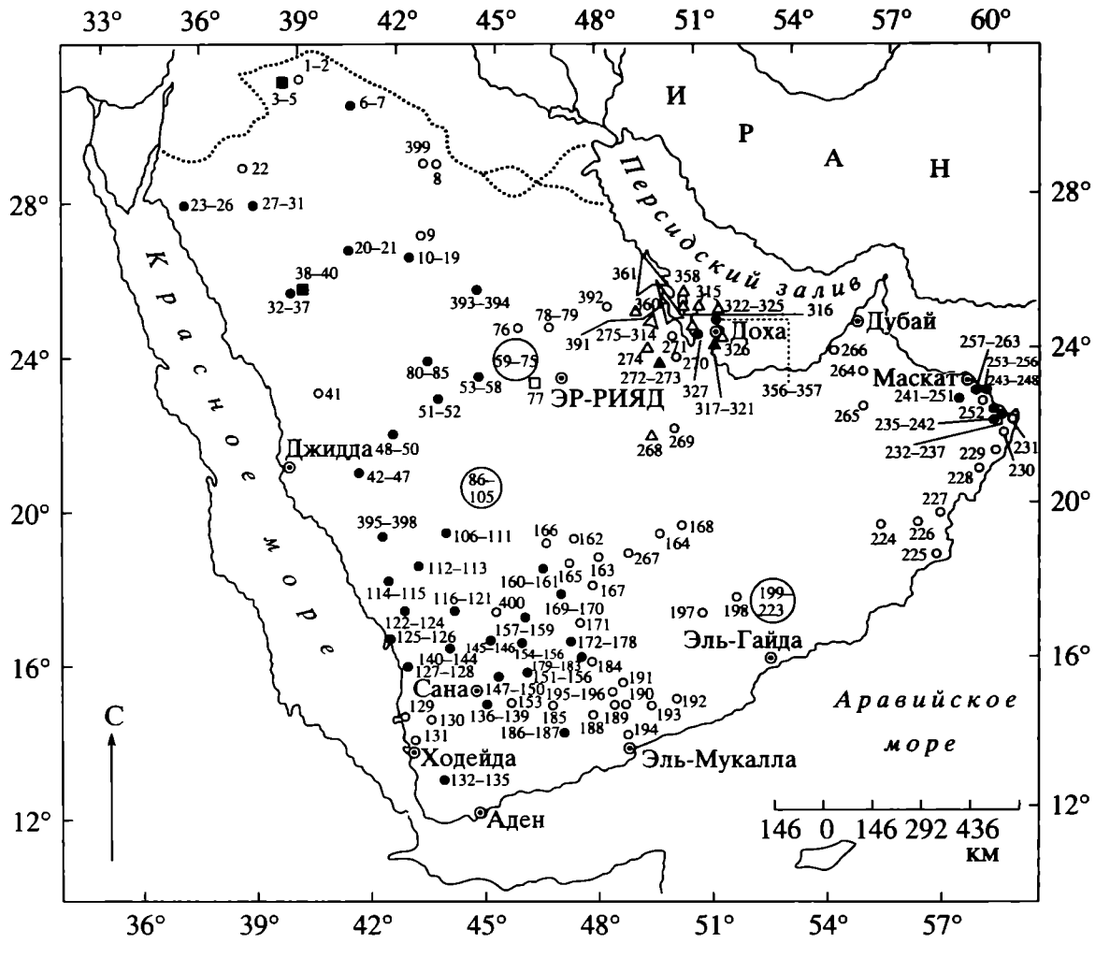
Полагают, что стоянки с докерамической традицией сконцентрированы на севере Саудовской Аравии, а поздние расположены южнее (Zarins J. et al., 1981, p. 9–42). В целом же находки керамики вместе с неолитическими материалами – явление редкое. Чаще всего невыразительные обломки хронологически трудно определяемы. Исключение составляет убейдская керамика, распространенная в восточных областях полуострова и появляющаяся здесь почти параллельно с поздним этапом отщеповой культуры.

Обычно к раннему неолиту относят стоянки с индустрией, аналогичной индустрии докерамического периода Ближнего Востока (в частности, типа Аль-Бейды и Аль-Азрака в Иордании), хотя в редких случаях в них встречаются обломки керамики, как, например, на стоянке Джабал Умм Уаил (Parr P.J. et al., 1978, p. 31–58). Временны́е границы позднего неолита определяются по аналогии со стратифицированными материалами из Леванта, Сирии, Ирака и Восточной Аравии (Zarins J. et al., 1981, p. 9–42). При этом на подавляющем большинстве таких местонахождений керамика отсутствует.

Из ранних стоянок на севере заслуживают упоминания Умм Уаил, Ад-Даукария, Вади Ассархан, Кильуа и др. (Mc. Adams P. et al., 1977, p. 21–40); на северо-западе – Хайбарские стоянки (рисунок, 200–134 и 202–4) (Gilmore M. et al., 1982, p. 9–23). На юге центральной зоны известны две стоянки Сольбухской группы и группы Аль-Хейси (Zarins J. et al., 1979, p. 9–42).

Неолитическая индустрия северных, северо-западных и восточных территорий тяготеет к индустрии многих стоянок Ближнего Востока и индустрии группы В Х. Капела в Катаре. Западные, центральные и юго-западные области более ориентированы к Руб-эль-Хали и Йемену.

На побережье Красного моря (Тихама), где существуют раковинные кучи, также отмечены неолитические стоянки: Farasan Island, Athar region, Muwassam с датировками от 6150 ± 130 лет тому назад до 4810 ± 170 лет тому назад. Здесь зафиксированы наконечники стрел, похожие на нако-

Распределение неолитических памятников на Аравийском полуострове. (Цифровые обозначения памятников см. в приложении). Условные обозначения: мелкий круг без заливки – отдельный памятник; круг с заливкой – группа памятников; крупный круг без заливки – скопления стоянок числом свыше 15; квадрат с заливкой – группа неолитических стоянок с керамикой; треугольник без заливки – отдельная стоянка с убейдской керамикой; треугольник с заливкой – группа стоянок с убейдской керамикой; стрелка – значительное скопление памятников с убейдской керамикой.

нечники стрел из Руб-эль-Хали (Grigson C. et al., 1989, p. 355–362). К сожалению, развернутая информация об этих материалах отсутствует.

К поздненеолитическому периоду относятся стоянки с керамикой (их количество незначительно): Хайбарские стоянки (205–45, 205–61), одна стоянка в центральной зоне – 207–102 (здесь отмечена находка медного шлака) (Zarins J. et al., 1981, p. 9–42). Стоянки без керамики также немногочисленны. Они сосредоточены в районе Харат-Хайбара (204–122, 132, 133; 200–138, 202–122, 58) (Gilmore M. et al., 1982, p. 13).

Таким образом, на территории Саудовской Аравии на начало 1980-х годов насчитывалось свыше 200 стоянок неолитического возраста. Преобладают среди них стоянки с поверхностным залеганием артефактов. Стоянок с керамикой – 93, из них около 86 с керамикой убейдского типа. Последние сосредоточены в основном в восточной зоне. Несколько стоянок с неубейдской керамикой отмечены в северной и одна – центральной зонах.

В публикациях по Центральной Аравии рядом с термином "неолит" можно также встретить понятие "постнеолит" (Zarins J. et al., 1980, p. 9–36). Время постнеолита устанавливается между 2500–500 лет до н.э. или 2500–2000 лет до н.э. Оно приходится на фазу аридизации климата с характеристиками, близкими современным. Территория заселяется общинами, разводившими верблюдов и принесшими с собой новый образ жизни. Археологические характеристики постнеолитического комплекса следующие: "во-первых, отличается от неолитического (для которого характерны метательные наконечники, датируемые V и III тыс. до н.э.); во-вторых, по патине не относится к палеолиту; и в-третьих, явно отличается от инвентария эллинистического и исламского периодов" (Zarins J. et al., 1980, p. 20, 21). Стоянки этого типа, как отмечают Ю. Заринс и его соавторы, располагались в пустыне, и никогда около водообеспеченных районов или оазисов. Большинство из них находятся в местностях, используемых в наши дни бедуинами. Сконцентрированы памятники от ме-

стности Ад-Дауадами до Ат-Таифа и Биша на юге страны.

Основной набор постнеолитической индустрии следующий: различные нуклеусы, в том числе и пирамидальные для пластин, орудия на отщепах и пластинах с унифасиальной обработкой, редкие отбойники. Авторы также пишут о редкой встречаемости наконечников и наконечников стрел и предметов с бифасиальной обработкой (Zarins J. et al., 1980). В размерах орудия колеблются от мелких до средних. Изготовлены из андезита, риолита, кремнистого известняка, реже – из базальта, кварцита.

Говоря о постнеолите, нельзя не заметить, что авторы не приводят развернутой технико-типологической характеристики материалов этого промежуточного периода и не могут пока согласовать его хронологические рамки. Иногда отмечается, что постнеолитический инвентарь встречается совместно с керамикой и сооружениями османского времени (Whalen N. et al., 1981, p. 43–58). Аналогичный этому материал из пустынной части Южной Аравии автором был отнесен к группе E. Делался также вывод о резком ослаблении в этот период роли охоты. При этом появляются другие формы хозяйствования – скотоводство на большей части Аравийской пустыни и земледелие в сочетании со скотоводством в оазисах, некоторых районах Западного плоскогорья и Хадрамауте (в частности, в тех пунктах, где появилась обсидиановая индустрия, синхронная хронологической группе E).

Для рассматриваемого периода, к сожалению, мало что известно о неолите на территориях таких аравийских государств, как Кувейт, Бахрейн, ОАЭ, Оман. Однако само наличие на побережье Омана значительного количества неолитических стоянок (от Бандар Хайран на севере до Рас Шарбитата на юге) с датировками от 6220 ± 60 лет тому назад до 4040 ± 60 лет тому назад (Biagi P., 1988, p. 271–291) делает необходимым проведение специальных комплексных исследований.

Многолетнее специальное и комплексное изучение памятников каменного века в Южной Аравии началось в первой половине 1980-х годов. В северных, горных областях территории Йемена с 1981 г. работает комплексная итальянская экспедиция под руководством А. Де Мэгрэ. Экспедиция состояла из четырех исследовательских групп, одна из которых занималась изучением неолита. В неолитической группе работали Ф.Г. Феделе и Ф. ди Марио, позднее к ним присоединились и проводили исследования в Тихаме М. Този и М. Каттани.

Первоначальные работы были сконцентрированы в Вади Дана, где еще в 1980 г. немецкие археологи открыли неолитическую стоянку. С самого начала итальянские исследователи отметили, что стоянки распадаются на две основные группы. Первая – это так называемые "поселения" – где скопления каменных изделий без керамики находятся в явной ассоциации с простыми каменными сооружениями в виде огороженных участков. Каменные артефакты в таких скоплениях чаще всего на отщепах, бифасиально-ретушированные. Вторая группа – это скопления артефактов на современной поверхности в смешанном залегании.

За несколько лет работ (до начала 1990-х годов) было открыто значительное количество неолитических стоянок в горной местности, несколько – в пустынных районах и на побережье Красного моря. Наиболее известные стоянки: Джабал Кутран, Джабал Шаиб, Вади аль-Аиш и Вади Ат-Тайла, в пустыне – Вади Хариб (De Maigret A., 1983, p. 340–344).

В местности Нежд Аль-Абъяд, недалеко от Вади Ат-Тейла, вскрыто поселение, состоящее из десятка каменных строений со скоплением каменных орудий. Памятник имеет два, возможно, наложенных друг на друга культурных слоя. Много лет итальянские специалисты работают на этом поселении, собирая обширный неолитический материал, который, к сожалению, до сих пор не опубликован, но, по краткому сообщению Ф. Феделе, "подает большие надежды для изучения ранней фазы неолита Йемена (возможно, даже мезолита)" (Fedele F.G., 1984, p. 431–437). Это поселение предварительно датируется в пределах от VI до IV тыс. лет до н.э. (по калиброванным датам).

Индустрия неолитического поселения Ат-Тейла характеризуется наличием небольшого количества грубо обработанных листовидных наконечников, отсутствием как скребковых, так и прокалывающих рубящих инструментов. Часто встречаются составные орудия (Fedele F.G., 1988, p. 34–41).

Индустрия Джабал Кутран включает в себя мелкие и крупные двустороннеобработанные листовидные наконечники, черешковые наконечники стрел, разнообразные скребки и трехгранные сверла, а также множество массивных и легких инструментов (Fedele F.G., 1988, p. 34–41).

Индустрия из пустынных регионов вся получена сборами с современной поверхности. На 90% она основывается на кремневом сырье. Здесь представлены разнообразные формы наконечников стрел, аналогичные образцам из пустыни Руб-эль-Хали (Di Mario F., 1986, p. 414–418).

В 1985–1986 гг. итальянскими специалистами изучался район Тихамы. Из 13 открытых местонахождений (Tosi M.B., 1986, p. 400–414) неолитическим временем датируются стоянки (с севера на юг): Салиф, Вади Сурдуд и Ходейда. Наиболее ранняя из них – Ходейда датируется временем 6780 ± 100 лет тому назад и 7600 ± 80 лет тому назад. С учетом калибровки эти даты составляют

5820–5640 лет до н.э. (Beta – 23581) и 5970–5560 лет до н.э. (Beta – 23582). М. Този делает вывод, что стоянка была эпизодически обитаема в пределах 6 тысяч лет тому назад. Здесь выявлена обсидиановая индустрия (на 75% от всех других видов сырья) и найден двусторонне обработанный наконечник стрелы, "аналогичный среднеголоценовым типам из Руб-эль-Хали" (Tosi M.B., 1986, p. 407).

Стоянка Сурдуд содержит большое количество скребков, различных острий и проверток. Выделяются два основных периода заселения, один из которых произошел в неолитическое время, но чуть позже, чем в Ходейде (позднее IV тыс. до н.э.) и другой – в историческое время.

Сравнивая фаунистические остатки двух стоянок, М. Този отмечает, что между V и IV тыс. до н.э. экономика первобытного общества в Тихаме переживает переход к производящему хозяйству. "Керамика, специализированные каменные орудия и кости одомашненных животных, характеризуемые археологическими коллекциями, отмечают переход к производящей экономике в южном регионе Красного моря" (Tosi M.B., 1986, p. 414).

С 1989 по 1991 г. северо-западнее столицы Йемена – г. Саны, в районе Са'ада, работали французский специалист М. Гарсиа и йеменская аспирантка М. Рашад. Рядом с местонахождениями с наскальными изображениями, которые они изучали, исследователи обнаружили ряд неолитических памятников: Аль-Мусальхакат, Аль-Джарвайн, Аль-Джабал-Аль-Мохрок, Вади Рабиа и Аль-Хамзат. На некоторых из них были заложены разведочные шурфы (Garcia M.A., Rachad M., 1990). Насколько нам известно, артефакты вывезены во Францию для изучения, но предварительная публикация осуществлена М.-Л. Инизан (Inizan M.-L., 1990, p. 19, 20). Нам удалось ознакомиться с некоторыми образцами артефактов в Национальном историческом музее г. Саны. Имеется материал, схожий с индустрией из пустыни Рамлат-ас-Сабатейн как по характеру сырья, так и по типологии. Ведущая категория орудий – наконечники стрел. Среди них имеются трехгранные с микровыемками, расположенными на противоположных краях медиальной части.

Автор в 1991 г. провел разведку в горных массивах юго-западнее города Таиза, где зафиксировал несколько местонахождений со скоплениями каменных изделий на поверхности. Два из них плотно насыщены артефактами. Эти пункты известны как Кариф Ас-Сиджи, Адь-Хаджара Аль-Габра в Джабал Ас-Сиджи, что недалеко от поселка Аль-Аджарам в районе Бани Омар. Для индустрии этих стоянок характерно отсутствие наконечников стрел; в обработке не отмечается бифасиальная традиция. Техника отщеповая, ведущие типы орудий – скребковидные, выемчатые, зубчатые и ножевидные. Они, возможно, относятся к позднему неолиту или постнеолиту.

Полевые работы итальянцев позволили выделить в горном Йемене два региональных варианта неолита. Такое подразделение, по-видимому, применимо для большей части западного плоскогорья Аравии. Ранее подобная картина была обрисована Ю. Заринсом для горного Асира (Zarins J. et al., 1981, p. 9–42).

Один из выделенных Ф. Феделе вариантов культуры назван по местонахождению Джабал Кутран (или Аль-Хада) и связан с бифасиальной традицией центральной части Аравии. Другой вариант обозначен по местонахождению Ат-Тейла (или Хаулан). Второй более специфичен для гористой местности и, вероятно, представляет собой более позднюю адаптацию (Fedele F.G., 1988, p. 34–41). Различия между двумя указанными вариантами индустрии устанавливаются на основе количественных показателей некоторых типов орудий. Вариант Кутран включает в себя разнообразные черешковые и листовидные наконечники, а в варианте Ат-Тейла они отсутствуют, за исключением редких листовидных наконечников. Во втором варианте гораздо чаще представлены различные скребковидные, прокалывающие и рубящие орудия. Такое различие, как полагает Ф. Феделе, предполагает различные хозяйственные уклады.

Выделив указанные два варианта, итальянские специалисты, по их собственному признанию, оставили открытыми следующие вопросы: существовали ли эти два варианта индустрий в других частях Йемена? Представляли ли они различную деятельность одного и того же сообщества? Не являются ли эти различия чисто хронологическими?

Особенности развития неолита в пустыне стали более ясными, благодаря осуществленному автором комплексному анализу подъемного материала. Работая в составе советско-йеменской комплексной экспедиции в 1989–1990 гг., нам удалось провести археологические разведки в районе Аль-Абр и выявить здесь 18 местонахождений открытого типа со смешанным материалом – от палеолита до неолита. Неолитические артефакты были тщательно изучены с технико-типологической точки зрения. Результаты анализа были использованы для написания кандидатской диссертации по неолиту Южной Аравии, а также ряда статей по данной тематике. К сожалению, до сих пор не вышла в свет монография автора, переданная еще в 1994 г. в издательство.

Коллекции выявленных здесь местонахождений были сгруппированы нами в шесть хронологических групп (от А до Е) по степени постдепозиционных изменений (главным образом, интенсивности патинизации) поверхностей изделий. Хронологические группы А и Б отражают ранний период, не выделявшийся ранее в историографии

неолита. Памятники этого периода были распространены на огромнейшей территории Южной Аравии, в том числе и в горных районах, включая территорию Омана. Хронологическая группа В определяет промежуточный период между ранним и поздним неолитом, а группы Г и Д относятся к позднему, а именно "пустынному" неолиту. Грань между двумя периодами, как уже отмечалось выше, начало появления наконечников стрел черешковых с плечиками в группе В и их окончательное оформление в группе Г. В группе Д возникает новый принцип изготовления метательных орудий, отражающий новую стадию в развитии неолита (меняются размеры, зазубриваются края, возникают наконечники стрел черешковые с нависающими зубцами). Особенно много наконечников с выемками, выделенными по краям нижней части пера. Что касается группы Е, то она отнесена к финальному неолиту или постнеолиту из-за почти полного исчезновения метательных орудий.

Рассматривая проблему региональной специфики неолита Южной Аравии (возможно, это приемлемо и для Аравии в целом), нами предложено пять культурных вариантов в рамках отщеповой технологии (Рашид А.А., 1993б, с. 17, 18).

Первый вариант – "пустынный" – локализован в пустынных частях Аравии: на юге полуострова и центральной части, распространяясь в восточные, северо-западные, северные районы и, возможно, за пределы полуострова. В технико-типологическом отношении помимо бифасиальной обработки орудий и обилия разнообразных метательных орудий он особо характеризуется наконечниками стрел черешковыми с плечиками. В хронологическом отношении этот вариант отражает поздний период неолита в пустыне.

Второй вариант – махрийский (охватывает восточное плоскогорье Южной Аравии и часть территории Омана). Его специфику определяют обилие трехгранных наконечников стрел, широкое использование канелюрного скола во вторичной обработке, а также присутствие пильчатой ретуши.

Третий вариант – прибрежный (тихамский) неолит, характеризуемый пока в основном скребками, различными остриями и проверткими, а также черешковым наконечником стрелы с нависающим зубцом. Этот вариант представлен многочисленными раковинными кучами на побережье Аравийского полуострова в целом.

Четвертый и пятый варианты неолита существуют в районах западного плоскогорья. Эти варианты различаются в технике вторичной обработки, в наборе орудий и хозяйственных укладах при единстве их генетических корней. Отсутствие датировок не позволяет определить временны́е границы этих двух вариантов, но, вероятнее всего, различия между ними обусловлены хронологическим фактором: один из вариантов – ранний, другой – поздний.

Параллельно с работами итальянской экспедиции, но уже на юге страны, в провинции Хадрамаут, с 1983 г. интенсивные исследования вела советско-йеменская комплексная экспедиция (с 1991 г. – российская экспедиция). Руководили экспедицией П.А. Грязневич, а после 1990 г. – М.Б. Пиотровский и затем А.В. Седов. Эта экспедиция была одной из первых, которая включила в свой состав местных специалистов, что способствовало совершенствованию уровня национальных кадров. Автор этой статьи проработал в ее составе два сезона – в 1989 и 1990 гг., за что всегда вспоминает с большой благодарностью основателя СОЙКЭ П.А. Грязневича. Надо отметить, что идею совместных двусторонних работ по исследованию древностей Йемена подхватили научные экспедиции и других стран – одни формально, а другие вполне реально.

Районы исследования палеолитической группы СОЙКЭ под руководством Х.А. Амирханова включали долину р. Дауан с ответвлениями средней ее части и прилегающими участками плато на западе провинции Хадрамаут, районы предгорий и среднегорий в западных и центральных частях южного побережья, а также прибрежные и горные провинции Аль-Махра. Его значительные открытия в области палеолита Южной Аравии уже получили признание широкого круга специалистов. Существенный вклад внесен им и в изучение неолита рассматриваемого региона. В ходе работ 1989–1990-х годов его усилиями открыто и изучено 43 памятника неолита и постнеолита; из них 9 расположены в Хадрамауте, а остальные – на территории Махры. Стратифицированные памятники имеют датировки: 7400 ± 150 лет тому назад (ГИН-6503) и 8470 ± 40 лет тому назад (ГИН-6505) и 9560 ± 120 (Хабарут 1, слои 1, 2 и 4) (Амирханов Х.А., 1997, с. 166). В районе Хадрамаута некоторые из памятников также имеют датировки: Ас-Сафа I, слой 3 – 2895 ± 165 лет тому назад и 3300 ± 300; Мешхед II – 5085 ± 130 лет тому назад и Мешхед 10 – 2750 ± 135 лет тому назад (Амирханов Х.А., 1997, с. 35).

Книга Х.А. Амирханова "Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры", изданная в 1997 г. – одно из первых фундаментальных обобщений, посвященных специально проблематике неолита данного региона. Она содержит выводы, касающиеся спорных и нерешенных вопросов неолитического периода на аравийском полуострове. Отдельно рассматриваются и постнеолитические памятники, что особенно ценно ввиду того, что сам термин "постнеолит" оставался без определения, выраженного в строгих типологических понятиях.

Выделение Х.А. Амирхановым двух пластов – раннего и позднего в неолите изучаемого региона актуально, особенно для отщеповой культуры, поскольку именно она является базовой на Аравийском полуострове и имеет местную основу. Х.А. Амирханов не отрицает выявленные нами для района Аль-Абр тенденции эволюции неолита, построенные на основе постдепозиционных изменений поверхности материалов, хотя допускает дискуссионность в вопросе наличия здесь раннего неолита из-за малочисленности материала. Тем не менее датировка в 9 тысяч лет тому назад, полученная Г. Мак-Клюром для отложений древнего озера Мундафан, послужила для автора данной статьи предварительным ориентиром в установлении возраста ранней части наших материалов (группы А и Б). Со своей стороны, метательные орудия, принадлежащие группам А и Б, указывают на принадлежность раннему неолиту незначительных кремневых сборов, полученных Г. Мак-Клюром в датированных им отложениях (McClure H., 1971).

В 1983 г. на юго-восточной территории пустыни Рамлат-ас-Сабатейн (провинция Шабва) работала французская исследовательница М.-Л. Инизан. Ею было открыто примерно 18 скоплений материала, сосредоточенных в трех пунктах вокруг г. Шабва. В нескольких случаях вместе с орудиями были обнаружены обожженные камни и остатки кострищ, что позволило получить для двух скоплений даты: 5330 ± 70 лет тому назад и 4800 ± 400 лет тому назад (Inizan M.-L., Ortlib L., 1987, p. 5–22). Для неолитической индустрии этого района характерны бифасиально обработанные орудия, изготовленные сочетанием ударной и отжимной техники.

В целом можно отметить, что район Хадрамаута и приграничные с ним территории, судя по плотности археологических находок от древнекаменного века до неолита, были территорией наиболее интенсивного заселения древними людьми. Пока в районе Тихамы и горных областях известно мало памятников неолита. А всего в настоящее время, согласно публикациям, для Южной Аравии известно около 110 памятников неолитического возраста. Из них наиболее ранние с возрастом, соответствующим середине VIII тыс. до н.э., расположены в провинции Махра (Амирханов Х.А., 1997). Существование близких по возрасту памятников допускается и для района Тихамы. Как уже отмечалось выше, здесь известен памятник с датой 8200 лет тому назад. И этот возраст для местного неолита, возможно, не является предельным. Предполагается даже, что более древние памятники могли располагаться примерно на 10 км дальше в глубь моря от современной береговой линии. Они могли быть в свое время затоплены морем (Grigson C. et al., 1989).

Между этими двумя крайними точками Южной Аравии располагаются памятники горного неолита с датами V–IV тыс. лет до н.э. Пустынные неолитические стоянки с залеганием материала на современной поверхности имеют пока немногочисленные датировки. По предположению Х. Эденса, граница неолита пустынных районов может опускаться до VI тыс. лет до н.э. (Edens H., 1982, p. 109–124). Эта датировка вполне приемлема, с нашей точки зрения, для наконечников стрел черешковых с плечиками позднего этапа неолита. Что же касается раннего периода (хронологические группы А и Б) неолита отщеповой культуры, то мы соотносим его начало с периодом увлажнения, относящимся ко времени 9000 лет тому назад, а возможно, и древнее.

В заключение следует отметить, что, несмотря на наличие достаточно большого количества источников (см. рисунок) и уже имеющиеся обобщения, проблематика неолита Аравии все еще нуждается в дальнейших разработках. Современный уровень исследований делает в высшей мере актуальной выработку общей концепции, которая основывалась бы на безупречных материалах – стратифицированных, хорошо датированных и происходящих, по возможности, из многослойных памятников.

Приложение

Цифровые обозначения стоянок на карте неолитических памятников Аравийского полуострова (рисунок)

1, 2 – Ад-Даукария 200–33А, Ад-Даукария Аль-Ганубия; *3–5* – Умм Уаэль 200–30, Умм Уаэль 200–31, Умм Уаэль 200–32; *6, 7* – Ар-Ар 201–41, Ар-Ар 201–42; *9* – Рафха 201–4; *8* – Аль-Кухайва 207–1; *10–19* – Джубба 201–25, 201–25Д, 201–25В-Д, 201–25Д-Р, 201–27, 201–27А-Б, 201–27А-В, 201–27Д, 201–27Е; *20, 21* – Хаэл 200–1; *22* – Хаэл 200–1; *23* – Кильуа 200–134; *24–26* – Джабал Арик Аль-Юсра 200–47, Вади Азлам 200–57, Вади Шарма 204–62, Вади Арнаб 204–47; *27–31* – Вади Ахдар 200–90, Вади Ар-Ракбан 200–100, Вади Ар-Ракбан 200–101, Вади Аль-Айния 200–104, Кария 200–105; *32–37* – Хайбар 204–122, 204–132, 204–133, 200–138, 202–12, 202–58; *38–40* – Хайбар 205–45, 205–56, 205–61; *41* – Махд-эд-Дахаб 210–49; *42–47* – Уакир 210–49, Турба 210–76, 210–74, 210–75, 210–77, 210–78; *48–50* – Золом 211–23, 211–24, 211–25; *51, 52* – Сафра Хакиль (Ад-Дауадими) 206–60Д, 206–77; *53–58* – Зарма 207–41, 207–44, 207–48, 207–49, 207–64А-В, *59–75* – Эр-Рияд 207–47, 207–72, 207–74, 207–82, 207–84, 207–88, 207–90, 207–92, 207–95, 207–97, 207–98, 207–101, 207–103, 207–104, 207–111, 207–112, 207–120; *76* – Тамама; *77* – Эр-Рияд 207–102; *78, 79* – Солбух 207–38, 207–40?; *80–85* – Нофуд Ас-Схрр 206–36, 207–53, 207–55, 207–56, 207–61, 207–6; *86–105* – Вади эд-Дауасер 212–55, 212–37, Айн Аль-Хайси 212–34, Аль-Хумасин 211–4А-В, 211–10А, 211–17, 211–19, 211–21, 211–24, 211–12, 211–5, 211–5А, 211–7, 212–5, 212–27, 212–28, 212–14, 212–40, 212–44А-В; *106–111* – Вади Татлит 217–149, 217–159, 217–162,

217–163, 217–151; *112, 113* – Ас-Сауда 217–135, 217–136; *114, 115* – Джурф-аль-Ассран 217–131, 217–132; *116–121* – Бийр Хама 217–19, 217–20, 217–22, 217–29, 217–33А, 217–35А; *122–124* – Нура 217–85, Вади Ас-Сахба 217–99, Аль-Хасин 217–101; *125, 126* – Атир (Аль-Хусейния) 217–174, 217–175; *127, 128* – Аль-Муассам 217–181, 217–182; *129* – Ас-Салиф; *130* – Сурдод; *131* – Аль-Ходейда; *132–135* – Кариф Ас-Сиджи, Аль-Хажара Аль-Габра, Аль-Кахва Аль-Хамра, Аль-Хаушабихем; *136–139* – Вади Аль-Айш, Джабал Шайб, Вади Ат-Тайла; *140–144* – Аль-Мусальхакат, Джабал Аль-Джафрин, Аль-Джабал Аль-Мохрок, Вади Рабиа, Аль-Хамасат; *145, 146* – Наджран 217–57, 217–59; *147–150* – Джахм, Аль-Хугайла Аль-Хамра, Аль-Джидфера, Мариб; *151, 152* – Рамлат-эс-Сабъатейн I, Рамлат-эс-Сабъатейн II; *153* – Хариб; *154–156* – Шаккат-эль-Харита A, B и C (17°12′С и 45°55′В); *157–159* – Аль-Мутабатихат 218–4, 218–5, 218–7; *160–161* – Джильда 218–6, Джильда (46°18′В и 18°48′С); *162* – Местонахождение № 13 (18°17′39″С и 47°06′58″В); *163* – Лагерь АРАМКО (48°В и 18°С); *164* – Лагерь АРАМКО G – 2554 (49°46′В и 18°18′С); *165* – Между Джильда (18°48′С и 46°18′В) и лагерем АРАМКО (48°В 18°С); *166* – Местонахождение № 6 (18°45′С 46°10′В); *167* – Местонахождение № 7 (17°20′30″С и 47°10′30″В); *168* – Без названия (18°40′С и 50°16′В); *169, 170* – Шарура (два местонахождения); *171* – Шеиб-аль-Фарша; *172–178* – Аль-Абр 1а, 1б, 1в, 1г, 1д, Аль-Абр 2, Аль-Абр 3; *179–183* – Тараф-аль-Айн 1, 2, 3, 4, 5; *184* – Аль-Уахд; *185* – Хошм-Румайд B (Шабва); *186, 187* – Аль-Кухайд C (Шабва), Хайд Аль-Джалиб Д и Е (Шабва); *188* – Аль-Габр; *189, 190* – Аль-Машхад, Ас-Сафа; *191* – Аснаб (Вади Сир); *192* – Аль-Исси (Масила); *193* – Джабал Шар; *194* – Харшат-аль-Мукалла; *195, 196* – Мукайнан 17 и 15; *197* – Нахрит; *198* – Хабарут 1а; *199–223* – Хабарут 1б, Хабарут 2, Мсабиг, Фугит 1, 2, 3, Вади Дихум, Шелемет 1, Вади Хурут 2, 4, Соввар, Шают (Кишн), Тейе, Хат, Заширин, Де Сам, Бал-Мундафен, Ашаби, Мшкельботен, Замр Ашаби, Хавариен, Бал Максайд, Де Кахл, Хбек (пещера); *224* – Вади Хбек; *225* – Рамлат-эс-Сахма; *226* – Мадрак; *227* – Без названия (19°35′С и 57°30′В); *228* – Шауайр; *229* – Галат; *230* – Ра'с аш-Шакалла; *231* – Ра'с Аль-Кабба; *232* – Ад-Дафа; *233–234* – Хор-Джарма 11, 12, 17; *235–242* – Шийя 15, 16, 17, Ра'с Шийя (14 – запад, 14 – восток) 2 памятника, Сур 1, 2, Би'р Бира?; *243–248* – Аш-Шаб, Мукалла, Финс 1, 2, 3, 4; *249–251* – Рас Аль-Хамра 4, 6, 10; *252* – Дибаб; *253–256* – Дагмар, Хар Милх 1, 2, Рас Абу Дауд; *257–263* – 7 местонахождений в районе Бандар Хауран; *264* – Аль-Айн; *265* – Мазъяд; *266* – Умм-ан-Нар?; *267* – Хайрат аль-Ул (17°30′С и 48°38′В); *268* – Оазис Вахд Джабрин; *269* – Эс-Салфах (49°42′В и 21°50′С); *270* – Джол-ас-Сахбан (50°10′В и 24°С); *271* – Джафуран-аль-Джибан (50°10′В и 24°20′С); *272–273* – Аль-Хафуф (два местонахождения); *274* – Айн-Каннас; *275–314* – Местонахождения в районе Айн-Дар; *315* – Ра'с Абурук; *316* – Ад-Да'аса; *317–321* – Шагра (5 местонахождений: 1 – с убейдской керамикой, 3 – относятся к культуре Д, 1 – к культуре В); *322–325* – Аль-Хор Д, М, P.P.P., P.B.R.; *326* – Аль-Уакра; *327–355* – Бийр Закрит, Плато Ара, Умм Така, Асила (36 и 36Н), Аль-Хамла (два местонахождения), Джулия, 10 местонахождений южнее Дохана, 6 местонахождений в районе Аль-Джубайджиб, 2 местонахождения в районе Умм Баб, Рас-Уайнат Али (два местонахождения), Ас-Сабаха (юго-восточнее Дохана), Аль-Абрака; *356, 357* – Аль-Уасил, Умм Сайд; *358* – Дираз; *359* – Аль-Марх; *360* – без названия; *361–391* – Местонахождения в оазисе Аль-Хаса (между Аль-Хафуф и Абу Хамис); *392* – Арма; *393, 394* – Аль-Мажма'а 207–5, 207–6; *395–398* – Биша (Аль-Хама) 211–58, Хушм Шахил (в Вади Раня) 211–77, 211–78, Ар-Разиза 211–68; *399* – Рафха; *400* – Аль-Мундафен

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирханов Х.А., 1992. Рец.: M.-L. Inizan. Prehistore a Qatar. Mission archaeologique francaise a Qatar. Edition Recherche sur les Civilisations. Paris, 1988 // РА. № 1.

Амирханов Х.А., 1997. Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры. М.

Рашид А.А., 1993а. О характере патины неолитических орудий из смешанных комплексов стоянок открытого типа Южной Аравии (по материалам района Аль-Абр) // РА. № 2.

Рашид А.А., 1993б. Неолит Южной Аравии (технико-типологический анализ каменного инвентаря). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Adams P. McC., Parr P.J., Muhammad Ibrahim Al-Mughannam, 1977. The Preliminary report on the First Phase of the Comprehensive Archaeological Surey Programm // Atlal. V. 1.

Biagi P., 1988. Survey along the Oman Coast Preliminary Report on the 1985–1988 Campaigns // East and West, IsMEO. V. 38. Nos. 1–4 (December).

De Maigret A., 1983. Activites of the Italian Archaeological Mission in the Yemen Arab Republic (1983 Campaign) // East and West. IsMEO. V. 33.

Di Mario F., 1986. The "Neolithic" in the Ramlat Sab'atayn Desert // East and West. IsMEO. V. 36.

Edens H., 1982. Towards a defiintion of the western ar-Rub al'Khali "Neolithic" // Atlal. V. 6.

Fedele F.G., 1984. Neolithic Period // East and West. IsMEO. V. 34. № 4.

Fedele F.G., 1988. North Yemen: The Neolithic in Yemen. Yemen 3000 years of Art and Civilisation in Arabia Felix. Innsburg; Frankfurt/Main.

Garcia M.A., Rachad M., 1990. Rapprot de mission a Saada. Releves d'art Rupestre et Decapager. Sana'a.

Gilomre M., Mohammed Al-Ibrahim, Abduljawwad S. Murad, 1982. Preliminary Report on the Northwestern and Northern Region Survey // Atlal. V. 6; Survey of the Riyadh Area // Atlal. V. 6.

Grigson C., Gowlett J.A.J., Zarins J., 1989. The Camel in Arabia – Direct Radiocarbon Date. Calibrated to about 7000 B.C. // Journ. of Archaeol. Science.

Inizan M-L., 1980. Sur les industries a lames de Qatar // Paleorient. V. 6.

Inizan M.-L., 1988. Prehistore a Qatar. Mission archaeologique francaise a Qatar // Edition recherche sur les Civilisations. Paris.

Inizan M.-L., 1990. L'industrie lithique taillee. Rapport de mission a Saada. Releves d'art Rupestre et Decapages, Sana'a.

Inizan M.-L., Ortlieb L., 1987. Prehistore dans la region de Shabwa au Yemen du Sud (R.D.P. Yemen) // Paleorient. V. 13/2.

Kapel H., 1967. Atlas of the Stone Age Cultures of Qatar // Jutland Archaeological Society Publication. V. VI.

Masry A., 1974. Prehistory in Northeastern Arabia: the Problem of Interregional Interaction. Field Research Projects. Miami.

McClure H., 1971. The Arabian Peninsula and Prehistoric Population // Miami Research Project. Study № 58. Miami.

Nayeem M.A., 1992. Bahrain Prehistory and Protohistory of the Arabian Peninsula. V. 2. Huderabad (India).

Parr P.J., Harding G.E., Davlon J.E., 1970. Preliminary Survey in N.-W. Arabia, 1968 // Bulletin of Institute of Archaeology. Nos. 8–9.

Parr P.J., Zarins J., Muhammad Ibrahim, Waechter J., Garrard P., Clark Ch., Bidmead M., Hamad al-Badr, 1978. Preliminary Report on the second phase of the Northern province Survey // Atlal. V. 2.

Tosi M.B., 1986. Survey and Excavation on the Coastal Plain (Tihamah) // East and West. IsMEO. V. 36. Nos. 4 (December).

Whalen N., Killick A., James N., Gamal Morsi, Mahmoud Kamal, 1981. Preliminary Report on the Western Province Survey // Atlal. V. 5.

Zarins J., Mohammad Ibrahim, Potts D., Edens Ch., 1979. The Preliminary Report on the Third Phase of CASP – the Central Province // Atlal. V. 3.

Zarins J., Whalen N., Mohammad Ibrahim, Abd Al-Jawad Murad, Majid Rhan, 1980. The Preliminary Report on the Central and South-Western Provinces Survey, 1974 // Atlal. V. 4.

Zarins J., Abd Al-Jawad Murad, Khalid S. Al-Yish, 1981. The Second Preliminary Report on the South-Western Province // Atlal. V. 5.

Investigations of the Neolithic on the Arab Peninsula: Present State and the Problems

A. R. Al-Ma'mari

Summary

In the article present state of investigations of the Neolithic cultures on the Arab peninsula is considered. The author presents a review of the main discoveries beginning from the 70-s, as well as the analysis of the general problems in studies in Arabian Neolithic. The contributions made by Russian, Italian and other expeditions in this field are discussed in details.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 15–26

ДРЕВНИЕ БРОНЗЫ ЛЕВАНТА

© 2001 г. Л. И. Авилова

Институт археологии РАН, Москва

Данная работа продолжает цикл исследований Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП), ведущихся в лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН (Авилова Л.И., Черных Е.Н., 1989; Chernykh E.N. et al., 1991; Авилова Л.И., 1996; Авилова Л.И. и др., 1999). Автор ставит задачу охарактеризовать древнее металлургическое производство на территории Леванта с тех же позиций, что и иные регионы южной зоны ЦМП, установить закономерности развития металлургии на фоне экономического и культурного развития региона.

Географический термин "Левант" подразумевает восточное побережье Средиземного моря и включает на севере Сирию с долиной Оронта, Финикию в центре и Палестину с долиной Иордана на юге. Историческое развитие региона определялось такими факторами, как его нахождение в Средиземноморской географической зоне, пересечение здесь путей межконтинентальных контактов и его положение на границе пустыни и плодородных земель. Левант является западной частью "полумесяца плодородных земель", здесь, в весьма разнообразных и благоприятных для земледелия условиях, возникли и развивались древнейшие цивилизации с экономикой производящего типа. Аридные районы были пригодны для скотоводства. Регион функционировал как важный путь обмена и торговли, в изобилии имелись лес и камень, отсутствовавшие в Месопотамии. Население Леванта с IV–III тыс. до н.э. составляли западносемитские народы.

В эпоху неолита в Финикии (Угарит 5) была распространена местная левантская культура с темной лощеной керамикой, известная вплоть до Киликии (Мерсин), следы проникновения позднеолитических земледельцев и скотоводов из Месопотамии в эпоху Халафа имеются в Угарите 4. Новые волны переселенцев из Северной Месопотамии пришли в долине Оронта в период Убейда, под их влиянием сформировался местный стиль амук-убейдской керамики. Период раннего бронзового века (РБВ) характеризуется неорнаментированной керамикой, напоминающей урукскую, а в период среднего бронзового века (СБВ) – хирбет-кераксой керамикой (ЕВА III).

В Палестине осваивались прибрежная равнина и долина Иордана с многочисленными пещерами. Керамический неолит Иерихона 9 сменяется культурами Гхассул и Беершева (поздний Убейд – Урук). Период раннего бронзового века характеризуется появлением серой керамики без росписи и укрепленными поселениями городского типа с храмами – Иерихон 7, Мегиддо 19, Аи 1. Известны коллективные погребения в пещерах, на севере – в оссуариях. Традиция коллективных пещерных захоронений, типичная для Средиземноморского побережья, длительна и зафиксирована в Библии.

Древняя история региона отражена также в многочисленных письменных источниках – как в местных (важнейший из которых – Библия – отражает реалии протяженного периода начиная со II тыс. до н.э. и до начала I тыс. н.э., т.е. бронзового и железного веков), так и иноземных, в частности египетских. Поэтому для хронологии региона важна именно эта линия сихронизации. В целом хронологические рамки работы отражены в табл. 1, составленной на основе хронологических изысканий М. Дюнана (Dunand M., 1950), классических работ по археологии Палестины, Сирии и Египта П. Монте (Montet P., 1928–1929) и У. Олбрайта (Albright W.F., 1965), замечательной статьи Дж. Меллаарта (Mellaart J., 1979) и новейших обобщений материалов Хамы (Thuesen I., 1988).

Компьютерная база данных. Металлические изделия представляют собой благодарный материал для статистических выкладок: они численно представительны, но количество их обозримо; морфологическое разнообразие их велико, но не бесконечно; таким образом, практически каждый тип достаточно репрезентативен. Методика исследования основана на анализе компьютерной базы данных по металлическим находкам и негативам на литейных формах. Характеризуя созданную для данного региона базу данных, замечу, что ее структура, как и морфологические и хронологические принципы работы, не изменились по сравнению с другими регионами ЦМП – Анатолией и Месопотамией (Авилова Л.И., 1996), поэтому ее подробного описания здесь не приводится. Сборы материала осуществлялись на основе литературы. Ставилась задача по возможности полного учета материалов, что обусловлено меньшей степенью исследованности всей территории (в отличие от Месопотамии), малым числом хорошо стратифицированных памятников и пограничным

Таблица 1. Хронологическое членение основных памятников Леванта

Месопотамия	Палестина	Хама	Библ	Угарит	Амук	Анатолия	Египет	Периоды
Периоды		слои					2 перех. 15–17 д.	ПБВ 1800/1700 до н.э.
			IX		L	Троя VI	Гиксосы 14 д.	
Хаммурапи							Среднее 13 д.	
Исин-Ларса			VIII		K		царство 12 д.	
Ур 3 дин.	МВА		VII	III A3		Кюльтепе	1 перех. 7–11 д.	
Аккад	EBA/MBA	J		III A2	J	Арслан. VIID	6 д.	
	EBA 3				I		Древнее	
РД 3		K 1–4		III A1	H	Аладжа RC	5 д.	
							царство	
РД 2	EBA 2	K 5–7			G	Троя III	4 д.	СБВ
РД 1	EBA 1		VI	хиатус		Троя II	3 д.	2700/2500 до н.э.
Джемдет Наср	Late	K 8–9	V	III B	F	Троя I	Архаич. 2 д.	
	Chalcolithic						период 1 д.	
	(Ghassul-	K 10	IV			Арслан. VIA		РБВ
Урук	Beersheba)	L 1	III			Арслан. VII	Gerzean	3700/3500 др н.э.
Убейд 4		L 2	II	III C	E	Бейдж. 28–24	Amratian	
Убейд 3	Chalcolithic	L 3A						
Убейд 2				IV A				
Убейд 1				IV B	D			МВ

положением Леванта на стыке Западной Азии и Египта.

Удалось в той или иной степени учесть материалы 68 памятников (рис. 1; табл. 2). Представлены различные эпохи, хотя и весьма неравномерно. Всего учтено 6065 находок по четырем периодам: МВ (медный век, или энеолит), РБВ, СБВ, ПБВ (поздний бронзовый век). К энеолиту относятся четыре находки из Амука и Хамы. Материалы РБВ происходят из девяти памятников, относящихся к культурам Гхассул и Беершева. Общее число находок в РБВ – 690.

Наиболее богатые материалы датируются СБВ – 4754 находки, происходящие из 57 памятников. Подчеркну, что представительность памятников резко различна, основная масса находок происходит из Библа. Он издан полностью, хотя стратиграфия его изучена далеко не столь детально, как хотелось бы. Другие коллекции гораздо менее многочисленны – от 268 предметов и менее.

Материалы ПБВ представлены на 13 памятниках, их значительно меньше – 617 находок, т.е. приблизительно столько, сколько и в РБВ.

Очевидно, что представительность коллекций различных периодов неодинакова: она явно мала для энеолита, достаточна для РБВ и ПБВ и весьма велика для СБВ. Соответственно и характеристики трех последних периодов можно считать более обоснованными, что согласуется с хронологическими рамками существования ЦМП – периодами ранней и средней бронзы.

В целом динамика распределения находок металлических изделий и их негативов на литейных формах представляет знакомую по иным регионам ЦМП картину: единичные мелкие предметы, безусловно датируемые МВ, заметный рост их числа в РБВ, резкий количественный взлет в СБВ и падение в ПБВ.

Металлы. В базе данных представлены находки из меди/бронзы (подавляющее большинство), а также из иных металлов – золота, серебра и свинца. Картина их распределения отражена в табл. 2 и 3. Анализируя приведенные данные, отмечу, что уже в РБВ имеются изделия из драгоценных металлов – золота и серебра, причем они не единичны. Значительная серия серебряных предметов найдена в могильнике Библа (151 находка). Это небольшие украшения, в основном кольца-серьги в 1–1,5 оборота. Там же найдено 10 золотых украшений. Значительная для данного периода концентрация изделий из драгоценных металлов напоминает синхронные погребальные комплексы более отдаленных территорий: убейдский некрополь Гавры IX–XI и курганы Майкопа.

Таблица 2. Количество находок и анализов, учтенных по памятникам Леванта

Памятник	Всего находок	МВ	РБВ	СБВ	ПБВ	Кол-во ан.
Амук	66	3	7	56		
Хама	19	1				
Нахаль Мишмар	406		406			63
Абу Матар	16		16			16
Шикмим	14		14			8
Телейлат Гхассул	11		11			1
Нахаль Кана	8		8			
Месер	5		5			
Нахаль Шеелим	2		2			
Библ	4210		218	3843	149	
Гезер	371			268	103	1
Угарит	253			139	114	10
Лахиш	140			27	113	18
Газа	115			45	70	23
Гибеон	85			85		8
Мегиддо	76			43	33	6
Иерихон	59			59		39
Телль Фара	21			4	17	1
Кафер Джарра	11			11		
Рувейзе	10			10		
Аскалон	8			8		6
Бет Шан	8			5	3	2
Айн эс-Самие	7			7		3
Бет Шемеш	7			4	3	1
Телль эль Хези	7			5	2	
Ябруд	6			6		
39 пам-ков с 1–5 нах.	78			69	9	30
сл. нах.	7			6	1	5
Всего	6065	4	690	4754	617	285

Таблица 3. Находки золота, серебра и свинца на памятниках Леванта

Памятник	МВ	РБВ			СБВ			ПБВ		
	Pb	Au	Ag	Pb	Au	Ag	Pb	Au	Ag	Pb
Амук	1				1		2			
Нахаль Кана		8								
Библ		10	151		812	122	6	5	1	2
Угарит						2		1	1	
Гибеон					1					
Гезер								8	9	
Лахиш								8	4	

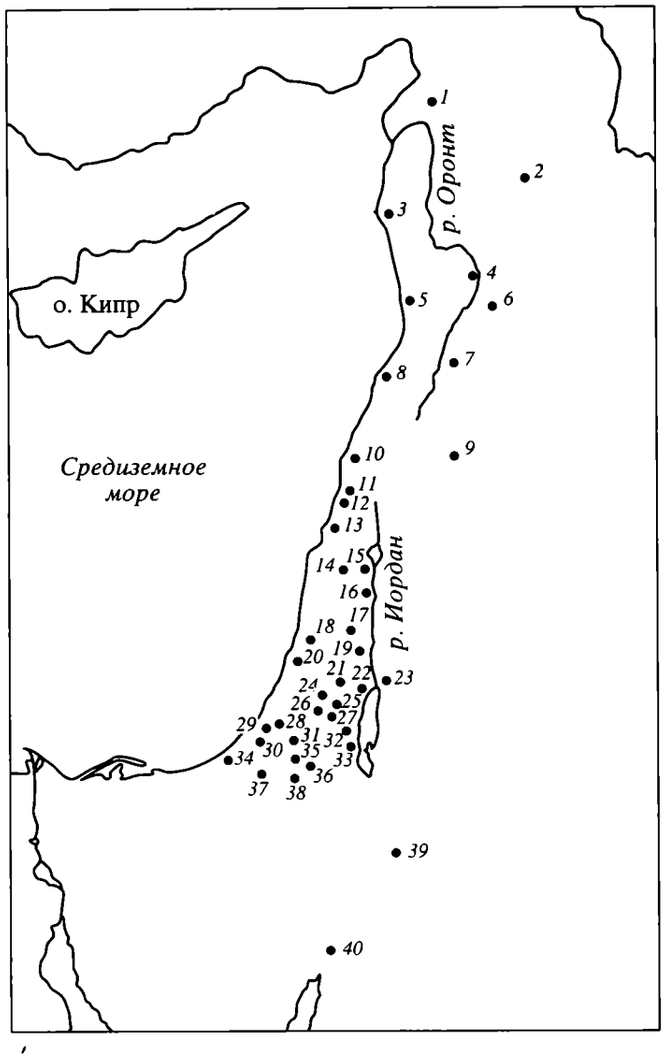

Рис. 1. Левант. Памятники эпохи бронзового века.
1 – Амук; *2* – Эбла (Телль Мардих); *3* – Угарит (Рас Шамра); *4* – Хама; *5* – Амрит; *6* – Катна; *7* – Телль эт-Тин; *8* – Библ; *9* – Ябруд; *10* – Бейрут; *11* – Рувейзе; *12* – Кафер Джарра; *13* – Нахария; *14* – Мегиддо; *15* – Кфар Шолд (Гиносар); *16* – Бет Шан; *17* – Телль Фара; *18* – Нахаль Кана; *19* – Айн эс-Самие; *20* – Афек (Рас эль Айн); *21* – Гибеон (Телль эль-Джиб); *22* – Иерихон (Телль эс-Султан); *23* – Телейлат Гхассул; *24* – Моза; *25* – Вади эт-Тин; *26* – Лахиш (Телль эд-Дувейр); *27* – Хирбет Куфин; *28* – Гезер; *29* – Ашдод; *30* – Аскалон; *31* – Бет Шемеш; *32* – Нахаль Мишмар; *33* – Нахаль Шеелим; *34* – Газа (Телль Аджжуль); *35* – Абу Матар; *36* – Шикмим; *37* – Телль эль Хези; *38* – Телль Бейт Мирсим; *39* – Вади Фейнан; *40* – Вади Тимна.

Однако в Библе количественно абсолютно преобладает серебро, а художественный уровень изделий невысок. Замечателен комплекс пещерного могильника Нахаль Кана – восемь золотых массивных колец (массой 120–130 г), представляющих собой стандартные слитки драгоценного металла без следов обработки. Подобные случаи для столь раннего времени неизвестны.

Скачкообразный рост общего числа металлических предметов в эпоху СБВ (4754) сопровождается ростом количества изделий из золота. Их насчитывается всего 814, почти все из Библа. Налицо разница в характере памятников. Основная масса находок обнаружена в храмовых комплексах и кладах при храмах Библа времен расцвета (12-я династия). Находка из Гибеона происходит из рядового могильника времени ЕВА III. Интересно, что по сравнению с РБВ роста числа серебряных предметов не происходит, их даже несколько меньше – 124. Драгоценные предметы найдены всего в четырех памятниках. Употребляется и свинец, имеется шесть находок, пять из них – довольно крупные и правильные пластины, служившие, видимо, формой хранения металла.

Репертуар изделий значительно обогащается. Основную массу по-прежнему составляют украшения (759 золотых и 96 серебряных), среди них появляются разнообразные бусы, булавки (в основном так называемые типа Библа – с удлиненной каплевидной головкой и отверстием в верхней трети стержня), а также браслеты, подвески, гривны. Имеются немногочисленные сосуды из драгоценных металлов (один золотой и три серебряных) из храмовых сокровищ Библа.

Наиболее многозначительно появление в этот период заметной группы предметов культового назначения из золота и серебра (50 и 18 соответственно). В основном это антропо- и зооморфные статуэтки, иногда миниатюрные, в виде подвесок, а также интереснейший комплекс храмовых сокровищ из Библа времени 12-й династии. Он состоит из 11 золотых и 1 серебряного (типа fensteraxe) топоров, многие из которых украшены высокохудожественными изображениями животных, в основном сцен охоты, и имеют на рукоятях обкладки со сложным орнаментом. Там же найден золотой кинжал с орнаментированными обкладками ножен (Dunand M., 1950, pl. CXVIII–CXXI). По своему составу и уровню исполнения изделий эти комплексы напоминают сокровища из царского некрополя Ура периода РД III (Woolley C.L., 1934). Среди храмовых сокровищ отмечается еще одна специфическая группа находок – "диски" (по терминологии автора раскопок), изготовленные из золота и серебра (6 и 12 соответственно) (Dunand M., 1950, pl. CXXII). Это близкая аналогия так называемым кастаньетам из царских могил Аладжи, среди которых также известны золотые (гробница *K*) и серебряные (гробница *H*) (Koşay H.Z., 1951, pl. CXXVI, CLXXXV), хотя анатолийские и месопотамские аналогии более ранние.

В период ПБВ предметы из драгоценных металлов немногочисленны (22 из золота и 15 из серебра), что согласуется с резким уменьшением общей массы находок. Они происходят из четырех памятников, давших крупные коллекции, – Гезер, Библ, Лахиш, Угарит, и все без исключения относятся к классу украшений.

Итак, по поводу распространенности драгоценных металлов на территории Леванта можно

Таблица 4. Распределение находок из Леванта по функциональным классам

Период	Памятник	Всего находок	Классы								
			1	2	3	4	5	6	7	8	0
МВ	Амук	3	2								1
	Хама	1	1								
РБВ	Нахаль Мишмар	406	270				5	131			
	Библ	218	45	167							6
	Абу Матар	16	5	8				2			1
	Шикмим	14	12	1				1			
	Телейлат Гхассул	11	11								
	Нахаль Кана	8							8		
	Амук	7	6	1							
	Месер	5	5								
	Хама	3	3								
	Нахаль Шеелим	2	2								
	Всего:	690	359	177			5	134	8		7
СБВ	Библ	3843	650	1759			22	1181	22	90	119
	Гезер	268	189	73	2		1	1			2
	Угарит	139	40	62				37			
	Гибеон	85	38	47							
	Иерихон	59	53	6							
	Амук	56	24	24				6			2
	Газа	45	45								
	Мегиддо	43	37	6							
	Лахиш	27	26								1
	Даба	26	26								
	Хама	15	12	3							
	Кафер Джарра	11	11								
	Рувейзе	10	9					1			
	Аскалон	8	8								
	Айн эс-Самие	7	7								
	Серрин	7	7								
	Ябруд	6	6								
	Энан	6	6								
	40 пам-ков с 1–5 нах.	87	87								
	сл. н.	7	7								
	Всего:	4754	1289	1980	2		23	1226	22	90	122
ПБВ	Библ	149	31	70				36		12	
	Угарит	114	100	10	1		2				1
	Лахиш	113	46	65			1	1			
	Гезер	103	44	47		1	6			5	
	Газа	70	59	11							
	Мегиддо	33	31	2							
	Телль Фара	17	6	11							
	3 пам-ка с 1–3 нах.	17	17								
	сл. н.	1	1								
	Всего:	617	335	216	1	1	9	37		17	1

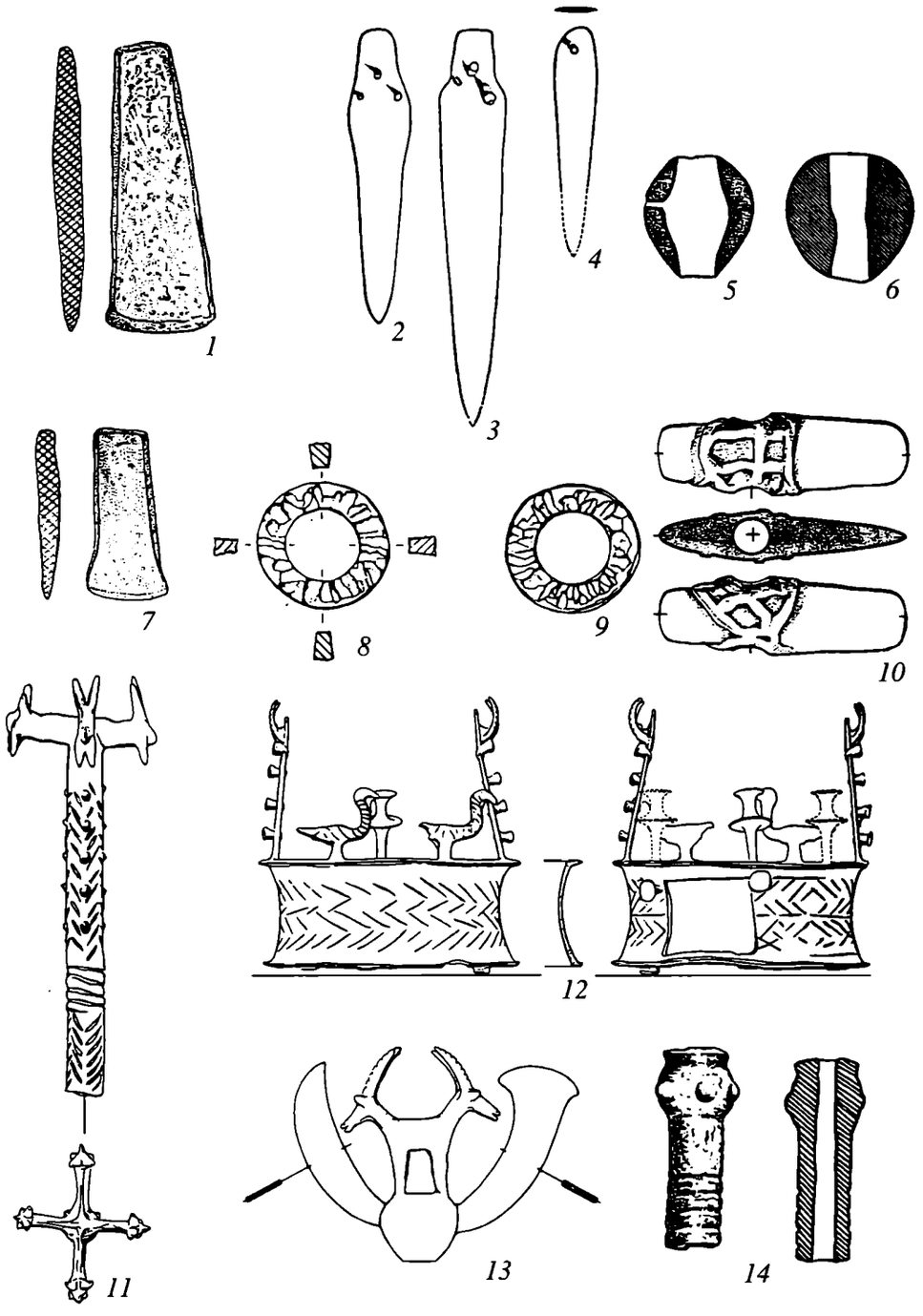

Рис. 2. Металлические изделия эпохи позднего халколита – раннего бронзового века. *1, 7* – Шикмим (по Леви); *2–4* – Библ, могильник (по Дюнану); *5, 6, 10–13* – Нахаль Мишмар, клад (по Бар Адону); *8, 9* – Нахаль Кана (по Гоферу); *14* – Абу Матар (по Перро) (*8, 9* – золото, остальное – медь-бронза).

заключить, что они были известны и достаточно широко распространены (причем преобладало серебро) уже в период РБВ в качестве погребального инвентаря. В СБВ число таких изделий растет, хотя и не слишком резко, количественно преобладает золото, основную массу составляют украшения, появляются и специфические группы предметов культового назначения. Особенность данного периода – храмовые сокровища из драгоценных предметов. Подчеркну, что число драгоценных находок в это время не идет ни в какое сравнение с тем, что известно в Анатолии и Месопотамии, где именно они составляют огромное большинство материала.

Статистика функциональных классов находок. Следует рассмотреть, как представлены в различные хронологические периоды выделяемые для всего массива материала девять функциональных классов (табл. 4): 1 – орудия и оружие, 2 – украшения и детали костюма, 3 – защитный доспех, 4 – конское снаряжение, 5 – металлические сосуды, 6 – предметы культового назначения, 7 – слитки металла, 8 – литейные формы, 0 – предметы неопределенного назначения и обломки.

Из четырех находок времени МВ три принадлежат к классу орудий (два шила и рыболовный крючок). Этим же временем датируется и свинцовый стержень из Амука (1-й смешанный слой).

Для РБВ (рис. 2) можно отметить следующие особенности распределения материала по функциональному назначению. Орудия/оружие составляют половину всех находок. Имеется ряд памятников, где вся небольшая коллекция металлических изделий представлена исключительно предметами 1-го класса: Телейлат Гхассул, Месер, Хама. Доля украшений менее заметна (около 26%), особенно многочисленны они в могильнике Библа 2–3, где составляют основную массу находок. Это один из наиболее ранних и представительных металлосодержащих комплексов. Здесь найдено 41 медно-бронзовое изделие, в основном довольно массивные ножи-кинжалы с продольным ребром жесткости и отверстиями для заклепок. По мнению Г. Чайлда, они свидетельствуют о существовании в середине IV тыс. до н.э. на севере Ханаана местной школы металлургии достаточно высокого уровня, с традициями, отличными от месопотамских и египетских (Чайлд Г., 1956, с. 334). Ж. Перро считал возможными контакты местных мастеров с металлургическими и металлообрабатывающими центрами Кавказа (в частности, Армении) (Perrot J., 1961, p. 32).

В целом репертуар металлических изделий РБВ разнообразен: наличествуют предметы шести классов, что необычно для данного периода. Это происходит за счет двух памятников в пустыне Негев – Нахаль Кана и Нахаль Мишмар. В первом могильнике это золотые слитки, а второй вообще уникален по составу и морфологии находок. Этот богатейший клад был обнаружен в 1961 г. в одной из пещер Иудейской пустыни. Он состоит в основном из парадного оружия и вещей с выраженными социальными и культовыми функциями. Достаточно сказать, что в клад из 416 металлических предметов входят: 251 булава, 115 наверший ("скипетров") разнообразных форм, 10 диадем ("корон"), 19 тесел, 6 втульчатых топоров необычных форм, 5 сосудов (Bar-Adon P., 1971). Формы многих вещей необычайно сложные, даже вычурные, сделаны они способом отливки по восковой модели технически на высоком уровне и составляют в целом изолированную группу. Тем не менее подобные вещи, хотя и единичные, имеются и на других памятниках, в бесспорном археологическом контексте, так что нельзя утверждать, что Нахаль Мишмар является чем-то совершенно чуждым остальной территории Палестины. Укажу на подобные, но более грубые навершия-скипетры из поселений Шикмим (1 экз.) (Shalev S., Northover J.P., 1987, p. 358, pl. 14.5, *5*) и Абу Матар (2 экз.) (Perrot J., 1955, fig. 23, 24). Естественно, что необычный морфологически и представительный количественно клад дает резкое перераспределение находок РБВ в сторону культовых предметов (19%).

К периоду СБВ (рис. 3) относится значительный массив металлических находок – 4754 изделия (включая и негативы на литейных формах). Представлены восемь из девяти функциональных классов, хотя крайне неравномерно (так, класс защитного доспеха представлен всего двумя бронзовыми пластинами панциря из Гезера). Основными по численности являются три класса: орудий/оружия, украшений и культовых предметов. Остановлюсь на них подробнее.

Орудия и оружие (1289 предметов) составляют около 27% материала. Естественно, наиболее представительная серия происходит из Библа. Но в нем доля находок 1-го класса значительно ниже общей по периоду – 17%, что происходит за счет большого количества предметов иных классов, прежде всего украшений и культовых вещей. Наоборот, существуют памятники, где 1-й класс преобладает, – Гезер, Мегиддо, Иерихон.

Украшения наиболее многочисленны, их насчитывается 1980 экз., или 41,5%. Подавляющее большинство происходит из Библа – 1759 предметов, среди них большинство бус (1341), довольно много булавок (155), браслетов (71, из них 55 золотых из храмового клада), колец-серег в 1–1,5 оборота (59 экз.) и др. Морфологически среди бус преобладают биконические, много округлых, а среди булавок подавляющее большинство "типа Библа".

Но наиболее неожиданна необычайно высокая доля культовых предметов (1226, или 25%), огромная масса которых также найдена в Библе, – 1181. Это почти исключительно статуэтки: антропоморфные (1101) и зооморфные (53). Подавляющее большинство их найдено в составе кладов на территории храмов, обычно в больших специальных сосудах вместе с другими предметами – оружием, украшениями. Количество статуэток в одном кладе может варьировать от 10 до 250. Это в основном литые фигурки до 15 см высотой, представляющие стоящего мужчину (часто половые признаки отсутствуют, и пол определяется по аналогии с другими аналогичными статуэтками), одна рука опущена, другая вытянута вперед и вверх. Встречаются тщательно изготовленные экземпляры, держащие в вытянутой руке оружие – копье, топор на длинной рукояти, кинжал (рис. 3, *11*). Чаще всего обозначен высокий конический головной убор, напоминающий корону Южного Египта, а также одежда в виде набедренной повязки, также египетского типа (Dunand M., 1950, p. 250, pl. LXI; p. 307, pl. LXIII; p. 349, pl. LXXII). Кроме литых довольно часты подобные фигурки, но плоские, вырезанные из листа металла, сделанные гораздо более небрежно (Dunand M., 1950, pl. CXXVII) (рис. 3, *13*). Перед нами явно один и тот же персонаж; М. Дюнан назы-

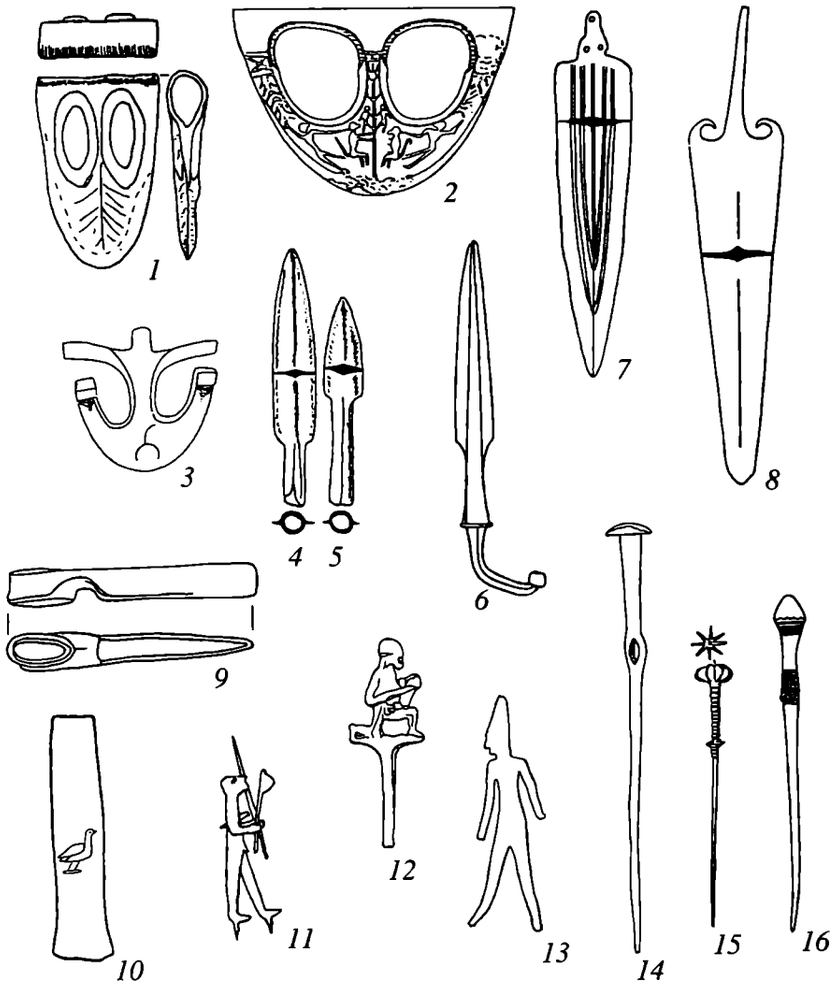

Рис. 3. Металлические изделия эпохи среднего бронзового века.
1 – Айн эс-Самие (по Герстенблит); *2, 3, 10–13* – Библ (по Дюнану); *4, 5, 7* – Мегиддо (по Герстенблит); *6* – Угарит (по Шефферу); *8* – Мегиддо (по Хеннеси); *9* – Моза (по Герстенблит); *14–16* – Библ (по Шефферу).

вает его Rechef по аналогии с позднейшим божеством финикиян, имя это хорошо известно по финикийским надписям периода поздней бронзы и железного века. Нахождение таких фигурок в храмах Библа периода расцвета связей с Египтом, существования в городе мощной египетской торговой фактории и широкого распространения египетских культов вполне логично. Достаточно указать на "храм обелисков" – типично египетское святилище.

Зооморфные статуэтки далеко не столь многочисленны, почти все они представляют собой изображения четвероногих, иногда опознается бык (корова), есть несколько фигурок птиц. Кроме того, в класс культовых предметов входят упоминавшиеся "диски" (или "кастаньеты") из драгоценных металлов, а также парадное оружие из того же материала.

Необычайно большое количество предметов, явно связанных с религиозным культом, объясняется тем, что мы в данном случае столкнулись с полностью раскопанной серией построек несомненно религиозного назначения, последовательно функционировавших на специально отведенной площади. Характер культа, безусловно, был тесно связан или даже заимствован из Египта, т.е. был развитым, стабильным во времени и требовал церемоний, связанных с реалистическими изображениями человека и животных. В храмах существовали и сокровищницы для хранения ценных изделий из бронзы и драгоценных металлов.

В Библии подробно описываются все принадлежности Скинии Завета времен Моисея, изготовленные из меди (Исх. XXVII). Приводятся также описания утвари более позднего Соломонова храма: два медных столба, медное "море" – огромный сосуд для омовений жрецов (Исх. XXX, 18; III Цар. VII, 15). Там имелись также золотые сосуды (Исх. XXXVI, 34, 38; III Цар. VII, 48–50), 200 больших щитов и 300 малых из кованого золота (III Цар. X, 16, 17). Хотя эти сведения относятся к эпохе поздней бронзы и даже железного века, тем не менее они дают понятие о количестве и разнообразии культовых предметов. Для затронутой темы об антропо- и зооморфных изображениях интересно и упоминание о языческих (неиудейских) медных идолах (Дан. V, 4), медном

Таблица 5. Химический состав металла в Леванте

Период	Кол-во ан.	Cu	Cu + As	Cu + As + Sb	Cu + Sb	Cu + As + Pb	Cu + Sn	Cu + Sn + As	Cu + Sn + Pb
РБВ	90/100	35/39	19/21	32/35	1/1	2/2	1/1		
СБВ	189/100	39/30	71/38			4/2	38/20	21/11	16/8
ПБВ	6/100	1	2				2	1	

Примечание. Числитель дроби – количество находок, знаменатель – процент от выборки.

змие (Числ XXI, 9), золотом тельце (Исх. XXXII, 4), золотых изображениях мышей, изготовленных филистимлянами (I Цар. V, 18).

Среди культовых предметов особо следует отметить замечательный клад из Угарита, состоящий из 34 миниатюрных моделей оружия и орудий. Это литые модельки боевых топоров типа fensteraxe, втульчатых копий, есть несколько ножей и даже два тесла. Все предметы около 3–4 см в длину (Schaeffer C.F.A., 1949, p. 63, fig. 25).

Ко времени СБВ относится довольно большая коллекция литейных форм из Библа, в основном каменных. На них обнаружено 90 негативов различных предметов. К 1-му классу относятся 34 негатива, среди них 7 втульчатых топоров (типа fensteraxe, одного из наиболее популярных в Леванте), 19 тесел, 2 двулезвийных ножа, 2 долота, даже игла и наконечник стрелы. Класс украшений также представлен широко: имеется 49 негативов, в частности 28 биконических бусин, 13 блях, 4 подвески и 4 медальона. Негативов культовых предметов шесть – по три антропо- и зооморфных статуэтки. Неопределимым оказался единственный негатив. Как видим, репертуар негативов на литейных формах довольно точно отражает функциональное распределение готовых металлических вещей.

Среди огромной коллекции из Библа имеются редкие находки – 22 металлических, 18 бронзовых и 4 серебряных слитка. Все они близких размеров и стандартной формы – стержневидные, плоско-выпуклые. Уже упоминались и пять свинцовых пластин, которые также возможно считать формой хранения металла, тем не менее они отнесены к 0-му классу неопределенных предметов.

В ПБВ также представлено восемь из девяти классов, разница в том, что слитков в этом периоде не найдено, но имеется единичная находка предмета из класса конского снаряжения – часть удил.

Класс орудий/оружия составляет более половины всего материала (335 из 617), причем самые крупные коллекции происходят из Угарита и Газы. Доля украшений снижается, составляя менее 30%, основная масса их происходит из Библа и могильника Гезера. Ведущей категорией становятся булавки и браслеты, число бус падает. Класс культовых предметов составляет 6% материала, это почти исключительно статуэтки из Библа, причем две из них – свинцовые рога, принадлежавшие, видимо, фигурке быка. Известны коллекции литейных форм – 12 негативов из Библа и 5 из поселения Гезер. Преобладают негативы украшений (11), орудий всего 3, имеется также 2 негатива зооморфных статуэток.

Динамика распределения материала по функциональным классам может быть вкратце охарактеризована следующим образом. В РБВ более половины составляют изделия 1-го класса, показатель украшений – менее трети, особенностью является большая доля культовых предметов. В СБВ украшения выходят на первое место, а на втором оказывается 6-й класс, оттеснив группу орудий/оружия. В ПБВ картина очень близка распределению в РБВ. Характерная черта региона на всем протяжении эпохи бронзы и в особенности в СБВ – значительное количество культовых предметов.

Химический состав левантинского цветного металла изучен неравномерно. Находки из ряда ключевых памятников анализу практически не подвергались (Гезер, Библ). В базе данных имеется 285 спектральных анализов медно-бронзовых изделий (табл. 5).

Период РБВ представлен крупной серией из 90 анализов. Доля чистой меди составляет 38%. Довольно высока доля мышьяковой бронзы – 21%, при этом девять образцов этой группы отличаются высоким содержанием никеля (до 8,6%). Такой сплав хорошо известен в Месопотамии и Сузиане периода РБВ. Характерная черта раннебронзовой металлургии Леванта – большое количество мышьяково-сурьмяных сплавов, как тройных Cu+As+Sb, так и двухкомпонентных – меди с сурьмой. В целом высокосурьмяных образцов 33 или 37%, причем представлены они в Нахаль Мишмаре и еще в двух территориально близких памятниках (Shalev S., Northover J.P., 1987, p. 357–371). Имеется также тройной сплав Cu+As+Pb (два образца). Употребление олова отмечено всего один раз – это тесло из верхнего (4-го) слоя Телейлат Гхассула. В целом облик раннебронзовой металлургии Леванта весьма своеобразен и даже уникален.

Поскольку основную массу анализов для периода РБВ составляют предметы из Нахаль Мишмара (63 анализа), следует остановиться на этом памятнике несколько подробнее: именно он определяет облик металлургии данного периода. По

составу металл клада подразделяется на четыре химические группы: 1-я группа – металлургически чистая медь (12 ан.); 2-я – сплав с высоким содержанием сурьмы и мышьяка (30 ан.); 3-я – сплав с высоким содержанием никеля и мышьяка (9 ан.); 4-я – мышьяковая бронза (12 ан.).

В группе 2 содержание сурьмы колеблется от 1 до 25%, а мышьяка – от 0.4 до 15%. Это редчайший сплав на всем Ближнем Востоке для периода РБВ. Кроме Палестины он встречен еще в Сузах, где отмечены церемониальные навершия, сделанные из схожего сплава (Tallon F., 1982).

Зафиксирована зависимость состава металла от функции предмета. Так, орудия чаще отливали из меди, а культовые, престижные предметы – из сурьмяно-мышьякового сплава. Возможно, что металл для изготовления разных групп предметов мог поступать из различных центров или же вещи не одновременны (Tadmor M. et al., 1995, p. 136). Есть точка зрения, согласно которой все предметы изготовлены из местных руд Фейнана (Moorey P.R.S., 1988, p. 171–189). Это предположение опирается на стилистику вещей, их связь с местными культурами. Однако с технологической точки зрения столь чистая медь и столь обогащенные сплавы не могут быть получены в одном центре, из одной руды, вне зависимости от того, идут ли примеси от руды, лома металла или тиглей (Tadmor M. et al., 1995, p. 137). Чистая медь скорее всего происходит из Фейнана, где зафиксировано очень низкое содержание примесей в шлаках (Hauptmann A. et al., 1992). Как бы то ни было, следует подчеркнуть, что даже при наличии столь территориально близкого, богатого и интенсивно эксплуатировавшегося рудного района, как Фейнан, существовали сложные и, судя по всему, отдаленные контакты в области металлургии и торговли металлом, которые развивались в период РБВ в рамках сложения обществ раннегосударственного типа. Я не буду останавливаться на возможных источниках особенностей левантинской металлургии и ее соотношении с соседними территориями, так как эти сведения вошли в другую публикацию (Авилова Л.И. и др., 1999).

В СБВ картина резко меняется. Число анализов, находящихся в моем распоряжении, – 189. Ведущее место теперь принадлежит классической мышьяковой бронзе (39%), одинаково часто встречаются чистая медь и оловянная бронза (20%). Существуют и тройные сплавы с оловом: Cu+Sn+As и Cu+Sn+Pb. Таким образом, олово распространилось очень широко и полностью вытеснило сурьмяные сплавы. Налицо рецептура сплавов, типичная для соседних регионов ЦМП в эпоху СБВ. Логично предположить, что в этот период произошла переориентация производственных связей, стали использоваться какие-то иные источники металла.

Число анализов для ПБВ очень мало, но все же есть основания полагать, что картина не изменилась по сравнению с СБВ – ведущими в равных долях остаются мышьяковая и оловянная бронзы.

Итак, можно заключить, что если в начальный период развития древняя металлургия Леванта характеризовалась ярко выраженным своеобразием, то в последующую эпоху СБВ (а также ПБВ) она полностью восприняла стандарты соседних территорий, таких, как Месопотамия и Анатолия.

Источники левантинского металла. Население южной части Леванта было знакомо с медной рудой (малахитом) уже в начале VII тыс. до н.э. В слоях докерамического неолита в Иерихоне и Бейде были найдены бусы и кусочки этого материала, применявшегося, вероятно, для изготовления краски (Kenyon K.M., 1967). Очень кратко остановлюсь на геологически зафиксированных источниках меди и археологических свидетельствах ее добычи.

Расположенная между Мертвым и Красным морями долина Вади Араба разделяет геологически и генетически связанный медно-рудный район, восточная часть которого находится в предгорьях Иордании, а западная – у границы с пустыней Негев. В древности в обоих районах разрабатывалась медная руда. На западе Араба был исследован район Тимна с многочисленными и хорошо сохранившимися шахтами и следами выплавки. Разработка месторождений меди здесь началась еще в IV тыс. до н.э. (Antikes Kupfer im Timna-Tal, 1980). Интенсификация этого процесса была зафиксирована во время Нового царства (XIII–XII вв. до н.э.), когда сюда снаряжались специальные экспедиции из Египта по разработке месторождений, практиковавшиеся вплоть до римского времени.

В 1960-х годах геолог Х.Д. Кинд изучил древние месторождения меди на восточной стороне Араба, в Фейнане. Эти работы показали, что район Фейнана уникален для всего Юго-Восточного Средиземноморья по масштабам добычи и плавки руды, с ним можно сравнивать только медные разработки на Кипре. Достаточно сказать, что в Фейнане находится около 150 000–200 000 т медных шлаков. Разработка меди здесь начинается с середины IV тыс. до н.э. и продолжается до средневековья. Руда месторождения Вади Фейнан необычайно богата медью – это малахит с содержанием металла около 58%, поэтому могла быть оправдана ее доставка на поселения (Anati E., 1963, p. 311).

О технологии, применявшейся в древней металлургии, можно судить по открытиям, сделанным под руководством Б. Ротенберга в Вади Тимне (в 20–30 км к северу от залива Акаба). На площади около 100 км^2 были обнаружены остатки легких жилищ, керамика и кремневая индустрия,

типологически сходная с материалами поселения Абу Матар. Были обнаружены базальтовые кувалды, плиты для дробления руды (малахита), песты и ступы для ее измельчения (Rothenberg B., 1962). Процесс выплавки был довольно примитивным: печи открытого типа представляли собой ямы без следов искусственного дутья. На топливо шла акация. Металл не умели отделять от шлака в процессе плавки, руду размельчали недостаточно, поэтому капли металла задерживались в шлаке и, чтобы его извлечь, куски шлака дробили. Это вело к большим потерям металла. Автор датирует эти производственные комплексы началом IV тыс. до н.э.

Металлургическая деятельность, зафиксированная в районе Беершевы, имела более прогрессивный облик. Руду также дробили каменными молотами на плитах или в ступах. Видимо, вначале имел место процесс обогащения руды, а затем – плавка в горнах. Сохранились остатки горнов (нижние части стен), построенных из глины с примесью рубленой соломы. Внутренняя поверхность печей была покрыта стекловидной массой, в ее составе обнаружены медь и шлаки. Имелся под из трамбованной земли и глины. По мнению Ж. Перро, верхняя часть печей сооружалась из специальных плоских кирпичей, размеры печей невелики – не более 50 см в диаметре (Perrot J., 1955). Уголь жгли из деревьев тамариска. Процесс плавления производился в небольших круглодонных тиглях. Найдены глиняные сопла, литейных форм не обнаружено, и автор предполагает, что отливки заготовок могли делать в земляных формах. Интересно, что весь металлургический процесс проходил на поселении. Состав руды, найденной в Абу Матаре, соответствует руде Вади Фейнан (Hauptmann A., 1992). Расстояние до него от Абу Матара около 100 км, т.е. руда доставлялась на поселение издалека.

С древности были известны также месторождения медных руд на Синайском п-ове, активно эксплуатировавшиеся, в частности, Египтом (Чайлд Г., 1956, с. 112, 146). Для периода поздней бронзы имеются сведения о том, что медь добывалась в "горах Ханаанских" (Втор. VIII, 9). Существуют залежи медных руд и на севере рассматриваемой территории – в районе Алеппо (Сирия), но там не обнаружено следов их древней разработки. Однако существует мнение Р. де Во о возможности их эксплуатации (Vaux R. de, 1966). Кроме того, возможно поступление руд из Анатолии.

Богатство региона медными рудами, в том числе малахитом, достаточно несложным для переработки, привело к развитию здесь ранней металлургии своеобразного облика как по морфологии инвентаря (только в этом регионе известны многочисленные металлические булавы, скипетры-навершия и короны), так и по рецептуре сплавов.

Несомненно, что практически все территории, где фиксируется раннее и передовое развитие металлургии, дают преобладание мышьяковых бронз (Frangipane M., 1985; Авилова Л.И. и др., 1999). В аспекте морфологии инвентаря следует отметить своеобразие Леванта. Морфологическое разнообразие наблюдается и позже, в период СБВ. При этом в данный период существуют категории, чрезвычайно сходные на всей территории южной зоны ЦМП (копья-штыки, топоры-полумесяцы, топоры типа fensteraxe), и тем более в Сиро-Палестине и Месопотамии, которые были тесно связаны обменными отношениями, как двусторонними, так и транзитными (обмен Месопотамии с Египтом, пути которого проходили через Сиро-Палестину). Именно эта развитая и обширная система взаимоотношений играла решающую роль в широком производстве и циркулировании оловянных бронз в период СБВ. Тем не менее окраинное положение Палестины определило сохранение значительной доли мышьяковых бронз в этом регионе и для III тыс. до н.э.

В заключение можно отметить, что динамика развития металлургического производства соответствует особенностям исторических судеб Леванта. Именно в Палестине возникли первые поселения городского типа – докерамический Иерихон периодов A и B (VIII–VII тыс. до н.э.). В этом смысле Палестина явилась передовым регионом, давшим новую модель экономики, культуры, социального развития. Но в период ранней бронзы (IV тыс. до н.э.) вперед вышли другие территории Ближнего Востока – Месопотамия, Северная Сирия и Египет. Палестина оказалась на периферии этих основных центров городской цивилизации. В Месопотамии и Северной Сирии, а также в Египте возникла модель раннего государства, состоявшего из нескольких городских центров с весьма сложной административной и политической организацией. В IV тыс. до н.э. в Месопотамии происходит становление городов-государств, затем при Саргоне Аккадском, около 2400 г. до н.э., образуется единая аккадская держава. В начале III тыс. до н.э. происходит объединение Египта. Эти две мощные системы находились в состоянии конкуренции и антагонизма на протяжении III тыс. до н.э., что являлось постоянным фактором в истории всего Ближнего Востока. А между этими централизованными державами вынуждена была лавировать Палестина, так и оставшаяся на стадии городской цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авилова Л.И., 1996. Металл Месопотамии в раннем и среднем бронзовом веке // ВДИ. № 4.

Авилова Л.И., Антонова Е.В., Тенейшвили Т.О., 1999. Металлургическое производство в южной зоне

Циркумпонтийской металлургической провинции в эпоху ранней бронзы // РА. № 1.

Авилова Л.И., Черных Е.Н., 1989. Малая Азия в системе металлургических провинций // Естественнонаучные методы в археологии. М.

Чайлд Г., 1956. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.

Albright W.F., 1965. Some remarks on the archaeological chronology of Palestine before about 1500 B.C. // Chronologies in Old World Archaeology / Ed. R. Ehrich. Chicago.

Anati E., 1963. Palestine before the Hebrews. London. Antikes Kupfer im Timna-Tal, 1980 // Der Anschnitt. Beiheft 1. Bohum.

Bar-Adon P., 1971. The cave of the treasure. Jerusalem.

Chernykh E.N., Avilova L.I., Barceva T.B., Orlovskaja L.B., Tenejsvili T.O., 1991. The Circumpontic Metallurgical Province as a system // East and West. V. 41. № 1–4.

Dunand M., 1950. Fouilles de Byblos. V. II. 1933–1938. Paris.

Frangipane M., 1985. Early developments of metallurgy in the Near East // Studi di Paletnologia. Roma.

Hauptmann A., 1992. Early copper produced at Feinan, Wadi Arabah, Jordan: the composition of ores and copper // Archaeomaterials. 6.

Kenyon K.M. 1967. Digging up Jericho. New York.

Koşay H.Z., 1951. Les fouilles d'Alaca Hoyuk. Rapport preliminaire 1937–1939 // TTKY. Ser. V. № 5. Ankara.

Mellaart J., 1979. Egyptian and Near Eastern chronology: a dilemma? // Antiquity. V. 53.

Montet P., 1928–1929. Byblos et l'Egypte. Paris.

Moorey P.R.S., 1988. The Chalcolithic hoard from Nahal Mishmar, Israel, in context // World Archaeology. 20.

Perrot J., 1955. The excavations at Tell Abu Matar, near Beersheba // Israel Exploration Journal. V. 5. № 2.

Perrot J., 1961. Une tombe a ossuaries de IV-e millenaire a Azor, pres de Tel-Aviv // Atiqot. 3.

Rothenberg B., 1962. Ancient copper industries in the Western Arabah // Palestine Exploration Quarterly. 94 Year. January-June.

Schaeffer C.F.A., 1949. Ugaritica. V. II. Paris.

Shalev S., Northover J.P., 1987. Chalcolithic metal and metalworking from Shiqmim // Shiqmim I. BAR. Int. Ser. 356.

Tadmor M., Kedem D., Begemann F., Hauptmann A., Pernicka E., Schmitt-Strecker S., 1995. The Nahal Mishmar hoard from the Judean desert: technology, composition and provenance // Atiqot. 27.

Tallon F., 1982. Les bronzes de Suse du Musee du Louvre de l'epoque pre-Sargonique au debut du IIe millenaire avant J.C. Paris.

Thuesen I., 1988. Hama. Fouilles et recherches 1931–1938. V. I. The pre-and protohistoric periods. Copenhague.

Vaux R. de, 1966. Palestine in the Early Bronze Age // Cambridge Ancient History. V. I. Ch. 15, 46. Cambridge.

Woolley C.L., 1934. Ur excavations. II. The Royal cemetery. London.

Ancient Bronzes in the Levant

L. I. Avilova

Summary

The present article is a part of joint investigation carried on in the Laboratory of natural scientific methods of the Institute of Archaeology. It is devoted to the formation and functioning of the powerful cultural and producing entity of the Bronze Age – the Circumpontic metallurgical province (CMP). The Levant entered the said system. The author's task was to characterise the region in question against the background of the general patterns of the province's development, as well as to outline its peculiarities. In the course of the project the methods worked out by the research group were applied: they included creation of computer database for metal artefacts and its subsequent analysis with the help of special statistical programs. A study of statistical distribution of different metals (such as copper-bronze, gold and silver), copper-based alloys, morphological groups of finds and their functional classes in different chronological periods was conducted. A description of each chronological period is presented from the point of view of early metallurgy development. As a result the author has come to the following conclusions. The period of the Copper Age is represented by few metal finds, whilst in the Early Bronze Age (that is the period of formation of the CMP) their number increased greatly, demonstrating morphological variety and specific features of metal production, namely, high percentage of antimony in the alloys used. In the Middle Bronze Age, i.e. the highest stage of the CMP development, a sharp raise of metal production and great variety of morphological groups are observed, the repertoire of finds is extremely rich in objects of religious character. The alloys' composition is typical of general CMP standards, arsenic bronzes were the leading formula, the second place being occupied by tin-bronzes. Antimony-copper alloys disappeared completely. In the Late Bronze Age the Circumpontic province did not exist. This period is characterised by considerable decrease in number of finds and lack of innovations in metallurgy, displaying certain stagnation in this field of ancient economy. Generally, it was in the Levant that a new model of producing economy had emerged during the Neolithic, but later on in the 4th millennium BC other regions, such as Mesopotamia, North Syria and Egypt made their progress thus leaving the Levant behind. It had not reached the stage of centralised state in the Early or Middle Bronze Ages, social pattern of city-state remaining its characteristic feature.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 27–36

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОНЧАРНЫЕ КЛЕЙМА

© 2001 г. В. Д. Гупало

Институт украиноведения им. И. Крипякевича НАН Украины, Львов

В ходе исследования раннесредневековой керамики Прикарпатья и Волыни было выявлено большое количество знаков на днищах сосудов. При этом отмечен ряд новых данных, позволивших обратиться вновь к несколько позабытой, но все так же дискуссионной проблеме о причине присутствия на гончарной посуде знаков.

Рельефные знаки на днищах горшков – неразгаданный феномен гончарства в славянском мире[1]. Существующая обширная историография вопроса отражает попытки исследователей пролить свет на проблему генезиса гончарных клейм, их периодизацию, эволюцию, семантику и функцию. Сравнивая первые публикации единичных находок клейм с современными многочисленными коллекциями знаков, видим, как в научной мысли постепенно формировалась интерпретация клейм, пройдя путь от "знаков загадочных" до знаков обыденных, связанных с повседневной жизнью. Появляющиеся по мере освоения материала мнения о назначении гончарных клейм не представляются бесспорными и продолжают оставаться на уровне более или менее обоснованных гипотез. Основные из них определяют функцию знаков следующим образом: магические знаки, посвященные Божеству (Тышкевич К.П., 1865, с. 121, табл. VII–XI); знаки домовой собственности (Котляревский А.А., 1865, с. 245); знаки-метки гончаров (Kostrzewski J., 1925, s. 117; Мансуров А.А., 1946, с. 293–297; Hołubowicz W., 1947, s. 11; Рыбаков Б.А., 1948, с. 175–181, 364–492); знаки Рюриковичей – знаки юридической зависимости гончаров от князя (Рыбаков Б.А., 1940, с. 227–257); знаки заказчиков (Розенфельд Р.Л., 1963, с. 121–130), знаки в виде креста – клейма зависимых от церкви мастеров (Zápotocký M., 1965); знаки мастеров, связанные с огненной стихией производства (Тухтина Н.В., 1960, с. 155; Szymański W., 1968, s. 219–223); магические символы-обереги мастеров (Толочко П.П., 1981, с. 298); магические знаки (Makiewicz N., 1973, s. 217–222; Vaňa Z., 1973, p. 196–217; Кочкина А.Ф., 1983, с. 69–91); знак Y тождествен кресту и в начале христианства – эмблема какой-то христианской секты, а позже – эстетический элемент (Krandžalov D., 1963, p. 29–142); сначала магические знаки, позже клейма мастеров (Tabaczyński S., Buko A., 1981, s. 163); торговые марки и знаки различия продукции нескольких гончаров в одном горне (Lepówna B., 1962, s. 235–239); знаки, обозначающие емкость сосуда (Mackerle J., 1955, s. 88); контрольные знаки на горшках, предназначенных для уплаты дани (Kołos-Szafrańska Z., 1961, s. 174); контрольные знаки на сосудах, облагавшихся гончарной пошлиной (Гензель В., 1986, с. 32–321, рис. 101); магический символ-оберег гончарного круга и сосуда (Buko A., 1982, s. 102; 1999, с. 170–176).

Известны попытки отождествления гончарных клейм со знаками на раннесредневековых монетах (Kołos-Szafrańska Z., 1953, s. 186, 187; дискуссию по этому поводу см.: Suchodolski S., 1966, s. 438–440; Kołos-Szafrańska Z., 1966, s. 440–443; Szymański W., 1968, s. 219–223) и даже использования их в качестве хронологических индикаторов, правда, без особых успехов (Hensel W., 1950, s. 71–74).

Несмотря на расхождение во взглядах на назначение гончарных клейм, все исследователи единодушны во мнении, что эти знаки являются характерной особенностью славянского мира (Дончева-Петкова Л., 1980; Černohorsky K., 1953; Kołos-Szafrańska Z., 1949–1950). Помимо этого, отмечается однообразие рисунков клейм на всей территории их распространения. Совокупность знаков на любом из исследуемых объектов почти всегда составляет три категории: знаки, отождествляющие солярные символы, знаки Рюриковичей (на территории Румынии и Болгарии – знаки руны), буквы.

Анализируя объемные собрания гончарных клейм, исследователи неоднократно предпринимали попытки систематизировать знаки. В основном все усилия были направлены на то, чтобы из общего количества выделить, а потом объединить морфологически родственные разновидности знаков. Так, по материалам Плиснеска М.П. Кучерой было выделено пять больших совокупностей клейм: крестообразные, квадратные, круглые, знаки Рюриковичей, а все остальные, не вошедшие в первые четыре группы, объединены в условную группу до накопления материала (Кучера М.П., 1960, с. 12–121). Аналогичную систематизацию предложила М.Д. Полубояринова по данным золотоордынской керамики, выделив 20 групп знаков (Полубояринова М.Д., 1980, с. 165–212), без разработ-

[1] Известны также публикации знаков на ранне- и позднесредневековой глиняной посуде, происходящей с территорий, весьма отдаленных от славянского ареала (Buko A., 1988, s. 3–12; Lepówna B., 1962, s. 235–239

ки типологических рядов. В этой ситуации особую значимость приобретает классификация гончарных клейм Биляра, где на основании иерархической классификации знаков по степени усложнения их конфигурации А.Ф. Кочкина (1983, с. 69–92, рис. 2) выделила 28 групп клейм, которые подразделяются на 57 типов и подтипов.

Известны попытки систематизации гончарных клейм, осуществленные по материалам Центральной Европы. Среди огромного количества знаков, выявленных на памятниках Румынии, М. Комша выделяет две большие категории клейм по функциональному назначению: 1) имеющие магическое значение и 2) отражающие социальное положение гончара, а именно зависимость от князя или феодала (Комша М.О., 1961, с. 449–461; Comsa M., 1961, p. 292–303). Морфология знаков лежит в основе систематизации клейм с раннесредневековых памятников Чехии – выделено восемь типов знаков и их вариантов: круг, крест в круге, круг с шестью – восемью радиусами, звезда, свастика, прямоугольники, антропоморфные (Vaňa Z., 1973, p. 196–217). По аналогичному принципу подразделены клейма с территории Польши, где, например, по материалам Кракова различают шесть групп знаков (Wałowy A., 1979, s. 52, ryc. 11), Крушвицы – 21 группа и 61 подгруппа (Dzieduszycki W., 1982, s. 56–59, tabl. XVIII). Кроме этого, по технике нанесения клейм в средневековой керамике Чехии и Моравии различают три большие совокупности знаков: рельефные, прочерченные и вдавленные (Nekuda V., Reichertova K., 1968, s. 82–98, obr. 25–32)[2].

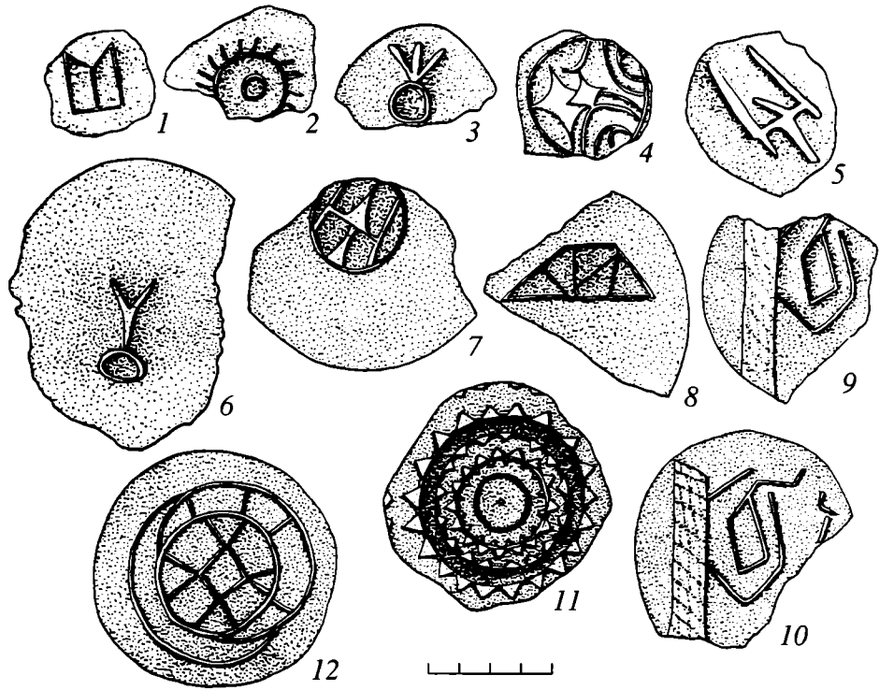
По материалам Прикарпатья и Волыни нами предпринята типологическая классификация гончарных клейм, в результате которой выделено шесть основных групп знаков: А – крестообразные, Б – квадратные, В – круглые, Г – из прямоугольных отрезков, Д – знаки Рюриковичей, Е – буквенные (Гупало В.Д., 1985, с. 236–242).

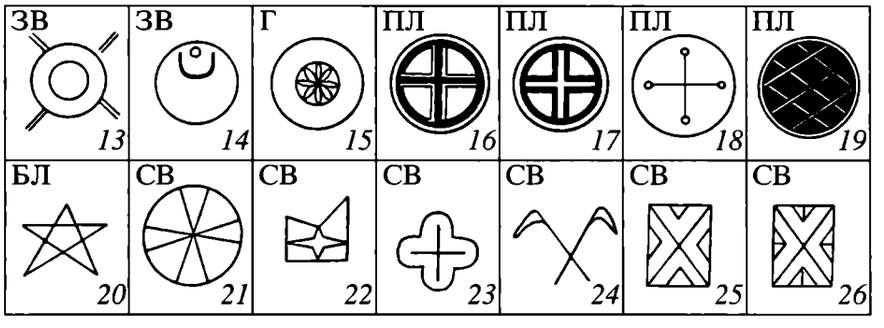
Все известные на сегодняшний день клейма групп А–Г как на территории Прикарпатья и Волыни, так и в других восточнославянских регионах в подавляющем большинстве связаны с солярно-аграрной символикой. Особенно убеждает в этом находка в Судовой Вишне единственного в своем роде клейма в виде двух цепов с перекрещивающимися рукоятками (рисунок, *24*). В целом клейма по своей семантике не отличаются от языческих символов, выявленных на разных предметах X–XIII вв. (Рыбаков Б.А., 1987, с. 518–656). Исходя из того, что в основу рисунка клейм положена языческая символика, отражающая тождественное мировоззрение всего славянского мира, становится понятным однообразие конфигурации клейм, которое является следствием единства славянской культуры.

Обращаясь к вопросу о функциональном назначении знаков, остановимся подробнее на полученных нами новых данных. Исследовались клейма на гончарных сосудах из Звенигорода (168 ед.) – раскопки И.К. Свешникова 1982–1992 гг., Плеснеска (153 ед.) – раскопки И.Д. Старчука 1946–1949 гг., Галича (63 ед.) – раскопки Я.И. Пастернака до 1941 г., Львова (57 ед.) – раскопки А.А. Ратыча 1955–1956 гг., Белза (52 ед.) – раскопки В.М. Петегирича 1984–1986 гг., Судовой Вишни (45 ед.) – раскопки А.А. Ратыча 1957–1959 гг., и др. При этом было установлено, что знаки, тождественные по своей конфигурации, одинаково часто встречаются на памятниках, хронологически сменяющих друг друга на протяжении X–XIII вв., а также в комплексах из разных хронологически-стратиграфических слоев в пределах одного памятника. В Звенигороде, например, знаки в виде круга, круга со спицами, креста в круге обнаружены в комплексах конца XI и XII вв. Аналогичная картина наблюдается и в погребальном комплексе у с. Берестяное на Волыни (Гупало В.Д., 1990), в Киеве, где собрано более 400 клейм (Шовкопляс Г.М., 1964, с. 56–73; Толочко П.П., 1981, с. 295), в Гданьске, где четко выделены стратиграфические ярусы (Lepówna B., 1968, ryc. 24) и др. Эти факты позволяют подвергнуть сомнению мысль Б.А. Рыбакова об усложнении рисунка клейма при передаче его в наследство (Рыбаков Б.А., 1940, с. 229). В то же время на ряде памятников в отдельных объектах обнаружены клейма разных рисунков. Показательны в этом отношении жилищные комплексы Звенигорода: в жилище 23 (Ж-23) обнаружено 12 разных знаков (в том числе круг, крест в круге, ромб в круге, двузубец, триденс, буква "Р" – рисунок, *9*, *10*), в Ж-28 – семь знаков (круг, двузубец, круг с розеткой, прямоугольник в виде стилизованной буквы "М" и др.); в Ж-21 – два знака: двузубец и геометрическая фигура трапеции; в Ж-24 – также два знака (крест в круге, розетка среди концентрических кругов); в сооружении 1 – круг и прямоугольник в виде стилизованной буквы "М"; в одной из хозяйственных ям на западном пригороде – пять клейм. Эти данные являются серьезным основанием для опровержения гипотезы о существовании у каждого заказчика собственного своего знака (Розенфельд Р.Л., 1963, с. 121–130).

В пределах каждого из исследуемых городищ зафиксированы клейма самых различных конфигураций, Б.А. Рыбаков объясняет это тем, что каждый мастер имел свой знак (Рыбаков Б.А., 1953, с. 119). Согласно этому, клейма должны быть показателями индивидуального производства. Однако вместо знака, который выделил бы продукцию среди других подобных изделий, мастера во всех городах и весях в течение нескольких веков

[2] Приведенным перечнем, конечно, не ограничивается историография вопроса, однако составление полного списка работ, включая и те, где только упоминаются находки клейм, не являлось задачей настоящего исследования.

Гончарные клейма с территории Прикарпатья и Волыни. *1–11, 13, 14* – Звенигород; *15* – Галич; *12, 16–19* – Плиснеск; *20* – Белз; *21–26* – Судовая Вишня.

ставили клейма одних и тех же очертаний. В то же время на всех объектах посуда с клеймами, за редкими исключениями, составляет незначительное количество: в Звенигороде – 6.7%, Судовой Вишне – 9.2%, Плиснеске – 21%, Листвине – 6.7%, в Гринчуке – 8% (Пачкова С.П., Петрашенко В.О., 1982, с. 62), Киеве – 7.5% (Ивакин Г.Ю., Степаненко П.Я., 1985, с. 87), Биляре – 1–5% (Кочкина А.Ф., 1983, с. 70), Старой Рязани и Пронске – 1%, Старой Ладоге и Пскове не менее 1–2%, Вщиже – 5%, Гнездово – 15% (Тухтина Н.В., 1960, с. 149), Полоцке – 9% (Штыхов Г.В., 1978, с. 111)[3].

Проведенные исследователями наблюдения показали, что разное количество знаков как в отдельных городах, так и в пределах отдельных хронологических отрезков (например, в культурных слоях Гданьска с дендродатами: 980 г. – 11.6%, 1020 г. – 6.9%, 1065 г. – 22.5%, 1090 г. – 7.8%, 1140 г. – 14.5%, 1160 г. – 6.3%, 1205 г. – 13.3%, 1255 г. – 6.6%) не прослеживается какой-либо закономерности (Buko A., 1982, s. 96; Lepówna B., 1968, s. 141). В то же время подавляющее большинство сосудов, не уступающих клейменым по качеству, оставалось без меток. Если, следуя Б.А. Рыбакову, и дальше считать, что посуду без знаков и клейменые сосуды изготовляли разные гончары (даже с учетом, что мастер мог иметь несколько съемных подставок с тождественным, но разного размера рисунка знаком – Кучера М.П., 1960, с. 122), приходим к выводу о существовании в древнерусских городах большого количества гончаров, что представляется маловероятным. По этому поводу П.П. Толочко отмечает, что "...в X–XIII вв. (гончарство) развилось на ремесленной основе, предполагавшей укрупнение и концентрацию гончарного производства в руках определенных групп мастеров. Даже в таком крупном городе, как Киев, мастерских по изготовлению глиняной посуды, видимо, было немного, но они выпускали большое количество про-

[3] Ср.: на территории Польши: во Вроцлаве – 4% (Kramarek J., 1959, s. 222), Туме-Ленчице – 10%, Бискупине – 10%, Гданьске – от 5 до 14.5%, а в Ополе – 30–50% (Lepówna B., 1968, s. 135, 136); Кракове – 50% (Żaki A., 1950, s. 700–702); Дорогичине – менее 3%, Черске – более 3%, Перемышле – около 9%, Сандомире – более 60% (Buko A., 1982, s. 82, 83).

дукции, удовлетворявшей потребности в ней жителей города и ближайшей округи" (Толочко П.П., 1981, с. 295). Еще более подвергает сомнению тезис "клейма – знаки ремесленников" их однотипность на всех славянских землях, а не только в одном городе. Даже предположение Н.В. Тухтиной, что однотипность знака вызвана связью гончаров с огненной стихией производства (Тухтина Н.В., 1960, с. 155) неубедительно (если знак – магический символ, то использование его в качестве личного клейма, служившего для выделения данной продукции из общей массы, не имело смысла).

Вероятно, это обстоятельство уже было учтено в последней из недавно выдвинутых гипотез, трактующих гончарные клейма с позиций магических символов. Приписывая знакам магические свойства оберегов, призванных содействовать мастерам в изготовлении и сбыте продукции, П.П. Толочко акцентирует внимание на том, что знаком метился только один (первый) горшок из каждой партии сосудов, для каждой очередной партии гончар "изобретал" новый знак (Толочко П.П., 1981, с. 298). Согласно этому, с одним мастером можно связывать определенный набор таких "изобретенных" знаков, но непременно различных рисунков. Закономерно сразу возникает вопрос, как много один мастер мог изобрести разных по рисунку знаков? И рентабельным ли было изготовление многих подставок ради одного оттиска? Вероятнее, всего, мастер вынужден был неоднократно использовать ранее "изобретенные" знаки. При этом вряд ли он делал новый негатив-подставку (разве что старая матрица вышла из строя). То, что мастер использовал подставку неоднократно, подтверждают довольно редкостные на сегодняшний день находки клейм, оттиснутых с одного негатива, выявленные, например, на Киевском Подоле (от 2 до 22 серий – Сагайдак М.А., 1991, с. 119), в Звенигороде (3 серии), Гданьске (около 40 серий – Lepówna B., 1968, s. 137). Однако в подавляющем большинстве встречаются знаки тождественных очертаний, но оттиснутые в разных матрицах, которые с большей вероятностью есть основания связывать с разными мастерами. Исходя из фактического количества таких знаков (без учета клейм на нераскопанной площади памятников), гончаров должно было бы быть очень много (даже если механически разделить количество клейм, известных на каждом объекте, на количество веков, на протяжении которых они были распространены). Таким образом, идя по новому кругу предположений, которые вызывают больше вопросов, чем объясняют сущность проблемы, опять возвращаемся к старому вопросу избытка гончаров в одном месте.

Выявленные на прикарпатских и волынских памятниках гончарные клейма зафиксированы на днищах небольшого диаметра (Звенигород – 90–120 мм; Судовая Вишня – 70–100 мм; Галич – 90–110 мм; Плиснеск – 90–110 мм; Белз – 80–110 мм; Берестяное – 80–120 мм), которые, вероятнее всего, принадлежали кухонным и столовым горшкам. На больших сосудах с диаметром днища более 120 мм, которые могли использоваться для хранения и транспортировки продуктов, клейма встречаются крайне редко. По возможности была определена толщина днищ, которая сравнивалась с толщиной стенок сосудов. Наблюдения показали, что клейменые горшки в подавляющем большинстве имели толщину дна, равную толщине стенок (Звенигород – 5–6 мм; Судовая Вишня – 6–8 мм; Галич – 5–6 мм; Плиснеск – 5–6 мм; Белз – 5–6 мм; Берестяное – 5–6 мм). В отдельных случаях толщина дна колебалась на 1–2 мм больше или меньше толщины стенок и только изредка была значительно (максимально – вдвое) толще общепринятых стандартов. Согласно этому, клейменые сосуды в плане техники изготовления представляются качественными изделиями с тщательно сформованным тонким дном. Часто такие горшки (где сохранилась верхняя часть) украшены широкой орнаментальной полосой по плечикам сосуда на всю их высоту. Примером могут служить сосуды из Гданьска, где клейма массово отмечены именно на густо украшенных по всему тулову горшках, вероятнее всего, принадлежавших к столовой посуде (Lepówna B., 1968, tyc. 33, *f*, *c*, *l*; 35, *d*, *t*; 36, *b*; 37, *f*; 43, *c*; 44, *d*, *h*; 50, *n*, *l*).

Таким образом, клейма ставились на наиболее распространенных видах домашней утвари – столовых и кухонных горшках. Добавим, что клейма известны на днищах цедилок (Плиснеск), на такой исключительно столовой посуде, как миски (Моравы в Куявии – Jażdrżewski K., 1937, tyc. 1, 4; Звенигород), а также на парадной краснолощеной московской керамике конца XIII – начала XVI в., в том числе на кувшинах-кружках (Розенфельд Р.Л., 1968, с. 12–18, табл. 3, *9*), на сосудах XIV в., покрытых изнутри зеленой и желтоватой поливой (Żaki A., 1950, s. 700–702); показательно присутствие клейм на днищах кумгана и чернолощеного кувшина (Розенфельд Р.Л., 1968, с. 24, 48, табл. 5, *12*; 8, *23*), на амфорках "киевского типа", которые ставились на стол (Штыхов Г.В., 1978, с. 111), а также на крышках (Nekuda V., Reichertova K., 1968, s. 86). Неоднократно отмечены клейма и на днищах звенигородских мисочек-светильников XII в. и на голосниках, широко используемых в культовых монументальных сооружениях (Каргер М.К., 1958, с. 464).

Попытаемся выяснить, что представляли собой эти знаки и для чего они наносились на гончарные изделия.

Гончарные клейма на Руси появляются в конце IX в. (Комша М.О., 1961, с. 454)[4]. Широкое рас-

[4] Наиболее ранние, надежно датируемые VIII в., образцы клейм известны на территории юго-западной Словакии, Венгрии, Австрии (Točik A., 1962, s. 347–380; Eisner J., 1966, s. 174; см. там же литературу).

пространение они получают в X–XII вв., в XIII в. количество их заметно сокращается, а в XIV в. встречаются лишь единичные находки. В начале настоящего изложения было отмечено, что большинство клейм по своей семантике связано с языческой солярно-аграрной символикой. Б.А. Рыбаков неоднократно отмечал, что через всю систему языческого мировоззрения красной нитью проходит культ солнца-огня, которое дарует жизнь. Отсюда солярные знаки могут быть графическими символами бога Хорса – "ока света" и Дажьбога-Солнца (сына бога Стрибога). Вторая тема, которая одновременно широко почиталась у славян, – это культ плодородия, олицетворением которого была Богиня Макош – "мать урожая". Эти божества рядом с другими, составляющими основу языческого пантеона 980 г., давали всеохватывающее представление о Вселенной, которая графически отображалась в унифицированной, выработанной на протяжении столетий системе солярных знаков, знаков плодородия, воды и т.д. Точным соответствием этим символам наряду и в сравнении с другими предметами являются рельефные знаки на днищах гончарных горшков.

Интересно, что с массовым распространением гончарных клейм, которые содержали языческую символику, совпадает во времени введение христианства на Руси. Эти два независимых явления по мере усложнения социально-культурной жизни общества в дальнейшем, видимо, имели грани соприкосновения, что было вполне возможно в условиях двоеверия. При этом язычество постепенно трансформировалось, одновременно видоизменяя наиболее важные обрядовые установления и догматы христианства. "...Каждый народ, воспринимая чужое, заботится прежде всего о совершенствовании своих собственных традиций. С этой точки зрения, заимствование представляет собой включение элементов другой культуры в сложившуюся структуру культуры национальной, и критерием, обусловливающим их отбор, является содержание последней" (Крянев Ю.В., Павлова Т.П., 1989а, с. 311). В свою очередь церковь стремилась постепенно вытеснить древние обряды или видоизменить их согласно христианской догматике. В результате некоторые церковные праздники совпали с бывшими языческими. Если ни в церковном календаре, ни в священном писании не было соответствующего события, день языческого праздника связывали с именем христианского святого или каким-либо "чудом" (Крянев Ю.В., Павлова Т.П., 1989б, с. 315).

Вполне поэтому закономерно, что в течение X–XIII вв. эти процессы повлияли и на идейную нагрузку клейм, символика рисунков которых отображала (не могла не отображать!) сосуществование и взаимовлияние священнодействующих сил языческого и христианского миров. Обращаясь к вопросу о сущности языческого пантеона славянства, Г. Прошин отмечал, что сам процесс обожествления у славян не имел иерархической системы, "а если она и возникала, то это была... "зыбкая иерархия", иерархия сиюминутной религиозной потребности. Существовала "специализация" богов, но и она четких границ, как правило, не знала" (Прошин Г., 1989, с. 98). Таким образом, даже когда имена многих языческих богов были заменены христианскими, впрочем тождественными по своей сути (Крянев Ю.В., Павлова Т.П., 1989а, с. 308), то и тогда празднование (или обожествление) происходило согласно древним традициям, т.е. основные священнодействующие силы как язычества, так и христианства непременно имелись в виду во время каждого праздника. В этом плане, возвращаясь к клеймам, которые представляются символами этих священнодействующих сил обоих вероучений, приходим к выводу, что каждый знак являл собой совокупный символ этих основных божеств, поэтому простое клеймо в виде знака-основы (круга, креста, квадрата и т.д.) и клеймо сложной конфигурации, образованной двумя и больше простыми знаками (крест в круге, крест в квадрате, концентрические круги и т.д.) видятся в одинаковой степени идейно содержательными.

Какой-нибудь праздник, не только узкосемейный, но и общесельские или общеплеменные многолюдные сборы начинались каждой семьей в своем доме, а потом выносились вовне, в места общего "мирского схода". Внутри каждого дома "глава семьи выполнял функции жреца и руководил всем праздничным церемониалом" (Крянев Ю.В., Павлова Т.П., 1989а, с. 308)., При этом домашнему священнодействию были подчинены и вещи ежедневного употребления, служащие для осуществления определенных ритуалов. Трудно предположить, чтобы какое-либо празднование обошлось без застолья, а значит, и без посуды. По такому случаю, следует думать, использовали и праздничную посуду, вероятно, клейменую.

На территории Польши на поселении XII – первой половины XIII в. в Стжельцах обнаружена гончарная миска с рельефным латинским крестом на внутренней поверхности дна. Аналогичный знак известен на сосуде рубежа XI/XII вв. из Бялой Парцеле. Функциональное назначение сосудов связывается с ритуальными действиями, возможно, причастием (Makiewicz N., 1973, s. 217). Как культовые предметы определяются глиняные выпуклобокие кружки с воронковидной горловиной, имеющие на внутренней поверхности дна изображения креста. Такие сосуды в VIII–IX вв. были распространены в Византии. С XI в. большое количество аналогичных кружек известно в Болгарии, Румынии, Северном Причерноморье, в хазарском Саркеле и в некоторых городах Киевской Руси, где активно действовали византийские миссионеры. Согласно

письменным источникам, из аналогичной посуды поили молоком после обряда евхаристии и миропомазания взрослого новокрещенца из варваров. Этот обряд символизировал: 1) обращение взрослого новокрещенца в младенца, в результате чего он начинал питаться молоком учения, и 2) приобщение к истинной вере, что было равноценно раю (Византийская керамика..., 1985, с. 8). С ритуальным действием, без сомнений, связана деревянная чаша-потир из Звенигорода (Свешніков І.К., 1986, табл. XIX, *б*), аналогии которой известны среди металлических (бронзовых, серебряных, золотых) церковных чаш для причастия. Интересно, что на днище потира извне прочерчен знак креста, который перекрывается косым крестом – языческим солярным символом. На наш взгляд, аналогичное звенигородской находке назначение имеют остатки деревянного ведра, на дне которого лежал деревянный черпачок, выявленные в одном из погребений второй половины IX в. в Десятинной церкви в Киеве (Голубева Л.А., 1949, с. 109). Днище черпачка украшала серебряная розетка – крест, перекрытый косым крестом. С обрядовой трапезой связываются глиняные миски с прочерченным рисунком креста на внутренней поверхности стенок (Lepówna B., 1968, s. 40, rys. 36, *u l*, *w l*). К этой же категории, вероятно, следует отнести и сосуд середины X в. из Сантока, на внутренней стенке которого в области плечика была помещена латинская буква "P" (Makiewicz N., 1973, s. 219), фрагмент сосуда из Стырменав Болгарии (из комплекса, датированного монетой 1255–1259 гг.), на внутренней поверхности дна которого прочерчен крест с пятью сквозными дырочками в центре и на краях (Dymaczewska U., 1980, tabl. XI, *10*), фрагмент крышки из Любятувка (Польша), на шишечке которой прочерчен крест с поперечными черточками на концах (Hensel W., 1959, rys. 160). Здесь уместно вспомнить о находках деревянных мисок и тарелок в жилищных комплексах XII в. из Звенигорода, на днищах которых как изнутри, так и снаружи прочерчены крестообразные и более сложные (например, косой крест в квадрате) знаки (Свєшніков І.К., 1983; 1985). Таким образом, на клейменой посуде нашло отражение сочетание содержания и формы единого в сущности обряда двух мировоззренческих систем – христианской и языческой. Употребление еды во время праздничных семейных трапез из мисок, горшков, кувшинов, кумганов, кружек и т.д., помеченных знаком, олицетворяющим собой божественный символ, также было своего рода приобщением к святым таинствам. Присутствие клейм на светильниках также связано с ритуалом священнодействия, как в домах, так и в храмах (фрагменты клейменого светильника обнаружены на остатках деревянной церкви в Звенигороде (Swiesznikow I., Hupało W., 1996, s. 185–187, rys. 7, *13*). Клейменые керамические изделия использовались в разных ситуациях и сейчас трудно определить все эти случаи[5], но обрядовая сущность их была единой – приобщение к божьей благодати как в христианском, так и в языческом понимании.

Изделия с гончарными клеймами не изготавливались в массовом количестве, как обычная посуда. Выпуск их приурочивали, вероятно, к определенным праздникам. Каждый мастер имел для этого несколько съемных подставок для круга с разными знаками, с которых делал необходимое количество оттисков. Это, кажется, подтверждает находка семи разных знаков в одной мастерской (Цыбин М.В., 1987, с. 15), а также серии оттисков с одной матрицы. В обычные дни гончар изготовлял посуду без клейм, поэтому клейменые изделия так немногочисленны на общем фоне гончарной продукции.

Что касается так называемых "княжеских знаков", то исследователи, как правило, единодушны – "знаки Рюриковичей" определяют характер взаимоотношений князя и его собственного мастера. На наш взгляд, не все знаки княжеские. Особенно это касается изображений схемы двузубца или триденса, выполненных в двоякой манере – "птичьей лапы" и "вил". Такие знаки, тождественные по конфигурации, известны во всех славянских землях. Символами каких князей могли быть эти одинаковые клейма, встречающиеся на протяжении VIII–XIII вв.? Судя по находкам действительно княжеских знаков на перстнях (Володченко З.А., 1951, с. 62–67; Янин В.Л., 1955, с. 39–46; 1956, с. 8; Якубовський В.І., 1975, с. 87–104; Ратич О.О., 1976, с. 185; Макарова Т.И., 1988, с. 241–246), не подлежит сомнению, что наиболее простые изображения двузубца и триденса послужили моделью для модификации знаков, но сами не были княжескими символами. Убеждают в этом находки гончарных клейм в виде двузубца или триденса в сочетании с солярным кругом (Дорогобуж – Прищепа Б.А., Нікольченко Ю.М., 1996, рис. 84, *26*; Ленковцы – Тимощук Б.А., 1982, рис. 12, *6*; Григоровка – Петрашенко В.А., 1992, рис. 6, 2; Звенигород), что не характерно для княжеских знаков. Связь двузубца и триденса с солярным символом видится не случайной: это явление находит свое объяснение, если обратиться к символам языческой семантики.

Так, с солярным культом у многих народов, в том числе и у славян, связан образ коня (Кузьмина Е.Е., 1977, с. 103). Конь символизировал солнце. Б.А. Рыбаков объясняет это древними представлениями о ходе движения небесного светила – "кони Феба влекут солнечную колесницу от востока к западу" (Рыбаков Б.А., 1987, с. 469). Исследователи отмечают связь культа солнечных коней с царскими династиями: братья-близнецы, сыновья отца-солнца рассматривались в качестве

[5] Пока что уникальна находка погремушки из Крушвицы, клейменной солярным кругом (Kostrzewski J., 1968, s. 217, tabl. II, 5).

основателей царской власти (Кузьмина Е.Е., 1977, с. 104). Художественный образ коней переродился в сарматскую эпоху в тамгу (Соломоник Э.И., 1959, с. 21–25), которая в многочисленных модификациях применялась боспорскими царями (Драчук В.С., 1978). Наряду с этим исследователи склонны считать, что иконография образа коней возникла у разных индоевропейских народов независимо. О существовании подобного культа на Руси свидетельствует распространение в X–XIV вв. в северных и центральных районах зооморфных подвесок с одной или двумя фигурками коней (Рябинин Е.А., 1981, с. 78), конфигурация которых очень близка к схематизированному рисунку двузубца и триденса. Находки глиняных фигурок коней, украшенных циркульным орнаментом, выявлены на городище X–XI вв. в Екимауцах (Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1981, с. 78). В Ополе в культурном слое 1040–1075 гг. обнаруженная фигурка коника из березовой коры была украшена косым крестом и обернута лентами серебряной фольги (Hołubowicz W., 1966, рис. 126). Как отзвук древних традиций глиняные игрушки-коники, расписанные солярными звездами, были распространены еще в XV–XVII вв. (Рабинович М.Г., 1947, с. 71; Фехнер М.В., 1949, с. 55).

Считается, что конь был неотъемлемым атрибутом Великой сельской богини, поэтому он с древнейших времен был введен в славянскую аграрно-магическую обрядность (Носова Г.А., 1975, с. 46). Итак, исходя из сказанного выше наиболее простые рельефные изображения триденса и двузубца на днищах горшков наряду с клеймами, содержащими солярные знаки и знаки плодородия, представляются непосредственно связанными с солярно-аграрной семантикой. В свое время к аналогичному выводу пришла Э.И. Соломоник относительно знаков на посуде сарматской эпохи (Соломоник Е.І., 1962, с. 166).

В то же время видится вполне закономерным применение правящей династией древнерусских князей, подобно боспорским царям, знака двузубца и триденса в качестве родовой (династической) тамги. Княжеские же знаки отличаются от безликих символико-магических знаков персонифицированными и более сложными очертаниями. В свете этого отождествление гончарных клейм со знаками Рюриковичей представляется возможным лишь при проведении идентификационных параллелей. Что же касается функционального назначения настоящих знаков Рюриковичей, то гипотеза Б.А. Рыбакова о том, что знаки отражают взаимоотношения князя и его мастера, продолжает оставаться наиболее аргументированной.

В заключение остановимся вкратце на способах и приемах оттисков знаков. Исследователи единодушны во мнении, что негатив клейма, как правило, вырезался на съемной подставке (впервые эту мысль высказал еще Й. Костжевский – Kostrzewski J., 1925, s. 117–130). Но до сих пор продолжает оставаться дискуссионным вопрос о способах крепления такой подставки к гончарному кругу. А. Буко, например, считает, что ее прибивали гвоздями или деревянными колышками к щитку круга (Buko A., 1982, s. 85). Возможно, это подтверждает находка днища сосуда из Гнезно со следами четырех таких колышков (Kostrzewski J., 1962, s. 233, rys. 199). Впрочем, подставка, вероятно, могла крепиться разными способами (Rzeznik R., 1992).

А.А. Бобринским были проведены интересные исследования, проливающие свет на технику нанесения знаков. По следам матриц им выделены четыре группы оттисков клейм, а по особенностям следов фактуры подставки с вырезанным негативом – десять групп разновидностей следов (Бобринский А.А., 1972, с. 183–190). Аналогичное трассологическое изучение прикарпатских и волынских клейм еще не проводили, но в результате визуальных наблюдений удалось установить следующее. В подавляющем большинстве клейма представляют собой тщательно оттиснутые знаки, выполненные тонким, высоким рельефом (1.0–1.5 мм) с матриц, вырезанных на деревянной плоскости (группа 1, по А.А. Бобринскому). По мере изношенности матрицы оттиски все равно получались довольно четкими, но с несколько расплывшимися слабопрофилированными очертаниями. Из второй совокупности следов, выделенных А.А. Бобринским по фигуре подставки, очень хорошо фиксируются поперечные трещины на подставке и следы растрескивания древесины между годичными уплотнениями (группы 2–3, по А.А. Бобринскому), которые нередко искажали рисунок знака. Тщательность изготовления матрицы и часто довольно сложный рисунок негатива знака свидетельствуют, что клеймение посуды у гончаров Прикарпатья и Волыни занимало важное место в технологии производства посуды, во всяком случае к нему относились очень серьезно. Помимо высокого мастерства тонкой резьбы матриц в самих рисунках знаков отразился творческий подход гончаров к традициям графического выражения символов. Как результат проявления эстетических вкусов мастера рождались удивительно красивые, неповторимые по рисунку знаки – своего рода шедевры гончарного ремесла. Характерная особенность этих клейм – сочетание в рисунке знака углубленных борозд и плоскостей (относительно уровня поверхности подставки) с рельефно-выпуклыми деталями[6]. (рисунок, *11, 16, 17, 19*). Помимо упомянутых от-

[6] Интересно, что гончарные клейма, сочетающие вдавленную и рельефную поверхности, были широко распространены на памятниках в бассейне среднего Дуная: в Словакии, Моравии, Чехии, Венгрии (Nekuda V., Reichertova K., 1968, s. 86–98, obr. 32; см. там же литературу). Известны они единично, например в Кракове (Żaki A., 1950, s. 700), Вроцлаве (Kramarek J., 1959, tabl. IV, *f*).

мечены знаки со сложным рельефом узора, аналогии которым не выявлены: клеймо в виде трапеции (рисунок, *8*), буквы "Р" (рисунок, *9, 10*)[7], винтообразных кругов (рисунок, *12*), комбинации полукругов и ромбов (рисунок, *4*), стилизованного цветка с лепестками (рисунок, *2*) из Звенигорода, клейма в виде цветка из Галича (рисунок, *15*), двойных косых крестов в прямоугольнике (рисунок, *25, 26*), перекрещивающихся цепов (рисунок, *24*) из Судовой Вишни[8]. Здесь следует еще вспомнить о довольно редких клеймах в виде букв кирилличного алфавита, происходящих из Звенигорода (буквы "И", "Р"), Ступницы (буква "Я" – Кобільник В., 1936, с. 1–11), Коршева (буквы "А", "В", "Д", "Ж" – Leski Z., 1937, rys. 3, s. 109), Перемиля (буква "Ж"), Пересопницы (буква "П" – Терський В.С., Терський С.В., 1990, с. 89–91), Ленковцев (буква "Ж" – Тимощук Б.А., 1982, с. 27), Чорнивцев (буква "S" – Возний І., 1998, с. 83, фото 54), Луцка (буква "Е" – Кучінко М.М. и др., 1992, с. 8), Галича (буква "И" – Ткачук Т.М., Тимус К.Л., 1997, с. 52, рис. 32).

Оригинальный характер рисунков гончарных клейм юго-западной Руси свидетельствует не только о творческом подходе гончаров к технике их нанесения, но, в первую очередь, и о существовании широко развитой системы символической графики, отражающей логику гармоничного мировосприятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобринский А.А., 1972. О некоторых результатах трасологического изучения древнерусских гончарных клейм // Новое в археологии. М.

Византийская белоглиняная расписная керамика IX–XII вв., 1985. Сост. Залевская В.Н. Каталог выставки Государственного Эрмитажа. Л.

Возний І., 1998. Чорнівська феодальна укріплена садиба XII–XIII ст. Чернівці.

Володченко З.А., 1951. Перстень-печать XII в. // КСИИМК. Вып. XXXVI.

Гензель В., 1986. Культура и искусство Польского Поморья в эпоху раннего средневековья (VII–XI вв.) // Славяне и скандинавы. М.

Голубева Л.А., 1949. Киевский некрополь // МИА. № 11. Т. 1.

Гупало В.Д., 1985. Гончарные клейма Прикарпатья и Западной Волыни (опыт систематизации) // СА. № 4.

Гупало В.Д., 1990. Отчет о результатах работы Киверцевского отряда Волынской экспедиции // НАИУ НАНУ. Оп. 1. № 622.

Дончева-Петкова Л., 1980. Знаци върху археологически паметници от средневековна България VII–X век. София.

Драчук В.С., 1978. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев.

Здановіч Н.І., Трусаў А.А., 1993. Беларуская паліваная кераміка XI–XVIII ст. Мінск.

Ивакин Г.Ю., Степаненко Л.Я., 1985. Раскопки в северо-западной части Подола в 1980–1982 гг. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. Киев.

Каргер М.К., 1958. Древний Киев. М.

Кобільник В., 1936. Знаки на днах посудин княжої доби зі Ступниці пов. Самбір // Літопис Бойківщини. Ч. 8. Р. VI.

Комша М.О., 1961. О значении гончарных клейм раннефеодальной эпохи // Dacia. T. V.

Котляревский А.А., 1865. Заметки к статье гр. К.П. Тышкевича "Свинцовые оттиски, найденные в реке Буге у Дрогичина" // Труды Московского археологического общества. Т. 1. М.

Кочкина А.Ф., 1983. Гончарные клейма Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань.

Крянев Ю.В., Павлова Т.П., 1989а. Двоеверие на Руси // Как была крещена Русь. М.

Крянев Ю.В., Павлова Т.П., 1989б. Народный природный календарь // Как была крещена Русь. М.

Кузьмина Е.Е., 1977. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. Киев.

Кучера М.П., 1960. Гончарные клейма из раскопок древнего Плеснеска // КСИА АН УССР. Вып. 10.

Кучінко М.М., Охріменко Г.В., Терський С.В., 1992. Скарби минувщини. Луцьк.

Макарова Т.И., 1988. Перстни с геральдическими эмблемами из Киевского клада // Древности славян и Руси. М.

Мансуров А.А., 1946. Старо-рязанские и пронские гончарные клейма // СА. Вып. VII.

Носова Г.А., 1975. Язычество в православии. М.

Пачкова С.П., Петрашенко В.О., 1982. Вивчення кераміки давньоруського городища коло с. Гринчук // Археологія. № 39.

Петрашенко В.А., 1992. Керамика IX–XIII вв. Среднего Поднепровья // Древнерусская керамика. М.

Полубояринова М.Д., 1980. Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. М.

Прищепа Б.А., Нікольченко Ю.М., 1996. Літописний Дорогобуж в період Київської Русі. Рівне.

Прошин Г., 1989. Второе крещение // Как была крещена Русь. М.

Рабинович М.Г., 1947. Гончарная слобода в Москве XV–XVII вв. // МИА. № 7.

Ратич О.О., 1976. Населення Прикарпаття і Волині в епоху Київської Русі та в період феодальної роздробленності // Населення Прикарпаття і Волині в епоху розкладу первіснообщинного ладу та давньоруський період. Київ.

Розенфельд Р.Л., 1963. К вопросу о гончарных клеймах // СА. № 2.

[7] Витиеватое изображение латинской буквы "Р" известно из Сантока на побережье Пакоского озера. К сожалению, в публикации отсутствует рисунок (Makiewicz N., 1973. s. 219).

[8] Изображение, напоминающее перекрещивающиеся цепы, известно на клейме из Полоцка (Здановіч Н.І., Трусаў А.А., 1993, мал. 3, *1*).

Розенфельд Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVII вв. // САИ. Вып. Е 1–39.

Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1981. Древнерусское Поднестровье. Ужгород.

Рыбаков Б.А., 1940. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XIII вв. // СА. Вып. 6.

Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.

Рыбаков Б.А., 1953. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур: Древняя Русь. М.

Рыбаков Б.А., 1987. Язычество Древней Руси. М.

Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. Вып. Е 1–60.

Сагайдак М.А., 1991. Давньокиївський Поділ. Київ.

Свєшніков І.К., 1983. Звіт роботи Звенигородской археологічної експедиції в 1983 р. // НАЇУ НАНУ. Опис 2. № 1003.

Свєшніков І.К., 1985. Звіт роботи Звенигородской археологічної експедиції в 1985 р. // НАЇУ НАНУ. Опис 2. № 1076.

Свєшніков І.К., 1986. Звіт роботи Звенигородської археологічної експедиції в 1986 р. // НАЇУ НАНУ. Опис 2. № 1115.

Соломоник Э.И., 1959. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев.

Соломоник Е.І., 1962. Нові пам'ятки з сарматськими знаками // АП УРСР. Т. XI.

Терський В.С., Терський С.В., 1990. Нові матеріали з розкопок літописьної Пересопниці та її околиць (1987–1988 рр.) // Нові матеріали з археології Прикарпаття і Волині. Львів.

Тимощук Б.А., 1982. Древнерусская Буковина. Киев.

Ткачук Т.М., Тимус К.Л., 1997. Галицькі керамічні плитки із рельєфними зображеннями та гончарні клейма. Каталог. Галич.

Толочко П.П., 1981. Гончарное дело // Новое в археологии Киева. Киев.

Тухтина Н.В., 1960. Средневековые славянские гончарные клейма // Археологический сборник. Тр. ГИМ. Вып. 37. М.

Тышкевич К.П., 1865. Свинцовые оттиски, найденные в реке Буге у Дрогичина // Труды Московского археологического общества. Т. 1. М.

Фехнер М.В., 1949. Глиняные игрушки московских гончаров // МИА. № 12.

Цыбин М.В., 1987. Юго-Восточная окраина Руси в XII–XIV вв. (по данным археологии) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

Шовкопляс Г.М., 1964. Знаки на давньоруському посуді з Києва // Археологія. Т. XVII.

Штыхов Г.В., 1978. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск.

Якубовський В.І., 1975. Давньоруський скарб із с. Городище Хмельницької області // Археологія. Вип. 16.

Янин В.Л., 1955. Древнейшая русская печать X в. // КСИИМК. Вып. 57.

Янин В.Л., 1956. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // КСИИМК. Вып. 62.

Buko A., 1982. Czytelność znaków garncarskich a zagadnienie ich funkcji // AP. T. XXVII. Z. 1.

Buko A., 1988. Wczesnośredniowieczne znaki garncarskie z terenu Francji // Kw. HKM. R. 34. № 1.

Buko A., 1999. Znaki na dnach naczyń z ośrodków wczesnomiejskich: zagadnienie funkcji // История и культура древних и средневековых славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 5. М.

Černohorsky K., 1953. Keramika a feodalismus // Českі Rocnik. № 40.

Comşa M., 1961. Cu privire la semnificatia marcilor de dar din epoca feudal timpurie // SCIV. T. XIII. Z. 2.

Dynaszewska U., 1980. Wieś późnośredniowieczna XII–XIV w. // Styrmen nad Jantrą (Bulgaria) i badania archeologiczne w latach 1961–1964 i 1967–1968. Warszawa.

Dzieduszycki W., 1982. Wczesnomiejska ceramika w okresie od 2 połowy X w. do połowy XIV w. Wrocław; Warszawa; Kraków.

Eisner J., 1966. Rukověť slovanske archeologie. Praha.

Hensel W., 1950. Metoda datowania ceramiki wczesnodziejowej na podstawie znaków garncarskich na dnach nacyń // Sprawozdania z czynności i posiedzeń PAU. T. LI. № 2.

Hensel W., 1959. Studia i materiały do osadnictwa Wielkopolski wczesnohistorycznej. T. III. Warszawa.

Hołubowicz W., 1947. Z dziejów garncarstwa na ziemiach polskich // ZOW. R. 16. Z. 1–2.

Hołubowicz W., 1966. Opole w wiekach X–XIII. Katowice.

Jażdżewski K., 1937. Interesujące zabytki z czasów piastowskich na Kujawach // ZOW. Z. 9–10.

Kołos-Szafrańska Z., 1949–1950. Z badań nad znakami garncarskimi z okresu wczesnodziejowego // Slavia Antiqua. T. II.

Kołos-Szafrańska Z., 1953. Z badań nad znakami garncarskimi z terenu ziem polskich // WA. T. XIX.

Kołos-Szafrańska Z., 1961. Z badań nad garncarstwem wczesnośredniowiecznym. Analiza ceramiki z Biskupina pow. Znin stan. 6 // Z badań nad wczesnośredniowiecznym osadnictwem wiejskim w Biskupinie. Wroclaw; Warszawa; Kraków.

Kołos-Szafrańska Z., 1966. W odpowiedzi na recenzję S. Suchodolskiego // AP. T. XI. Z. 2.

Kostrzewski J., 1925. Znaki na dnach naczyń wczesnohistorycznych z Wielkopolski // Obzor prahistoricky. T. IV.

Kostrzewski J., 1962. Kultura prapolska. Warszawa.

Kostrzewski J., 1968. Grzechotki wczensnośredniowieczne bez polewy // AP. T. XIII, 1.

Kramarek J., 1959. Znaki garncarskie na ceramice wrocławskiej z XII i początku XII w. // Silesia Antiqua. T. 1.

Krandžalow D., 1963. Svedectvi keramiki a značek // Acta universitatis Palackianae Olomucensis. Historia. T. IV.

Lepówna B., 1962. Kilka uwag o znakach garncarskich na marginesie pracy I. Kirkmana "Potter's Marks from Medieval Arab Sities in Kenya" // Prace i materiały muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi. № 9.

Lepówna B., 1968. Garncarstwo Gdanskie w X–XIII wieku. Gdańsk.

Leski Z., 1937. Wczesnohistoryczne grodzisko w Korszowie pow. łuckim, woj. Wołyńskim // PA. T. VI. Z. 1.

Mackerle J., 1955. Slovanské zasobnice // Archeologicke Rozhledy. R. VII.

Makiewicz N., 1973. Przyczynek do problematyki wczesnoś redniowiecznych znaków garncarskich // Prace i materiały muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi. № 20.

Nekuda V., Reichertova K., 1968. Středoveka keramika w Čechach a na Moravě. Brno.

Rzeźnik R., 1992. Uwagi na temat funkcji nakładki na tarczę koła w garncarstwie wczesnoś redniowiecznym na ziemiach polskich // St. A. № 22.

Suchodolski S., 1966. W sprawie wykorzystywania źródeł numizmatycznych w badaniach nad znakami garncarskimi // AP. T. XI. Z. 2.

Swiesznikow I., Hupało W., 1996. Uwagi na temat chronologii obiektów na grodzie właściwym w Dzwinigrodzie (Zvenygorod) koło Lwowa // SA. T. XLVIII.

Szymański W., 1968. Przyczynek do dyskusji nad zagadnieniem znaków garncarskich na wczesnośredniowiecznej ceramice słowiańskiej // AP. T. XIII.

Tabaczyński S., Buko A., 1981. Sandomierz. Starożytność. Wczesne średniowiecze. Rzeszów.

Točik A., 1962. Keramika so značkami na dne zo slovansko-avarských pohrebísk na juhozápadnom Slovensku // Pamatky Archeologické. T. 53. Z. 2.

Vaňa Z., 1973. Značky na keramice ze slovanských hradišt v Zabrušanach a v Bilin okr. Teplice // Archeologicke Rozhledy. T. XXV. № 20.

Wałowy A., 1979. Późnośredniowieczne garncarstwo krakowskie w świetle źródeł archeologicznych // MA. T. XIX.

Żaki A., 1950. Wawelskie znaki garncarskie // Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiętności. T. LI. № 10.

Zápotocký M., 1965. Slovanské osidleni na Litomericku // PA. T. LVI. Z. 2.

Early Medieval Potter's Signs

V. D. Gupalo

Summary

A review of interpretations of the opinions concerning relief potter's signs placed on the bottoms of early medieval vessels is presented in the article; the author concentrates on the problem of the signs' function. The pottery originates from the sites of Central and Eastern Europe. New data are published obtained in the course of studying pottery assemblages from the early medieval hillforts of the Carpathian piedmont and Volyn-Zvenigorod, Plisnesk, Galich, Sudovaya Vishnya and other. It was established that only high-quality production had been marked with signs, such as pots, cups, jars, mugs, kumgan-type jugs. Potter's signs are known also on ceramic lamps, resonators, and so forth. The signs' shapes reflect the semantics of basic solar and agrarian symbols. The author supposes that such symbols were connected with ritual aspect, and ritual feast in particular. While using marked vessels, one could get divine grace, thus obtaining the protection of divine forces. The signs in shape of trident and bident accompanied by solar wheel were of the same meaning. The collection of potter's signs from the Carpathian piedmont and Volyn shows original rendering of the drawings, as well as developed representations of symbolic world outlook.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 37–44

О МЕСТЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЯРОСЛАВА МУДРОГО
(проблема княжеской усыпальницы)

© 2001 г. Е. И. Архипова

Институт археологии НАН Украины, Киев

Большой мраморный резной саркофаг Софийского собора (рисунок) с давних пор известен как гробница князя Ярослава Мудрого, умершего в 1054 г. О том, что в нем совершено захоронение этого князя, еще в конце XVI в. писал Эрих Лясота (Сборник..., 1874, с. 17). Древнее предание получило научное подтверждение после вскрытий гробницы в 1936, 1939 и 1964 гг. В саркофаге обнаружили кости скелетов двух взрослых и несколько костей ребенка. Судя по их беспорядочному расположению, гробница была ограблена. Найденные здесь куски дерева неплохой сохранности, которые могли служить подкладками при вскрытии саркофага, говорят о том, что ограбление совершено в относительно недавнее время (Копии актов. Архив Национального заповедника "София Киевская". НА-914, 3 с.).

Антропологическое изучение мужского скелета позволило установить, что его физические данные (возраст 60–70 лет, рост 172–175 см, врожденная хромота и патологические изменения в правом коленном суставе как результат травмы) соответствуют физическим данным князя Ярослава Мудрого (Гинзбург В.В., 1940, с. 57–66).

Более сложным оказалось выяснение личности второго погребенного. Мнение о том, что это жена Ярослава княгиня Ирина, умершая в 1050 г., вызвало сомнение, поскольку есть сведения о ее захоронении в Новгородской Софии. Да и сам факт подзахоронения Ярослава к жене, умершей на 4 года раньше, кажется маловероятным, хотя случаи захоронения в одном саркофаге императорской четы известны в Византии (Иоанн, 1895, с. 18, 56). Вспомним, что захоронения Владимира и его жены Анны, также умершей раньше своего мужа, по свидетельству Титмара Мерзебургского, были совершены в отдельных мраморных саркофагах, стоявших в Десятинной церкви в приделе св. Климента. Изучение обломков одного из них показало, что по размерам, материалу и характеру орнаментации он был аналогичен саркофагу Ярослава Мудрого (Архіпова Є.І., 1991, с. 102–108). Следовательно, невзирая на большие размеры, считать, что в софийском, в отличие от саркофага Десятинной церкви, совершено парное захоронение, нет оснований. Было высказано мнение, что женский скелет мог попасть в гробницу во время ремонта собора митрополитом Кириллом III в середине XIII в. (Гинзбург В.В., 1940, с. 64). Основываясь на замечании В.В. Гинзбурга о массивности черепа второго скелета, Н.Н. Никитенко предположила, что он мог принадлежать мужчине. Близость же его черепу княгини Анны из Новгородской Софии привела ее к мысли о том, что здесь похоронен сын Ярослава Всеволод (Никитенко Н., 1995, с. 3). Однако сочетание "мужского" черепа с костями женского скелета, а также фрагменты детского черепа говорят о том, что в саркофаг после ограбления попали кости нескольких погребений, и это делает вопрос их атрибуции, на мой взгляд, сегодня уже неразрешимым. Тем более, как явствует из летописи, Ярослав завещал Всеволоду, чтобы того похоронили "у (а не "в" – *Е.А.*) гроба своего".

Сходство ярославовой гробницы с саркофагом из Десятинной церкви и рядом византийских мраморных саркофагов X–XI вв. свидетельствует о том, что киевские были сделаны в Византии приблизительно в одно время (где-то с конца X до середины XI в.) и экспортированы специально для захоронения киевских князей (Архіпова Є.І., 1991, с. 102–108). Это позволяет пересмотреть предложенную ранее Н.Е. Макаренко датировку софийского саркофага VI–VII вв. и соответственно отказаться от гипотезы о вторичном использовании гробницы (Макаренко М., 1930, с. 52), как, впрочем, и от увлекательной (не более того) истории В.Г. Пуцко о том, что саркофаг, датируемый им второй половиной IX в., первоначально служил ракой для мощей св. Климента, находившихся в Херсонесе (Пуцко В.Г., 1986, с. 287–312). Современный уровень знаний о византийской скульптуре и факт доставки в Киев нескольких однотипных образцов подтверждают мнения В.Н. Лазарева и А. Грабара, датировавших саркофаг Ярослава XI в. и считавших, что он был сделан в Византии по моделям константинопольских памятников, резьба которых отмечена ренессансом раннехристианских мотивов (Лазарев В.Н., 1953, с. 15; Grabar A., 1976, p. 86–88). Учитывая тесные контакты между Русью и Византией того времени и стремление первых киевских князей к самоутверждению, сама мысль о том, что великий князь мог быть похоронен в саркофаге вторичного ис-

Мраморный саркофаг Ярослава Мудрого в Софийском соборе в Киеве.

пользования, представляется маловероятной. Доставка же специально заказанных саркофагов более отвечала политическим амбициям Киева.

Известно, что, по византийскому придворному этикету, император обязан был уже при вступлении на престол позаботиться о своем личном саркофаге. Из описания коронации императора Мануила в 1391 г. следует, что уже в этот момент по Уставу он должен был согласовать внешний вид и материал своего саркофага (Пименово хождение..., 1984, с. 296, 297). Например, следуя этому обычаю, художники и мастера сицилийских правителей в поисках материала (порфира – в данном случае) и образцов для будущих саркофагов отправлялись во враждебный им Рим (Deer J., 1959, p. 117–126).

Письменных свидетельств о существовании в Киевской Руси подобной традиции нет, но сопоставление косвенных данных дает основание считать, что этот обычай соблюдался и здесь. Подтверждение этого – сам факт появления в Киеве дорогих мраморных саркофагов из Византии. Из летописей известно, что кроме князя Владимира (†1017 г.), его жены царевны Анны (†1011 г.) и Ярослава Мудрого (†1054 г.) в мраморных саркофагах были похоронены и другие князья: в 1078 г. Изяслав Ярославич, в 1087 г. его сын Ярополк. Фрагмент мраморного саркофага был обнаружен Д.В. Милеевым в храме на территории Софийского монастыря, отождествляемого с церковью св. Ирины (Раппопорт П.А., 1982, с. 14). В Софийском соборе был найден мраморный саркофаг без крышки, использованный позднее как подставка под раку с мощами священномученика Макария, убитого в 1497 г. татарами. О том, что заказ и доставка этих саркофагов должны были быть сделаны заблаговременно, свидетельствуют перипетии княжения Изяслава Ярославича и его сына Ярополка, неоднократно изгонявшихся из Киева. Многочисленные свидетельства соблюдения описанного выше обычая известны для послемонгольского времени. Архиепископ Мартирий, например, заранее приготовил себе место "в своем строении" – в южном притворе Софийского собора в Новгороде (Брюсова В.Г., 1968, с. 122, 123). Обычай этот, как известно, живет и сейчас.

По христианской традиции, наиболее престижным местом вечного упокоения являлись церкви и монастыри. Владимир Святославич похоронен в построенном им княжеском храме – Десятинной церкви, сюда же он перенес останки своей бабки княгини Ольги, а позднее здесь были похоронены умершие язычниками его братья Ярополк и Олег. Владимир Ярославич (†1052 г.) похоронен в построенной им Новгородской Софии, где была похоронена и его мать – жена Ярослава Мудрого Ингигерд (Ирина). Согласно летописной статье 1439 г., мощи их были выставлены в позолоченных гробах, которые имели надписи.

Захоронение Ярослава Мудрого в св. Софии – митрополичьем соборе сделано, однако, явно в нарушение традиции, поскольку, по статусу, в нем не могло быть усыпальницы. Тем более что Ярославом недалеко от Софийского собора был основан патрональный монастырь с церковью св. Георгия, где в 1063 г. был похоронен его брат Судислав. Захоронения византийских императоров в главном храме Константинополя – св. Софии неизвестны (Кондаков Н., 1886, с. 109). Их сначала хоронили в церкви Святых Апостолов, а с первой половины X в. – в церквях основанных ими монастырей. Таким монастырским мавзолеем стала церковь Архангела Михаила в монастыре Пантократора в Константинополе (Deer J., 1959, p. 130).

О том, что изначально в Софийском соборе усыпальницы не было, а захоронение Ярослава Мудрого являлось исключением, говорит тот факт, что после него здесь в течение последующих 40 лет никого не хоронили. Не повторил по-

добного шага Изяслав Ярославич, принявший киевский стол после Ярослава. Святослав Ярославич, хотя и был киевским князем, погребен в 1076 г. в построенном им в Чернигове Спасском соборе. Из этого следует, что свою усыпальницу он заготовил, еще будучи черниговским князем. Поскольку погребение Ярослава в митрополичьем храме, как, впрочем, и поставление им митрополита из русских, не вошли в практику русской церкви того времени, их, очевидно, следует рассматривать как проявление единоличной воли этого князя.

Только в 1093 г. примеру Ярослава последовал Всеволод Ярославич. Оправданием этого шага, согласно летописи, стало якобы завещание Ярослава: "...егда отведеть тя богъ от жития сего, то ляжеши, идѣже и азъ лагу у гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твоеи". Исследователи уже давно отмечали, что Всеволод мог быть похоронен в св. Софии не потому, что он выполнял волю отца, а из-за сочувствия в последние годы своего княжения делам русской церкви и отсутствия в это время в Киеве митрополита-грека (Приселков М.Д., 1913, с. 283), поэтому нельзя буквально рассматривать данное выражение летописи как указание о месте размещения его гроба рядом с гробом Ярослава. Целью его, несомненно, было объяснить сам факт погребения в Софийском соборе, который с этого времени становится местом упокоения князей рода Всеволода. В 1094 г. здесь "у отца своего" погребен сын Всеволода Ростислав. Вплоть до 1125 г. в св. Софии опять никого не хоронят. Святополк Изяславич, княживший вслед за Всеволодом, в 1113 г. погребен в построенном им Михайловском соборе. А вот сын Всеволода Владимир Мономах в 1125 г. похоронен в Софийском соборе, о чем летописец говорит: "Сынове же его и бояре несоша Киеву, и положенъ бысть въ святѣ и Софѣи у отца своего". В 1154 г. в соборе был погребен сын Владимира Вячеслав. Таким образом, приведенные данные свидетельствуют, что Софийский собор становится местом захоронения князей только после смерти Всеволода Ярославича в 1093 г. Относить же устройство великокняжеской усыпальницы к первой половине XI в. нет оснований.

Где же находилась усыпальница рода Всеволода?

В ходе археологических исследований северных наружных галерей (в частности, их восточной части) было установлено, что их первоначальные формы были изменены еще в древности. После закладки арочного проема и пристройки поперечной перемычки здесь было выделено какое-то закрытое помещение, в котором, по мнению М.К. Каргера, могла быть устроена "роскошная усыпальница". Но если М.К. Каргер и большинство других ученых соотносили ее с усыпальницей рода Всеволода, датируя концом XI в. (Каргер М.К., 1961, с. 105, 165; Кресальний М.Й., 1960, с. 56, 57; Высоцкий С.А., 1963, с. 231), то И.Ф. Тоцкая и О.Ф. Ерко на основе проведенных ими исследований в этой части собора утверждают, что северная наружная галерея уже в древности имела алтарную апсиду, а устройство усыпальницы входило в первоначальный архитектурный замысел и относится к середине XI в. (Тоцька І.Ф., Єрко О.Ф., 1976, с. 119–130). Однако, поскольку эта часть галерей неоднократно перестраивалась, а детальное натурное изучение собора не проведено, по справедливому замечанию А.И. Комеча, все вопросы реконструкции его первоначального облика пока остаются на уровне гипотезы (Комеч А.И., 1987, с. 208). В свете изложенного нельзя согласиться и с Н.Н. Никитенко, которая, исходя из своей даты заложения Софийского собора еще при Владимире, отодвигает время устройства Ярославом своей личной усыпальницы на конец 20-х годов XI в. (Никитенко Н.Н., 1999, с. 233–240).

Отсутствие древних захоронений, следов склепов или саркофагов (здесь зафиксированы только захоронения XVIII–XIX вв.) требует серьезных доводов для такой интерпретации данного помещения. Устройство полов в этой части собора, выложенных из больших (70 × 70 см) поливных плит на слое битой плинфы, залитой раствором, не могло быть рассчитано на нагрузку многотонных каменных гробниц (главный аргумент И.Ф. Тоцкой и О.Ф. Ерко). И не только потому, что тяжелые саркофаги повредили бы поливу (Никитенко Н.Н., 1999, с. 235), а прежде всего в силу того, что эти плиты (хрупкие из-за плохого обжига и большого размера) вообще непригодны для этих целей, и дополнительный слой битой плинфы их не укрепит. Логичнее полагать, что под тяжелые мраморные или каменные саркофаги (саркофаг Ярослава весит 6 т) должен был делаться специальный фундамент, как это сделано при установке ярославовой гробницы во Владимирском приделе в XVII в. Их могли ставить и на каменные (шиферные) плиты, широко применявшиеся для полов как в Софийском соборе, так и в других древнерусских храмах.

В апсиде Владимирского придела (северная внутренняя галерея) саркофаг стоит с конца XVII в. До 1936 г. он был установлен в специальной нише, сделанной для него в южной стене, на фундаменте из кирпича XVII в. И.Ф. Тоцкая справедливо замечает, что этот фундамент и то, что нижняя часть саркофага была на 30 см ниже чугунного пола XIX в., убедительно свидетельствуют, что во Владимирский алтарь он поставлен не раньше конца XVII в., когда здесь с левой стороны, под стеной соседнего Благовещенского придела, по завещанию был похоронен митрополит Гедеон

Четвертинский (Тоцька І.Ф., 1993, с. 125). Сейчас саркофаг передвинут на середину апсиды.

Вопрос о том, где был установлен саркофаг в древности, уже давно занимает исследователей. Н.Е. Макаренко (Макаренко М., 1930, с. 52) и С.А. Высоцкий (Висоцький С.О., 1969, с. 145–156) считали, что саркофаг находится на своем первоначальном месте. С ними соглашается Н.Н. Никитенко. И.Ф. Тоцкая полагает, что саркофаг стоял в восточной части соседней внешней галереи и во Владимирский придел был передвинут в конце XVII в. Однако еще с XIX в. существовало иное мнение. П. Орловский (1898, с. 15, 16), П.Г. Лебединцев (1882, с. 47–49), О. Повстенко (1954, с. 173, 215), Н. Кресальный (Кресальний М.Й., 1960, с. 56, 57) и другие считали, что саркофаг сначала стоял в Георгиевском приделе в западной части храма.

Сторонники этих версий опираются на одни и те же источники – свидетельства очевидцев XVI–XVII в., в которых в одном случае местом захоронения Ярослава Мудрого называется Георгиевский придел, а в другом – каплица Ярослава (без указания придела, в котором она находилась). После сделанного М.К. Каргером предположения о местонахождении усыпальницы Всеволода утвердилась мысль об изначальном нахождении ярославой гробницы в северо-восточной части собора и мнения оппонентов этой версии просто игнорируются.

Рассмотрим аргументы сторонников этих версий. В "Полинодии" (1621 г.) З. Копыстенского говорится, что Ярослав "похован лежит в приделе выше дверей самой великой церкви святой Софии. Гроб той и по сей день алебастровий кошт овный зрится" (Копыстенский З., 1878, с. 1009). В Хронике М. Стрыйковского (конец XVI в.) уточняется место расположения саркофага: "в приделе (w kaplicy) св. Григория" (Рогов А.М., 1966, с. 82). П.Г. Лебединцев, основываясь на этих сведениях, считал, что Ярослав был похоронен "в боковом алтаре Георгиевском". Поскольку известно, "что в древней христианской церкви не было обычая ставить гробницы усопших в алтарях и даже вообще в восточном отделении храма", он считал, что саркофаг первоначально должен был находиться в западной части храма (Лебединцев П.Г., 1882, с. 47–49). В пользу этого мнения говорит и фраза из челобитной от 23 июля 1666 г. о потребности золота и серебра для икон Софийского собора: "...в приделе святого великомученика Георгия, где опочивает великий князь Ярослав в алебастровом гробе" (Скворцов Н., 1852, с. 29, прим. 38). П. Орловский считал, что Гедеон Четвертинский, отстроив два боковых алтаря (Георгиевский и Предтеченский) возле главных западных дверей, перенес находившийся в первом из них саркофаг Ярослава в северо-восточную часть церкви, во Владимирский придел, где устроил себе усыпальницу (Орловский П., 1898, с. 15, 16).

Известие XVII в. о том, что саркофаг Ярослава в то время находился в приделе св. Георгия или Григория, Н.Е. Макаренко не брал в расчет, объясняя это изменением названий алтарей (Макаренко М., 1930, с. 54). Действительно, названия алтарей и приделов в разное время менялись, однако придел св. Георгия не переименовывался, а алтарь св. Григория был устроен в Георгиевском приделе (Болховітінов Є., 1995, с. 64, 75). Следовательно, независимо от названия алтаря речь идет об одном и том же нефе.

Аргументом в пользу мнения, что саркофаг изначально находился в современном Владимирском алтаре, считают определение Эрихом Лясотой места саркофага якобы как каплицы, т.е. закрытого помещения, которого в северо-западной части собора и в Георгиевском приделе сегодня нет (Высоцкий С.А., Никитенко Н.Н.). В действительности, перечисляя увиденные им в соборе гробницы, Эрих Лясота отмечал, что саркофаг Ярослава находится в "capellan", переведенном как каплица ("Еще в каплице, в гробнице из прекраснаго белого алебастра, лежит князь Ярослав, сын Владимира вместе с супругою"). Однако словом "capellan", как явствует из его описания, он называет не часовню или каплицу, а именно придел (поскольку это слово переводится и как "придел"). Так, далее он пишет: "В другом приделе (capellan), со внешней стороны церкви (т.е. в приделе одной из галерей собора – Е.А.) была гробница Ильи Моровлина..." (Сборник..., 1874, с. 77, 78). Следовательно, саркофаг находился в приделе (каплице, capellan) основного объема храма и других княжеских захоронений там не было. Из его описания погребений в других частях собора видно, что они были доступны для обозрения и скорее всего стояли у стен. Так, например, показана на рисунке А. ван Вестерфельда гробница с мощами священномученика Макария (Смирнов Я.И., 1908, табл. VI, *2с*). Из описания Е. Болховитинова известно, что и в XIX в. она находилась при южной стене Михайловского придела, а в параллельном Георгиевском приделе у северной стены стояли мощи других святых (Болховітінов Є, 1995, с. 69).

В поддержку версии о том, что саркофаг изначально находился в северо-восточной части собора, также привлекают свидетельство Павла Алеппского, посетившего собор после его восстановления Петром Могилой в 1653 г. Текст его описания переведен с арабского и известен в нескольких вариантах, разнящихся в деталях. Анализ текстов показывает, что автор дает описание собора по ходу своего движения от центрального входа по правой стороне храма, затем он описывает восточную часть, второй этаж и первый этаж с левой (северной) стороны собора. Отмечая, что со стороны западного нартекса собор находится наполовину в развалинах, он пишет:

"В настоящее время на правой руке от западного входа, два придела (tabernacles) разрушенных и оставленных в таком состоянии: один называется именем божественной колонны или столба бичевания; в нем крестильница из красного твердого камня, похожего на порфир; другой следует за ним и занимает остальную часть притвора" (Сборник..., 1874, с. 77, 78). Затем он описывает главный алтарь, четыре алтаря направо от него и говорит о четырех алтарях или приделах с левой, т.е. северной, стороны от главного алтаря: "Также точно на левой стороне четыре придела; два с высокими куполами посвящены погребению Господню (Страстям Христовым?) и запечатленному плату..., четвертый называется Николаевским" (Сборник..., 1874, с. 79). Если бы саркофаг действительно находился в одном из северо-восточных алтарей, то П. Алеппский должен был упомянуть этс. Он же дает описание интересующего нас придела после описания приделов второго этажа, когда он, судя по контексту, описывает приделы первого этажа (за исключением уже упомянутых ранее южных), спустившись по лестнице вниз. Вот что он пишет: "Два другие придела находятся возле северной двери и по правую руку, когда вы выходите из церкви. Арки там широкие, а вместо symbolon туда делают теперь высокую железную решетку, изукрашенную разными изображениями... В одном из приделов есть чан из белого мрамора, с крышкой больших размеров и вогнутой формы, украшенный крестами и похожий на урну св. Илиана в Эмессе" (Сборник..., 1874, с. 81). В переводе Г. Муркоса: "Другие два алтаря близ северных дверей, направо от выходящего из церкви, в низких нишах. Взамен тябл сделана железная высокая клетка, которая украшена всевозможными фигурами... В одном из упомянутых алтарей находится большой беломраморный саркофаг.." (Путешествие..., 1896, с. 72).

Из текста П. Алеппского следует, что с северной стороны в собор вели две двери – "одна из них служит для входа рабочим" (Сборник..., 1874, с. 78). У Г. Муркоса "для прохода всем" (Путешествие..., 1896, с. 68). Далее он дает описание росписи над этой дверью, упоминая "Cashidiari", персиян в чалмах и воюющих франков. П.Г. Лебединцев считал, что: "*Вход с северной и южной сторон был вблизи западной стены, а не подле восточной* (курсив мой – *А.Е.*) (Лебединцев П.Г., 1878, с. 68). Это подтверждает и описание П. Алеппским росписи церкви: "Церковь расписана вместе с колоннами в средней части; на верхушке Мессия, а Святой Дух нисходит на нее (церковь) в лучах света. Под этим изображение ада; у входа в него Cashidiari, с большим носом, держащий лук и стрелы. Возле него много персиян, в тюрбанах и свойственных им платьях, вооруженных луками и стрелами... После этого мы вступили по ступенькам одной из внешних башен во второй ярус церкви..." (Сборник..., 1874, с. 80). Изображение ада всегда располагается в западной части церкви. Таким образом, упомянутое свидетельство З. Копыстенского о том, что Ярослав погребен "в приделе выше дверей самой великой церкви", должно подразумевать именно северо-западную часть храма. Аналогично была устроена, по описанию П. Алеппского, и гробница св. Варвары в Михайловском Златоверхом соборе, находившаяся "за левым клиросом у северной стены" (Петров Н.И., 1897, с. 156). "Позади левого (клироса – *А.Е.*) находится прекрасная сень... она имеет железную створчатую дверь... на тот же манер, что и в св. Софии. Внутри находится прекрасный саркофаг, содержащий останки св. Варвары Бальбекской" (Сборник..., 1874, с. 83), т.е. в обоих храмах приделы, в которых стояли гробницы, находились в северо-западной части и были одинаково оформлены железными решетками.

Кроме того, если в северо-восточной части Софийского собора была устроена закрытая усыпальница, то вход в него не мог осуществляться через нее и являться к тому же основным (отсюда уточнение П. Алеппского, что из двух дверей с северной стороны одна служит "для прохода всем"). Усыпальницы обычно изолировались, так как главной целью захоронений в папертях было желание богатых людей иметь как бы свои собственные поминовенные церкви (Голубинский Е., 1901, с. 186, 495).

С.А. Высоцкий, основываясь на свидетельстве А. Кальнофойского о том, что в 1625 г. рухнула западная стена собора, считал, что алтарь, в котором мог бы находиться саркофаг, должен был быть завален. А так как он оставил без внимания упоминание П. Алеппского о двух дверях с северной стороны собора, то главный вход, по его мнению, мог находиться именно с северо-восточной стороны. Однако из описаний собора более раннего времени мы знаем, что, несмотря на то что внешняя галерея собора завалилась уже при Мартине Груневеге, попавшем в храм через дыру в стене сразу на второй этаж (Ісаєвич Я.Д., 1982, с. 113–129), через 10 лет в 1594 г. Эрих Ляссота вошел в собор уже через двери (какие?). Павел Алеппский отмечает, что собор находился в развалинах только по правую руку от западного входа, и ничего не говорит о разрушениях в северо-западной части собора. К тому же, согласно его описанию, саркофаг находился по правую руку от выходящего из собора, т.е. ближе к его центральной части, а значит, разрушения его не должны были коснуться. Известно, что Петр Могила западную часть храма не восстанавливал, работы по ее реконструкции были осуществлены только в конце XVII в., тогда же во вновь устроенный (при Петре Могиле) Владимирский придел и был перенесен саркофаг. Там: "в каплице великого князя киевского Ярослава на левой стороне под

стеной каплицы" завещал похоронить себя митрополит Гедеон Четвертинский. Называние Четвертинским Владимирского алтаря каплицей Ярослава, по мнению С.А. Высоцкого, свидетельствует, что саркофаг находился здесь при Павле Алеппском, и следовательно, это его первоначальное место (Висоцький С.О., 1969, с. 154). Однако скоре всего текст его заповеди нужно трактовать по-другому. Поскольку саркофаг Ярослава был перенесен во Владимирский алтарь еще при жизни Гедеона, он, решив устроить здесь свою усыпальницу, и называет его в заповеди уже каплицей Ярослава по факту нахождения здесь ярославовой гробницы.

Неубедительна совершенно произвольно сконструированная версия С.А.Высоцкого о том, что митрополит-грек якобы не разрешил похоронить Ярослава в алтаре его патрона – св. Георгия и потому его похоронили рядом с этим алтарем. Митрополит-грек, по логике, вообще воспротивился бы погребению в митрополичьем храме. Бездоказательна и гипотеза Н.Н. Никитенко о том, что Ярослав якобы испрашивал разрешение на устройство усыпальницы в "митрополии русской" у екклесиарха Алексия (Никитенко Н.Н., 1999, с. 237). Так же, впрочем, как и предположение, что изображение св. Пантелеймона в юго-восточном углу над гробницей было заказано Ярославом, а в смежное помещение внешней галереи им была встроена каплица для заупокойных отправлений. Заметим, что над саркофагом помимо св. Пантелеймона находится погрудное изображение еще одного святого (не атрибутировано). Такие изображения святых, но обычно в медальонах, характерны для росписи собора и отношение изображения св. Пантелеймона именно к гробнице Ярослава, мягко выражаясь, спорно (Никитенко Н.Н., 1999, с. 236, 237).

Говоря о невозможности размещения саркофага Ярослава в северо-западной части Георгиевского придела, Н.Н. Никитенко отмечает хорошую сохранность фресок, свидетельствующих об отсутствии здесь перестроек. Это изображения святых в медальонах. Однако, учитывая, что захоронение Ярослава первоначально не планировалось в митрополичьем храме, мы не вправе искать здесь соответствующей древней фресковой композиции. О том же, что уже в древности саркофаг стоял прислоненным к стене продольной стороной (у стены он изображен на рисунке А. ван Вестерфельда 1651 г. (Смирнов Я.И., 1908, табл. VI, *2в*), говорит отсутствие резьбы на одной из них. Причем, судя по разметке композиции и оформляющей ее отполированной рамке, резьбу с этой стороны начали делать в более позднее время, вероятно, когда саркофаг перенесли во Владимирский алтарь, где его хотели поставить посередине уже не просто как гробницу, а как "экспонат или реликвию св. Софии" (Толочко П.П., 1996, с. 209). Поскольку орнаментация его восточной и западной стенок похожа, первоначально саркофаг мог стоять как у южной, так и у северной стены придела. Отверстие с восточной стороны саркофага, интерпретируемое С.А. Высоцким как сток для воды или вина, нарушает рельефную композицию, пробито снаружи и замазано поздним раствором. Таким же раствором замазаны щели между крышкой и ящиком, кроме южной стороны; а значит, отверстие, сделанное в период запустения собора, заделано уже после перенесения саркофага в этот придел в конце XVII в.

Важный аргумент для выяснения места расположения ярославовой гробницы – анализ погребального обряда древней Руси. В тех случаях, кода в летописи указывается конкретное место погребения в церкви, им является западная часть храма. Например, говоря о перенесении мощей преподобного Феодосия в 1091 г., летописец уточняет: "...положиша въ своей церкви въ притворе на деснои странъ". Умершая через 18 лет после смерти игумена жена Яна Вышатича Мария, по его предсказанию, была положена: "...противу гробу Феодосьеву на лѣвои странѣ". А о месте установки саркофагов с мощами святых Бориса и Глеба в Вышгороде в 1115 г. среди князей даже возник спор. В результате гробницы были поставлены, как завещал Святослав, на правой стороне в специальные ниши – закомары. Причем, как в деревянном храме, построенном Ярославом около 1026 г., так и в храме, построенном Изяславом в 1072 г., саркофаги ставили при входе в притворе ("клетки малой"). Точное место гробниц дано в описании чуда с сухорукой женой (Лесючевский В.И., 1946, с. 235, 236).

По археологическим данным, захоронения в храмах, как правило, совершались в гробницах, замурованных в пол или в стену, и роль надгробия выполняли аркосолии, в нишах которых над местом погребения помещались либо надписи, либо орнамент или изображение соименного святого или ангелов (Ермонская В.В. и др., 1978, с. 20, 21). Захоронения в саркофагах являлись своего рода обстановкой храма, но в алтарях устанавливали только саркофаги святых, а царские или ктиторские погребения в апсидной части храма появляются в более позднее время. В храме святых Апостолов усыпальницы византийских императоров были расположены вне стен церкви с западной стороны против южной и северной сторон алтаря и закрывались особой дверью (Иоанн, 1895, с. 60, 61). Подобным образом устраивались усыпальницы и в храмах Киевской Руси. В церкви св. Михаила в Переяславе в древнерусское время усыпальницы были пристроены к южной и северной сторонам собора.

В западной части Десятинной церкви в 1824 г. с левой стороны были открыты три склепа, а с

правой – разбитая на три части мраморная крышка гробницы, украшенная резьбой, под которой был найден женский скелет (Беляшевский Н.Ф., 1888, с. 7). В юго-западной части древней церкви в 1939 г. были найдены обломки резного мраморного саркофага (или саркофагов), аналогичного софийскому (Архіпова Є.І., 1991, с. 108). Существовавшая в более позднее время в Софийском соборе усыпальница митрополитов находилась также в юго-западной части, где был "погреб, в коем ставятся гробы с телами усопших митрополитов Киевских" (Болховітінов Є., 1995, с. 76). Таким образом, учитывая данные XVI–XVII вв., есть все основания считать, что первоначально саркофаг Ярослава был установлен в одном из приделов в северо-западной части Софийского собора.

Что касается усыпальницы рода Всеволода, то гипотеза о ее размещении в восточной части северной наружной галереи вполне соответствует традициям христианского погребального обряда. Однако пока она не имеет веских доказательств, поскольку во внешней галерее, как уже отмечалось, древние захоронения не найдены. Остатки кирпичного склепа, выявленные М.К. Каргером во внутренней северной галерее (где и размещает усыпальницу рода Всеволода Н.Н. Никитенко (1999, с. 235), дают основание говорить только о погребениях под полом, к тому же неизвестно, какого времени. В столь тесном помещении, какова внутренняя галерея, мраморные или каменные саркофаги один возле другого, как можно предположить из летописных текстов, не встали бы. По этому поводу П.П. Толочко совершенно верно замечает, что если понимать свидетельство летописи 1093 г. о захоронении Всеволода рядом с гробом отца не фигурально (в одном храме), а буквально (один саркофаг возле другого), то во Владимирском алтаре, который тесен даже для саркофага Ярослава Мудрого, этого произойти не могло (Толочко П.П., 1996, с. 208). Более подходят для этих целей наружные галереи, в приделах которых в закрытых помещениях обычно и устраивались усыпальницы. Однако недостаточная изученность Софийского собора не позволяет считать вопрос о месте расположения великокняжеской усыпальницы решенным, поскольку известно, что погребения древнерусского времени были найдены в 1936 г. в восточной части южной внутренней галереи собора (Новицкая М.А., 1973, с. 62).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архіпова Є.І., 1991. Дослідження різьбленого декору Десятинної церкви в Києві // Археологія. № 2.

Беляшевский Н.Ф., 1888. Десятинная церковь. Документы, известия, заметки // Киевская старина. Т. XXII.

Болховітінов Є., 1995. Вибрані праці з історії Києва. Київ.

Брюсова В.Г., 1968. К истории стенописи Софийского собора Новгорода. Фрески Мартирьевской паперти // Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М.

Висоцький С.О., 1969. Про дослідження та первісне місце саркофага Ярослава Мудрого в Київської Софії // Слов'яно-Руські старожитності. Київ.

Высоцкий С.А., 1963. Запись о саркофаге Всеволода Ярославича // СА. № 4.

Гинзбург В.В., 1940. Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингигерды // КСИИМК. Вып. VII.

Голубинский Е., 1901. История церкви. Т. 1. Ч. 1. М.

Ермонская В.В., Нетупахина Г.Д., Попова Т.Ф., 1978. Русская мемориальная скульптура. К истории художественного надгробия в России XI–XX в. М.

Иоанн, 1895. Обрядник Византийского двора как церковно-археологический источник. М.

Ісаєвич Я.Д., 1982. Нове джерело про історичну топографію та архітектурні пам'ятки стародавнього Києва // Київська Русь. Культура, традиції. Київ.

Каргер М.К., 1961. Древний Киев. Т. 2. М.; Л.

Комеч А.И., 1987. Древнерусское зодчество конца X – начала XII вв. М.

Кондаков Н., 1886. Византийские церкви и памятники Константинополя. Одесса.

Копыстенский З., 1878. Полинодия или книга обороны // Русская историческая библиотека. Т. IV. Кн. 1. СПб.

Кресальний М.Й., 1960. Софійский заповідник у Києві. Київ.

Лазарев В.Н., 1953. Живопись и скульптура Киевской Руси // История русского искусства. Т. 1. М.

Лебединцев П.Г., 1878. О св. Софии Киевской // Труды III Археологического съезда в России в 1874 г. Т. 1. Киев.

Лебединцев П.Г., 1882. Описание Киево-Софийского кафедрального собора. Киев.

Лесючевский В.И., 1946. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства // СА. Вып. VIII.

Макаренко М., 1930. Скульптура й різьбярство Київської Русі передмонгольских часів // Київські збірники історії й археології, побуту й мистецтва. Вип. 1. Київ.

Никитенко Н., 1995. Загадки гробницы Ярослава Мудрого // Рыночная площадь. № 11(85) от 18.03. Киев.

Никитенко Н.Н., 1999. Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской. Киев.

Новицкая М.А., 1973. Вышивки золотом с изображением фигур, найденные при раскопках в Софии Киевской // София Киевская. Материалы исследований. Киев.

Орловский П., 1898. София Киевская, ныне Киево-Софийский кафедральный собор. Киев.

Петров Н.И., 1897. Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев.

Пименово хожение в Царьград, 1984 // Книга хожений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М.

Повстенко О., 1954. Катедра св. Софії у Києві. Анали Української Вільної Академії наук у США. New York.

Приселков М.Д., 1913. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб.

Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII ст., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским, 1896. М.

Пуцко В.Г., 1986. Мраморный саркофаг Ярослава Мудрого // Byzantinobulgarica. Т. VIII.

Раппопорт П.А., 1982. Русская архитектура X–XIII вв. // САИ. Вып. Е1–47.

Рогов А.М., 1966. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его "Хроника"). М.

Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей, 1874. Киев.

Скворцов Н., 1852. Описание Киево-Софийского собора. Киев.

Смирнов Я.И., 1908. Рисунки Киева 1651 года по копиям конца XVIII в. М.

Толочко П.П., 1996. Володимир Святий. Ярослав Мудрий. Київ.

Тоцька І.Ф., 1993. До вивчення некрополю Софії Київської // Київський Болховітіновський збірник. Київ.

Тоцька І.Ф., Єрко О.Ф., 1976. До історії північної галереї Київської // Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ.

Deer J., 1959. The Dynastic Tombs of the Norman Period in Sicily // DOS. Cambridge, Massachusetts.

Grabar A., 1976. Sculptures Byzantines du Moyen Age (XI-e – XIV-e siecle). Paris.

On the Resting-place of Prince Yaroslav the Wise (The Problem of the Princely Burial-vault)

E. I. Arkhipova

Summary

The problem of location of prince Yaroslav the Wise burial-vault and sarcophagus in St. Sophia cathedral in Kiev recently has been artificially confused. It was determined that the sarcophagus had been standing in the Vladimir's altar apse (representing the original inner gallery of the cathedral) since the late 17th century. However, N.E. Makarenko, S.A. Vysotsky, and N.N. Nikitenko considered to be that place the original one. According to the information of the 16th–17th centuries by Z. Kopystensky, M. Stryjkovski, and Erich Lassota von Steblau, the sarcophagus formerly stood in St. George side-chapel or in Yaroslav's chapel, without indication of the latter name. According to the description of the cathedral composed by Paul from Aleppo (1653), the sarcophagus in question occupied the place to the right from the cathedral's north-western exit, i.e. in the north-western part of the temple in St. George chapel (P.G. Lebedintsev, P. Orlovsky, O. Povstenko and others). Prince Yaroslav's burial-vault appeared only after the death of prince Vsevolod, so that the opinion by I.F. Totskaya on establishing it and placing the sarcophagus in the apse of northern outer gallery when Yaroslav was still alive is a wrong one. The author opposes all the suggestions presented pointing to the absence of ancient graves in the mentioned part of the galleries and incorrect quoting of written sources by her opponents. The detailed analysis of the historical records and archaeological data on the Christian funerary rite proves that the opinion on the burial of prince Yaroslav the Wise in the cathedral's north-eastern part is ungrounded. The hypothesis suggesting location of prince Vsevolod's and his descendants' burial-vault in the same compartment also cannot be accepted until comprehensive study of St. Sophia architectural and archaeological investigation is undertaken.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 45–55

ИЗ ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ XIV В.

(землевладение Воронцовых-Вельяминовых)

© 2001 г. А. А. Юшко

Институт археологии РАН, Москва

Возможностью заниматься вопросами боярского землевладения Московской земли мы в значительной степени обязаны работам С.Б. Веселовского, который блестяще проследил весь процесс сложения московского боярства на всех его этапах (Веселовский С.Б., 1969). Всего для конца XIII–XIV в. им выделено около двух десятков боярских родов, насчитывающих до 180 чел.

Основная особенность боярского землевладения Московской земли, вытекающая из специфики политического устройства Московского княжества, заключается в том, что землевладение это складывалось под сильнейшим воздействием князей.

Вторая особенность – необычайная чересполосица владений, что ярко подтверждается картографированием великокняжеской и боярской форм землевладения.

И наконец, третья особенность, определяющая, пожалуй, обе вышеотмеченные, заключается в том, что процесс сложения феодального землевладения на территории Московской земли хронологически сдвинут и относится лишь к XIV в.

Прямых источников по вопросу боярского землевладения Московской земли ранней поры практически нет, за исключением тех редких случаев, когда в результате конфискации сел "крамольных" и опальных бояр они оказываются в великокняжеском землевладении и фиксируются княжескими духовными грамотами. Однако основная часть актов относится не к XIV, а к XV в. и позже. Тем не менее некоторые акты могут быть использованы ретроспективно, учитывая встречающуюся в них клаузулу: "благословляю своею дединой" или "старой вотчиной отца".

Что касается других видов источников, то они почерпнуты из смежных дисциплин: топонимики, генеалогии, археологии.

Привлечение топонимики базируется на важном выводе С.Б. Веселовского о том, что не менее 2/3 сел Подмосковья получили свои названия от имен и прозвищ их первоначальных владельцев. Однако топономика – особый вид источников, требующий, как указывал С.Б. Веселовский, "предварительной критики". В его время она сводилась к поискам письменных источников для возможной датировки топонима и данных, проливающих свет на его происхождение.

В наше время появилась возможность более надежно привлекать этот вид источников, благодаря использованию археологических данных. Конечно, мы не можем археологически датировать время происхождения топонима, мы датируем лишь время происхождения населенного пункта, к которому приложен этот топоним, но для периода, когда он связывается с землевладением того или иного боярского рода, мы можем вычленить хронологию этого землевладения.

Другой аспект привлечения археологических данных связан с вопросами возрождения древней географической номенклатуры на основе привлечения данных микротопонимии. Это дает возможность отождествить безымянные археологические поселения с теми или иными населенными пунктами письменных источников, память о которых сохранилась в названиях урочищ и оврагов.

И наконец, в тех случаях, когда топоним, связанный с боярским землевладением, сохранился до наших дней, археологические обследования его позволяют точно локализовать территорию древнего топонима, иногда наметить его планировку. Накопление же фактического материала этого вида источников (всего по этой теме обследовано 48 топонимов) позволяет превратить его в объект самостоятельного исследования. Размеры этих сел, их топография, планировка, выделение типов боярских поселений XIV в. – вот те вопросы, которые позволяют решать археологические данные. Не менее важный вопрос – соотношение этих селищ со структурой поселений домонгольской поры, что дает возможность расширить хронологическую ограниченность письменных источников и проследить пути проникновения крупного феодального землевладения в местную общинную среду.

Ввиду такой многоплановости источников первостепенное значение приобретает вопрос методики выделения боярских вотчин и сел. Здесь опять принципиальное значение имеют работы С.Б. Веселовского. Анализируя его принцип вы-

деления вотчин, нетрудно заметить, что он основан на сочетании сел, названных по имени и прозвищам представителей того или иного рода, расположенных кучно. Такое сочетание сел не может быть случайным, поэтому здесь не всегда обязательна проверка другими видами источников, если мы не ставим иных, кроме картографирования этих вотчин, задач.

Когда же речь идет об отдельных селах, а не о вотчинах, то здесь в большинстве случаев необходимо привлечение всех возможных видов источников. Исключение составляют те села, владельцы которых были инородцами (например, Серкизовы) или обладали прозвищами, малораспространенными в Древней Руси.

По некоторым боярским родам, изученным С.Б. Веселовским, землевладение намечено на основе современной топонимики, по некоторым же – не разработано совсем. Но следует отметить, что история землевладения не была основной задачей его исследований, а служила иллюстрацией, подтверждающей его генеалогические выводы. Наша же задача – по возможности восполнить этот пробел.

Одним из наиболее древних боярских родов был род Вельяминовых, первым достоверным представителем которого является Протасий Федорович, прибывший вместе с великим князем Даниилом Александровичем из Владимира в последней четверти XIII в. (Веселовский С.Б., 1969, с. 211, 212). Он был московским тысяцким при Иване Калите еще до того, как тот стал великим князем. Среди боярства род Протасия всегда занимал первое место. Протасий Федорович был тысяцким и при Семене Ивановиче и умер где-то около 1350 г. Тысяцким был и сын Протасия – Василий, уже при великом князе Иване Ивановиче. Но возвышавшееся московское боярство не хотело мириться с правом наследования самой почетной должности княжества. Соперником Вельяминовых выступал честолюбивый Алексей Петрович Хвост Босоволков, притязания которого особенно усилились после смерти Василия Протасьевича. Ему удалось добиться должности тысяцкого, но эта победа стоила ему жизни: 3 февраля 1356 г. он был найден убитым на Красной площади. Должность тысяцкого опять перешла к Вельяминовым. Ее занял сын Василия – Василий Васильевич Вельяминов, являвшийся в малолетство Дмитрия Донского совместно с митрополитом Алексеем по существу проводником великокняжеской политики, начатой Иваном Калитой. О смерти Василия Васильевича 17 сентября 1374 г. как о важном событии сообщают летописи (Симеоновская летопись, 1997, с. 147). У Василия Васильевича было три брата: Федор Воронец (основатель фамилии Воронцовых) – боярин при князе Семене и Дмитрии Донском; Тимофей Васильевич – окольничий и Юрий Васильевич, так же как и Тимофей, – участник Куликовской битвы (Веселовский С.Б., 1969, с. 216).

Со смертью Василия Васильевича должность тысяцких в Москве была упразднена, что послужило причиной известных событий, связанных с побегом и изменой Ивана Васильевича Вельяминова, старшего сына Василия Васильевича, совместно с сурожанином Некоматом в Орду в 1375 г. (Патриаршая или Никоновская летопись, 1965, с. 22). В связи с этим побегом мы имеем первое свидетельство о конфискации у Вельяминовых землевладения в договоре Дмитрия Ивановича с тверским князем Михаилом Александровичем, к которому переметнулись беглецы. О селах Ивана Васильевича, упомянутых в документе, речь будет ниже. Что же касается сел Некоматовых, то свидетельство об одном из них (с. Некиматово) находим в актах 1480 и 1489 гг. (Акты..., 1964, с. 368, 405, № 489, 527). Село это было пожаловано братьям Воропаевым великим князем Иваном Васильевичем. Находилось оно на р. Каширке, близ Михнево.

Вслед за конфискацией владений Ивана Васильевича наступил печальный конец и самого потомка московских тысяцких: на пути из Орды в Тверь он был тайно схвачен в Серпухове, доставлен в Москву и казнен на Кучковом поле.

Преступления Ивана Васильевича против Москвы были тяжкими: он совместно с Некоматом добывал в Орде ярлык на великое княжение для тверского князя Михаила, был тайным пособником известного набега татар 1378 г., так что потомки его выбыли из боярского родословия. С.Б. Веселовский замечает по этому поводу: "Более 150 лет измена Ивана Васильевича тяготела проклятием над его несчастливыми потомками" (Веселовский С.Б., 1969, с. 218). Братья же Ивана Васильевича – Микула и Полиевкт – сразу решительно отмежевались от него, и на их служебной карьере измена брата не отразилась.

Ближайшие потомки Протасия были очень значительными людьми второй половины XIV в. и по знатности, видимо, превышали другие московские боярские роды.

Землевладение Вельяминовых в Подмосковье в значительной мере прослежено С.Б. Веселовским. Но его сведения можно расширить за счет привлечения данных ряда источников.

На территории Подмосковья в границах княжества 30-х годов XIV в. в современной топонимике известно шесть селений с названием Протасово (Список..., с. 252). Одно из них С.Б. Веселовский связывает с вотчиной потомков Протасия, располагавшейся на левобережье р. Учи – притока Клязьмы, ныне по обоим берегам канала им. Москвы (Веселовский С.Б., 1969, с. 220, 221) (рис. 1). Село Протасово и расположенное южнее с. Драчево

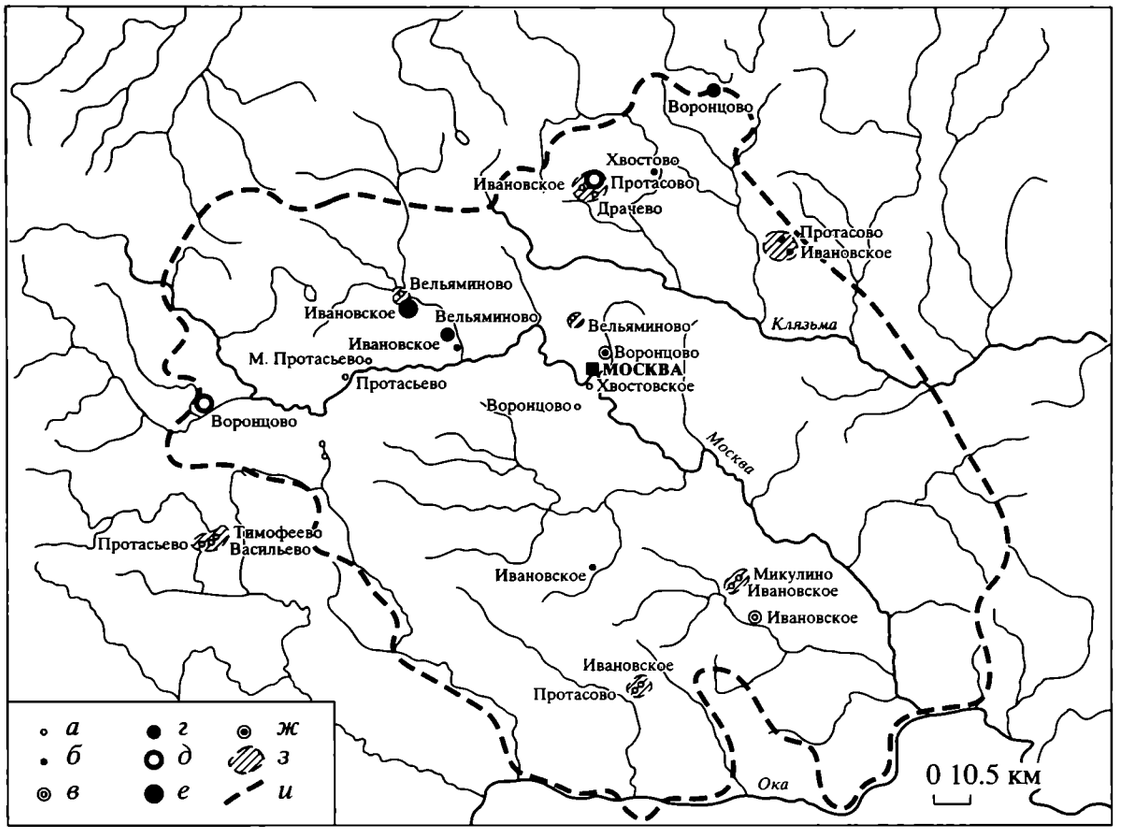

Рис. 1. Карта землевладения Воронцовых-Вельяминовых в XIV в. *а* – топонимы, связываемые с землевладением Воронцовых-Вельяминовых; *б – ж* – топонимы, обследованные археологически (площадь поселений, тыс. м^2): *б* – до 10; *в* – 11–20; *г* – 21–30; *д* – 31–50; *е* – более 50; *ж* – площадь поселений не определена; *з* – вотчины; *и* – граница княжества 30-х годов XIV в.

во второй половине XV в. были старинной вотчиной Ивана Васильевича Шадры Вельяминова, а в 1541 г. достались Троице-Сергиеву монастырю (Акты..., 1952, с. 432, № 555). В списке с писцовой книги 1584–1586 гг. Протасово показано как сельцо, находящееся, так же как и Драчево, в числе вотчин Троице-Сергиева монастыря (размер пашни 136 десятин) (Писцовые книги..., 1872, с. 196). Западнее с. Протасова, на левом же берегу канала размещается с. Ивановское. Юго-западнее этих селений, близ сельца Ларево, на р. Семирядовке, в списке писцовой книги 1584–1586 гг. показана пустошь Воронцово (Писцовые книги..., 1872, с. 179). Исходя из этих данных, С.Б. Веселовский следующим образом представляет историю этого владения: "В начале XIV в. оно принадлежало Протасию Федоровичу, а потом его внуку Федору Воронцу. Затем часть владения по разделу досталась Ивану Васильевичу. Протасово и Драчево позже перешли к младшей линии рода и, наконец, были отданы Троицкому монастырю" (Веселовский С.Б. и др., 1955, с. 371). По данным списка с писцовой книги 1584–1586 гг., размер владений сел Драчево, Протасово и пустоши Воронцово составлял около 298 десятин, не считая леса и сеножатий (Писцовые книги..., 1872, с. 179, 196).

Из числа владений этой вотчины археологическим обследованиям была подвергнута территория с. Протасово, располагающегося в Мытищенском р-не, на левом берегу безымянного ручья (бассейн р. Учи). Современное село вытянуто в направлении юго-восток – северо-запад на протяжении 0.8 км и имеет сложную планировку. Древний культурный слой площадью около 43 тыс. м^2 выявлен в северо-западной части села. Мощность его 0.3 м. Селище возвышается над уровнем воды в ручье на 10–17 м. По подъемному материалу оно датируется XIV–XVII вв. В 80-е годы XVI в. размер его пашни составлял около 136 десятин (Писцовые книги..., 1872, с. 196).

Еще одна вотчина Протасия локализуется С.Б. Веселовским на р. Протве, исходя из духовной великого князя Василия Дмитриевича, где указано "село Ивановское в Гремичах" (1389 г.) (Веселовский С.Б., 1969, с. 21).

Волость Гремичи, располагавшаяся южнее Вереи, оказывается в составе Московского княжества не ранее 70-х годов XIV в. Впервые она фигурирует в одной из "докончальных" грамот 1374–1375 гг. (Духовные и договорные грамоты..., 1950, с. 23). С.Б. Веселовский указывает в этой местности три близко расположенных топонима, которые могут быть связаны с землевладе-

нием Вельяминовых: Протасьево, Васильево и Тимофеево. "Едва ли можно оспаривать в связи с показанием великого князя Дмитрия, – пишет исследователь, – что здесь в XIV в. была вотчина Протасия, которая перешла к его сыну, а затем к внукам – окольничему Тимофею и казненному Ивану" (Веселовский С.Б., 1969, с. 221). Добавим, что если вотчина Протасия была здесь со времен основателя рода (Протасий умер около 1341 г.), то она образовалась за пределами границ Московского княжества 30-х годов XIV в. (рис. 1). Никаких других источников в отношении этих пунктов обнаружить не удалось. Топонимы сохранились до наших дней.

Далее С.Б. Веселовский локализует вотчину Вельяминовых – с. Ивановское – на р. Северке в Левичине стане Коломенского уезда (Веселовский С.Б., 1969, с. 221). Указание местоположения этого села в Левичине стане имеется в духовной великого князя Василия Дмитриевича (Духовные и договорные грамоты..., 1950, с. 56). Соседство этого пункта с с. Микулиным (в 4 км к северо-востоку), а также сведения писцовых книг об этих селах позволяют наметить здесь вотчину Вельяминовых (Микула – внук Василия Протасьевича) (рис. 1).

С. Ивановское, располагавшееся в XVI в. не в Левичине, а в соседнем Маковском стане (почти на границе этих станов) – крупное село, в котором "имели жребий" сразу два землевладельца (размер пашни 398 десятин) (Писцовые книги..., 1872, с. 435, 436). Микулино с деревянной церковью Покрова Богородицы – также достаточно крупное село – располагалось в Левичине стане (Писцовые книги..., 1872, с. 470) (размер пашни 93 десятины). Таким образом, в 70-е годы XVI в. размер владений этих сел составлял 491 десятину, не считая 4 десятин леса и сеножатий.

В 8 км ниже по течению р. Северки, на ее левом берегу, в современной топонимике известно еще одно с. Ивановское, расположенное близ впадения в Северку р. Богданки. Пункт известен по писцовой книге 1577–1578 гг. (Маковский стан), где показан как село с церковью Ильи Пророка на р. Богданке. Селом владели три землевладельца. Размер его пашни в 70-е годы XVI в. составлял около 507 десятин (Писцовые книги..., 1872, с. 581).

Археологические обследования этого пункта выявили здесь, в прибрежной части р. Северки (Ступинский р-н) и частично на территории села селище, имеющее вытянутую в направлении северо-запад – юго-восток форму и площадь около 15 тыс. м^2. Мощность культурного слоя 0.3–0.4 м. Селище возвышается над уровнем воды в р. Северке на 6 м. Датируется по материалам шурфовки и по подъемному материалу XIV–XVII вв.

Рядом с вотчиной Вельяминовых близ современного с. Ивановского С.Б. Веселовский ошибочно указывает с. Протасово, находящееся в 27 км от Богородска, и, сопоставляя его с соседним Ивановским, выводит на этом основании вотчину (Веселовский С.Б., 1969, с. 221). В действительности на территории Коломенского уезда ни по писцовым книгам, ни в современной топонимике ни одного селения Протасово не известно, а указанное С.Б. Веселовским современное с. Протасово (в 27 км от Богородского) располагается в верховьях р. Чернавки (Черной – левого притока р. Пехорки) и отстоит от указанной выше вотчины более чем на 60 км. Связывать этот пункт с землевладением потомков Протасия достаточных оснований мы не имеем, так как никаких иных источников, кроме современной топонимики, подтверждающих его древность, у нас нет. Однако на территории коломенских волостей, в дополнение к данным С.Б. Веселовского, можно, привлекая сведения писцовых книг, наметить соседство некоторых исчезнувших в XVI в. топонимов (пустоши, селища), связанных с генеалогией Протасьевичей.

Так, на территории Большого Микулина стана, на р. Косяевке (левый приток р. Лемешовки, впадающей слева в Коломенку), указана "пустошь, что была деревня Деминское-Микулино" и "селище, что была деревня Ивановская", пашня которой поросла "в кол и в жердь" (Писцовые книги..., 1872, с. 359). Возможно, что здесь имели место земельные владения Ивана Васильевича и его брата Микулы, но локализация этих исчезнувших топонимов представляется затруднительной.

На территории коломенской Мезынской волости писцовая книга 1577–1578 гг. указывает "пустошь, что была д. Протасовская", и недалеко от нее – селище Микулино (Писцовые книги..., 1872, с. 599). Определить местоположение этих пунктов также не представляется возможным.

Далее С.Б. Веселовский выделяет небольшую вотчину Вельяминовых на р. Лихоборке, которая включила Вельяминово и соседнее Марфино (Веселовский С.Б. и др., 1955, с. 370, 371). По данным писцовых книг XVI в., С.Б. Веселовский указывал и примерный размер этой вотчины – 225 десятин. Она была вкладом Вельяминовых в Богоявленский монастырь, а затем оказалась в землевладении патриархов, вследствие чего с. Вельяминово было переименовано во Владыкино. В.Д. Назаров, основываясь преимущественно на гипотетических построениях, датирует время вклада сел Вельяминова и Марфина в Богоявленский монастырь последней четвертью XIV в., полагая при этом, что он был сделан вдовой Василия Васильевича Марией, возможно, принявшей после смерти мужа монашеское имя Марфы, с чем В.Д. Назаров связывает и происхождение название Марфино (Акты..., 1952, с. 272).

Ниже по Яузе С.Б. Веселовский локализует одну из древнейших вотчин, принадлежавших Фе-

дору Воронцу, память о которой сохранилась в названии московской улицы Воронцово поле (Веселовский С.Б., 1969, с. 222). Это село фигурирует в летописях начиная с 1502 г. (продолжение летописи по Воскресенскому списку, 1859, с. 242, 267). Впервые принадлежность этого села роду московских тысяцких высказал еще И.Е. Забелин (1905, с. 15). После казни тысяцкого Ивана Васильевича в 1379 г. село, видимо, было конфисковано в пользу великокняжеского дома, во всяком случае при Иване III там уже был великокняжеский двор, который Иван III передал Василию III: "Да ему же даю селцо Воронцовское на Яузе, где мой двор и три дворы с городскими со всеми по обе стороны Яузы, и с мельницами, как было при мне" (Духовные и договорные грамоты..., 1950, с. 354). Как видим, в начале XVI в. село было поглощено городской застройкой. В 1514 г. в нем была заложена церковь Благовещения, которую строил Алевиз Фрязин (Софийская летопись, 1853, с. 254).

В 1978 г. вблизи этой церкви (бывшее помещение Музея искусств народов Востока) нами был заложен шурф, который позволил частично исследовать богатую постройку второй половины XVII в. (Юшко А.А., 1987, с. 53, 54). Эта постройка, имеющая сильно заглубленную подпольную часть, испортила культурные напластования предшествующего времени, но единичные фрагменты красной московской керамики конца XIV – начала XV в. свидетельствуют о том, что поселение здесь возникло не позже XIV в.

Еще одно с. Воронцово, находящееся сейчас в черте г. Москвы, располагалось на старой Калужской дороге между селами Семеновским и Беляевым. Село упомянуто вместе с Семеновским в духовной Ивана Грозного (1572 г.) (Духовные и договорные грамоты..., 1950, с. 354, 433). Сейчас топоним сохранился в названии приусадебного Воронцовского парка (бывшая усадьба Репниных) близ Ленинского проспекта. На территории парка до последнего времени сохранялась курганная группа вятичей из пяти курганов.

Все эти сведения о землевладении Воронцовых-Вельяминовых, которые в основном имеются у С.Б. Веселовского, можно значительно расширить за счет привлечений топонимических и иных данных.

Большая вотчина Протасьевичей намечается на р. Пруженке – притоке р. Вори (рис. 1). Здесь, на правом берегу р. Пруженки, имеется д. Протасово (Список..., 1862, № 949). Она известна писцовой книге 1584–1586 гг., согласно которой размер ее пашни составлял 45 десятин (Писцовые книги..., 1872, с. 275). Фигурирует она и в актах 90-х годов XV в., когда она принадлежала Троице-Сергиеву монастырю и переходила к Чудову (Акты..., 1952, с. 430, 432, № 554, 555). По данным писцовой книги 1584–1586 гг., Вельяминовым принадлежала поблизости от указанного выше Протасова "пустошь Вельяминово, что была деревня на р. Воре" с размером пашни 187 десятин (Писцовые книги..., 1872, с. 272). Интересно отметить, что в современной топономике юго-восточнее Протасова имеется д. Ивановское.

Все это позволяет выделить здесь, на реках Воре и Пруженке, древнюю вотчину Протасия (рис. 1). По данным С.З. Чернова, проводившего здесь разведки в 1977 г., культурный слой XIV в. выявлен как на территории д. Протасово, так и Ивановское (Чернов С.З., 1977). В целом вотчина занимала, видимо, междуречье Пруженки и Вори (пустошь Вельяминово на р. Воре). По данным писцовой книги 1584–1586 гг. площадь владений д. Протасово и пустоши Вельяминово составляла 232 десятины, не считая сеножатий (Писцовые книги..., 1872, с. 272, 275). В действительности размер вотчины был, видимо, гораздо больше.

Значительное землевладение Вельяминовых намечается по течению р. Истры. В современной топономике ниже г. Истры, на правом берегу реки, имеется с. Вельяминово, а в 6 км ниже его, на этом же берегу р. Истры, – с. Ивановское (Список..., 1862, № 3007, 3008). По акту 1574 г. сельцо Вельяминово находилось во владении Иосифо-Волоколамского монастыря (Акты феодального землевладения..., 1956, № 435, с. 491). За этим же монастырем оно показано и в писцовой книге 80-х годов XVI в. с размером пашни 83 десятины и 10 десятин леса. (Писцовые книги..., 1872, с. 109). Еще ранее с. Вельяминово фигурирует в духовной Ивана Истомина, сына Курчева (1553–1584 гг.) (Акты феодального землевладения..., 1956, с. 250).

Археологические обследования этого пункта выявили здесь, в северо-восточной части с. Вельяминово (Истринский р-н), на берегу старицы р. Истры селище, имеющее площадь распространения культурного слоя около 9.8 тыс м^2. Мощность его 0.7 м, но в значительной части этих напластований содержится материал, который относится к эпохе железного века (лепная и сетчатая дьяковская керамика). Поверх этого слоя прослеживается слой XIV–XVII вв.

Село Ивановское показано в писцовой книге 1584–1586 гг. как пустошь Соловарево, "что было сельцо" с размером пашни 150 десятин, не считая сеножатий (Писцовые книги..., 1872, с. 113).

Археологические обследования территории с. Ивановского (Истринский р-н), названного нами Ивановским дальним, выявили здесь, на правом берегу р. Истры, в той части села, которая носит название Ивановской слободы, селище, имеющее Г-образную форму. Площадь поселения около 94 тыс. м^2 (рис. 2). Это одно из самых крупных поселений, находящихся в боярском землевладении. Мощность культурного слоя 0.5 м. Оно располагается на высокой, возвышающейся над уровнем

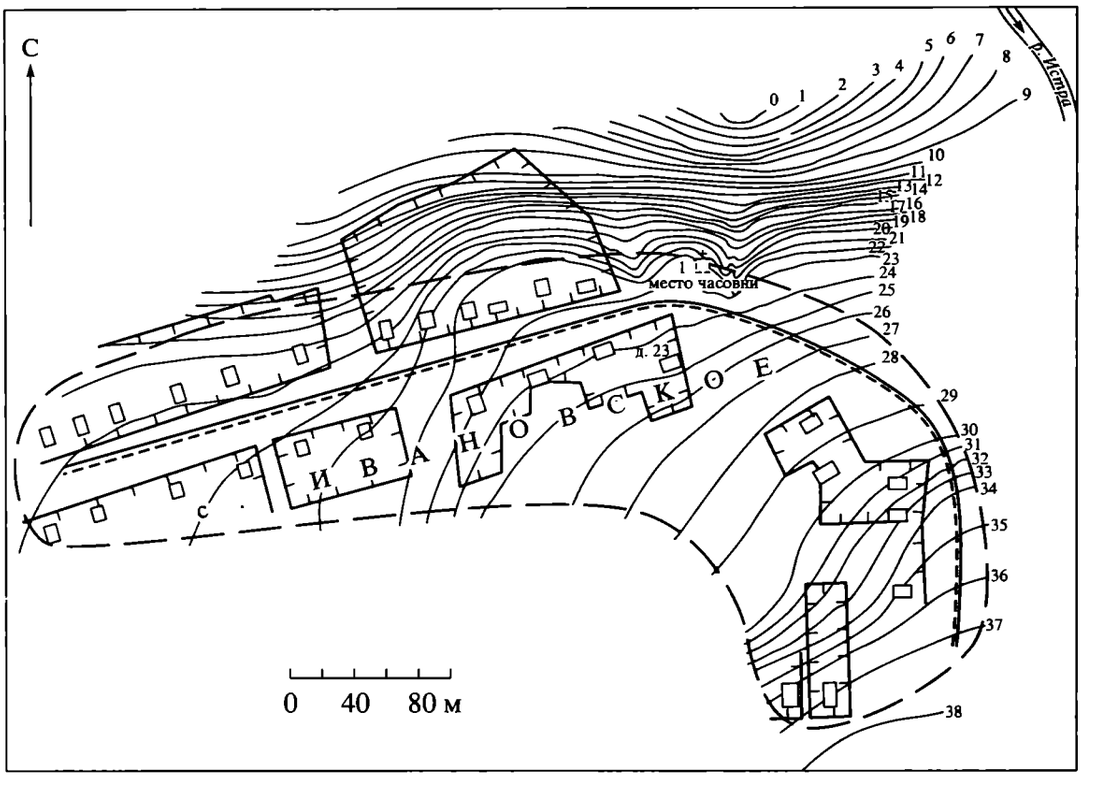

Рис. 2. Селище в с. Ивановское дальнее (Истринский р-н). План.

воды в р. Истре на 20 м береговой террасе, и его поверхность имеет уклон 15 м по направлению к реке. По керамическому материалу селище может быть датировано XIV–XVII вв. В северной его части, там, где оно испорчено строительными работами, связанными с возведением железнодорожного полотна, в образовавшемся обнажении зачищен и частично исследован погреб (подпольная часть наземного сруба) глубиной 1.2 м, имеющий протяженность около 4 м. В заполнении его обнаружено более 300 фрагментов керамики, в основном красной московской XIV–XV вв., характерная черта которой – орнамент в виде резкой волны по венчику или плечикам (рис. 3). Удалось реставрировать целый сосуд с характерным для сосудов XIV в. резким изгибом при переходе от венчика к плечикам (Юшко А.А., 1978).

Таким образом, оба пункта (Ивановское и Вельяминово) составляли, видимо, одну вотчину, имеющую протяженность по правому берегу р. Истры более 6 км.

Ниже по течению р. Истры, также на ее правом берегу, имеется еще одно с. Ивановское, а в 7 км выше по течению – Вельяминово. Это с. Ивановское существует на картах генерального межевания Звенигородского уезда (Карты генерального межевания). Село Вельяминово (Новинки-Борок) фигурирует в писцовой книге 1592–1593 гг. (Писцовые книги, 1872, с. 668). Археологические обследования обоих пунктов выявили на их территории наличие культурного слоя XIV–XVII вв. В с. Ивановском (Истринский р-н), располагающемся близ впадения р. Белянки в р. Истру, селище обнаружено в северо-восточной части села, на самой его восточной окраине, между кладбищем и селом. Площадь распространения культурного слоя около 5 тыс. м^2. Селище имеет форму овала с поперечниками 100 и 55 м. Оно возвышается над уровнем воды в реке на 20–23 м. В с. Вельяминово селище выявлено к северу от села, на береговой террасе, возвышающейся над р. Истрой на 15–30 м. Площадь его распространения около 26 тыс. м^2. Мощность слоя 0.3 м (Юшко А.А., 1978).

Трудно определенно сказать, составляли ли оба пункта единую вотчину Вельяминовых, но связь их с землевладением этого рода весьма вероятна.

Топонимы с названием Ивановское слишком распространены, чтобы привлекать их к решению вопроса о землевладении Вельяминовых без проверки с помощью других видов источников, однако следует отметить населенный пункт Ивановское, расположенный близ впадения р. Рогожки в р. Рожаю. В писцовых книгах XVI в. сведения о нем отсутствуют. Однако археологические обследования его территории и ближайших окрестностей позволили выявить близ восточной его окраины селище площадью 0.8 тыс. м^2, датируемое XIV–XVII вв. (Юшко А.А., 1978).

В современной топонимике известны два селения Вельяминовых близ тракта из Воскресенска

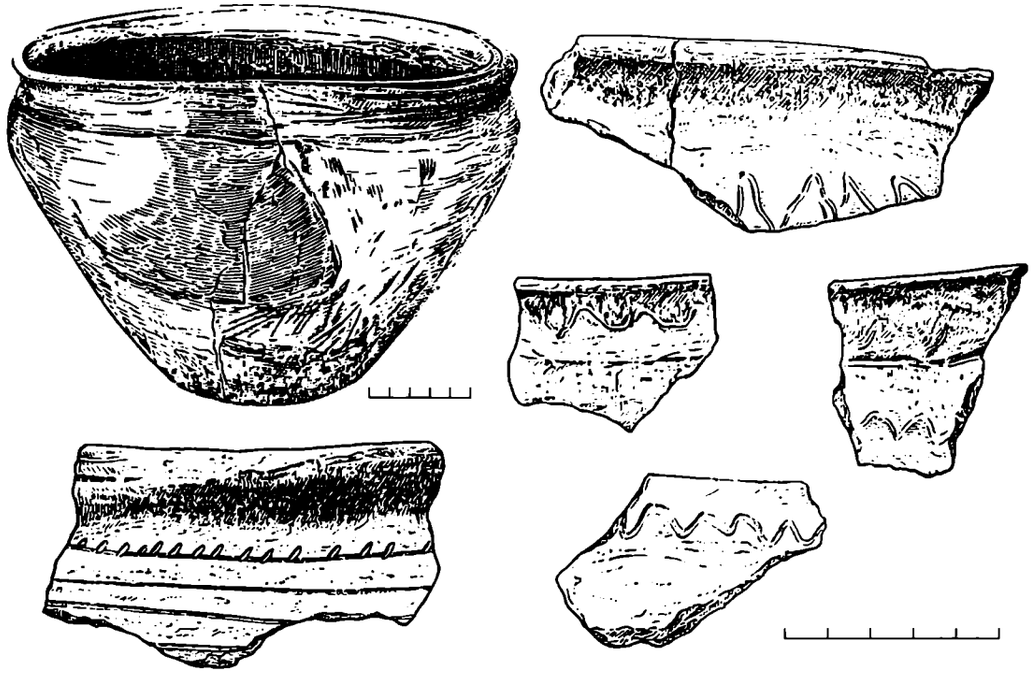

Рис. 3. Селище в с. Ивановское дальнее. Керамика из заполнения погреба.

(Истры) в Клин – в 37 верстах от Воскресенска (Нистрем К., 1852). Но локализовать их не удалось.

Небольшие владения Протасьевичей можно наметить по течению р. Локотенки – левого притока р. Москвы. Здесь находилась д. Протасьево, которая располагалась рядом с д. Савино (размер пашни 62 десятины (Писцовые книги..., 1872, с. 680).

Прямое указание на местоположение этой деревни находим на плане местностей вокруг Саввина монастыря Авраама Свиязева (1664 г.), где д. Протасово показана на правом берегу р. Локотенки, чуть выше по течению д. Улитино, существующей и поныне (План местностей..., 1664). В XVIII в. (Карты генерального межевания) д. Протасово перестала существовать, и позже этот топоним не возродился (Карты генерального межевания).

Ниже по течению р. Москвы писцовая книга 1592–1593 гг. показывает д. Малое Протасово (Копылынцево), которая "тянула" к с. Бельино (размер пашни 18 десятин (Писцовые книги..., 1872, с. 680). Это село (Белжинское духовных грамот) находилось в великокняжеском землевладении, и то обстоятельство, что д. Малое Протасово, находившаяся ранее в землевладении опального рода тысяцких, переходит в домен великого князя, весьма показательно. Местоположение этой деревни можно уточнить также с помощью плана А. Свиязева: она (указана д. Копылынцева) находилась на левом берегу р. Москвы, почти напротив существующего ныне с. Луцыно, несколько к северо-западу от него. Видимо, оба этих пункта можно отнести к землевладению рода Протасия.

Чуть выше по течению р. Москвы у устья Локотенки в нее впадает один крупный приток – р. Молодильня (Молодиля в писцовых книгах). Здесь в XVI в. была пустошь Воронцово близ д. Кораваево (Писцовые книги..., 1872, с. 108) и близ д. Городино (Голыгино) – д. Протасово. К сожалению, ни одного из этих пунктов локализовать не удается.

Еще одна д. Воронцово имеется в современной топонимике к северо-востоку от г. Можайска (Нистрем К., 1852, с. 579). Археологические обследования этого пункта выявили здесь, в 2 км к северо-западу от р. Москвы (Можайский р-н) на территории небольшой (всего девять домов) современной д. Воронцово, селище XIV–XVII вв., площадь распространения которого 33.6 тыс. м^2. Село и селище размещаются к югу от заболоченного ручья (бассейн р. Москвы). Мощность культурного слоя в северной части селища 0.4 м, в южной 0.2 м (рис. 4). Оно размещается на небольшом всхолмлении (5 м), понижающемся к северу (к заболоченному ручью) и к югу (к небольшому пруду). При сравнительно небольшой мощности культурного слоя поражает обилие керамического материала. Керамики настолько много, что местные жители собирают ее ведрами со своих приусадебных участков и мостят ею улицы. Видимо, в древности здесь имело место керамическое производство. Среди подъемного материала был обнаружен бронзовый двухсторонний литой крест, который может быть датирован концом XIV–XV в. (Юшко А.А., 1978).

Землевладение Воронцовых-Вельяминовых имело место и в южных волостях Московской земли.

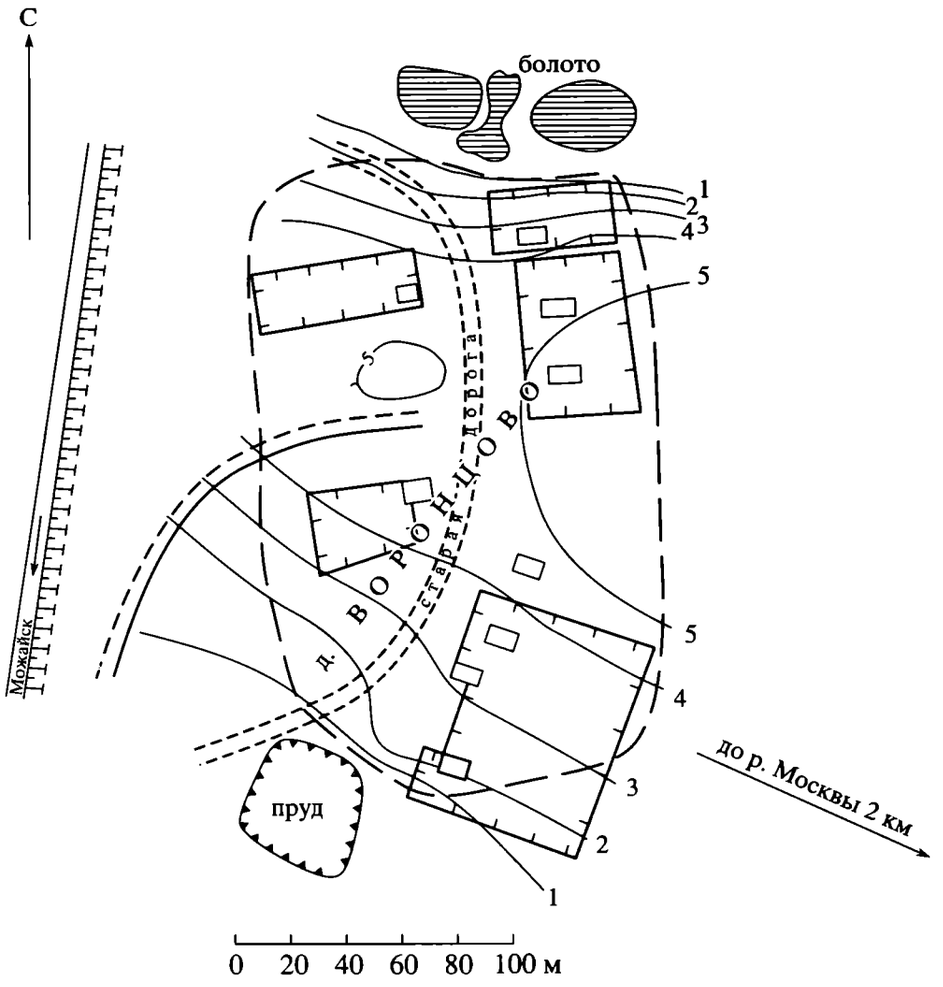

Рис. 4. Селище в д. Воронцово (Можайский р-н). План.

В современной топонимике известно селение Протасово на р. Сосенке – левом притоке р. Лопасни (Список..., 1862). Выше по р. Сосенке, в 2 км расположено с. Ивановское, а в 12 км к северу от последнего, в верховьях р. Речицы, правого притока р. Северки, – с. Вельяминово. Последнее показано в писцовой книге 1577–1578 гг. как пустошь, "что было село Вельяминово", размер пашни которой в XVI в. был весьма значителен – 486 десятин и 65 десятин леса (Писцовые книги..., 1872, с. 449). Сейчас это крупное село, лежащее на Каширском шоссе.

Археологические обследования с. Протасово выявили там культурный слой XIV–XVII вв. площадью около 2.1 тыс. м^2 при мощности 0.3 м (Юшко А.А., 1972).

Видимо, такое скопление топонимов не может быть случайным, и мы можем выделить здесь небольшую вотчину и село, которые принадлежали роду московских тысяцких.

Некоторые сведения топонимического характера дают письменные источники XV–XVI вв. Селище Воронцово в Звенигородском уезде известно по акту 1470 г. (Акты..., 1964, с. 89, № 58), д. Воронцово по акту 1479–1504 гг. – в Локношском стане Рузского уезда (Акты феодального землевладения..., 1956, с. 15, № 10), пустошь Протасьевская показана в писцовой книге 1573–1574 гг. в бывшем Васильцове стане (Писцовые книги..., 1872, с. 7). Но состояние сведений не позволяет локализовать эти пункты, так же как и с определенностью связать их с землевладением рода Воронцовых-Вельяминовых.

Родовым монастырем Вельяминовых был Московский Богоявленский монастырь. С.Б. Веселовский приводит сведения о том, что еще при жизни Ивана Калиты (в 1340 г.) основатель рода Протасий начал, а после великого князя достраивал заложенную в монастыре каменную церковь Богоявления (Веселовский С.Б., 1969, с. 212). Игумен этого монастыря Стефан был духовным отцом тысяцкого Василия Васильевича и его брата Федора Воронца, и после смерти в 1374 г. первый из них был погребен в этом монастыре (Веселовский С.Б., 1969, с. 215). Потомки рода тысяцких делали земельные вклады в этот монастырь.

Богоявленский монастырь, находящийся на территории г. Москвы, между современными

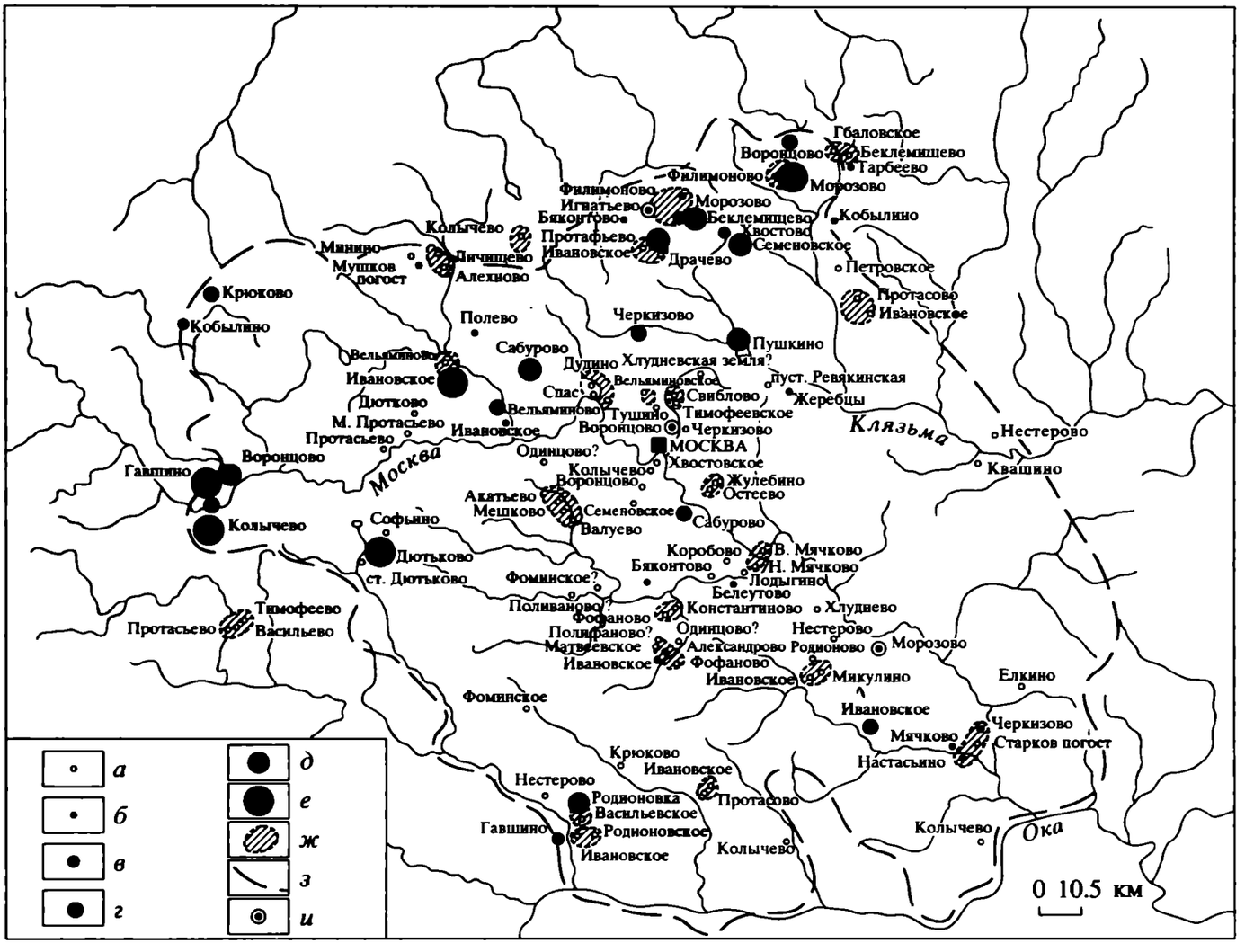

Рис. 5. Карта боярского землевладения Московской земли XIV в. *а* – пункты, топонимически связанные с боярским землевладением; *б–ж* – топонимы, обследованные археологически (площадь поселений, тыс. м^2: б – до 10; *в* – 11–20; *г* – 21–30; *д* – 31-50; *е* – более 50; *ж* – площадь поселения не определена; *з* – вотчины, *и* – границы Московского княжества 30-х годов XIV в.

улицами Куйбышева и Никольской, был основан, согласно данным, приводимым М.Н. Тихомировым (1957, с. 168), в 1292 г. В то время он считался находившимся "близ града Москвы", на посаде "града Москвы" (Патриаршая или Никоновская летопись, 1965, с. 131; Тихомиров М.Н., 1957, с. 168). Археологические исследования Л.А. Беляева на территории монастыря показали, что он был поставлен на культурном слое домонгольского времени (Беляев Л.А., 1994, с. 58).

Должностное положение Воронцовых-Вельяминовых обязывало их иметь двор (а возможно, и несколько) на территории Кремля. М.Н. Тихомиров полагает, что двор этот размещался близ Константино-Еленинской (б. Тимофеевской) башни – по имени Тимофея Васильевича, внука Протасия, окольничего Дмитрия Донского (Тихомиров М.Н., 1957, с. 168).

Таким образом, представители рода Московских тысяцких были людьми очень многовотчинными. В разных местах Московского княжества им принадлежало не менее семи вотчин и девяти отдельных сел.

Из расчета неполных данных XVI в. (писцовые книги) общий размер этих владений составлял не менее 2565 десятин, не считая лесных угодий и сенокосов. Из числа этих населенных пунктов 13 были обследованы археологически, причем размер этих поселений варьирует очень значительно: от 5 до 100 тыс. м^2.

В целом, опираясь на приведенный выше круг источников и подобную методику по теме боярского землевладения Московской земли, удается картографировать более восьми десятков сел и вотчин (рис. 5). Полученная карта свидетельствует о неравномерном распределении пунктов боярского землевладения по территории княжества. Особенно много сел и небольших вотчин в ближайших к Москве окрестностях, на р. Пахре и ее притоке Рожае. При этом здесь наблюдается значительная чересполосица владений, принадлежащих представителям разных боярских родов. Много таких вотчин и сел в верховьях рек Во-

ри и Учи. В то же время некоторые районы – междуречье Рузы и Истры, нижнее левобережье р. Москвы, левобережье верхнего и нижнего течения р. Нары – оказываются свободными от боярщин. Объяснение этого явления находим, если совместим карту боярского землевладения с картой, полученной на основании картографирования пунктов духовного завершения Ивана Калиты. Впрочем, заключения по этому поводу прямого отношения к теме боярского землевладения не имеют и должны быть изложены отдельно.

Кроме того, полученная карта показывает, что основная часть крупных сел и вотчин размещается на периферии княжества, в то время как ближайшие к Москве окрестности заняты более мелкими вотчинами и селами. Чтобы представить себе структуру боярского хозяйства, надо еще учесть, что большинство представителей боярских родов, особенно наиболее знатные из них, имели свои дворы в Московском Кремле или на Посаде, поскольку занимали различные должности в государственном аппарате либо в великокняжеском хозяйстве. При господстве натурального хозяйства, характерного для XIV в., снабжение этих дворов продуктами, сельскохозяйственным сырьем, фуражом обеспечивалось близлежащими подмосковными селами. Таким образом, удается наметить структуру боярского хозяйства, состоящую из трех звеньев: двор в Кремле, села под Москвой и вотчины и крупные села на периферии княжества, которые приносили основные доходы и служили базой экономики боярских хозяйств.

В заключение хотелось бы подвести итог наблюдениям, которые удается сделать в отношении 48 пунктов боярского землевладения, обследованных археологически. Прежде всего все они без исключения представляют собой открытые сельские поселения. Очень единообразна хронология: подавляющая их часть (около 90%) возникает в XIV в. и примерно столько же доживает до нашего времени. Иными словами, в боярском землевладении, как правило, оказывались неосвоенные ранее земли, и этот путь становления крупного феодального землевладения был, очевидно, проще, чем борьба за возделанные и обжитые земли общинников.

Основная масса боярских поселений имела площадь до 40 тыс. м^2 и размещалась на сравнительно невысоких площадках (высотой до 20 м), хотя имеются поселения, площадь которых достигала почти 100 тыс. м^2 (селище в с. Ивановское). Для наглядности сравним средние размеры различных типов поселений XIV в.: рядовые поселения 12.8 тыс. м^2, волостные центры – 25.2 тыс. м^2, великокняжеские села – 96.2 тыс. м^2, боярщины – 23.0 тыс. м^2 (Юшко А.А., 1991, с. 57).

Как видим, средний размер боярских сел значительно меньше, чем великокняжеских, но в то же время он почти вдвое больше рядовых сельских поселений XIV в.

Что же касается топографии боярщин, то господствующим типом заселения здесь остается приречный тип. Видимо, реки продолжали оставаться основными магистралями в это время, как и в домонгольское, хотя в XIV в. заметно возрастает роль сухопутных дорог. Увеличивается количество поселений мысовых – втрое по сравнению с рядовыми поселениями XIV в., что свидетельствует об интересах безопасности при выборе мест поселений представителями боярства. Количество остальных типов заселения боярщин незначительно.

По типу застройки (планировке) боярские поселения заметно отличаются от великокняжеских. Уменьшается доля поселений с прибрежно-рядовой планировкой за счет увеличения числа поселений с уличным и кучевым типами застройки. Показателен высокий процент поселений с уличной планировкой (35%). Это свидетельствует о возрастании роли сухопутных дорог, ибо, как известно, этот тип образован поселениями, вытянутыми перпендикулярно к реке одним либо двумя порядками домов, стоящими вдоль дороги, пересекающей реку.

Таким образом, подводя итоги изучения боярских поселений Московской земли XIV в., следует отметить, что все они представляли собой открытые сельские поселения, размещающиеся, как правило, на новых, неосвоенных ранее землях. К подобному заключению приходит и С.З. Чернов, изучавший процесс возникновения вотчин в бассейне р. Вори (1982, с. 94), причем часто для поселений выбирались места, ограниченные преградами в виде ручьев и оврагов. Эти наблюдения, во-первых, наталкивают на мысль о привнесенном характере крупного феодального землевладения, сложение которого падает на изучаемой территории на XIV в., и, во-вторых, о значительном сопротивлении феодалам местного общинного населения, которое не позволяло им размещать свои земли на занятых территориях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акты московских монастырей и соборов из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря, 1984. М.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, 1952. Т. I. М.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, 1964. Т. III. М.

Акты феодального землевладения и хозяйства, 1956. Ч. II. М.

Беляев Л.А., 1994. Древние монастыри по данным археологии. М.

Веселовский С.Б., 1969. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.

Веселовский С.Б., Снегирев В.Л., Коробков Н.М., 1955. Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV–XIX в. М.

Воскресенский список, 1859 // ПСРЛ. Т. VIII.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, 1950. М.; Л.

Забелин И.Е., 1905. История г. Москвы. Т. II.

Карты генерального межевания // РГАДА. Ф. 1356. Д. 47. В-2.

Нистрем К., 1852. Указатель селений и жителей Московской губернии. М.

Патриаршая или Никоновская летопись, 1965 // ПСРЛ. Т. XI.

Писцовые книги Московского государства, 1872. М.

План местностей вокруг Саввина монастыря Авраама Свиязева, 1664 // РГАДА. Ф. 27. Ч. 3. Д. 29.

Симеоновская летопись, 1997 // ПСРЛ. Т. XVIII. Рязань.

Софийская летопись, 1853 // ПСРЛ. Т. VI.

Список населенных мест по сведениям 1859 г., 1862. Т. XXIV. СПб.

Тихомиров М.Н., 1957. Средневековая Москва в XIV–XV вв. М.

Чернов С.З., 1977. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори (Загорский, Пушкинский и Щелковский районы Московской области) // Архив ИА РАН, Р-1. № 6699.

Чернов С.З., 1982. Вотчина Ворониных (по актам Троице-Сергиева монастыря, устной традиции и археологическим данным) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 6.

Юшко А.А., 1972. Отчет об обследовании археологических памятников в пределах Московской области и городища у д. Макаровка (г. Лопасня) в Тульской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 5077.

Юшко А.А., 1978. Отчет об археологических разведках на территории Московской области в 1978 г. Ч. 1 // Архив ИА РАН. Р-1. № 7991.

Юшко А.А., 1987. Новые археологические памятники на территории г. Москвы // КСИА. Вып. 190.

Юшко А.А., 1991. Московская земля IX–XIV вв. М.

On the History of Feudal Landownership in Moscow Land in the 14th Century. The Vorontsovs-Velyaminovs' Family Land Property

A. A. Yushko

Summary

The article is devoted to the study of landownership in one of the most prominent noble families of the Moscow boyars – the Vorontsovs-Velyaminovs. Their first representatives hold the high position of the Moscow *tysyatsky* (military leader). The investigation is based on wide circle of sources, such as legislative documents, toponymics, genealogy, archaeological data. The latter are drawn to check the age of the place-names, as well as location and dimensions of certain villages. It was established that all of them were open rural settlements, 90% of the sites had emerged in the 14th century. This evidences that boyars' landownership included the lands not tilled before, that pattern of large-scale feudal landownership was easier to put into being, than to struggle for tilled and settled lands of free members of agricultural community. The bulk of rural settlements comprised by boyars' land property covered an area up to 40 thousand sq. m, while those belonging to great princes covered in average an area exceeding 96 thousand sq. m; the villages which constituted *volost'* (district) centres – 25.2 thousand sq. m, and common settlements – 12.8 thousand sq. m.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 56–65

ДИСКУССИИ

СКИФЫ, САРМАТЫ И ДРУГИЕ В КОНТЕКСТЕ ДОСТИЖЕНИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ XX ВЕКА*

© 2001 г. Л. Т. Яблонский

Институт археологии РАН, Москва

Раскопки богатейших курганов, проведенные в XIX в. на территории Северного Причерноморья, стали мощным катализатором для развития российской археологии. В начале XX столетия В.А. Городцов (1905; 1907) впервые соотнес курганы, исследованные им в Изюмском и Бахмутинском уездах, с историческими сарматами и положил тем самым начало новому направлению в археологии – сарматоведению. После блистательных исследований М.И. Ростовцева (1918а, б), посвященных разработке хронологии сарматских памятников и их периодизации, скифо- и сарматоведение становятся не только традиционными, но и классическими направлениями отечественной археологии. В довоенные годы основной вклад в дело теоретических обобщений материалов скифо-сарматской эпохи внесли П.Д. Рау и Б.Н. Граков. Они не только стали основателями отечественных школ изучения ранних кочевников степей, но и задали тон будущим научным изысканиям в этой области. Именно они определили глубокий историзм этих изысканий и стремление использовать археологический материал не только для разработки типологических классификаций и хронологических периодизаций, но и для построения этногеографических, этногенетических, этносоциальных и этно-политических реконструкций (Rau P., 1927; Граков Б.Н., 1947). Основу для подобных реконструкций давали безграничные, как казалось, возможности, которые предоставляли в руки исследователям письменные свидетельства древних авторов. Именно историзм скифо-сарматской археологии определил колоссальный интерес по отношению к ней со стороны не только отечественных, но и зарубежных ученых, не только археологов, но и классических историков, источниковедов, антропологов, исторических лингвистов, искусствоведов. И именно он, этот самый историзм стал, с моей точки зрения, ахиллесовой пятой для скифологов и сарматологов последующих поколений, учеников и коллег этих выдающихся ученых.

Естественным образом сложилось так, что первые массовые и к тому же исключительно яркие находки эпохи поздней бронзы и раннего железа, были сделаны на территории европейской части степей. В процессе сопоставления этих находок с данными письменных источников вырисовывалась четкая картина – памятники, расположенные в степях Северного Причерноморья, хорошо соотносились с историческими скифами, синхронные курганы, раскопанные в Волго-Донском регионе – с савроматами Геродота, а курганы более позднего времени – с сарматами, поэтому дискуссия велась в основном в плане наличия или отсутствия прямых этногенетических связей между носителями четырех главных культур: савроматской, прохоровской, сусловской и позднесарматской. К слову сказать, эта дискуссия, несмотря на огромный массив современных археологических данных, отнюдь не потеряла актуальность к концу XX столетия и, уверен, продолжится и в будущем веке. Детально проработанные историографические очерки по сарматоведению, опубликованные сравнительно недавно и принадлежащие перу М.Г. Мошковой (1989; 1991), избавляют меня от необходимости подробно излагать суть научных гипотез и противоречий.

Самостоятельный и автохтонный этногенез скифов Причерноморья в то время не вызывал никаких сомнений, и именно скифская культура рассматривалась тогда в качестве этнополитического центра ранних скотоводов и кочевников Евразии. Палеоантропологические материалы, вошедшие в довоенную сводку Г.Ф. Дебеца (1948, с. 158 и сл.; 1971), нисколько не противоречили такой постановке вопроса. Б.Н. Граков и А.И. Мелюкова (1954, с. 92, 93), обобщившие в начале 1950-х годов материалы по скифам Причерноморья, ввели в науку представление о "скифской триаде" как о своеобразном, хотя и условном маркере археологических памятников, оставленных собственно скифами.

Археологические работы, широко развернувшиеся позже на территории Южного Приуралья, Зауралья, Сибири, Казахстана и Средней Азии, Алтая и Припамирья, т.е. в восточном ареале степей и полупустынь, заставили по-новому взглянуть на археологию степи эпохи формирования культур скифского типа. В этом ареале были исследованы комплексы, типологически и хронологически близкие собственно скифским, в которых "триада", пусть с иной стилистикой "звериного

* Доклад, прочитанный на конференции, посвященной 275-летию РАН и 80-летию Института археологии в апреле 1999 г.

стиля", была представлена достаточно ярко и убедительно. Реакцией на эти открытия в археологии стало использование в 1930–1940 гг. терминов типа "культура населения Алтая скифского времени" (см., например, Руденко С.И., 1953; 1960), а затем и прямой перенос этнонима "скифы" применительно к совокупности исключительно разнородных как в типологическом, так и в хронологическом плане памятников (см., например: Руденко С.И., Руденко Н.М., 1949; Толстов С.П., 1961; 1963).

И теперь еще, по сложившейся в те времена традиции, такие этноокрашенные клише, как "скифы" и "скифоидные культуры" довольно часто, но совсем неоправданно употребляются при публикации соответствующих материалов, в том числе и на страницах популярных изданий (см., например: Алехин Ю.П., 1989; Кожин П.М., 1989; Курочкин Г.Н., 1990; 1993). Фактически исследователи конца XX столетия следуют в этом плане традиции древних авторов, которые обозначали этнонимом "скифы" гетерогенный и разнокультурный конгломерат степных кочевников и скотоводов. Инверсия, случившаяся в археологии с этим этнонимом, сослужила плохую службу науке – она подвела психологическую базу для теории о существовании некоего единства культуры ранних кочевников на территории от Дуная до Монголии. В специальной литературе представление об этом единстве терминологически подчеркивалось и подчеркивается такими словосочетаниями, как "скифо-сибирский звериный стиль" и "скифо-сибирский мир", "историческое единство скифо-сибирского мира", "скифо-сибирское историко-культурное единство" (см., например: Скифо-сибирское культурно-историческое единство, 1980; Мартынов А.И., Алексеев В.П., 1986; Могильников В.А., 1989).

Когда возникла необходимость найти причину такому единству, на щит было поднято сообщение Геродота о том, что скифы пришли из Азии (современные мифотворцы добавили – "из глубин Центральной Азии"). Если бы удалось научно доказать эту версию "отца истории" (ср.: Яблонский Л.Т., 1998а), исследователи европейских памятников раннескифского времени решили бы сразу несколько собственных региональных задач.

Главное, объяснялось бы взрывоподобное развитие скифской культуры в Причерноморье. Проблема типологического, хронологического и генетического соотношения памятников предскифского времени (черногоровских, белозерских, новочеркасских) и скифского была далека от разрешения (обзор данных: Тереножкин А.И., 1965; Лесков А.М., 1984; Клочко В.И., Мурзин В.Ю., 1987). Эта проблема, которая требовала тщательной и трудоемкой археологической разработки на региональном уровне, легко решалась бы через признание идеи о том, что скифская культура появилась в Причерноморье в уже готовом, сложившемся виде. Центральноазиатскую гипотезу происхождения скифской культуры наиболее последовательно отстаивал А.И. Тереножкин и, в различных вариациях, представители его школы (см., например: Мурзин В.Ю., 1986). Признание этой гипотезы требовало подкрепления со стороны хронологии. Если западные памятники типа Енджи, Белоградца и Высокой могилы (Попов Р., 1932; Бидзиля В.И., Яковенко Э.Б., 1974; Полін С.В., 1987), которые содержали артефакты скифского толка, относились к VII, а то и к VIII вв. до н.э., простая логика требовала, чтобы "скифоидные памятники азиатских глубин" датировались более ранним временем.

В 70-е годы под руководством М.П. Грязнова раскапывается тувинский курган Аржан, и в скифской археологии начинается эпопея, которая вот уже почти три десятилетия будоражит умы специалистов.

Украинским коллегам удалось убедить Михаила Петровича, а Михаил Петрович убедил своих учеников в том, что Аржан датируется VIII, если не IX–VIII вв. до н.э. (см., например: Боковенко Н.А., 1999). Им же была предложена идея существования в это время "аржано-черногоровской" фазы развития скифо-сибирского единства, включающего, однако, *своеобразие отдельных вариантов внутри этого единства* (Грязнов М.П., 1978; 1980). Традиционная хронология раннесакских древностей (VII–V вв. до н.э.) была сломана при поддержке казахских археологов школы А.К. Акишева) (см., например: Акишев К.А., Акишев А.К., 1978). К ним присоединился А.И. Мартынов (1996, с. 208). Близкую позицию в решении проблемы происхождения скифоидных культур западного ареала степи заняли Б.Ф. Железчиков (1987) и Р.Б. Исмагилов (1988).

К слову сказать, лишь московские специалисты, ученики и наследники идей Б.Н. Гракова, С.П. Толстова и К.Ф. Смирнова, пытались противостоять новым веяниям, за что и были гласно или негласно причислены к реакционерам от археологии. Немногочисленную группу "омолодителей" скифоидных культур не организационно, но идейно возглавила Н.Л. Членова (1996а, б), не исключавшая для древностей аржанского типа даже VI в. до н.э.

Дальше события нарастали лавинообразно. Признание "азиатской версии" Геродота требовало найти в степях Причерноморья археологических киммерийцев, которых вытеснили скифы. И в скифской археологии обострилась вяло текущая с начала этого столетия дискуссия о соотнесении конкретных археологических культур и даже отдельных археологических памятников с киммерийцами письменных источников. Вера в

существование особого этноса "киммерийцы" была безгранична, и с ними, конечно же, отождествлялись только памятники предскифского времени и только памятники степного Причерноморья (Тереножкин А.И., 1976; Алексеев А.Ю. и др., 1993). Европейские археологи разделились на сторонников отождествления киммерийцев с древностями либо черногоровского, либо новочеркасского типов и вновь были вынуждены решать проблему хронологического и типологического соотношения этих культур между собой и в ряду других культурных образований эпохи поздней бронзы. Дискуссия далека от завершения и поныне (Махортых С.В., 1999). Для этих специалистов круг замкнулся.

Но события, связанные с центральноазиатской гипотезой, на новом витке развития археологии дали результат, который, уверен, стал бы неожиданностью для самих основателей этой теории. От использования этимологически неудобных терминов типа "историческое единство скифо-сибирского мира" и "скифо-сибирская культурно-историческая общность" новаторы, специалисты в области археологии восточного ареала степей легко перешли к использованию более прозрачного и еще более емкого, с их точки зрения, словосочетания – "цивилизация ранних кочевников Евразии". В наиболее ортодоксальном виде эта концепция получила попытку обоснования в ряде работ А.И. Мартынова (1989а, б; 1996). Понимая, что реальные археологические данные никак не стыкуются с надежно обоснованным в мировой исторической науке определением понятия "цивилизация", автор говорит об "особой кочевой" цивилизации, признаки которой не совпадают и не должны совпадать с признаками классических цивилизаций. Для доказательства существования строгой социально-политической соподчиненности внутри этой цивилизации опять используются данные письменных источников или их современная интерпретация, например в изложении А.М. Хазанова (1975).

Объединяющим фактором, по мнению А.И. Мартынова, помимо сходного на всей территории степи хозяйственного уклада и установления единого политического порядка, является фактор многоплановой консолидации кочевников в борьбе с культурно-политической и экономической экспансией Ирана, Греции и Китая (Мартынов А.И., 1998). Это заявление противоречит тем самым письменным источникам, на которые опирался автор при реконструкции политической структуры кочевой цивилизации, но в данном контексте эти источники игнорируются.

Попытки кардинальной ревизии традиционных для отечественной науки взглядов стимулировали дискуссию по основным проблемам скифологии, которая развернулась на специальном совещании, организованном под эгидой Отдела скифо-сарматской археологии ИА РАН в 1992 г.

В ходе этой дискуссии усилия специалистов были сконцентрированы на двух основных аспектах скифо-сакской археологии – хронологическом (в связи с усилившийся тенденцией к удревнению начальной фазы скифской культуры) и культуроведческом (в связи с проблемой "скифо-сибирского единства" и "особой кочевой цивилизации" I тыс. до н.э.).

Было признано, что для уточнения хронологии памятников ранних кочевников и скотоводов следует опираться прежде всего на региональные материалы. В этом плане огромное значение имеют многолетние полевые работы Отдела в Предкавказье, которые проводятся под руководством В.Г. Петренко. Яркие археологические данные, полученные в ходе этих работ, показывают, в частности, что памятники раннескифского времени здесь не могут датироваться временем более ранним, чем конец третьей четверти VII вв. до н.э. (Петренко В.Г. и др., 1999). При этом можно говорить о хронологической близости отдельных артефактов с аржанскими, претендующими на исключительную древность (Петренко В.Г., 1993). К аналогичному по существу выводу о хронологии стадиально и типологически близких памятников Южной Сибири, Алтая, Тувы, Казахстана и Средней Азии независимо друг от друга пришли Н.Л. Членова (1996а, б; 1997), М.А. Итина и Л.Т. Яблонский (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997; Яблонский Л.Т., 1996; 1998б).

Обще-методическое значение этих исследований состоит в том, что, с одной стороны, они еще раз доказали перспективность разработки независимых типологических классификаций и хронологических шкал, построенных на узкорегиональных данных, а с другой – поставили под сомнение "хронологический" базис центральноазиатской гипотезы формирования скифской культуры Северного Причерноморья.

Даже с формально-логической точки зрения, некоторые термины, составляющие основной словарь современной скифологии, в высшей степени неудачны. В первую очередь это относится к таким понятиям, как "скифо-сибирский мир", поскольку в них смешивается этноним "скифы" и географическое название – "Сибирь". Это обстоятельство не раз подчеркивалось ведущими скифологами страны, представителями московской археологической школы (А.М. Хазановым и А.И. Шкурко, И.В. Яценко и Д.С. Раевским, В.Г. Петренко, М.Г. Мошковой). В 1992 г. к этому списку с собственной аргументацией присоединился и В.П. Алексеев.

Неоднократно уже высказывались предположения заменить термин "скифо-сибирский мир" на термин "скифский мир" (см., например: Яцен-

ко И.В., Раевский Д.С., 1980; Членова Н.Л., 1993). Но вряд ли и этот термин закрепится в науке, прежде всего потому, что он не снимает этнического клише "скифы" с народов, которые к собственно скифам принадлежать не могли, так как имели собственный и не связанный с населением Причерноморья генезис. В одном из последних своих выступлений В.П. Алексеев (1993, с. 41) говорил, что антропологически народы, населявшие так называемый "скифский мир", подразделяются по меньшей мере на пять компонентов, имеющих независимое происхождение.

Д.С. Раевский (1993, с. 31) предложил концепцию культурного континуума, а полное наименование совокупности археологических культур, составивших этот континуум, мог бы, с его точки зрения, звучать так: "евразийский культурный континуум скифской эпохи". Можно согласиться с семантикой этого термина и присоединиться к мнению Раевского о том, что применение его исключает опасные аберрации и этнонимические противоречия. Но и этот термин в науке пока не прижился. Одна из причин состоит, очевидно, в его тяжеловесности.

В.А. Башилов (1993, с. 36, 37) также высказывался о том, что на исследовательском этапе в археологии необходимо разрабатывать модели и классификации, не зависящие от этнонимии и данных письменных источников. Он напомнил о существовании в латиноамериканской археологии "культурных горизонтов", когда на той или иной территории распространяются сходные проявления материальной или духовной культуры, что отнюдь еще не свидетельствует о каком бы то ни было единстве. В дальнейшем эта идея была развита и аргументирована нами более подробно в совместном выступлении на конференции Европейской ассоциации археологов в 1998 г. (Bashilov V.A., Yablonsky L.T., 1998, p. 91, 92).

Близкую позицию в дискуссии занял И.Л. Кызласов (1993, с. 35, 36), который показал, что культурные явления, подобные "скифскому миру", существовали в степи и лесостепи, начиная по меньшей мере с ранней бронзы (ямно-афанасьевская область) и до развитого средневековья (тюркское и монгольское "единства"). Он также обратил внимание на пагубность, хотя и глубокую традиционность, использования этнонимов для наименования археологических культур.

Мне не раз приходилось писать о том, что упрощенное понимание "скифской триады" как этнического маркера противоречит научным фактам и вводит в круг скифских культур заведомо "нескифские элементы", что "триада" на самом деле является категорией надэтничной, представляющей пример престижно-знаковой системы элементов материальной культуры разноэтничных народов (Яблонский Л.Т., 1990; 1996, с. 78). В этом плане ее можно рассматривать также в качестве стадиального признака (Раевский Д.С., 1993, с. 32). К аналогичным по существу выводам приходит и В.С. Ольховский (1997). К слову сказать, А.И. Мелюкова не только отрицает использование "триады" для рассуждений о "единстве", но и говорит о глубоких различиях в самих составных ее элементах, бытовавших у различных групп степного населения скифского времени (Мелюкова А.И., 1993, с. 26).

С сожалением надо констатировать, что материалы этой интереснейшей дискуссии и публикации, которые она стимулировала, не нашли пока ни последовательного продолжения, ни адекватного отклика, особенно за пределами Москвы. Между тем не апробированные в широком научном обсуждении глобальные идеи вроде постулата о "кочевых цивилизациях" или ненадежно аргументированной версии о центральноазиатском происхождении скифской культуры и самих скифов уверенно пробивают себе дорогу не только в российских и зарубежных аудиториях, но и в учебниках по археологии, в том числе в учебниках, изданных московским издательством "Высшая школа" (Мартынов А.И., 1996, с. 234 и сл.).

Казалось бы, затронутые здесь проблемы имеют узколокальную для археологии, сугубо "скифскую" значимость. Но это совсем не так. Общие проблемы археологии во многом обусловлены тем, что этногенетические реконструкции проводятся в ней на фоне отсутствия или неполной разработанности строгой таксономии собственно археологических явлений всех уровней, начиная от понятия "археологическая культура", кончая сплошным смешением и постоянной инверсией терминов, взятых из смежных наук, но использующихся в качестве синонимов, каковыми на самом деле они не являются. Например, "историко-культурная область" и "историко-культурная общность" (подробнее см. об этом: Яблонский Л.Т., 1992; 1996).

Это явление нашло достаточно яркое отражение в далекой от завершения дискуссии о наличии или отсутствии этногенетической преемственности "савроматов" и населения различных стадий "сарматской культуры" (подробнее см.: Мошкова М.Г., 1988; 1989; 1991).

Концепция "культурного горизонта", отрицающая вульгарное понимание "общности" и "единства", хорошо работает при рассмотрении археологических материалов, связанных с проблемой формирования культур савроматского типа. По новейшим данным, время формирования культуры ранних кочевников Южного Приуралья и Поволжья относится к середине VI в. до н.э. Надо сказать, что именно в эту эпоху происходят серьезные культурно-политические подвижки и в других регионах степей и полупустынь. На террито-

рии Присарыкамышской дельты Амударьи вместе с пресловутой "триадой" окончательно исчезают погребальные комплексы, связанные с местной культурой раннесакского типа. Примерно в то же время на Нижней Сырдарье при сохранении основных признаков "сакского" погребального ритуала типологический состав "скифской триады" резко обновляется: происходят изменения в стилизации "звериного стиля", появляются новые виды оружия – длинные мечи и наконечники стрел "савроматского" типа (Итина М.А., Яблонский Л.И., 1997). Последние быстро распространяются далеко на юг, достигая областей левобережного Хорезма (Воробьева М.Г., 1973), Бактрии на юго-восточного Прикаспия. Появление там этого комплекса вооружения легче всего связать со степными и лесостепными районами Зауралья (Вайнберг Б.И., 1991, с. 15; 1999).

На фоне общих подвижек каждый из регионов демонстрирует культурную специфику. В Южном Приуралье могильники "савроматского" типа заполняют археологическую лакуну, образовавшуюся здесь после исчезновения не позже, чем в VIII в. до н.э., памятников эпохи поздней бронзы. Именно это обстоятельство заставило некоторых исследователей предположить, что ранние кочевники Южного Приуралья являются мигрантами, прародина которых – районы Южного Приаралья. Они принесли сюда новую культуру "в готовом, сложившемся виде" (см., например: Железчиков Б.Ф., Пшеничнюк А.Х., 1994, с. 5, 6).

Палеоантропологическое исследование, предпринятое недавно М.А. Балабановой (1998), показывает краниологическое своеобразие этого населения по сравнению как с андроновским, так и со срубным. Отмечается выраженная тенденция к умеренной брахикрании в сочетании с ослабленной горизонтальной профилировкой лица и высоким переносьем. Наблюдаются и заметные межгрупповые различия даже на региональном уровне. Это говорит о вероятной гетерогенности ранних кочевников Приуралья и, следовательно, об отсутствии линейных связей с локальной географической прародиной.

По мнению М.Г. Мошковой (1989, с. 15), сегодня можно считать доказанным, что в савроматское время на территории Нижнего Поволжья и Южного Приуралья существовали два крупных и притом этнически нетождественных объединения. На протяжении VI–V вв. до н.э. разносторонние влияния на культуру волго-донских савроматов со стороны их восточных соседей остаются достаточно отчетливыми при превалирующем культурном воздействии со стороны западных, скифских областей (Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А., 1997, с. 112). Вместе с тем, судя по данным антропологии, все популяции савроматской эпохи, в том числе и волго-донские, имеют восточное, урало-сибирское происхождение. Эти же данные говорят о морфологической идентичности населения савроматской и раннесарматской эпох Южного Приуралья (Балабанова М.А., 1998, с. 8). Последний тезис имеет важное значение для решения вопроса о генезисе раннесарматской (прохоровской) культуры.

Исследованиями Илекской экспедиции Института археологии на юге Оренбургской области, у с. Покровка, на площади около 5 км^2 были полностью раскопаны четыре могильника, которые дали свыше 200 захоронений раннесарматского времени (Курганы..., 1993–1996). Все эти захоронения демонстрируют погребальные сооружения и комплексы сопровождающего инвентаря, которые при определенном межгрупповом разнообразии являются монокультурными с точки зрения обычных археологических характеристик. Однако палеоантропологические материалы из этих захоронений свидетельствуют, во-первых, о резкой гетерогенности населения этого исторического и географического микрорайона, а во-вторых, о статистической сопряженности отдельных краниологических вариантов с конкретными могильниками (Яблонский Л.Т., 1997).

Все это еще раз говорит о сложности и многогранности этногенетических процессов в рамках даже одной археологической культуры. Еще больше проблем возникает при попытках осмысления генезиса населения крупного региона, например Волго-Уральского, на значительном, около тысячи лет, временно́м отрезке, который археологически представлен несколькими культурными горизонтами. Традиционно, со времен Б.Н. Гракова, их рассматривали в качестве археологических культур (прохоровской, сусловской, позднесарматской).

М.Г. Мошкова (1989, с. 10) уже отмечала, что качественные и количественные характеристики, отделяющие одну из этих культур от другой, до сих пор не определены. Кроме того, в самой схеме было заложено терминологическое противоречие: три культуры объединялись в рамках одной культуры. С моей точки зрения, противоречие носит не только формально-терминологический, но и глубокий методологический характер.

Помимо того что уже было сказано о характерной для нашей науки таксономической путанице, нужно сказать еще и о том, что уход от концепции этнонимизации археологических памятников и культур и переход к концепции культурных горизонтов или континуумов предполагает и иные методологические подходы к рассмотрению археологического материала. Во-первых, семантика слов "континуум" и "горизонт" предполагает горизонтальное и практически непрерывное распространение некоторых, во всяком случае культурных, признаков. Это те из них,

которые характеризуют культуру этноса, а не этническую культуру. Во-вторых, строго очерченных границ этого распространения не бывает. Степень горизонтального обзора, как известно, всегда зависит от высоты точки наблюдения. В этом плане говорят (по мере понижения точки обзора) о мировой культуре, о евразийской культуре, о европейской культуре, о западноевропейской культуре, о культуре, например, Франции и т.д. – вплоть до традиционной культуры локального населенного пункта.

В сарматской археологии мы фактически имеем три или четыре (при включении сюда савроматской эпохи) культурных горизонта. В подвижных и проницаемых границах каждого из них, во многом обусловленных нестабильной экосистемой, наблюдаются сходные тенденции в развитии культуры и этногенеза.

При этом совершенно необязательно, что при вертикальном (хронологическом) рассмотрении локальной территории мы не будем иметь либо разрывов постепенности, либо проявлений различного рода трансформационных процессов в развитии локальной культуры. Эти изменения связаны не только с внутренними тенденциями развития локальных вариантов культур, включающими демографические взрывы и демографические спады, падеж скота и истощение традиционных пастбищ при росте поголовья в самых благоприятных, по данным почвоведов, экологических условиях. Воздействуют и внешние факторы. Главные среди них – региональные экологические кризисы, внешнее демографическое давление, приводящее к миграциям на конкретные территории, переориентация на новые металлургические центры, военно-политические кризисы, проходящие вне данной территории и археологически здесь не проявляющиеся, но способные опосредованно изменить в том числе характер местной материальной культуры.

Именно в силу только кажущейся однородности культурного горизонта трудно даже теоретически ожидать, что при попытках "вертикального" совмещения мы всегда будем иметь полное совпадение не только внешних условных границ горизонтов, но и внутренних, региональных, подобно тому, как при строительстве многоэтажного дома должны непременно совпадать по вертикали панели внешних стен и внутренних перегородок, точно соединяться линии внутренних коммуникаций.

Упрощенное понимание моделей исторического процесса, стремление в кажущемся "историческом единстве" соединить несоединимое приводят в археологии к появлению искусственных проблем, которые тем не менее требуют значительных усилий для доказательства отсутствия самой проблемы.

В скифо-сарматской археологии помимо уже упомянутых проблем "единства", "общности" и "цивилизации" кочевников к их числу относятся такие, как "проблема исчезновения сарматских памятников III в. до н.э." (см., например: Полин С.В., 1989; Медведев А.П., 1997; Зуев В.Ю., 1998). Исследования, построенные на скрупулезном и всестороннем анализе региональных археологических материалов (причем разобранных вне контекста письменных источников) ставят все на свое место. К числу таких исследований, проведенных в последние годы, можно смело отнести работу волгоградского ученого В.М. Клепикова (1998; ср.: Зуев В.Ю., 1999).

В этом же русле можно говорить о гипотезе заселения сарматами пустующих земель Северного Причерноморья во II в. до н.э. (Полин С.В., Симоненко А.В., 1997, с. 96) или о гипотезе формирования среднесарматской культуры на базе пришельцев из Центральной Азии (Скрипкин А.С., 1990, с. 214).

Природа не терпит пустоты. С не меньшим основанием это утверждение приложимо и к историческому процессу. Возникающие пустоты есть результат нашего собственного археологического мифотворчества или наших собственных неудач в деле построения все еще субъективных и методически пестрых сравнительно-типологических и хронологических рядов. Это результат исходно запрограммированной мозаичности и фрагментарности объективной археологической информации. Это результат дополнения и корректировки собственно археологической информации через еще более мифологичные, еще более фрагментарные и этностереотипические письменные источники. К тому же в процессе их прочтения проявляются еще этнические или региональные стереотипы самого археолога.

В этом коротком сообщении мне не удалось даже перечислить всю громаду проблем, накопившихся в степной археологии в результате лавинообразного поступления новых материалов на протяжении последнего столетия. Именно эта лавинообразность привела к тому, что старые и, казалось бы, незыблемые концепции, построенные нашими учителями на гораздо более фрагментарных данных, стали давать трещины. Но что же предлагается взамен? Вместо укрепления фундамента старого здания, в котором мы все чувствовали себя под надежной крышей, рядом воздвигают новое, конструктивно еще более шаткое. И, что особенно характерно, для его возведения используют строительные материалы от старого дома и в общем те же строительные приемы, но в качественно худшем исполнении.

И ситуация внутри науки, сложившаяся к концу этого столетия, и экономическая ситуация в стране диктуют необходимость наряду с проведе-

нием обязательной полевой деятельности направить основные усилия на переосмысление методологических и теоретических основ нашей науки.

Что касается скифо-сарматской археологии, то перспективными видятся шаги по следующим основным направлениям.

1. Разработка собственной, археологической терминологии, свободной от механических и часто неосмысленных заимствований типа "историческое единство", "историко-культурная общность" и замена их на систему понятий археолого-географической семантики типа "культурный горизонт", "культурный континуум", "культурная область" "культурный район" и т.п.

2. Отказ от использования древних письменных источников для *доказательства* исследовательских археологических построений. Это психологически трудный шаг, но только он, как мне представляется, избавит скифологию и сарматоведение от методического саморазрушения. Как нельзя лучше об этом сказал специалист по изучению древних текстов А.И. Иванчик (1996, с. 14, 15): "... идентификация киммерийцев с какой-либо археологической культурой до ее выяснения по письменным источникам представляется преждевременной. Применяемый в археологической литературе термин "киммерийская культура" по существу является более чем условным обозначением предскифской культуры Северного Причерноморья. Этот термин обязан своим появлением некритическому следованию рассказа Геродота... Достоверность этого рассказа, однако, вовсе неочевидна". Далее автор пишет о том, что археологическая литература для исторического источниковедения бесполезна, и "исследование текстов должно предшествовать археологической идентификации, в противном случае "киммерийская культура" остается лишь условностью, соотношение которой с исторической реальностью является по меньшей мере неясным".

Разумеется, все сказанное о киммерийцах имеет прямое отношение к скифам европейским и скифам азиатским, сакам, скифам царским, скифам-пахарям, скифам отложившимся, савроматам-сарматам-сирматам, дахам-даям-массагетам, к одноглазым аримаспам и грифам, злато стерегущим. Изучение этих и других персонажей – дело специалистов, работающих вне археологии. И для них проблема прочтения письменного источника решается на базе собственных методических приемов, независимых от собственно "археологического расклада".

Мне могут возразить, что именно использование письменных источников придает историзм археологии, а без этого историзма она станет не наукой, а "вещеведением". Есть два главных контраргумента.

Во-первых, наша первобытная археология вынужденно обходится без письменных источников, но ее методические и методологические достижения прочно остаются на мировом уровне, и в ее историзме никто при этом не сомневается.

Во-вторых, не мифологизирование археологического источника (вспомним "кочевую цивилизацию"), как раз и разрушаюшее историзм археологии, придающее ей легковесность, а строгий, исключительно осторожный и специально разработанный подход к сопоставлению данных археологии и письменных источников сделают археологию научной и, следовательно, историчной. На это уже обращал внимание Д.С. Раевский (1996, с. 110, 111). Признание факта обязательной "неразрывности" историко-этнических категорий с понятием "археологическая культура" автоматически приводит к размыванию границ археологии как самостоятельной научной дисциплины.

В-третьих, вырвавшись из сети древних и современных мифологем, нужно приступить к созданию собственных региональных и при том сугубо археологических реконструкций, построенных с учетом достижений общей таксономии и через разработку строгих, таксономически выверенных научных классификаций, в которых нет места однопорядковости таких таксонов, как "андроновская культура" и "федоровская культура", синонимизации понятий "сарматская археологическая культура" и "сарматская историческая общность". Мы должны подумать об обобщении региональных классификаций и о связующих мостах, которых на самом деле в археологии только два – хронологический срез и географический локус.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акишев К.А., Акишев А.К., 1978. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата.

Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р., 1993. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб.

Алексеев В.П., 1993. Несколько слов о "скифском евразийском мире" // КСИА. Вып. 207.

Алехин Ю.П., 1989. К вопросу культурно-этнических связей, социальной организации и идеологии носителей большереченской культуры // Проблемы археологии скифо-сибирского мира. (Социальная структура и общественные отношения). Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. Кемерово.

Балабанова М.А., 1998. Антропологический состав и происхождение ранних кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья VI в. до н.э. – первой половины II в. н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград.

Башилов В.А., 1993. Можно ли считать скифо-сибирский мир "цивилизацией кочевников"? // КСИА. Вып. 207.

Бидзиля В.И., Яковенко Э.Б., 1974. Киммерийские погребения Высокой могилы // СА. № 1.

Боковенко Н.А., 1999. Происхождение всадничества и этапы развития верховой сбруи у древних номадов Центральной Азии // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. Материалы международной конференции. СПб.

Вайнберг Б.И., 1991. Изучение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи в 70-х–80-х годах // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековье). Ч. 1. М.

Вайнберг Б.И., 1999. Этногеография Турана в древности. М.

Воробьева М.Г., 1973. Дингильдже. Усадьба I тыс. до н.э. в древнем Хорезме // МХЭ. Вып. 9.

Городцов В.А., 1905. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губ. 1901 г. // Тр. XII АС. Т. I.

Городцов В.А., 1907. Результаты археологических исследований в Бахмутинском уезде Екатеринославской губ. 1903 г. // Тр. XIII АС. Т. I.

Граков Б.Н., 1946. ΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΜΕΝΟΙ (пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. № 3.

Граков Б.Н., Мелюкова А.И., 1954. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // ВССА.

Грязнов М.П., 1978. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. Вып. 154.

Грязнов М.П., 1980. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л.

Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А., 1997. Хошеутовский комплекс уздечных принадлежностей скифского времени на Нижней Волге // Донские древности. Вып. 5. Азов.

Дебец Г.Ф., 1948. Палеоантропология СССР // ТИЭ. Нов. Серия. Т. IV.

Дебец Г.Ф., 1971. О физических типах людей скифского времени // Проблемы скифской археологии. МИА. № 177.

Железчиков Б.Ф., 1987. К проблеме происхождения культур степных кочевников в VII–VI вв. до н.э. // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. Всесоюз. семинара, посв. памяти А.И. Тереножкина. Кировоград.

Железчиков Б.Ф., Пшеничнюк А.Х., 1994. Племена Южного Приуралья в VI–III вв. до н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов. Тез. докл. междунар. конф. Волгоград.

Зуев В.Ю., 1998. Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Зуев В.Ю., 1999. О путях решения "проблемы III в. до н.э." в периодизации археологических памятников сарматской эпохи // Скифский квадрат. № 3. СПб.; Кишинев; Одесса.

Иванчик А.И., 1996. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII веках до н.э. М.

Исмагилов Р.Б.,, 1988. Проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. Вып. 29.

Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997. Саки нижней Сырдарьи (по материалам Южного Тагискена). М.

Клепиков В.М., 1998. Сарматы IV–III вв. до н.э. в Заволжье и Волго-Донском междуречье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград.

Клочко В.И., Мурзин В.Ю., 1987. О датировке черногоровских и новочеркасских памятников // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. Всесоюз. семинара, посв. памяти А.И. Тереножкина. Кировоград.

Кожин П.М., 1989. Предпосылки формирования скифо-сибирских культур // Скифо-сибирский мир. Кемерово.

Курганы левобережного Илека, 1993–1996 / Отв. ред. Яблонский Л.Т. Вып. 1–4. М.

Курочкин Г.Н., 1990. "Золотой" курган сибирских скифов // Природа. № 10.

Курочкин Г.Н., 1993. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири. СПб.

Кызласов И.Л., 1993. О единстве культур степной зоны Евразии // КСИА. Вып. 207.

Лесков А.М., 1984. О хронологическом соотношении памятников начала раннего железного века на юге европейской части СССР // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Мартынов А.И., 1989а. Скифо-сибирский мир – степная скотоводческая цивилизация // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Тез. Всесоюз. археол. конф. Ч. 1. Кемерово.

Мартынов А.И., 1989б. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.

Мартынов А.И., 1996. Археология. М.

Мартынов А.И., 1998. Доклад, прочитанный на IV конгрессе Европейской ассоциации археологов (ЕАА). Гетеборг.

Мартынов А.И., Алексеев В.П., 1986. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. Кемерово.

Махорных С.В., 1999. Об актуальных вопросах раннескифской археологии // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э.. Тез. докл. междунар. конф., посв. 100-летию со дня рождения Б.Н. Гракова. М.

Медведев А.П., 1997. Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.

Мелюкова А.И., 1993. Взгляд из Скифии на скифо-сибирское единство // КСИА. Вып. 207.

Могильников В.А., 1989. Некоторые проблемы генезиса и этнической принадлежности культур раннего железного века лесостепи Западной Сибири // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень.

Мошкова М.Г., 1988. Понятие "археологическая культура" и савромато-сарматская культурно-историческая общность // Проблемы сарматской археологии. Тез. докл. конф. Азов.

Мошкова М.Г., 1989. Пути и особенности развития населения савромато-сарматской культурно-истори-

ческой области. Науч. докл., представленный на соиск. уч. степ. д-ра ист. наук. М.

Мошкова М.Г., 1991. Основные проблемы сарматской археологии // КСИА. Вып. 204.

Мурзин В.Ю., 1986. Некоторые дискуссионные вопросы современного скифоведения // Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев.

Ольховский В.С., 1997. Скифская триада // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. № 1. М.

Петренко В.Г., 1993. Некоторые вопросы хронологии и черты сходства населения Евразийских степей раннескифского времени // КСИА. Вып. 207.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович Р.А., 1999. Хронология Центральной группы курганов могильника Новозаведенное II // Тез. докл. междунар. конф., посв. 100-летию со дня рождения Б.Н. Гракова. М.

Полін С.В., 1987. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Архологія. Вип. 59.

Полин С.В., 1989. Население причерноморских степей в III–II вв. до н.э. (этнополитический аспект). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

Полин С.В., Симоненко А.В., 1997. Скифия и сарматы // Донские древности. Вып. 5. Азов.

Попов Р., 1932. Могильниті гробові при с. Енджа // Изв. на Българскія археологически институт. VI. София.

Раевский Д.С., 1993. Культурно-историческое единство или культурный континуум? // КСИА. Вып. 207.

Раевский Д.С., 1996. К этнокультурной интерпретации археологических данных // Древность: историческое знание и специфика источника. Тез. докл. конф., посв. памяти Эдвина Арвидовича Грантовского. М.

Ростовцев М.И., 1918а. Эллинство и иранство на юге России. Пг.

Ростовцев М.И., 1918б. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Пг.

Руденко С.И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.

Руденко С.И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.

Руденко С.И., Руденко Н.М., 1949. Искусство скифов Алтая. М.

Скифо-сибирское культурно-историческое единство, 1980. Кемерово.

Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Саратов.

Тереножкин А.И., 1965. Основы хронологии предскифского периода // СА. № 2.

Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. Киев.

Толстов С.П., 1961. Приаральские скифы и Хорезм: К истории освоения и заселения древней дельты Сырдарьи // СЭ. № 4.

Толстов С.П., 1963. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий // ВДИ. № 2.

Хазанов А.М., 1975. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.

Членова Н.Л., 1993. Культуры скифского круга: черты сходства и различия. Саяно-Алтайский район в скифском мире // КСИА. Вып. 207.

Членова Н.Л., 1996а. Датировка кургана Аржан в Туве и его место в системе культур "скифского мира" // Вестн. антропологии. Вып. 2.

Членова Н.Л., 1996б. Хронология опорных памятников скифской эпохи // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. М.

Членова Н.Л., 1997. Центральная Азия и скифы. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М.

Яблонский Л.Т., 1990. "Скифская триада" и проблема этничности археологических признаков // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Тез. докл. VIII Западно-Сибирского археолого-этнографического совещания. Томск.

Яблонский Л.Т., 1992. Скифо-сакская контактная зона: проблема типологизации этногенетических процессов // Культурно-историческое единство Евразия и Великий шелковый путь. М.

Яблонский Л.Т., 1996. Саки Южного Приаралья. Археология и антропология могильников. М.

Яблонский Л.Т., 1997. Социальная стратификация степных популяций в физико-антропологическом аспекте // Донские древности. вып. 5. Азов.

Яблонский Л.Т., 1998а. Модель раннего этногенеза в скифо-сакской контактной зоне // РА. № 4.

Яблонский Л.Т., 1998б. Звериный стиль ранних скотоводов Приаралья в хронологическом аспекте // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Тез. докл. Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения проф. М.И. Артамонова. СПб.

Яценко И.В., Раевский Д.С., 1980. Некоторые аспекты состояния скифской проблемы // НАА. № 5.

Bashilov V.A., Yablonsky L.T., 1998. Some Modern problems of the History of the nomadic Societes of the Eurasian Steppes in the Early Iron Age // EAA 4th Annual Meeting. Abstracts book. Goteborg.

Rau P., 1927. Die Hügelgräber romischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk.

The Scyths, Sarmatians and Others in Context of Achievements of Russian Archaeology in the 20th Century

L. T. Yablonsky

Summary

P.D. Rau and B.N. Grakov had laid the foundation for historical approach to the Scythian and Sarmatian archaeology, that was aimed not only at the analysis of archaeological material from the point of view of typological classifications' and chronological sequences' creation, but also for working out ethno-geographic, ethno-genetic, ethno-social, and ethnopolitical reconstructions. The possibilities provided for the reconstructions by ancient written sources seemed to be unlimited. But it was the historical approach that turned out to be a kind of Achill... for successive generations of specialists in Scythian and Sarmatian archaeology. A number of global ideas have emerged, such as the hypothesis of "nomadic civilisations", Cenral Asiatic origin of Scythian culture and the Scyths proper, and the like. Having not been approved in wide-scale scientific discussion they nevertheless are repeatedly met with not only in national scientific circles and abroad, but even taught in archaeology courses. Ancient texts' studies is the subject of the specialists – historians and linguists. It should precede archaeological identification of the material. Otherwise such terms as "Cimmerian culture" is only a conditional expression, its relation to historical reality being obscure. Ancient texts cannot represent evidences of rightness of any archaeological concept. Scholars should leave a network of old and modern myths and start creating regional, exclusively archaeological reconstructions, and working out strict scientific classifications verified from the point of view of taxonomy and with regard to general taxonomic achievements. We should think over generalisation of regional classifications and building bridgelinks between them. In fact, there exist only two kinds of links in archaeology – chronological horizon and geographical locus.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 66–75

ПУБЛИКАЦИИ

МИНЕРАЛЬНЫЕ ПОРОШКИ ИЗ КУРГАНОВ ЮЖНОГО УРАЛА И СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА И ИХ ВОЗМОЖНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

© 2001 г. А. Д. Таиров*, А. Ф. Бушмакин**

*Институт минералогии УрО РАН, Миасс

**Челябинский государственный университет

В погребениях ранних кочевников Южного Урала и Северного Казахстана часто находят яркоокрашенный порошкообразный материал, состоящий из различных минералов. В могильные ямы он помещался в небольших сумочках или мешочках из меха и кожи, костяных трубочках, раковинах gryphaea или рассыпался по дну ямы. Цветовая гамма порошков разнообразна, но преобладают красные различных оттенков, синие, зеленые, черные и белые (см. например: Смирнов К.Ф., 1977, с. 10, 23, 42; 1981, с. 73, 78, 84; Мошкова М.Г., 1972, с. 32, 38; Хабдулина М.К., 1987, с. 11; Федоров В.К., Васильев В.Н., 1998, с. 65, 70; Васильев В.Н., 1998, с. 32; Зуев В.Ю., 1996, с. 60). Эти порошки, как правило, относят к краскам. Однако обоснованное суждение о назначении такого вещества в ряде случаев можно сделать только после изучения его минерального состава.

В настоящей статье приведены результаты минералогического исследования таких цветных порошков, проводившегося с применением рентгенофазового, оптического, микрохимического, ИК-спектроскопического и других методов анализа. При этом задача обязательного точного определения (т.е. определение до минерального вида) всех составляющих пробы не ставилась. Это связано с тем, что часть минералов встречается в виде единичных зерен, а некоторые из фаз (особенно глинистые минералы) для анализа требуют уничтожения значительного количества уникального материала. Кроме того, детальное исследование древних проб не гарантирует по разным причинам (Бушмакин А.Ф., Зайков В.В., 1997, с. 222) несомненного установления места их добычи, поэтому в описываемом материале диагностированы главным образом основные компоненты, определяющие свойства состава, а следовательно, и его назначение, а также легко устанавливаемые второстепенные минералы.

Количество вещества, поступившего для исследования, колеблется от 0.5 до 2–3 см^3. Расположение объектов, из которых оно взято, показано на рис. 1.

Могильник Обручевский, курган 2, могильная яма 1 (центральная), датируется второй половиной VI – началом V в. до н.э. Челябинская обл., Кизильский р-н (Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д., 1993, с. 53–61, рис. 1–5; 6, *б*).

Курган частично разрушен при строительстве автодороги. Диаметр его, вероятно, превышал 30 м, высота до разрушения составляла не менее 2 м. Насыпь кургана грунтовая, окруженная по основанию неширокой полукольцевой каменной выкладкой. Через кургана с СВ на ЮЗ строителями была проложена траншея, доходившая до материка, поэтому часть насыпи, находившейся к западу от траншеи, была снесена. Траншеей также уничтожено не менее половины площади центральной могильной ямы. Яма овальной формы ориентирована по линии восток–запад, длина ее около 8 м, ширина 4.3 м, глубина от уровня погребенной почвы 0.8 м. Дно перекрывалось тонким (1–2 мм) слоем органического тлена красно-коричневого цвета. В отдельных местах, как правило возле костяков и под ними, фиксировалась негустая меловая подсыпка, попадались мелкие угольки. В сохранившейся восточной части ямы найдены два человеческих костяка и различные предметы погребального инвентаря. С южной стороны ямы зафиксированы четыре столбовые ямки и поперечные плахи между ними – остатки наземного дромоса шириной 1.2 м. Кроме того, на дне могильной ямы расчищен очаг в виде глиняной оградки (0.8 × 0.8 м, высота 0.1 м), ориентированной сторонами по сторонам света. Возле северо-западного угла очага стоял каменный жертвенник с тремя ножками в виде волчьих голов. На тыльной его стороне сохранились следы красной краски.

В разрушенной части кургана найдены предметы вооружения, конской упряжи, зеркало, абразивная плитка со следами сработанности и бронзовых окислов на лицевой плоской стороне, каменный жертвенник с тремя ножками в виде голов медведей (на внутренней поверхности жертвенника и на его дне фиксировались следы красной краски), пустотелое минеральное образование (секреция) с порошком красного цвета. По признаку хронологии предметы, найденные в разрушенной части кургана, и вещи из сохранившейся части могильной ямы полностью совпадают.

Секреция образована лимонитом, стенки ее внутри покрыты кирпично-красным пылевидным гидрогематитом с примесью кварца и глинистого

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников, содержавших исследованный материал. *1* – могильник Обручевский; *2* – могильник Большекараганский; *3* – курганная группа у поселка Мирный; *4* – Варненские курганы; *5* – могильник Николаевка II; *6* – могильник Бектениз; *7* – могильник Графские развалины.

минерала из группы каолинита. Тот же состав, но с резким преобладанием кварца, имеет пористое заполнение в центре секреции. Материал из нее, яркоокрашенный, очень тонкозернистый, сильно пачкающий, вполне мог использоваться в качестве краски.

Могильник Обручевский, курган 3, могильная яма 1, впускная (IV–II вв. до н.э.) (Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д., 1993, с. 62, рис. 7, *4–6, 11, 12*).

Диаметр кургана 18 м, высота 0.67 м, насыпь земляная. Могильная яма 1 располагалась чуть юго-восточнее центра подкурганной площадки. Яма округлой формы, размерами на уровне материка 2.4 × 2.3 м, глубиной 1.15 м от уровня погребенной почвы. В заполнении было найдено круглое пряслице, сделанное из стенки гончарного красноглиняного сосуда. На дне расчищен костяк человека, лежавший на спине, черепом на ЗЮЗ. Возле левого запястья обнаружен кусок мела, между большими берцовыми костями найдена костяная поделка. В изголовье сохранился тлен от травяной "подушки". Под погребенным прослежена сложная подстилка: слой темного грунта на дне ямы (5–10 см), слой желтого речного песка (3–5 мм), циновка, оставившая отпечатки прутьев. Края циновки присыпаны желтым красящим веществом.

Это вещество состоит из сложной формы кусочков величиной до 8 мм и имеет общий коричневато-желтый цвет. Сложено тонкозернистыми скоплениями темно-желтого натроярозита с примесью ярозита. В нем также присутствуют кварц, гипс и глинистый минерал (каолинит?) в виде округлых серо-коричневых образований. Данную пробу можно квалифицировать как природную смесь в ее естественном состоянии.

Могильник Обручевский, курган 3, могильная яма 2, основная (IV–II вв. до н.э.) (Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д., 1993, с. 62–64, рис. 7, *1–3, 7–10*).

Могильная яма располагалась в центре подкурганной площадки. Яма с заплечиками имела подбой в узкой северо-северо-восточной стенке. По уровню дна яма имеет подпрямоугольные очертания (2.5 × 0.95 м), глубина от древней поверхности 1.3 м, ориентировка ССВ – ЮЮЗ. На дне обнаружены остатки костяка. Погребенный лежал на спине, головой на ЮЮЗ, левая нога слегка согнута в колене. Слева на уровне пояса были обнаружены железный предмет типа пряжки и железная ворворка, под левой тазовой костью – оселок из кварцита. В засыпи ямы найдена секреция с темно-бордовым заполнением.

Содержимое секреции представляет собой, на первый взгляд, совершенно однородную порошкообразную субстанцию, состоящую из частиц гематита, кварца и небольшого количества разнообразных форм и размеров (до 5 мм) частиц в основном глинистого материала. При большом увеличении под микроскопом видно, что гематитовые составляющие округлые или сферические. Среди частиц пробы встречен содержащий магнетит кусочек с признаками оплавления. В настоящем случае есть основания полагать, что в секрецию как в сосуд помещено полученное при обжиге измельченного лимонита вещество, служившее краской.

Могильник Большекараганский, курган 18 (II–III вв. н.э.), Челябинская обл., Брединский р-н (Боталов С.Г., 1993, с. 127, рис. 5).

Насыпь кургана округлой формы, диаметром 14 м, высотой 0.6 м. Могильная яма размерами 2.4 × 0.85 × 1.5 м располагалась в центре подкурганной площадки, ориентирована по линии С–Ю. Костяк лежал в вытянутом положении на спине, головой на север. Между лопаткой и левой плечевой костью была найдена бронзовая фибула, между тазом и кистью левой руки – керамическое пряслице, еще три пряслица были обнаружены в области левой бедренной кости, здесь же лежали железный ножичек, пудреница в виде небольшого круглодонного сосудика (Боталов С.Г., 1993,

рис. 5, *10*), курильница и кусок мела. В ногах стоял сосуд, рядом – зеркало, кусок мела, железные ножницы. По два сосуда были найдены у южной стенки ямы и в нише, сооруженной в западной стенке.

В пудренице содержался материал серовато-белого цвета, состоявший из тонкочешуйчатой слюды – мусковита со значительным количеством каолинита и небольшой примесью (не более 1%) мелких (величиной до 0.6 мм) ярко-красных зерен реальгара, распределенных в массе равномерно. Основное вещество описываемой пробы имеет природное происхождение: тонкочешуйчатый мусковит с развивающимся по нему каолинитом характерен для условий интенсивного химического выветривания. Реальгар же является чужеродным компонентом, попавшим в основной материал, вероятнее всего, случайно, хотя не исключено и намеренное его добавление.

Курганная группа у поселка Мирный, курган I (V в. до н.э.), Челябинская обл., Брединский р-н.

Диаметр кургана 16 м, высота 0.55 м. После снятия дернового слоя зафиксированы остатки однослойного каменного панциря, покрывавшего насыпь, из темно-серого гумусированного суглинка. Под расползшейся насыпью прослежен кольцевой ровик с внутренним диаметром 11 м и шириной 0.75–1.0 м, углубленный в материк на 7–15 см.

На уровне материка могильная яма имела неправильную овальную форму размером 1.3 × 2.2 м, ориентированную почти по линии В–З. Глубина ямы составляла 0.75 м от уровня материка. На дне ее был расчищен костяк человека, лежавший вытянуто на спине, черепом почти на запад. Слева от черепа, близ северо-западной стенки ямы, лежал вверх дном жертвенник из серого песчаника. На его дне сохранились следы красной краски. Восточнее жертвенника в кожаном чехле лежало круглое бронзовое зеркало без ручки. В чехле же под зеркалом обнаружен круглый плоский комочек желтого кристаллического вещества. Рядом с зеркалом на дне ямы найдены фрагменты раковины gryphaea, комок минерального вещества серовато-желтовато-коричневого цвета, небольшой железный ножичек и белая овальная галечка, в области шейных позвонков – стеклянные бусины, которые встречались также в заполнении ямы. В юго-западном углу ямы стоял лепной неорнаментированный сосуд. Возле южной стенки расчищены остатки двух расчлененных бараньих туш.

Минеральное вещество, найденное около зеркала, неоднородно. Преобладающая составляющая – гипс в виде зерен сложной формы, плохо образованных кристаллов и их сростков (так называемые гипсовые розы) величиной не более 5 мм. Вторая существенная составляющая пробы – пористые темно-желтые кусочки смеси натроярозита и ярозита. Есть также частицы сильно выветрелой древесины и редкие зерна кварца. По всем признакам это вещество – природный, специально не измельчавшийся материал. Он близок по составу веществу, покрывавшему циновку под погребенным в яме 1 кургана 3 могильника Обручевский, и, видимо, также имел ритуальное назначение.

Вещество, извлеченное из чехла с зеркалом, – смесь сильно измененной органики со множеством хитиновых оболочек куколок мух, остатками сильно измененной древесины и очень тонкой шерсти (пуха?). В составе также обнаружено около десятка мелких (не более 0.1 мм) зерен реальгара.

Варненские курганы, курган 2, погребение 2 (основное) (VII–VI вв. до н.э.). Челябинская обл., Варненский р-н (Боталов С.Г., Таиров А.Д., 1996, с. 117–119, рис. 3, *1, 2, 5–14;* 4).

Курган имел диаметр 7 м, высоту 0.12 м. После снятия дернового слоя зафиксированы остатки однослойного каменного панциря, покрывавшего насыпь из темно-серой гумусированной супеси. Могильная яма располагалась в западной части подкурганной площадки. В верхней ее части расчищено впускное погребение 1 (конец VI – первая половина V в. до н.э.). У дна яма имела подпрямоугольную, с сильно скругленными углами форму размерами 2.05 × 1.05 м; ориентирована по линии ССЗ – ЮЮВ. Глубина ямы составила 1.65 м от уровня материка. На дне ямы, ближе к ее восточной стенке, расчищены остатки погребенного (погребение 2). Умерший лежал вытянуто на спине, головой на север. У его правого предплечья был найден золотой пластинчатый накосник в форме птичьей головы, второй накосник обнаружен между черепом и левой ключицей. Слева от погребенного, между бедренной костью и стенкой ямы, лежал вверх дном небольшой каменный овальный жертвенник без ножек. На нем находились костяная трубочка, заполненная темно-голубым порошком и заткнутая с двух сторон деревянными пробками, и костяной гребень клинообразной формы с короткими частыми зубьями. Чуть севернее жертвенника был обнаружен еще один костяной гребень с зооморфным изображением на щитке, а на его зубьях – лежащие одна на другой костяные пластины: нижняя с треугольными вырезами на одной из сторон, образующими крупные редкие зубья, верхняя прямоугольная, имеющая на краю небольшие отверстия. В двух сантиметрах южнее жертвенника найден бронзовый амулет-колесико. В ногах погребенного положена задняя нога барана без метаподий, отрезанная в тазе по лобковому сращению.

Материал из трубочки состоит из растертого древесного угля и многочисленных измельченных зерен азурита и малахита. Причем зерен последнего в пробе наблюдается очень малое количество. Основная составляющая здесь – азурит,

темно-синий минерал, имеющий в порошкообразном состоянии голубой цвет и свойства, позволяющие использовать его в качестве краски.

Могильник Николаевка II, курган 2(7), погребение 2, впускное (V в. до н.э.) Челябинская обл., Варненский р-н.

Погребение 2 впущено в земляной курган эпохи бронзы. Могильная яма, ориентированная по линии СЗЗ–ЮВВ имеет овальную форму; размеры ее 0.6–0.8 × 1.95 м и глубина 0.5 м от уровня материка. На дне ямы расчищен костяк человека, лежавший вплотную к ее северной стенке, вытянуто на спине, черепом на СЗЗ. На шейных позвонках под нижней челюстью, а также слева от черепа найден белый пастовый бисер, положенный в древности в виде низки. Между тазом и предплечьем правой руки лежало на боку бронзовое цельнолитое зеркало в виде диска с плоской длинной ручкой. Между головкой бедренной кости и кистью правой руки найдена костяная трубочка, заполненная серо-синим минеральным порошком. Чуть выше правого колена находился плоский каменный жертвенник каплевидной формы с плоским основанием.

Серо-синий порошок из трубочки состоит из кусочков белого глинистого минерала из группы каолинита, насыщенного азуритом, обломков кристаллов азурита, редких зерен малахита и прозрачного кварца. Материал представляет собой измельченный природный агрегат перечисленных минералов. Использовался, вероятнее всего, в качестве краски.

Могильник Бектениз, курган I (VIII–VII вв. до н.э.), Северо-Казахстанская обл., Сереевский р-н (Хабдулина М.К., 1987, рис. 2, *15–18*; 1994, с. 69, табл. 14, *15–18*).

Диаметр кургана 8 м, высота 0.4 м. После удаления дернового слоя в центре насыпи были обнаружены круглая выкладка из мелких колотых плиток сланца и окружавшее ее кольцо из крупного камня. Диаметр выкладки 2–2.5 м, внешнего кольца – около 5 м. В южной половине кургана между выкладкой и внешним кольцом прослеживалось полукольцо диаметром около 3 м, сложенное из крупного колотого камня.

Могильная яма находилась в центре кольца, сложенного из светлого суглинка с внешним диаметром 4.5–5.0 м, который представлял собой выкид из ямы. Яма имела овальную форму, размеры 1.0 × 2.15 м и ориентировку по линии СЗЗ–ЮВВ. Заполнение ее состояло из камня и темного гумусированного суглинка. На дне ямы на глубине 1.25 м от уровня материка был расчищен костяк человека, лежавший вытянуто на спине, черепом на СЗЗ. С правой стороны костяка, между его рукой и тазом, найдена кожаная сумочка с вложенным в нее бронзовым зеркалом. Зеркало представляет собой круглый литой диск с вертикальным бортиком и центральной петлей на оборотной стороне. У правого плеча погребенного стоял каменный овальный жертвенник без ножек. На нем лежали костяная трубочка с серо-синей краской и отдельные кусочки такой же краски (Хабдулина М.К. и др., 1980, с. 15–17).

Костяная трубочка имеет следы сильной заполированности, появившейся вследствие длительного употребления (рис. 3, *3, 4*). В древности она затыкалась с одного конца деревянной пробкой, с другого конца в трубочку была воткнута слабо изогнутая деревянная заостренная палочка.

Находившийся в костяном сосуде порошок представлял собой смесь обломков кристаллов и мелкозернистых агрегатов азурита, глинистого минерала из группы каолинита, древесного угля (около 15% объема), небольшого количества остроугольных зерен кварца и очень редких зерен малахита. Исходное сырье при изготовлении порошка растиралось, но не очень тщательно, так как в материале присутствуют обломки до 2 мм величиной (рис. 2, *а*), хотя основная часть состава (около 70%) имеет размеры менее 0.2 мм.

Из этого же погребения происходит еще одна такая же по виду и составу проба, но более качественно измельченная: в ней почти все частицы не более 0.2 мм (рис. 2, *б*). Оба эти порошка могли служить краской.

Могильник Бектениз, курган 2 (VIII–VII вв. до н.э.) (Хабдулина М.К., 1994, с. 69, табл. 16).

Диаметр кургана 8 м, высота 0.45 м. После удаления дернового слоя в центре насыпи было выявлено кольцо неправильной формы, выложенное из крупного камня, диаметром 5 м и шириной 1.5–2.0 м. Скорее всего это развал подпрямоугольной конструкции, окружавшей могильную яму. Яма находилась в центре сложенного из ярко-красного глинистого трухляка кольца с внешним диаметром 4.0–4.6 м, имела овальную форму, размеры 1.3–1.5 × 2.2 м, ориентировку по линии СЗ–ЮВ. Заполнение ее состояло из смеси гумусированной супеси, песка и гравия. Верхняя часть ямы, расположенная выше уровня материка, была забутована камнем. На дне ямы на глубине 0.95 м от уровня материка расчищен костяк человека, лежавший вытянуто на спине, черепом на СЗ. У правой височной кости найдена серьга из полоски золотой фольги, согнутой в кольцо. Вторая серьга была обнаружена у кисти левой руки. У правого локтя расчищены остатки предмета из раковины. Между тазовой костью и запястьем левой руки в специальном чехле из кожи и ткани было найдено бронзовое зеркало – круглый литой диск с вертикальным бортиком и центральной петлей на оборотной стороне. У правой кисти стоял каменный овальный жертвенник без ножек. При выборке ямы также было обнаружено два вида минеральных

порошков, однако точное их местоположение не установлено.

Первая проба имеет золотисто-желтый цвет и состоит из очень разных по размеру частиц (рис. 2, *в*) – из обломков крупнопластинчатого аурипигмента (кусочки до 5 мм) и мелких и редких зерен реальгара и самородной серы. Несомненно, что этот материал был получен дроблением крупных, почти мономинеральных выделений аурипигмента.

Вторая проба светло-серого цвета со слабым коричневатым оттенком и тоже неоднородна по величине компонентов (рис. 2, *г*). Состоит она из обломков чешуйчатого арагонита, мелкозернистого кальцита, кварца и полевого шпата – микроклина. Причем последние два минерала находятся в тесном срастании. Кроме того, присутствуют единичные зерна гипса, а также точно не диагностированная составляющая, возможно, гидрокарбонат из группы гидроталькита. Описываемый материал был получен измельчением природных скоплений перечисленных минералов, при этом агрегаты полевого шпата и кварца, напоминающие гранит, случайно попали сюда из вмещавших карбонаты пород или были добавлены специально.

Могильник Графские развалины, курган 2, центральное погребение (VI–V вв. до н.э.), Северо-Казахстанская обл., Сергеевский р-н (Хабдулина М.К., 1994, с. 63, 69, табл. 59, *3, 4*).

Диаметр кургана 6 м, высота 0.1 м. После снятия дернового слоя на насыпи из темной гумусированной супеси зафиксированы остатки каменного наброса.

Могильная яма на уровне материка имела овальную форму размером 1.55 × 2.3 м, ориентированную по линии СВВ–ЮЗЗ. На глубине 0.5 м от уровня материка по всему периметру ямы прослеживалась ступенька шириной от 5 до 60 см. У дна на глубине 1.5 м яма приобрела ориентированную по линии СВВ–ЮЗЗ форму сильно вытянутого овала размерами 0.75 × 1.85 м. Верхняя ее часть до глубины 0.8 м была заполнена смесью земли и большого количества камня. В придонной части заполнение было представлено материковым грунтом – песок с галькой.

На дне ямы расчищен костяк, лежавший вытянуто на спине, черепом на СВВ. На костях и под ними был зафиксирован слой органических остатков черного цвета толщиной 5–7 мм. Между левой рукой и тазом погребенного найдены два небольших сосудика (один – целый, другой – раздавленный), керамическое орнаментированное пряслице и, по определению автора раскопок, кусочки красной и серебристой краски (Зданович Г.Б. и др., 1980). Целый сосудик лежал на боку, и в нем сохранилась темно-желтая краска. Часть когда-то жидкой краски вытекла и застыла рядом с сосудиком.

Краска из целого сосуда однородна, состоит из остроугольных, величиной до 2 мм обломков мелкозернистогоминеральногоагрегата,окруженных порошкообразными продуктами его измельчения; получена путем растирания природной смеси глинистого минерала из группы галлуазита (метагаллуазит?) и тонкодисперсного гетита, придавшим окраску пробе.

В другом сосудике находился тонкий серовато-коричневый порошок с частицами не более 0.5 мм, представляющими собой остроугольные зерна прозрачного кварца, черные мелкозернистые образования, содержащие в небольшом количестве магнетит. Основная масса частиц – тонкозернистый полевой шпат (плагиоклаз), подвергшийся сильной пелитизации. Вещество было получено путем тщательного измельчения природного материала.

Результаты изучения минеральных порошков были сведены в таблицу (рис. 2). Данные ее свидетельствуют о том, что для изготовления красок применялись минералы, взятые из проявлений в коре выветривания. Этот материал, часто от природы рыхлый, обычно использовался в своем естественном виде, но иногда он подвергался обработке: измельчению, смешиванию с другими веществами, отжигу. Явных признаков присутствия какого-то связующего вещества, например жира или масла, в исследованных пробах не замечено. Можно только предполагать добавление воды при пользовании некоторыми из красящих составов.

Минеральные краски широко использовались как в древности, так и в этнографической современности в косметических целях (краска для подведения глаз, белила, румяна), для татуировки или ритуальной раскраски тела. Конкретное назначение тех или иных пигментов или порошков, находимых в погребениях, определить достаточно трудно и можно с большей или меньшей степенью уверенности говорить лишь о возможном их применении.

К числу косметических средств относятся румяна, пудра, тени и краски для ресниц, бровей и волос. В Древнем Египте наиболее распространенными красками, использовавшимися для подведения глаз, были малахит (зеленая медная руда) и галенит (темно-серая свинцовая руда). Оба материала находят в могилах в виде кусков сырого материала, помещенного в маленькие холщовые или кожаные мешочки, в виде пятен на плитках и камнях, на которых их растирали перед употреблением, и в виде готового препарата (коль). Порошкообразный коль чаще всего обнаруживают в раковинах, в трубочках из пустотелого камыша и в маленьких сосудиках (Лукас А., 1958, с. 149, 150; Кинк Х.А., 1976, с. 29, 62, 63). Египетский коль экспортировался и в Херсонес (Кадеев В.И., 1995, с. 101). Материалом для коля также могли слу-

жить коричневая охра (смесь лимонита с глиной), магнитная окись железа черного цвета и другие минералы (Лукас А., 1958, с. 151, 154). В Иудее для подведения глаз использовалась синяя краска (Дайяги-Мендельс М., 1993, с. 28). В Египте же получаемая из азурита синяя краска чаще применялась в стенной росписи (Лукас А., 1958, с. 519).

В раннем железном веке на территории Южного Урала и Северного Казахстана в качестве краски для подведения глаз могли использоваться минеральные порошки, содержащие в своей основе азурит, а также древесный уголь и каолинит (Варненские курганы, кург. 2; Николаевка II, кург. 2; Бектениз, кург. 1). Следует подчеркнуть, что малахит в коре выветривания Урала и Казахстана встречается никак не реже азурита и не в меньших количествах, скорее наоборот. Однако в рассмотренных выше составах малахит как основа красящего вещества не встречен. Содержащийся в азуритовом порошке древесный уголь, придающий краске более темный тон и некоторый блеск, добавлялся, вероятнее всего, специально. Использование древесного угля или сажи для приготовления коля зафиксировано и в Египте (Лукас А., 1958, с. 152, 153).

Некоторые из красок (могильник Обручевский, кург. 2; кург. 3, могильная яма 2) могли использоваться в качестве румян. В Древнем Египте для этих целей применялся пигмент, приготовленный из гематита или отожженного лимонита. Такая же краска, как в чистом виде, так и в смеси с гипсом, применялась в стенной росписи (Лукас А., 1958, с. 155, 156, 526–528; Кинх Х.А., 1976, с. 62; Максимова М.И., 1948, с. 49, 51).

Нахождение частиц ярко-красного реальгара в чехле зеркала (Мирный, кург. 1) наводит на мысль, что он служил в качестве косметического средства, например румян. Однако отметим, что интенсивное и длительное применение реальгара – ядовитого соединения мышьяка – могло оказывать отрицательное воздействие на здоровье пользующегося им человека и вызывать раздражения слизистой оболочки, желудочно-кишечные расстройства и даже рак кожи (Вредные химические вещества..., 1982; Гигиенические критерии..., 1985, с. 103).

Серовато-белый порошок естественной смеси мусковита и каолинита из кургана 18 Большекараганского могильника мог использоваться как пудра или белила. В Древнем Египте в качестве белой краски, применявшейся, правда, в стенной живописи и для росписи сосудов, выступал, как считает А. Лукас (1958, с. 528), либо мел, либо гипс. В эллинистическое время белую краску готовили из мела, гипса или белой глины, известны были и свинцовые белила (Максимова М.И., 1948, с. 48, 49). Последние, несмотря на свою ядовитость, применялись для придания белизны коже

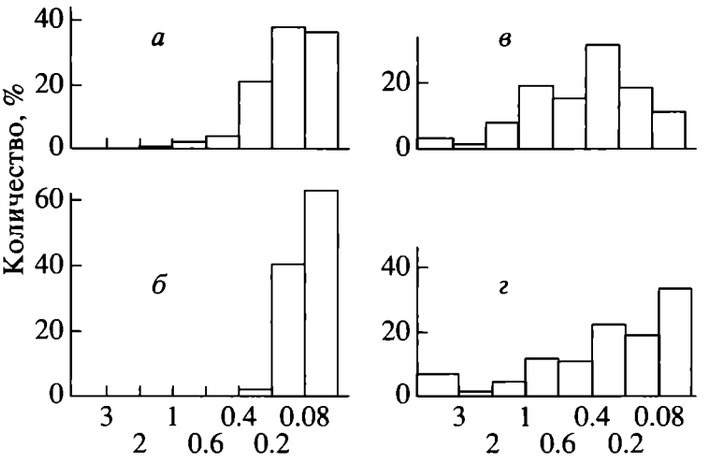

Рис. 2. Гистограммы распределения по размерам частиц минеральных порошков из могильника Бектениз. Указанные фракции получены разделением проб на ситах. *а*, *б* – азуритовые порошки: *а* – относительно слабо растертый, *б* – хорошо растертый; *в* – грубоизмельченный аурипигмент; *г* – грубоизмельченная смесь минералов; величина частиц, мм.

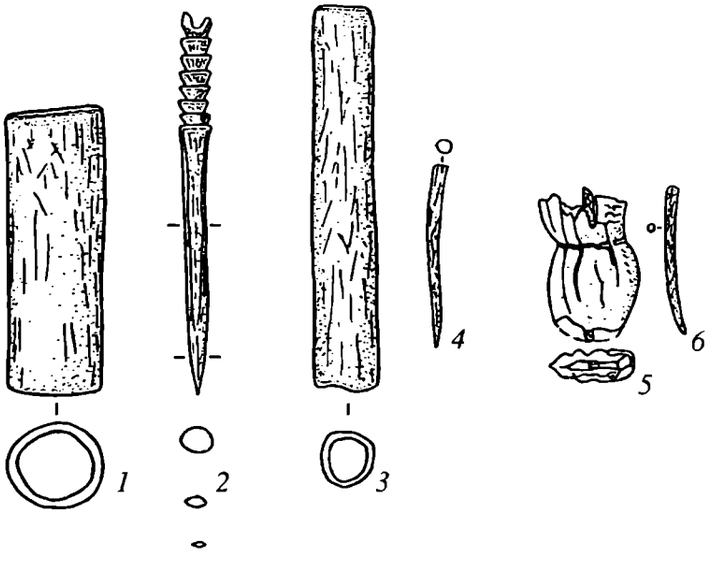

Рис. 3. Флакончики с минеральным порошком: *1*, *2* – могильник Графские развалины, курган 7, могильная яма 3; *3*, *4* – могильник Бектениз, курган 1; *5*, *6* – курганная группа Три Мара, курган 4, погребение 2. *1–3*, *6* – кость; *4* – дерево; *5* – кожа.

лица и в античном Херсонесе (Кадеев В.И., 1995, с. 101).

В Египте для стенной живописи использовали две различные желтые краски: желтую охру и аурипигмент – естественный сульфид мышьяка (Лукас А., 1958, с. 529). В эллинистическое время основной желтой краской, применявшейся в живописи, служила охра разных оттенков. Известен был и аурипигмент (желтый мышьяк), однако в живописи он уже не применялся (Максимов М.И., 1948, с. 49). В качестве желтой краски могла ис-

пользоваться и найденная в кургане 2 могильника Графские развалины растертая природная смесь глинистого минерала метагаллуазита и гетита. Вторая природная смесь, происходящая из этого же кургана, использовалась, вероятно, в качестве коричневой краски. В древности в качестве коричневой краски чаще всего использовалась либо чистая охра, либо ее смесь с гипсом или черной краской (Лукас А., 1958, с. 524; Максимова М.И., 1948, с. 51).

Все вышеназванные краски могли использоваться и для татуировки. Для одноцветной татуировки чаще всего использовалась черная краска – угольный порошок или сажа, реже – графит или черная глина (Арутюнов С.А., Щебеньков А.Г., 1992, с. 194; Зиберт Э.В., 1955, с. 371; Иванов С.В., 1954, с. 444, 477; Кочешков Н.В., 1989, с. 34, 131; Липс Ю., 1954, с. 61; Миклухо-Маклай Н.Н., 1951, с. 273; Руденко С.И., 1929, с. 15, 17; 1949, с. 149; Штернберг Л., 1901, с. 678), но применялась и темно-синяя краска (Влэдуциу И., 1967, с. 111; Народы Австралии и Океании, 1956, с. 602; Народы Сибири, 1956, с. 606, 723, 800, 911). В древнем Египте для татуировки применялась в основном сажа, однако на женских статуэтках рисунки, изображающие татуировку, выполнены как черной, так и зеленой краской (Кинк Х.А., 1976, с. 61, 62). Уголь или сажу использовали для татуировок и пазырыкцы (Руденко С.И., 1953, с. 140; Полосьмак Н.В. и др., 1997, с. 189). Для нанесения цветной татуировки также использовались минеральные краски, в частности киноварь (Руденко С.И., 1949, с. 149; Штернберг Л., 1901, с. 678). Использование темно-коричневой минеральной краски, основу которой составляла, вероятно, глина, зафиксировано у пазырыкцев (Полосьмак Н.В. и др., 1997, с. 189). В недавнем прошлом в местах заключения для цветной татуировки красную краску готовили из тертого кирпича, желтую – из минеральных агрегатов желтого цвета, встречающихся в кирпиче, белую – из мела, черную – из сажи, полученной различными способами.

Дополнительным аргументом, подтверждающим возможность использования кочевниками урало-казахстанских степей минеральных порошков для татуировки, может служить находка острой деревянной палочки в костяной трубке с краской в кургане 1 могильника Бектениз (рис. 3, *3*, *4*). В такую же трубку с ярко-синим порошком, найденную в могильной яме 3 кургана 7 могильника Графские развалины, было вставлено костяное острие с резной рукоятью (рис. 3, *1*, *2*). В погребении 2 кургана 5 могильника Четыре Мара в Оренбургской области обнаружена веточка с заостренным концом, воткнутая в кожаный мешочек с белой глиной. Рядом с первым на бронзовом зеркале лежали еще два кожаных мешочка: в одном находилась желтая глина, в другом – костяная ложечка с фигурной ручкой. Из этого же комплекса происходят железное шило и куски реальгара (Заседателева С.Н., 1986, с. 21–25). Вообще следует заметить, что в состав инвентаря женских погребений, содержащих краски, помимо зеркал и каменных жертвенников или плиток обычно входят иглы и шилья, гальки, служившие растиральниками. Маленький "кожаный флакончик", внутри которого находилось черное порошковидное вещество и костяная палочка с заостренным концом (рис. 3, *5*, *6*), найден и в мужском воинском погребении из кургана 4 могильника Три Мара (Смирнов К.Ф., 1981, с. 83, рис. 9, *6*).

Судя по этнографическим данным, для нанесения татуировки использовались не только специальные инструменты (игла, шило, гребешки), но и шипы колючек, острые обломки раковин, щучьи челюсти, рыбьи кости либо заостренные кости птиц или животных. Татуировка могла наноситься и острием обыкновенного ножа. Для наложения же косметики, в том числе и для нанесения краски для глаз, использовали специальные инструменты – косметические палочки и лопатки, сурьматаши (Кинк Х.А., 1976, с. 52; Дайяги-Мендельс М., 1993, с. 28). Отметим, что преимущественно татуировались женщины. Они же в большинстве случаев являлись и исполнителями татуировки и часто это были жрицы (Арутюнов С.А., Щебеньков А.Г., 1992, с. 194; Зиберт Э.В., 1955, с. 371; Иванов С.В., 1954, с. 44, 45, 443, 477; Кочешков Н.В., 1989, с. 34, 131; Липс Ю., 1954, с. 61, 157; Ляпунова Р.Г., 1979, с. 208; Миклухо-Маклай Н.Н., 1951, с. 273, 359, 360; Народы Австралии и Океании, 1956, с. 451, 602, 739; Народы Америки, 1959, т. I, с. 128; т. II, с. 345; Народы Сибири, 1956, с. 723; Руденко С.И., 1929, с. 15, 16; 1949, с. 149; Стингл М., 1978, с. 60; Штернберг Л., 1901, с. 678).

Одна из основных функций татуировки – символическая. Наряду с символами, указывающими на прохождение человеком инициаций, знаками, определяющими возрастную категорию, социальный статус, семейное положение, принадлежность к той или иной родоплеменной группе, профессии, татуировка могла быть также символическим обозначением данной личности (Кожин П.М., 1991а, с. 127). У хантов мужчины наносили на тело знак принадлежности к роду, позднее, в связи с разложением рода, – семейный знак (Иванов С.В., 1954, с. 44). Магическая функция татуировки – защита от злых духов, охрана души, оказание помощи человеку или его душе после смерти (Иванов С.В., 1954, с. 45–47, 444; Народы Сибири, 1956, с. 911). Так, казымские ханты татуировали на плече фигуру птицы вурсик. Она, по их мнению, должна была помогать человеку после его смерти, при прохождении через океан в "страну мертвых", и связывалась с представлениями о душе (Иванов С.В., 1954, с. 46). У эскимосов нетсилик считалось, что женщина, не имеющая красивой татуировки, не могла после смерти войти в "страну блаженства" на небе, где люди всегда сыты и счастливы (Народы Аме-

рики, 1959, т. I, с. 128). Кроме того, татуировка могла иметь и медицинское назначение (Руденко С.И., 1953, с. 138; Кочешков Н.В., 1989, с. 34). Так, у хантов и манси татуировка наносилась на больные места при ревматизме, боли и ломоте в суставах, а также в случае перелома руки и ноги (Иванов С.В., 1954, с. 45). "Медные" эскимосы считали, что татуировка необходима для женщин, потому, что она сильно облегчает роды (Народы Америки, 1959, т. I, с. 128).

Помимо татуировки и применения в качестве косметических средств, находимые в погребениях краски, особенно красная, желтая, белая и черная, могли использоваться и для раскраски лица и тела. О существовании татуировки и раскраски у сарматов сообщают античные источники (Руденко С.И., 1953, с. 138–140; Васильев В.Н., 1998, с. 32). Данные этнографии свидетельствуют, что раскраска, выполняемая с помощью минеральных или растительных красителей, которые разводили на различных клейких или жировых разбавителях, широко применялась воинами. Она одновременно служила и для устрашения врага, и как средство магической защиты от ран и травм, для четкого различия соратников в пылу боя, для усиления воинского азарта. В более общем своем назначении раскраска выступала как магическое средство для достижения победы в бою, успеха в охоте (Кожин П.М., 1991б, с. 106, 107). По представлениям меланезийцев, черная полоса, нанесенная на живот, грудь и правое плечо, придает руке твердость и меткость в метании копья, а зачернение нижней половины лица облегчает преследование врага (Народы Австралии и Океании, 1956, с. 466). Индейцы юго-востока Северной Америки при похоронах воина, умершего дома, красили его лицо боевой красной краской. В могилу рядом с ним клали его трубку, томагавк, лук, стрелы в колчане и другие предметы (Народы Америки, 1959, т. I, с. 241). Этнографией зафиксированы и случаи помещения в могилу набора красок. Так, Л.С. Берг сообщал, что покойному алеуту при погребении положили краски четырех цветов, чтобы он на том свете мог раскрасить свое лицо (Ляпунова Р.Г., 1979, с. 210).

Отметим, что колер раскраски не был случайным. Подбор цветов определялся символическим значением красок в тех или иных культурах, частично он зависел также от технических возможностей добычи и использования разных красителей.

Золотисто-желтый грубоизмельченный аурипигмент, найденный в кургане 2 могильника Бектениз, после дальнейшей обработки вполне мог применяться в качестве желтой краски. Но, как нам представляется, использовался данный мышьякосодержащий минерал, скорее всего, в металлургическом процессе получения мышьяковой бронзы. Косвенным подтверждением этому служит то, что зеркало из рассматриваемого кургана отлито из мышьяковой бронзы (содержание мышьяка 6%). Кроме того, высокая концентрация мышьяка (до 10%) отмечена в металлических предметах из других курганов могильника Бектениз. В расположенных рядом и одновременных Бектенизу могильниках Алыпкаш, Графские развалины, Улубай также обычны предметы с повышенным и высоким содержанием мышьяка (Барцева Т.Б., 1987, с. 68–72). Второй минеральный порошок из кургана 2 могильника Бектениз светло-серого цвета состоит из грубоизмельченной смеси арагонита, кальцита, микроклина и кварца. Использование его в качестве краски даже после дальнейшей обработки – растирания – вызывает большие сомнения. В древнеегипетской живописи серой краской обычно служила смесь черного и белого составов – гипса и древесного угля, белой глины и сажи и т.п. (Лукас А., 1958, с. 525). Наиболее вероятно, что этот весьма разнозернистый материал, сложенный в основном карбонатами кальция – арагонитом и кальцитом, использовался при выплавке в качестве обычного флюса, понижающего температуру плавления шихты. И в этом случае нет необходимости тщательного его дробления, поскольку в процессе нагрева карбонаты кальция, разрушаясь, переходят в порошковатую негашеную известь, которая, реагируя с кварцем, дает легкоплавкое соединение. Анализируя зеркала из могильника Бектениз, отлитые из мышьяковых бронз, Т.Б. Барцева приходит к выводу, "что эти зеркала связаны с алтайскими производственными центрами, где сплавы с мышьяком были одними из ведущих в раннежелезном веке" (Барцева Т.Б., 1987, с. 71, 72).

Находка аурипигмента в одном из захоронений Бектениза может, вероятно, свидетельствовать о местном производстве металла, легированного мышьяком. Относительно невысокая степень измельчения аурипигмента, необычная для шихты, подвергавшейся плавке, говорит, видимо, о знании древними металлургами того, что этот минерал уже при небольшом нагреве (310°С) в восстановительных условиях, создаваемых древесным углем, плавится без разложения (конгруэнтно) и далее в процессе участвует уже в виде жидкости.

Таким образом, обе пробы минеральных порошков из кургана 2 могильника Бектениз являются, вероятно, компонентами шихты, а погребенный, видимо, имел какое-то отношение к металлургии.

Источники красящих веществ были местными или расположенными на прилегающих к Уралу территориях. Укажем, что натроярозит и ярозит известны в зоне окисления ряда южноуральских колчеданных месторождений (Юшкин Н.П. и др., 1986, с. 115). Азурит, как и малахит, – обычный продукт выветривания распространенных на

Урале и в Казахстане содержащих медь сульфидов. В свою очередь, аурипигмент и реальгар вряд ли можно считать местными, поскольку эти минералы как на Урале, так и в Казахстане встречаются крайне редко и в виде небольших мелкозернистых выделений (Минералы СССР..., 1940, с. 36; Минералы Казахстана..., 1989, с. 129, 140). К тому же современные их находки связаны, как правило, с разработкой удаленных от дневной поверхности частей месторождений, недоступных в древности. В то же время реальгар и аурипигмент, особенно последний, образуют крупные и многочисленные, выходящие на поверхность скопления на Кавказе и в Закавказье (Минералы СССР..., 1940, с. 45). С обилием богатых мышьяком минералов в этом регионе связана широкая распространенность здесь в древности медно-мышьяковых сплавов, выгодно отличающихся по свойствам от чистой меди. В раннем железном веке сплавы с мышьяком были одними из наиболее использующихся и на Алтае (Барцева Т.Б., 1987, с. 71–73). По всей видимости, эти регионы и могли быть экспортерами мышьяковых минералов (аурипигмента и реальгара) на Южный Урал и Северный Казахстан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнов С.А., Щебеньков А.Г., 1992. Древнейший народ Японии. Судьбы племени айнов. М.

Барцева Т.Б., 1987. Цветной металл из Среднего Приишимья (по материалам Северо-Казахстанской экспедиции) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Боталов С.Г., 1993. Большекараганский могильник II–III вв. н.э. // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург.

Боталов С.Г., Таиров А.Д., 1996. Памятники раннего железного века в окрестностях села Варна // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск.

Бушмакин А.Ф., Зайков В.В., 1997. Еленовское медно-турмалиновое месторождение – вероятный источник руды для медеплавильного производства Аркаима // Уральский минералогический сборник. № 7. Миасс.

Васильев В.Н., 1998. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Вып. 1. Уфа.

Влэдуциу И., 1967. Полинезийцы. Бухарест.

Вредные химические вещества. Неорганические соединения V–VIII групп, 1982. Л.

Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д., 1993. Курганы у села Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург.

Гигиенические критерии состояния окружающей среды. Мышьяк, 1985. Женева.

Дайяги-Мендельс М., 1993. Косметика в древнем мире // Ариэль. Журнал израильской культуры. № 16.

Заседателева С.Н., 1986. Отчет о работе археологической экспедиции Орского краеведческого музея в 1986 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 11512.

Зданович Г.Б., Хабдулина М.К., Бухонин А.А., 1980. Исследование могильника Графские развалины в Северо-Казахстанской области Сергеевском районе (Отчет. Полевые археологические исследования Урало-Казахстанской археологической экспедиции в 1980 году. Т. IV) // Архив ЛАИ ЧелГУ.

Зиберт Э.В., 1955. Разрисовка тел у индейцев племени кадувео (Бразилия) // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. XVI. М.

Зуев В.Ю., 1996. Научный миф о "савроматских жрицах" // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Материалы международной конференции. СПб.

Иванов С.В., 1954. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX–начала XX вв. // Тр. Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 22. М.; Л.

Кадеев В.И., 1995. Парфюмерия и косметика в античном Херсонесе // Древности-1995. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков.

Кинк Х.А., 1976. Художественное ремесло древнейшего Египта и сопредельных стран. М.

Кожин П.М., 1991а. Татуировка // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 4. Народные знания. Фольклор. Народное искусство. М.

Кожин П.М., 1991б. Раскраска тела // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 4. Народные знания. Фольклор. Народное искусство. М.

Кочешков Н.В., 1989. Этнические традиции в декоративном искусстве народов Крайнего Северо-Востока СССР (XVIII–XX вв.). Л.

Липс Ю., 1954. Происхождение вещей. Из истории культуры человечества. М.

Лукас А., 1958. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М.

Ляпунова Р.Г., 1979. Традиционные украшения алеутов (к вопросу об этнокультурных связях в Тихоокеанском бассейне) // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск.

Максимова М.И., 1948. Сырьевая база и первичная обработка материалов // Эллинистическая техника. М.; Л.

Миклухо-Маклай Н.Н., 1951. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 3. Ч. 1 (Статьи по антропологии и этнографии). М.; Л.

Минералы Казахстана (самородные элементы, интерметаллиды, карбиды, арсениды, антимониды, простые сульфиды), 1989. Ама-Ата.

Минералы СССР. Сульфиды, сульфосоли и подобные им соединения, 1940. М.; Л.

Мошкова М.Г., 1972. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. МИА. № 153.

Народы Австралии и Океании. Народы мира, 1956. М.

Народы Америки. Народы мира, 1959. Т. I; II. М.

Народы Сибири. Народы мира, 1956. М.; Л.

Полосьмак Н.В., Кундо Л.П., Малахов В.В., Власов А.А., Краевская И.Л, Овсянникова И.А., Литвак Г.С.,

Плясова Л.М., Соловьева Л.П., Шмаков А.Н., Щербаков Ю.Г., Рослякова Н.В., 1997. Исследование вещественного состава находок из "замерзших" могил Горного Алтая (Ак-Алаха 3. Пазырыкская культура) // РА. № 1.

Руденко С.И., 1929. Графическое искусство остяков и вогулов // Материалы по этнографии. Т. IV. Вып. 2. Л.

Руденко С.И., 1949. Татуировка азиатских эскимосов // СЭ. № 1.

Руденко С.И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.

Смирнов К.Ф., 1977. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.

Смирнов К.Ф., 1981. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа.

Стингл М., 1978. По незнакомой Микронезии. М.

Федоров В.К., Васильев В.Н., 1998. Яковлевские курганы раннего железного века в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. Вып. 1. Уфа.

Хабдулина М.К., 1987. Погребальный обряд населения раннего железного века Северного Казахстана (VIII–II вв. до н.э.) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Хабдулина М.К., 1994. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы.

Хабдулина М.К., Иванова Н.О., Зданович Г.Б., Виноградов Н.Б., 1980. Исследования могильника Бектениз в Северо-Казахстанской области. (Отчет. Полевые археологические исследования Урало-Казахстанской археологической экспедиции в 1980 году. Т. IV) // Архив ЛАИ ЧелГУ.

Штернберг Л., 1901. Татуирование // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 64. СПб.

Юшкин Н.П., Иванов О.К., Попов В.А., 1986. Введение в топоминералогию Урала. М.

Mineral Powders from Barrow Mounds of the Southern Urals and North Kazakhstan and Their Possible Function

A. D. Tairov, A. F. Bushmakin

Summary

In the article the results of mineralogical analysis of coloured powdery matters discovered in the Early Iron Age burials are discussed. The burial assemblages originate from the Southern Urals and North Kazakhstan. The authors consider possibility of their application for tattooing and ritual body painting, and as agents of metallurgical process of producing arsenic bronze.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 76–87

ПУБЛИКАЦИИ

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПЕРИОДА ИЗ ПИЧВНАРИ

© 2001 г. А. Кахидзе*, Ш. Мемуладзе**

*Батумский археологический музей

**Гонио-Арсарский музей-заповедник, Батуми

Пичвнари, один из наиболее значительных памятников Восточного Причерноморья, расположен в 10 км к северу от г. Кобулети (Западная Грузия) у слияния рек Чолоки и Очхамури. За последние 50 лет на территории Пичвнари и в его окрестностях выявлен целый ряд первоклассных памятников различных эпох. В свете этих открытий выяснилось, что холмистая полоса Кобулетского р-на была заселена уже в позднем мезолите и неолите (Гогитидзе С., 1977). В эпоху неолита и ранней бронзы начинается освоение южной полосы Колхидской низменности. В этом плане особый интерес представляет подторфное поселение Испани (Хахутайшвили Д., 1995). С эпохи средней бронзы на территории Пичвнари появляются крупные поселения, играющие важную роль в формировании колхидской культуры с конца II тыс. до н.э. (Микеладзе Т.К., Хахутайшвили Д.А., 1985). В междуречье Чолоки – Очхамури при пичвнарском поселении возникает один из древнейших очагов железной металлургии (Хахутайшвили Д.А., 1987). В предантичный период (VIII–VII вв. до н.э.) к западу от Пичвнари, в прибрежной полосе, появляются дюнные поселения с мощными культурными слоями, местами достигающими 6–7 м (Рамишвили А.Т., 1975).

Начиная с раннеантичной эпохи роль Пичвнари значительно возрастает. В классический и эллинистический периоды – это один из наиболее крупных городских центров Восточного Причерноморья, имеющий тесные торгово-экономические и культурные связи с различными областями античного мира.

Границы городского типа поселения этого времени охватывали территорию площадью около 100 га. Непосредственно с ним связаны три крупных могильника, расположенные в западной части городища и занимающие около 2 га: колхидский могильник V в. до н.э., на котором было исследовано 262 погребения (Кахидзе А.Ю., 1981а; Kachidze A., Plontke-Luning A., 1992), греческий некрополь V–IV вв. до н.э., на котором выявлено 250 погребений и десятки поминальных площадок (Кахидзе А., 1975; 1977; 1979) и могильник эллинистического времени – 155 погребений (Кахидзе А., Вашакидзе Н., 1978/1979; Кахидзе А., 1981б). Материал из культурных слоев и могильников отличается богатством и разнообразием.

Новыми открытиями был ознаменован и сезон раскопок, проводимых совместной грузинско-британской археологической экспедицией в 1998 г. На греческом могильнике V в. до н.э. впервые были выявлены погребения эпохи раннего средневековья. Здесь было засвидетельствовано пять погребений, представляющих особый интерес. Явственно прослеживается сходство новых материалов с памятниками так называемой цебельдинской культуры, а также с рядом синхронных памятников Северного Причерноморья. Предлагаем описание этих комплексов (рис. 1).

Погребение № 1 (№ 172, согласно нумерации греческих погребений); NW 25; кв. 94. Ориентация западная, с небольшим отклонением к югу. В погребениях этого периода железные гвозди не зафиксированы. Размеры погребальной ямы 2.20 × 0.75 × 1.0 м. В области головы покойника обнаружены три крупные бусины-обереги (рис. 2). Попадались обломки железного предмета.

Погребение № 2 (175); NW 25; кв. 84. Ориентация западная, с отклонением к югу. Размеры погребальной ямы 2.25 × 0.9 × 0.95 м. В западной части погребения позади головы покойника находился колбовидный бальзамарий, в области шеи – мелкие разноцветные бусы (62 шт.) (рис. 3; 4). У северного края погребения в области правой руки обнаружена железная пластина, возможно, фрагмент железного ножа. С этим комплексом связана также стеклянная вставка.

Погребение № 3 (177); NW 25; на стыке кв. 83 и 93. Ориентация западная, с отклонением к югу. Размеры погребальной ямы 2.6 × 0.75 × 0.85 м. Позади головы покойника стоял стеклянный стакан. В области головы обнаружена бусина-оберег, у правой руки – перстень с изображением, в области правой руки – плохо сохранившиеся монеты и тщательно обработанный кремень. Здесь же находилась железная фибула. У ног покойного стоял кувшин так называемого цебельдского типа. Вдоль северной стены погребения лежало копье с железным наконечником на деревянном древке. Наконечник копья находился в западной части погребения, навершие древка – в восточной

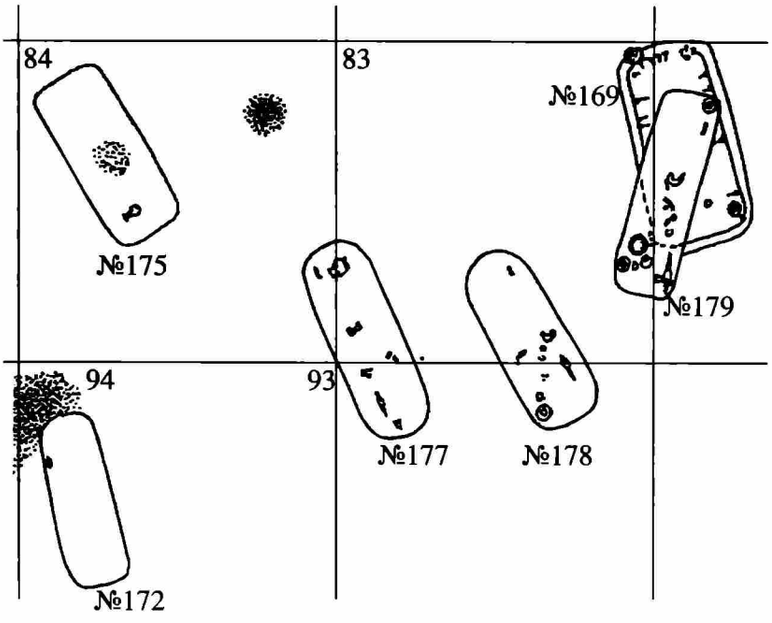

Рис. 1. План погребений раннесредневекового периода из Пичвнари.

части; длина копья 2.1 м; у левой руки покойного лежал железный топор (рис. 5; 6).

Погребение № 4 (178); NW 25; на стыке кв. 83 и 93. Ориентация западная. Размеры погребальной ямы 2.4 × 0.8 × 0.8 м. Позади головы, чуть выше уровня остального инвентаря стоял глиняный кувшин, прикрытый глиняным черепком. Очевидно, он был принесен на могилу впоследствии и связан с поминальным обрядом. Позади головы покойника стоял тонкостенный стеклянный стакан. В области головы засвидетельствованы три мозаичные бусины-обереги, у правой руки – перстень и обработанный кремень; у пояса – бронзовая пряжка и фрагменты железной пряжки. Поблизости находился железный топор, у правой руки лежал железный нож. Справа от костяка вдоль южного края погребения обнаружено железное копье с деревянным древком. Здесь, так же как и в погр. № 3, наконечник копья находился в области головы, навершие древка – у ног. Длина копья 1.75 м (рис. 7; 8).

Погребение № 5 (179); NW 25; южная часть кв. 83. Ориентация западная, с небольшим отклонением к северу. Размеры погребальной ямы 2.2 × × 0.9 × 1.0 м (рис. 9; 10). Позади головы покойника стояли два глиняных сосуда. Один из них был прикрыт глиняным черепком. Здесь же находились обломки стеклянного стакана. Рядом лежало опрокинутое краснолаковое блюдо, под ним – неповрежденный стеклянный бальзамарий. В области рта обнаружены две монеты. Здесь же были найдены и три стеклянные бусины. У левой руки – железный топор и перстень с геммой. Вдоль южного края погребения, т.е. по правую сторону от покойника, лежало железное копье длиной 1.7 м. Поверх копья лежал поврежденный стек-

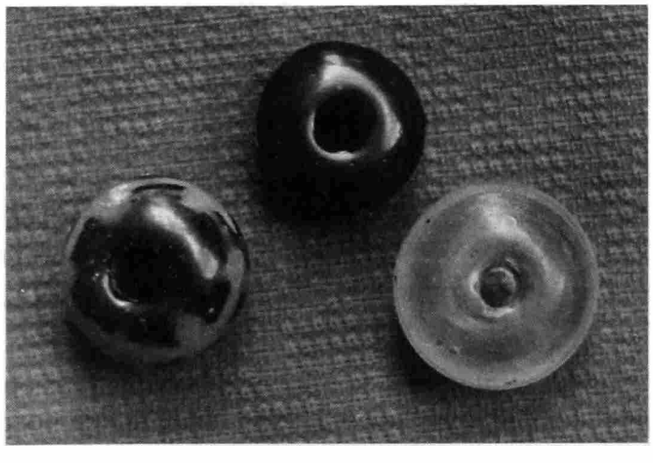

Рис. 2. Погребение № 1. Бусины-обереги.

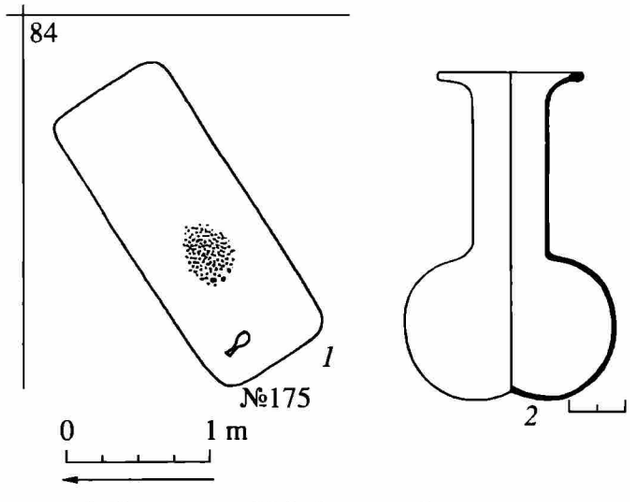

Рис. 3. Погребение № 2. *1* – план; *2* – бальзамарий.

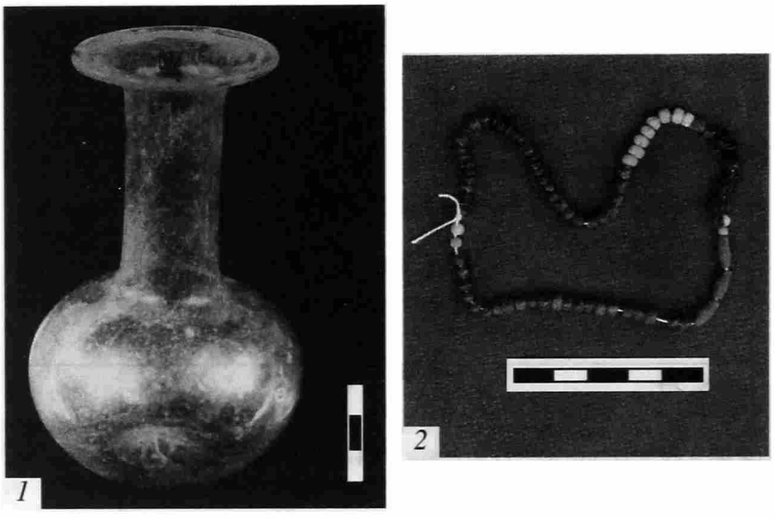

Рис. 4. Погребение № 2. *1* – бальзамарий; *2* – бусы.

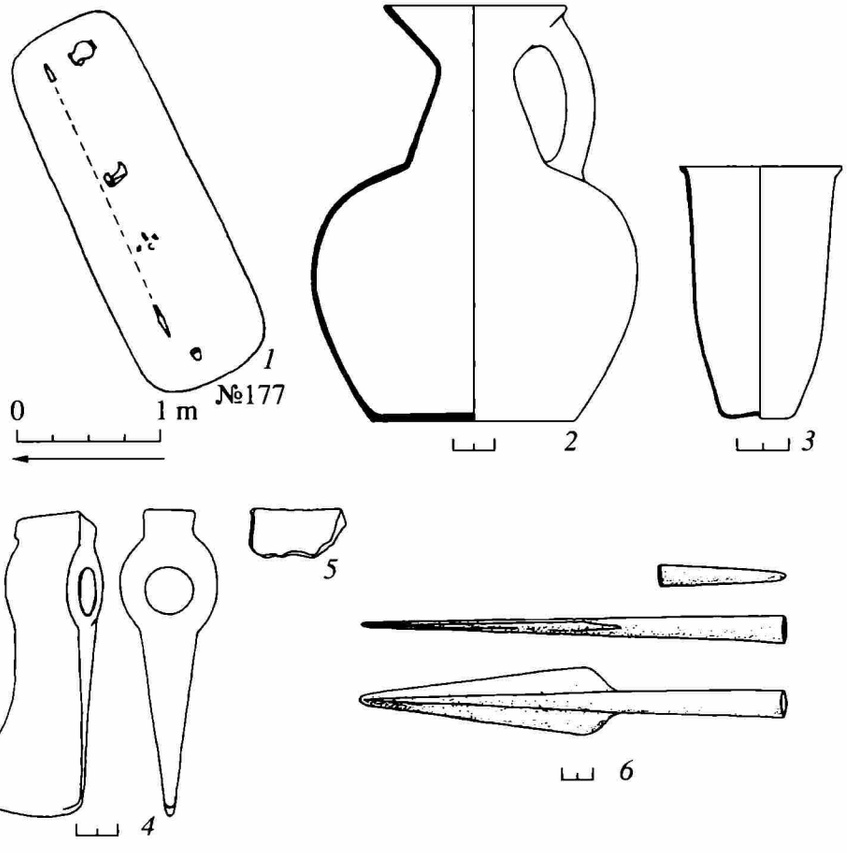

Рис. 5. Погребение № 3. *1* – план, *2–6* – инвентарь.

лянный бальзамарий. Здесь же были найдены серебряный браслет, железная фибула и нож. Под ножом лежали еще одна монета и кремневое орудие. У ног стоял крупный сосуд цебельдского типа (рис. 5–14).

Как показал анализ, для пичвнарских погребений IV в. канонична ориентировка на запад с незначительными отклонениями к югу и северу. Погребальные ямы представляют собой удлиненный прямоугольник с округлыми углами. Длина колеблется в пределах 2.6–2.2 м, причем преобладают ямы длиной в 2.2 м. Ширина ямы от 0.75 до 0.9 м, т.е. погребения довольно узкие.

По ряду признаков (ориентировка, размеры, расположение инвентаря) описанные выше погребения обнаруживают сходство с соответствующими памятниками Петра-Цихисдзири и цебельдин-

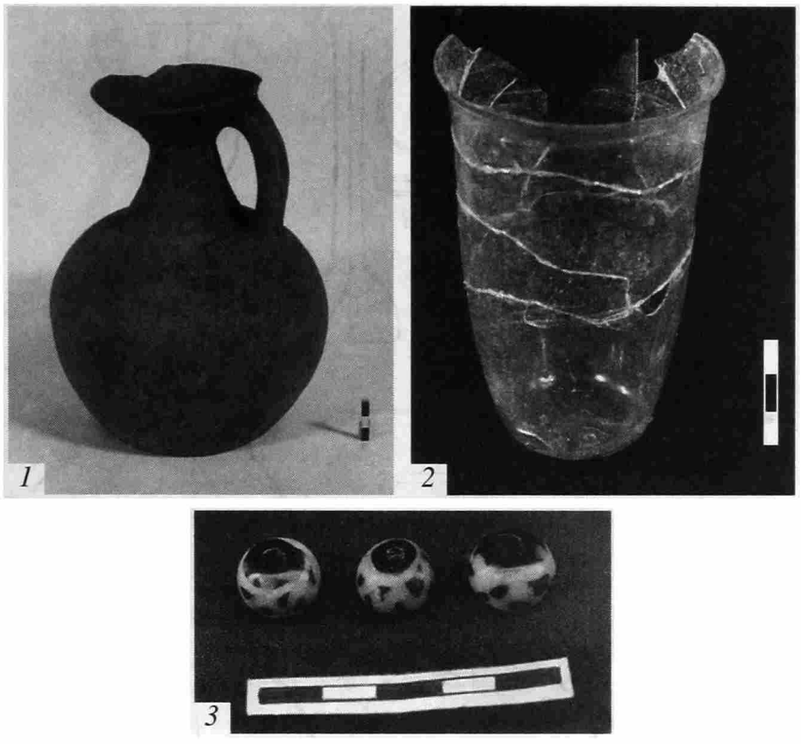

Рис. 6. Вещи из погр. № 3.

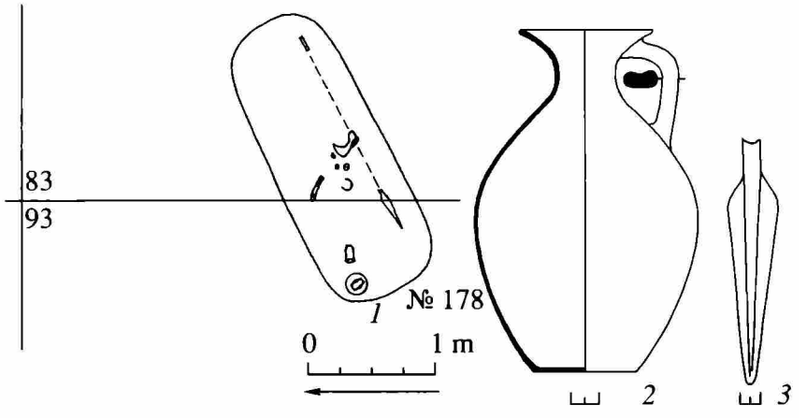

Рис. 7. Погребение № 4. *1* – план; *2*, *3* – инвентарь.

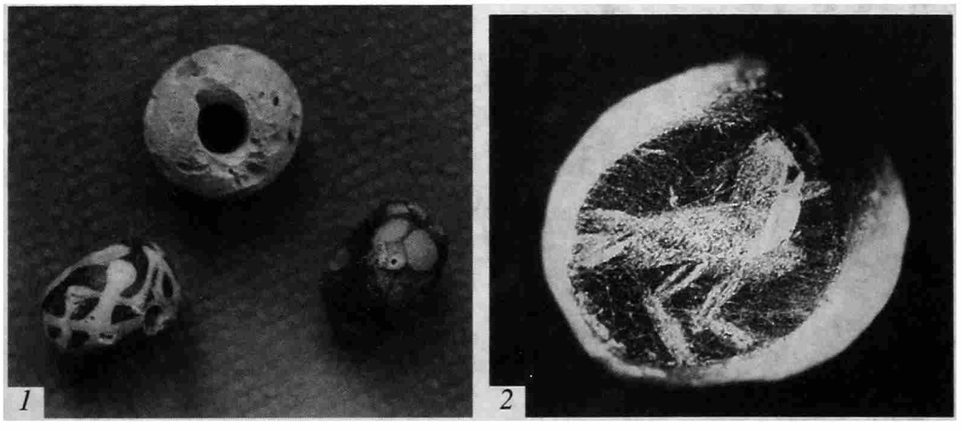

Рис. 8. Вещи из погр. № 4.

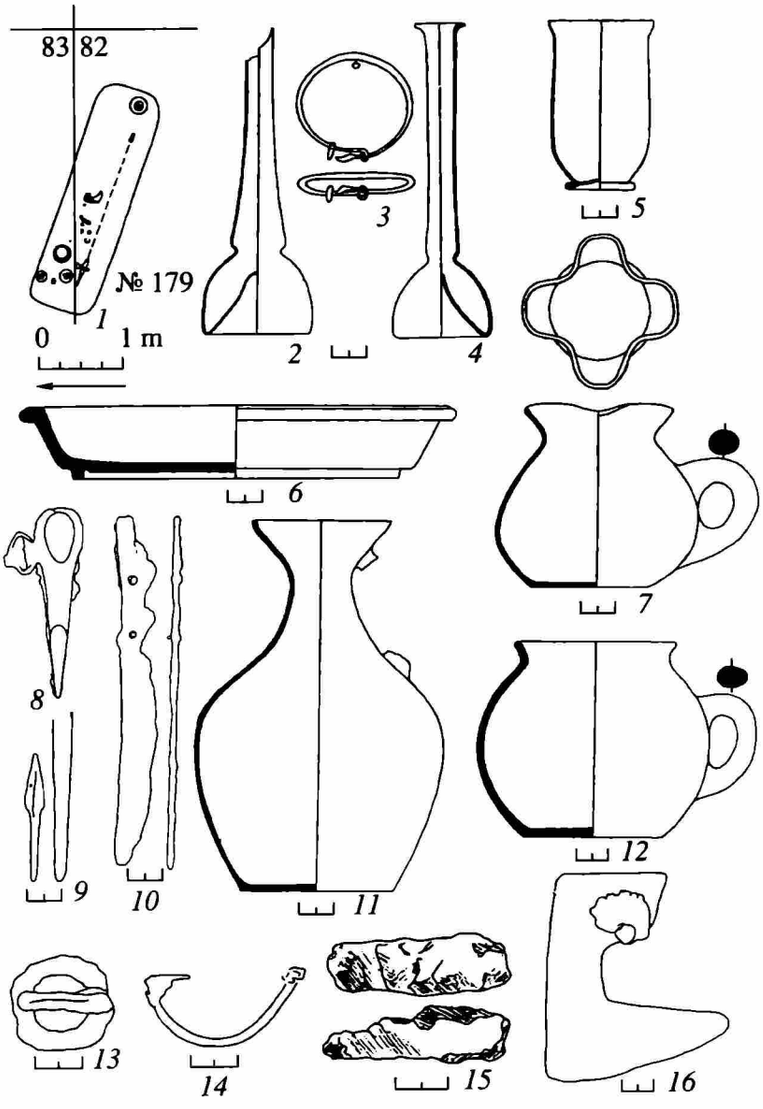

Рис. 9. Погребение № 5. *1* – план; *2–16* – инвентарь.

Рис. 10. Погребение № 5.

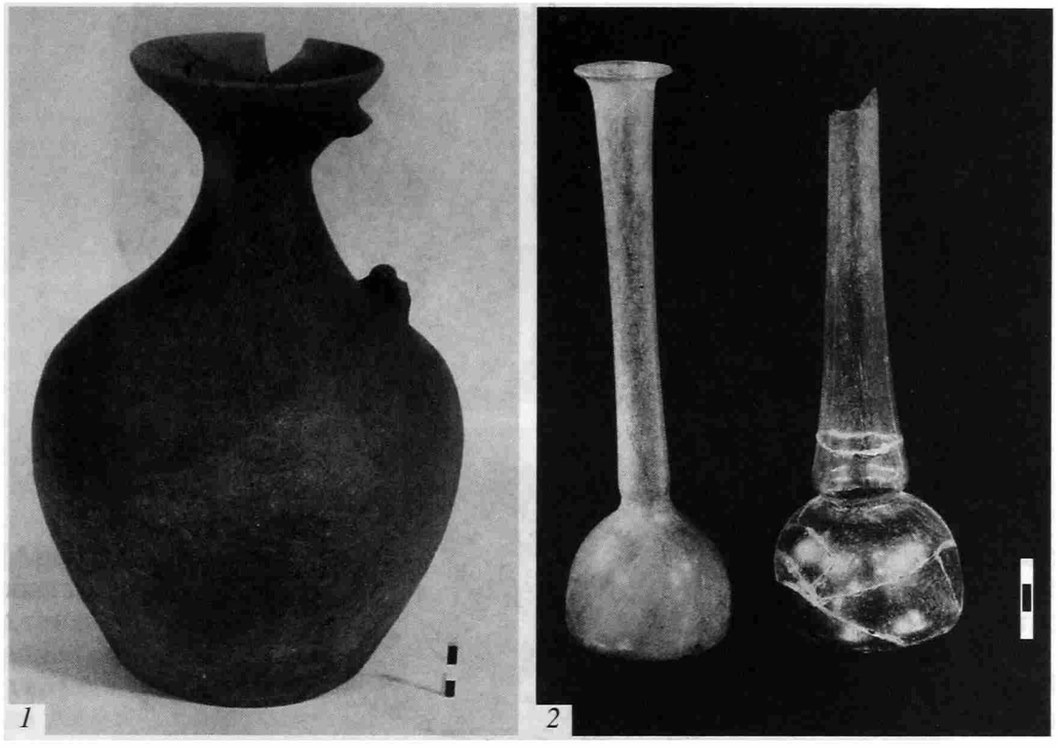

Рис. 11. Вещи из погр. № 5.

ской культуры (Инаишвили Н.А., 1993; Трапш М.М., 1971; Гунба М.М., 1978).

Прослеживаются элементы определенного поминального ритуала. После совершения захоронения усопшему приносили загробную трапезу в закрытых сосудах, которые ставили над могилой, в западной ее части. Наблюдается также четкая закономерность в подборе инвентаря, предназначенного для загробной жизни покойного. Как правило, позади головы покойника ставили стеклянный стакан. В трех случаях у правой руки покойного лежало кремневое орудие. Глиняная посуда располагалась позади головы или у ног. Стеклянные бальзамарии в основном засвидетельствованы в области головы и лишь в одном случае – у правой руки. Около головы лежало опрокинутое блюдо. Здесь же, как правило, находились мозаичные бусы-обереги. Лишь в одном случае мелкие цветные бусы использованы как ожерелье. Монеты сохранились плохо, только одна из них – сравнительно лучшей сохранности. Из них две были обнаружены в области рта покойника, в двух случаях – по одной монете в области правой руки. Железные топоры находились в основном у правой руки и лишь в одном случае – у левой. Перстни с изображением засвидетельствованы в двух случаях у левой руки и в одном – у правой. Здесь же обнаружены серебряный браслет и железная фибула, в области поясницы – бронзовая и железная пряжки.

Железное копье в двух случаях находилось справа от покойника и в одном случае – по левую сторону от него.

Погребальный инвентарь (рис. 11–14). Керамические изделия на исследуемом памятнике представлены горшками, кувшинами, блюдом. Горшки традиционной формы. Один из них имеет ойнохоевидный венчик. Ушко сосуда прикреплено рядом со сливом, в нижней части сосуда. Обычно (как на импортных, так и на местных образцах данного типа) ушко расположено напротив слива. Надо полагать, что форма пичвнарского сосуда более удобна для слива жидкости и уникальна. Эллинизированные формы горшков также не свойственны для колхидской керамики.

В группу кувшинов вошли сосуды весьма своеобразной формы: плоскодонные, желтовато-коричневого цвета, с высоким, округлым в верхней части туловом, сужающимся к венчику горлышком, широким мисковидным венчиком и плоским желобчатым ушком. На одном из них ушко четырехгранное. На днище кувшина из погр. № 5 (179) помещено рельефное изображение креста. Распространение христианской идеологии подтверждается и по материалам из позднеантичных погребений Северного Причерноморья (Зубарь В.М., 1982, с. 85). Аналогичные кувшины засвидетельствованы в синхронных погребальных комплексах Цихисдзири (Инаишвили Н.А., 1993, с. 96, 97, табл. 33, *1*) и особенно часто – Цебельды (Трапш М.М., 1971, с. 133, табл. XX, *1*, *3*; Гунба М.М., 1978, с. 68, 69, табл.).

Рис. 12. Вещи из погр. № 5.

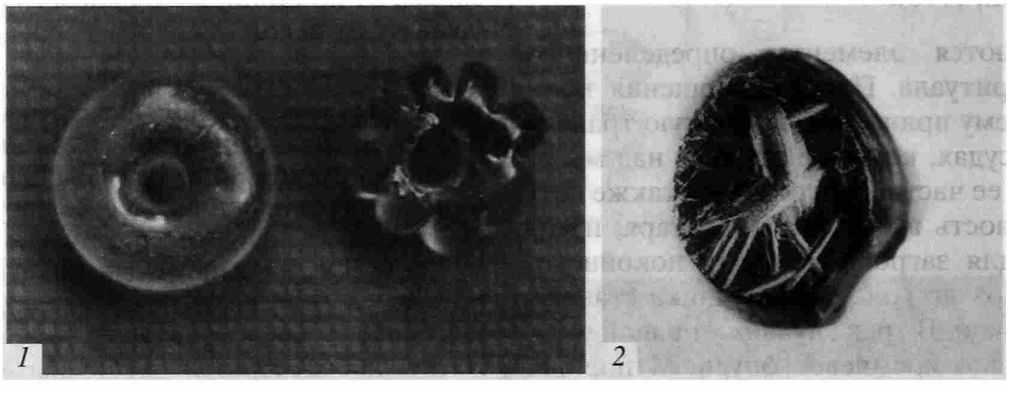

Рис. 13. Вещи из погр. № 5.

Третья группа представлена единственным предметом. Это краснолаковое блюдо с раструбным, слегка покатым венчиком, почти прямыми стенками, широким плоским днищем и низким валикообразным поддоном. По краю венчика проходит неглубокий желобок. Глина светложелтая мелкозернистая, хорошо отмученная. Неравномерно нанесенный низкокачественный темно-красный лак местами стерт. Диаметр венчика 27.5 см; диаметр поддона 20 см; высота 4.5 см. Краснолаковые блюда, хотя и немного различающиеся по форме (корпус округлый) засвидетельствованы в материалах из Петра-Цихисдзири (Инаишвили Н.А., 1993, с. 81–83, табл. 32, *2*) и Цебельды (Трапш М.М., 1971, с. 138, табл. XX, *10*). Фрагменты аналогичной посуды обнаружены в Пицунде и окрестностях Сухуми в слоях IV–V вв. (Лордкипанидзе О., 1962, с. 244, 245, рис. 12). Ближайшие параллели для блюд из Пичвнари и Петра-Цихисдзири обнаруживаются в материалах Северного Причерноморья. Посуда этого типа засвидетельствована в Херсонесе (Беляев С.А., 1968, с. 32, рис. 1, *4*) и Танаисе. На основе танаисских аналогий конкретная дата изготовления подобных блюд определяется последней третью IV – началом V в. Как известно, Танаис был разрушен в середине III в. гетами, восстановлен лишь 100 лет спустя и просуществовал вплоть до начала V в. Блюда, подобные пичвнарскому, были засвидетельствованы в слоях последнего этапа существо-

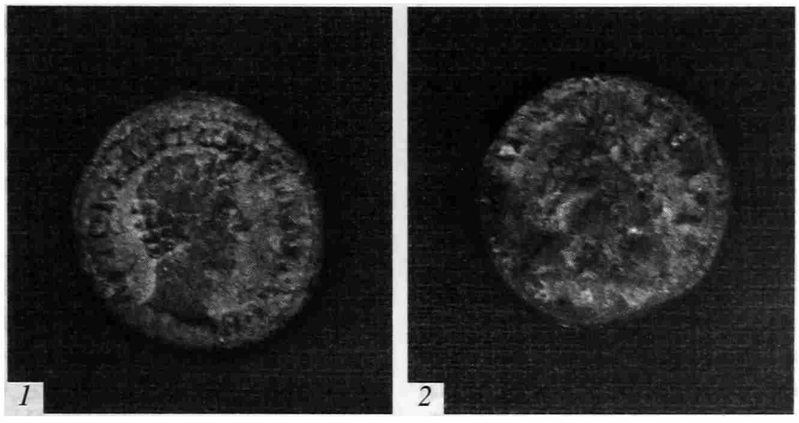

Рис. 14. Монеты из погр. № 5.

вания города (Арсеньева Т.М., 1981, с. 45. рис. 1, *5*). Краснолаковая керамика позднеантичного времени выявлена также в Тиритаке (Книпович Т.Н., 1952, с. 319 и далее) и Кепах (Беляев С.А., 1968, с. 33; здесь же указана литература по краснолаковой керамике из Афин, Тарса, Антиохии и ее окрестностей). Несколько фрагментов этой посуды обнаружено в Илурате (Силантьева Л.Ф., 1958, с. 300–302) и других городах Боспорского царства (Гайдукевич В.Ф., 1959, с. 235, 236, рис. 105, 106). Сравнительно чаще эта керамика встречается в Херсонесе и Пантикапее (Беляев С.А., 1968, с. 33).

На данном этапе изучения определить конкретные центры производства керамики этого типа довольно затруднительно ввиду малочисленности материала, хотя высказываются предположения относительно их восточносредиземноморского происхождения. Некоторые типы связывают также с Африкой.

Изделия из стекла. В археологических материалах Восточного Причерноморья и других областей побережья Понта доминируют стеклянные изделия I–III вв., стеклянная же посуда IV в. относится к числу редких находок.

В стеклянных изделиях из Пичвнари выделились две отдельные группы – бальзамарии и стаканы. В общей сложности обнаружено по три предмета от каждой группы. Бальзамарии представлены двумя типами. Первый тип представлен единственным экземпляром. Это графинообразный бальзамарий со сферическим туловом, широким отогнутым венчиком с округлым краем, высоким прямым трубковидным горлышком и небольшим углублением на дне; тонкостенный, стекло прозрачное, с зеленоватым оттенком. Размеры (см): венчика 5.3; горлышка 2.5; тулова 8; высота 11 (рис. 3, *2*; 4).

Второй тип составили бальзамарии с полусферическим туловом. Первый сосуд в хорошей сохранности; с отогнутым венчиком, высоким прямым трубкообразным горлышком, полусферическим туловом, глубоким коническим углублением на донышке, почти достигающим горлышка. Область перехода от тулова к горлышку резко сужена, очевидно, с целью воспрепятствовать быстрому выливанию жидкости. Стекло тонкое, прозрачное, с зеленоватым оттенком. Размеры (см): диаметр венчика 3; диаметр донышка 5.7; высота 18; высота тулова 4.5; высота горлышка 14. Следовательно, высота горлышка более чем в 3 раза превышает высоту тулова. Горлышко второго бальзамария (К–П–98/105) в отличие от первого постепенно расширяется к тулову.

Пичвнарский графинообразный бальзамарий первого типа со сферическим туловом проявляет сходство с аналогичными находками из Цебельды (Трапш М.М., 1971, с. 142, табл. XIX, *10*), Урбниси (Сагинашвили М., 1970, с. 30, рис. 16), Ольвии (Козуб Ю.И., 1986; там же литература о сосудах данного типа) и Херсонеса (Зубарь В.М., 1982, с. 85, рис. 51, *1–5*), датированными более ранним временем (I–II вв. н.э.) Предметы этого ряда были широко распространены на территории Западного Причерноморья. В Томи они засвидетельствованы в комплексах II–IV вв. (Bucovala M., 1968, p. 50, 60, № 77).

Пичвнарские бальзамарии с полусферическим туловом находят аналогии в соответствующих образцах из Пантикапея и особенно Кеп, хот последние выглядят несколько более ранними (Кунина Н.З., Сорокина Н.П., 1972, с. 166, рис. 10, *18*; 28, *11*).

Несколько иные по форме, еще более ранние бальзамарии обнаружены на могильнике Урбниси (Сагинашвили М., 1970, с. 85 и далее). Синхронные аналогии для наших находок засвидетельствованы в материалах Херсонеса (Зубарь В.М., 1982, с. 92).

Анализ соответствующих погребальных комплексов позволяет датировать пичвнарские бальзамарии IV и началом V в. н.э. Центром производства бальзамариев, выявленных на территории Причерноморья, принято считать Восточное Средиземноморье, точнее сирийские мастерские.

Два отдельных типа составили стаканы. Для стаканов первого типа характерны плоское, слегка вогнутое днище, высокое, слегка расширяющееся к горлышку тулово и округлый отогнутый венчик. Стекло тонкое, слегка утолщенное у венчика, прозрачное, с зеленоватым оттенком. Размеры (см): высота первого 10; диаметр венчика 6.5; диаметр донышка 3.5; высота второго 9.5; диаметр венчика 6; диаметр донышка 3.

Стакан второго типа (сохранились венчик, верхняя часть тулова и донышко) имеет валикообразный поддон и плоское днище с коническим углублением в центре. Нижняя часть расширяющегося тулова округлая, верхняя часть прямая и слегка сужающаяся к венчику. Венчик отогнутый, с округлой внешней стороной. Стекло тонкое, желтоватого оттенка. Размеры (см): высота 9.5; диаметр венчика 6; диаметр поддона 4.

Аналогичные сосуды засвидетельствованы в материалах из Средиземноморья, Кипра, Галлии, Северного Причерноморья (Ольвия, Херсонес, Пантикапей). Впервые они появляются в I в. н.э., к III–IV вв. их число значительно возрастает и характеризуется разнообразием форм. Пичвнарские стаканы первого типа проявляют сходство с соответствующими предметами из Пантикапея, датируемыми III и, чаще, IV вв. (Сорокина Н.П., 1962, с. 226, рис. 9, *17*).

Это относится и ко второму типу стаканов, с той разницей, что на пантикапейских экземплярах поддон еще не обозначен достаточно четко. Днища этих сосудов характеризуются округлыми краями и коническим углублением в центре (Сорокина Н.П., 1962, с. 223, рис. 9, *15*). Несколько отличаются и херсонесские образцы (Зубарь В.М., 1982, с. 92). Определенное сходство с пичвнарскими стаканами первого типа проявляет аналогичный сосуд с цебельдского некрополя, характеризующийся более широким туловом. Для этого предмета предложена датировка II–IV вв. н.э. (Гунба М.М., 1978, с. 22, табл. XI, *6*). По нашему мнению, в данном случае более подходящей датой является III в. В качестве параллели для пичвнарского стакана первого типа можно рассматривать цебельдинский стакан из аларухского погр. № 5. Последний несколько уже и выше пичвнарского (Трапш М.М., 1971, с. 139, табл. XLII, *3*).

Существует мнение, что в Северное Причерноморье стеклянная посуда поступала из какого-то средиземноморского центра. В равной мере это касается и Восточного Причерноморья.

В инвентаре пичвнарских погребений IV в. отдельную группу составляют железное метательное оружие и орудия труда. Железные копья были засвидительствованы в трех погребениях. Наконечники копий однотипные, остроконечные, с рельефным продольным ребром жесткости, округлыми лопастями и трубчатой втулкой, в которую вставлялось деревянное древко с железным цилиндрическим навершием на конце. По распоряжению наконечника и навершия удалось восстановить размеры: длина копья 2.2 м, длина наконечника 28 см, длина навершия 8.5 см; длина копья 1.75 м, длина наконечника 26.5 см, длина навершия 12 см.

Подобные копья засвидетельствованы в погр. № 1 Петра-Цихисдзири (Инаишвили Н.А., 1993, с. 83, табл. 32, *6*). Особенно многочисленны факты находок этого оружия в мужских захоронениях на цебельдском могильнике. Соответствующие комплексы отнесены к III–IV вв. (Трапш М.М., 1971, с. 27, 54, 96, 97, 150, табл. XV, *15*; XXXVI, *7, 8*; Гунба М.М., 1978, с. 80, 81, табл. V, *5*) и IV в. н.э. (Воронов Ю.Н., Юшин В.А., 1979, с. 198).

В трех случаях вместе с копьями обнаружены железные топоры. Один из них с наковальнеобразным обухом, круглопроушный, массивный; слегка согнутый корпус постепенно сужается к режущему краю. Второй топор круглообушный, с круглым проухом, слегка согнутым высоким корпусом и широким треугольным режущим краем, с прямой передней и резко расширяющейся задней гранями. Третий топор характеризуется продолговатым четырехугольным проухом, высоким корпусом и широким четырехугольным режущим краем. Известен также факт случайной находки топора данного типа на территории Пичвнари. Подобные топоры, именуемые "лазскими", используются по сей день.

Современный лазский топор по своей конструкции весьма своеобразен. Для него характерны широкий, плоский и высокий режущий край и удлиненный проух, проходящий почти вдоль всего края. По своей основной функции это ремесленное орудие, сформировавшееся в недрах этнографической действительности государства Лазика, что подтверждается новейшими открытиями. Подобные топоры широко распространены среди как собственно лазского, так и прочего населения Чорохской обл. в Аджарии. По сведениям Вахушти Багратиони, лазы приобрели большую известность как хорошие мастера по деревообработке. Их основным орудием труда был упомянутый выше "лазский" топор, используемый с целью обтески древесного материала для строительства жилых и хозяйственных помещений. В этнографии "лазский топор" идентифицируется с так называемым трапизонским топором, упоминаемым историком XVI в. Евлия Челеби. По его словам, "здесь изготовляют топоры одной формы, именуемые трапизонскими, и в других страках таких топоров нет" (Евлия Челеби, 1971, с. 90; Кахидзе Н., 1990, с. 16).

На данном этапе изученности пичвнарские топоры первого типа не имеют аналогов. Что касается топоров второго типа, то они широко распространены на памятниках цебельдинской куль-

туры и характеризуются стандартизацией форм (Трапш М.М., 1971, с. 147; Гунба М.М., 1978, с. 18, 30, табл. VIII, *6*; XX, *4*; Воронов Ю.Н., Юшин В.А., 1973, с. 187; Гзелишвили И.А., 1947, с. 97). Встречаются они, хотя и редко, и за пределами ареала этой культуры. Так, 2 экз. топоров данного типа были обнаружены на левом берегу р. Ингури (Зугдидский музей), по 1 экз. – в Уреки (Инаишвили Н.А., 1993, с. 86), Цихисдзири (Инаишвили Н.А., 1993, с. 83, 84, табл. 32, *7*) и Очамчири (Трапш М.М., 1971, с. 148).

Обычай снабжать усопшего орудиями труда прослеживается и по материалам римской эпохи из погребений Северного Причерноморья (Зубарь В.М., 1982, с. 64). Топор издревле являлся предметом поклонения и увязывался с культами солнца, плодородия. Его использовали в брачных ритуалах (Кагаров Е.Г., 1913, с. 46), ему приписывали магическую силу, способную излечить больного, и т.п.

Один из элементов исследуемых погребальных комплексов – железные ножи со слегка выгнутой спинкой. На рукояти одного из них сохранился железный штырь. В Петра-Цихисдзири засвидетельствован нож с прямой спинкой (Инаишвили Н.А., 1993, с. 84). На памятниках цебельдинской культуры встречаются ножи как с прямой, так и серповидно согнутой спинкой. Они зафиксированы как в мужских, так и в женских погребениях (Трапш М.М., 1971, с. 161, 172, табл. III, *2*; V. *3*; XII, *112*).

Обращает на себя внимание факт присутствия в погребальном инвентаре столь позднего времени кремневых орудий. Этот обычай прослеживается также на синхронных могильниках Петра-Цихисдзири (Инаишвили Н.А., 1993, с. 86) и цебельдинской культуры (Гунба М.М., 1978, с. 46, табл. XXXVIII, *7*), а также на ряде могильников Северного Причерноморья. Так, например, в одном из тиритакских погребений II в. было обнаружено два небольших кремневых орудия (Гайдукевич В.Ф., 1959, с. 221, рис. 93, *12*).

В инвентаре пичвнарских погребений IV в. отдельную группу составляют украшения. Почти во всех из них были найдены бусы. Бусы-обереги попадались обычно в области головы покойного и, как правило, по 3 шт. В одном случае бусы составляли ожерелье. Наборы бус довольно разнообразны. Среди них встречаются мозаичные с желтоватыми и синими вставками на черном фоне, крупные бусы с гофрированной поверхностью, а также бусы из стекловидной пасты изумрудного, желтовато-белого и коричневатого цветов. Это первый случай находки мозаичных бус на территории Пичвнари. Аналогичные предметы характерны для памятников цебельдинской культуры (Трапш М.М., 1971, с. 200, 201). Существуют предположения, что техника изготовления бус данного типа – достижение ближневосточных мастерских, точнее Александрии конца эпохи Птолемеев. Бусы данного типа наиболее распространены в IV–V вв. (Деопик В.Б., 1959).

Круглопроволочный серебряный браслет из Пичвнари имеет прямую спинку. Утолщенные концы браслета заходят друг на друга и застегиваются при помощи серебряных колечек. Аналогичные украшения известны из материалов Северного Причерноморья (Херсонес, Новоотрадное и др.). Период их распространения падает на I–IV вв. н.э. (Зубарь В.М., 1982, с. 94, рис. 61, *11–13*; Арсеньева Т.М., 1970, с. 139).

Обращают на себя внимание образцы глиптики. Всего на памятнике обнаружено три геммы-инталио. Гемма из коричнево-желтого стекла из погр. № 3 (177) была вставлена в железный перстень. На гемме изображен бюст мужчины в профиль влево. Изображение схематичное, резьба грубая, что само по себе считается характерным признаком римской эпохи. Близкие аналогии для рассматриваемого образца известны в коллекциях Британского музея (Джавахишвили К., 1999, с. 4).

Гемма из погр. № 4 (178) изготовлена из розоватого цвета стекла в виде усеченного конуса; была вставлена в серебряный перстень. На гемме изображена птица, возможно, голубь. Для рассматриваемого образца отыскивается множество аналогий среди материалов римской эпохи (Джавахишвили К., 1999, с. 5).

Гемма-инталио из погр. № 5 (179) на темно-коричневом сердолике была вставлена в серебряный перстень. На камне изображена длинноногая птица с длинным клювом (Джавахишвили К., 1999, с. 5).

Деталями одежды служат железные фибулы, поврежденные настолько, что судить об их форме затруднительно. Сравнительно лучше сохранились бронзовые и железные пряжки, круглые или овальные, круглопроволочные, с утолщенной передней частью. Существует мнение, что подобные утолщения появляются с III в. н.э. (Амброз А.К., 1971, с. 100, рис. 2, *1–5*). Язычок прямой, слегка согнутый к концу. Ближайшие аналогии для пичвнарских пряжек засвидетельствованы в материалах из Петра-Цихисдзири (Инаишвили Н.А., 1933, с. 84, табл. 32, *11*), Цебельды (Трапш М.М., 1971, с. 166), Херсонеса (Зубарь В.М., и др., 1988, с. 150, рис. 8, *3*; 9, *3*) и других синхронных памятников.

Монеты плохой сохранности обнаружены в двух погребениях. Сравнительно лучше сохранилась монета Антония Пия (138–161 гг., рис. 21). На основе краснолакового блюда соответствующий комплекс датируется IV в. Присутствие ранних монет в погребениях более позднего времени – довольно обычное явление для могильников Цебельды (Воронов Ю.Н., Юшин В.А., 1979, с. 198) и Петра-Цихисдзири (Инаишвили Н.А., 1993, с. 90).

Такова общая характеристика инвентаря погребений IV в. Пичвнарского могильника. Выявленные здесь материалы представляют большой интерес, и в ряде случаев потребуется более пристальное и глубокое их изучение.

Было бы желательно также продолжить археологические исследования этой территории, так как выявленные памятники относятся к слабо изученному и весьма интересному периоду истории Грузии и Восточного Причерноморья в целом – к периоду формирования Эгрисского (Лазского) государства.

В первой половине IV в. в приморских городах Грузии располагались византийские гарнизоны. В последующий период вплоть до 20-х годов VI в. какие-либо сведения о них полностью отсутствуют. С образованием могучего государства Эгриси (Лазика) в его границы попадает почти вся Западная Грузия, включая Аргвети. В это время возводятся крепости Шоропани и Сканда. Под эгидой этого государства объединяются различные племена: сваны, абшилы, абазги, саниги, миссимианцы – одно из сванских племен (Цебельдское ущелье), а также сквимании (Лечхуми). Прокопий Кесарийский отмечает плодородие мохирисского края, охватывающего территорию современных городов Кутаиси, Багдади, Вани, Самтредия, Абаша и Мартвили. В это время строятся города Кутаиси, Мохириси, Родополис. Территория Эгрисского царства распространяется и к югу, в сторону интересующих нас территорий. Его границы достигали истоков р. Чорохи, где с ним граничили независимые племена чанов. Далее простирались территории, находящиеся под властью Византии: Атина–Фазар–Ризе.

К концу IV в. Эгрисское царство достигает особого могущества. Рим проявляет заинтересованность в нем как в союзнике. Прокопий Кесарийский сообщает, что лазы надежно охраняют свои границы, "дабы враждебно настроенные гунны не могли прорваться с Кавказских гор через Лазику на римские земли". По сведениям Агафия Схоласта, "могучее и отважное племя представляют собой лазы и повелевают другими могучими племенами, гордятся древним именем Колхов и излишне горделивы, возможно, не без оснований". Хорошо развита торговля. Наблюдается оживление городской жизни в Пицунде и Сухуми. На передний план выступает Фазис, Петра-Цихисдзири, во внутренних районах – Археополис. В IV в. христианство становиться государственной религией. В Фазисе функционирует высшая школа риторики. По словам философа Фемистия, это было "эллинское место и храм муз". Именно с этим периодом процветания государства Эгриси должны быть связаны рассмотренные погребальные комплексы IV в. из Пичвнари.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амброз А.К., 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. № 2.

Арсеньева Т.М., 1970. Могильник у дер. Ново-Отрадное // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. МИА. № 155.

Арсеньева Т.М., 1981. Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV–VI в. // КСИА. Вып. 168.

Беляев С.А., 1968. Краснолаковая керамика Херсонеса IV–VI вв. // Античная история и культура Северного Причерноморья. Л.

Воронов Ю.Н., Юшин В.А., 1973. Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии // СА. № 1.

Воронов Ю.Н., Юшин В.А., 1979. Ранний горизонт (II–IV вв. н.э.) в могильниках цебельдинской культуры (Абхазия) // СА. № 1.

Гайдукевич В.Ф., 1959. Некрополи некоторых Боспорских городов // МИА. № 69.

Гзелишвили И.А., 1947. Остатки кремации, погребенные в глиняных сосудах Абхазии // Сообщ. Академии наук ГССР. Т. VIII. № 1–2. Тбилиси.

Гогитидзе С., 1977. Неолитическая культура Юго-Восточного Причерноморья. Тбилиси (на груз. яз.).

Гунба М.М., 1978. Новые памятники цебельдинской культуры. Тбилиси.

Деопик В.Б., 1959. Классификация бус Северного Кавказа // СА. № 3.

Джавахишвили К., 1999. Памятники глиптики, выявленные на пичвнарском могильнике в 1998 г. (рукопись, на груз. яз.).

Евлия Челеби, 1971. Книга путешествий Евлия Челеби / Пер. с турецкого, коммент. и исслед. Г. Путуридзе. Разд. II (на груз. яз.).

Зубарь В.М., 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев.

Зубарь В.М., Рыжков С.Т., Шевченко А.В., 1988. Новый погребальный комплекс западного некрополя Херсонеса // Античные древности Северного Причерноморья. Киев.

Инаишвили Н.А., 1993. Археологические памятники из Цихисдзири I–VI вв. н.э. // Памятники Юго-Западной Грузии. Вып. XXI. Тбилиси (на груз. яз.).

Кагаров Е.Г., 1913. Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб.

Кахидзе А., 1975. Античные памятники Восточного Причерноморья. Батуми (на груз. яз.).

Кахидзе А., 1977. Археологические раскопки могильника Пичвнари // КСИА. Вып. 151.

Кахидзе А., 1979. Древнегреческий могильник в Пичвнари // СА. № 1.

Кахидзе А.Ю., 1981а. Восточное Причерноморье в античную эпоху. Батуми.

Кахидзе А., 1981б. Археологические раскопки Пичвнарского могильника эллинистического периода в 1965 г. // ПЮЗГ. Вып. X (на груз. яз.).

Кахидзе Н., 1990. Ремесло в Аджарии // Быт и культура населения Аджарии. Вып. XII. Тбилиси (на груз. яз.).

Кахидзе А., Вашакидзе Н., 1978/1979. Результаты полевых исследований 1974 и 1975 гг. на Пичвнарском могильнике эллинистического времени // Памятни-

ки Юго-Западной Грузии. Вып. VII, VIII. Тбилиси (на груз. яз.).

Книпович Т.Н., 1952. Краснолаковая керамика первых веков н.э. // МИА. № 25.

Козуб Ю.И., 1986. Стеклянные бальзамарии из некрополя Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья первых веков н.э. Киев.

Кунина Н.З., Сорокина Н.П., 1972. Стеклянные бальзамарии Боспора // Тр. ГЭ. Вып. XIII.

Лордкипанидзе О., 1962. Пицундская краснолаковая керамика // Вестн. Академии наук ГССР. Обществ. науки. 1 (7). Тбилиси (на груз. яз.).

Микеладзе Т.К., Хахутайшвили Д.А., 1985. Древнее колхидское поселение Намчедури I // ПЮЗГ. № XIV (на груз. яз.).

Рамишвили А.Т., 1975. О назначении стоянок с "текстильной керамикой" Восточного Причерноморья // СА. № 4.

Сагинашвили М., 1970. Стеклянные сосуды Урбнисского могильника. Тбилиси (на груз. яз.).

Силантьева Л.Ф., 1958. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА. № 85.

Сорокина Н.П., 1962. Стекло из раскопок Пантикапея 1945–1959 гг. // МИА. № 103.

Трапш М.М., 1971. Культура цебельдинских некрополей // Трапш М.М. Труды. Т. 3. Тбилиси.

Хахутайшвили Д.А., 1987. Производство железа в древней Колхиде. Тбилиси.

Хахутайшвили Д., 1995. Кобулетская земля. Т. I. Батуми (на груз. яз.).

Bucovala M., 1968. Vase antice de stikia la Tomic. Conitanta.

Kachidze A., Plontke-Luning A., 1992. Ausgrabungen in Kobuleti-Pitshnari // Georgia. 15. Konstan.

Early Medieval Graves in Pichvnari

A. Kakhidze, Sh. Mamuladze

Summary

Pichvnari is one of the most important sites on the east coast of the Black sea. It is situated around the confluence of the rivers Choloki and Ochkhamuri, 10 km northward from the town of Kobuleti, Republic of Georgia. Thick occupational deposits and cemeteries of the Bronze and Iron Ages were investigated. The season of 1998 the joint Georgian-British expedition was marked by novelty: burials of the early Middle Ages (the 4yh – early 5th centuries AD) were discovered for the first time in the territory of the Greek necropolis dated back to the 5th century BC. There are five of them so far. The graves are of special interest; they share certain traits with so-called Tsebelda culture, well known in archaeological literature. Some parallels may be drawn from the sites situated on the north coast of the Black sea as well. The graves displayed westward orientation (with some deviations). They contained local pottery with a cross-shaped relief on the bottom of one vessel, an imported red-glazed dish, glass ware (balsamaria, glasses), iron weapons and implements, such as spear, axes, knives. A flint tool, beads, silver bracelets, intaglio gems with the representation of a male bust and a bird, iron fibulae, buckles of bronze and iron, coins were also found. The new finds are associated with a very interesting and not sufficiently studied period of Georgian history that was marked with the formation of the kingdom of Egrisi (Lazika) extending over the whole of western Georgia. In the 4th century Christianity became the state religion. In Phasis there existed a high school of rhetorics that Themistius recorded as a "Hellenic place and temple of muses".

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 88–97

ПУБЛИКАЦИИ

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕЛЕЗНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ ПОСУЛЬЯ

© 2001 г. В. И. Завьялов

Институт археологии РАН, Москва

В настоящее время установлено различие в кузнечных традициях домонгольского времени Северных и Южных русских земель. Для Севера были характерны сварные технологии, в то время как на юге преобладали более простые схемы (Вознесенская Г.А., 1990; Розанова Л.С., 1990). В связи с этим большой интерес представляет кузнечная продукция небольших поселений: ее особенности, связи с традициями тех или иных ремесленных центров.

Значительная работа по исследованию кузнечных изделий из памятников южной оборонительной линии Древней Руси была проделана украинскими исследователями. Изучены железные артефакты из городищ Воинь, Иван и Чучин (Вознесенська Г.О. и др., 1996). Наиболее интересные результаты были получены при изучении коллекции из Воиня. Установлено, что все изделия были откованы из средне- и высокоуглеродистой стали. Распределение углерода в металле равномерное. Металл чист от шлаковых включений (Вознесенська Г.О. и др., 1996, с. 147). Технологические схемы изготовления предметов архаичны – это прежде всего выковка изделий из цельностальных заготовок (79%) и цементация готовых изделий (21%). Отсутствует термообработка. По своим технологическим особенностям изделия из Воиня находятся в рамках технико-технологических традиций Южной Руси.

Для расширения источниковедческой базы по истории кузнечного ремесла в кабинете металлографии лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН было проведено аналитическое исследование коллекции предметов из черного металла, происходящих из городищ Сенча и Снепород и селища Сенча[1]. Памятники располагаются на правом берегу р. Сулы в Полтавской обл. Украины. Они входили в систему Посульской линии укреплений земледельческих районов Руси от набегов кочевников (рис. 1). Бассейн Сулы с рубежа X–XI вв. и до середины XIII в. являлся устойчивой юго-восточной границей Южной Руси со степью. Цепь городищ, в которую входили Снепород и Сенча, некогда составляла стройную и постоянно совершенствуемую систему защиты оседлых земледельческих районов от постоянных кочевнических набегов и вторжений (Моргунов Ю.Ю., 1996, с. 3). Состав многочисленных находок отражает военную ориентацию поселений. При этом заметную роль играли сельское хозяйство и ремесло. Значительная часть населения была представлена профессиональными воинами и представителями феодальной администрации (Моргунов Ю.Ю., 1996, с. 99).

Исследованная коллекция предметов из черного металла состояла из 82 предметов. Находки датируются второй половиной XI–XII в. Распределение предметов по памятникам приведено в табл. 1.

Наибольшую информацию об уровне кузнечного производства предоставляет изучение ножей. Все ножи из Сенчи и Снепорода относятся к категории универсальных. Переход от клинка к

Таблица 1. Распределение исследованных предметов по памятникам

Категория	Городище Сенча	Селище Сенча	Городище Снепород	Всего
Ножи	3	23	13	39
Серпы		4	2	6
Коса		1		1
Топоры		1	1	2
Лемехи		2		2
Сверло		1		1
Долото	1			1
Кузнечные клещи		1		1
Шилья		2		2
Кресала		4		4
Стрелы	3	11	2	16
Копье			1	1
Остроги			2	2
Бритва		1		1
Заготовка сверла			1	1
Предметы		1	1	2
Всего	7	52	23	82

[1] Автор выражает благодарность Ю.Ю. Моргунову за предоставленный материал.

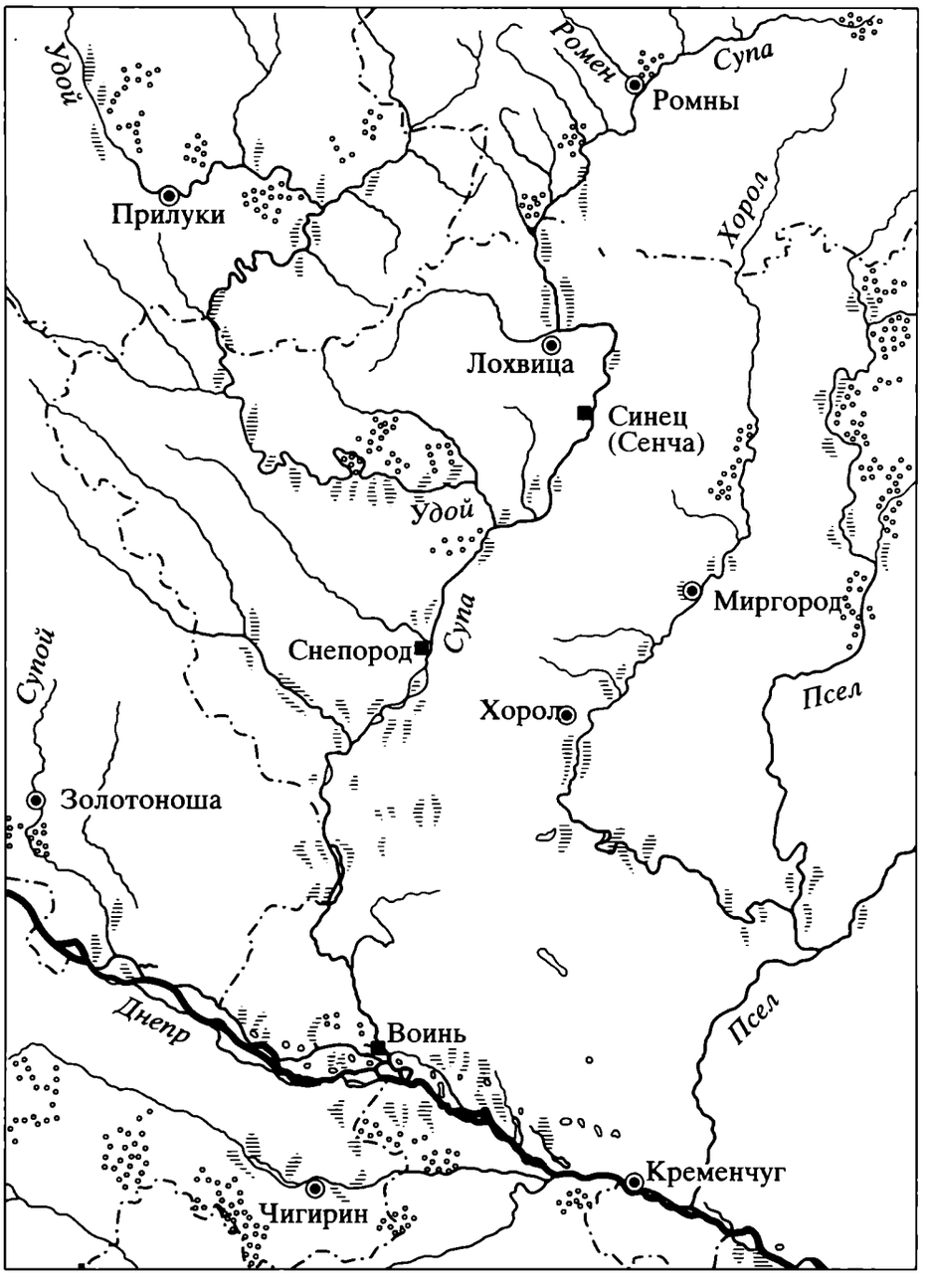

Рис. 1. Карта памятников (отмечены квадратами), из которых происходят исследованные коллекции.

черенку выражен уступом со стороны спинки (рис. 2). Следует отметить образец из Снепорода, у которого по спинке идут прямые и крестообразные насечки с ритмическим чередованием: после семи прямых – одна крестообразная и еще две или три прямые насечки после последней крестообразной. Таких ритмических зон на спинке ножа четыре. Этот рисунок, несомненно, является своеобразным календарем: четыре недели по семь дней (прямые насечки), разделенные косыми крестами (рис. 2, ан. 7245).

Наиболее многочисленными оказались ножи, откованные из цельнометаллических (железных и стальных) заготовок – 20 экз. Стальные ножи преобладают (15 экз.). При этом использовалась как специально полученная (цементованная) сталь – 9 предметов, так и неравномерно науглероженная (сырцовая) сталь – 6 предметов. Содержание углерода у ножей из цементованной стали составляет 0.4–0.6%. Заготовки ножей были тщательно прокованы. Об этом свидетельствуют малочисленность шлаковых включений и их небольшие размеры.

При изготовлении пяти ножей была применена химико-термическая обработка (рис. 3, ан. 7323, 7325, 7695, 7697, 7699). Содержание углерода доходит на лезвии до 0.6–0.7%. Два ножа в этой группе прошли термообработку – были закалены с последующим высоким (ан. 7697) и низким (ан. 7325) отпуском.

Технологии, использующие кузнечную сварку, представлены в исследованной коллекции трех-

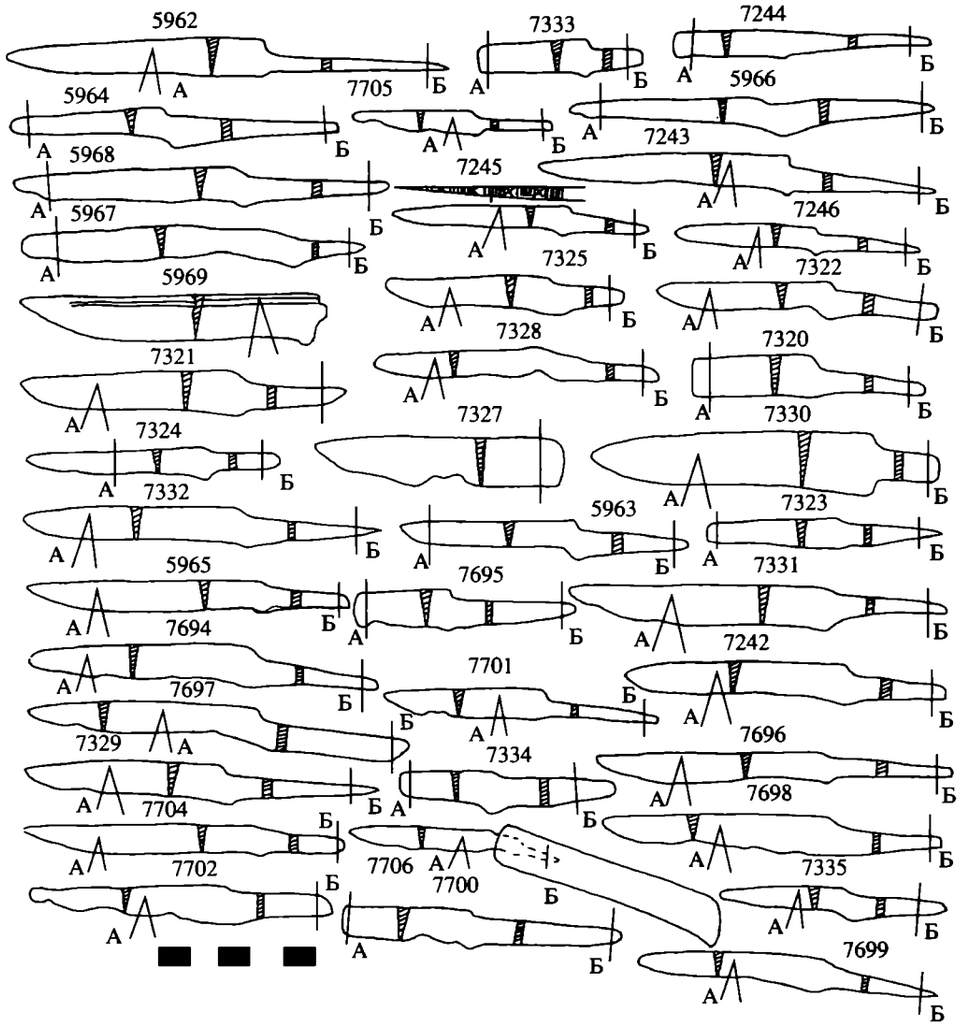

Рис. 2. Ножи из Сенчи и Снепорода.

слойным пакетом, торцовой, косой и V-образной наваркой.

Трехслойный пакет обнаружен на 4 экз. (рис. 3, ан. 5962, 7244, 7329, 7694). Два из них были откованы непосредственно из трехслойных заготовок, на что указывают трехслойные структуры на черенках ножей (ан. 7244Б, 7329Б). Качество сварки у этих образцов хуже, чем у образцов 5962 и 7694. Ножи этой технологической группы демонстрируют "классическое" сочетание полос: железо – сталь – железо. Исключение составляет образец 7694 (рис. 3), у которого одна из боковых полос была стальной (содержание углерода доходит до 0.7%). У остальных орудий на боковые полосы пошло фосфорное железо, что весьма характерно для "классической" технологии трехслойного пакета. Несомненно, что ножи этой технологической группы были изготовлены кузнецами высокой квалификации. Все трехслойные ножи прошли термообработку.

Технологическую группу торцовой наварки составляют три ножа (рис. 3, ан. 5968, 7246, 7705). Высокое качество изготовления демонстрирует нож из Снепорода (ан. 5968). У этого орудия на основу из фосфорного железа было наварено стальное высокоуглеродистое лезвие. Заключительной операцией по улучшению рабочих качеств орудия была резкая закалка.

Технологическая группа ножей с косой наваркой лезвия представлена 4 экз. (рис. 3, ан. 7320, 7324, 7327, 7702). У всех ножей этой группы стальное лезвие наваривалось только на клинок. В этой группе следует выделить нож из селища Сенча. На обушок этого орудия со стороны спинки была наварена стальная пластина (содержание углерода 0.3–0.4%). Подобный технологический прием встречался на ножах Троицкого раскопа в Новгороде и на городище Масковичи в Полоцкой земле (Завьялов В.И., Розанова Л.С., 1990, с. 161; Гурин М.Ф., 1987, с. 43).

Схема V-образной наварки (рис. 3, ан. 7330) представлена 1 экз. Необходимо отметить, что лезвие наваривалось на всю заготовку. Сварка проведена на высоком уровне. Стальное лезвие из среднеуглеродистой стали (содержание углерода

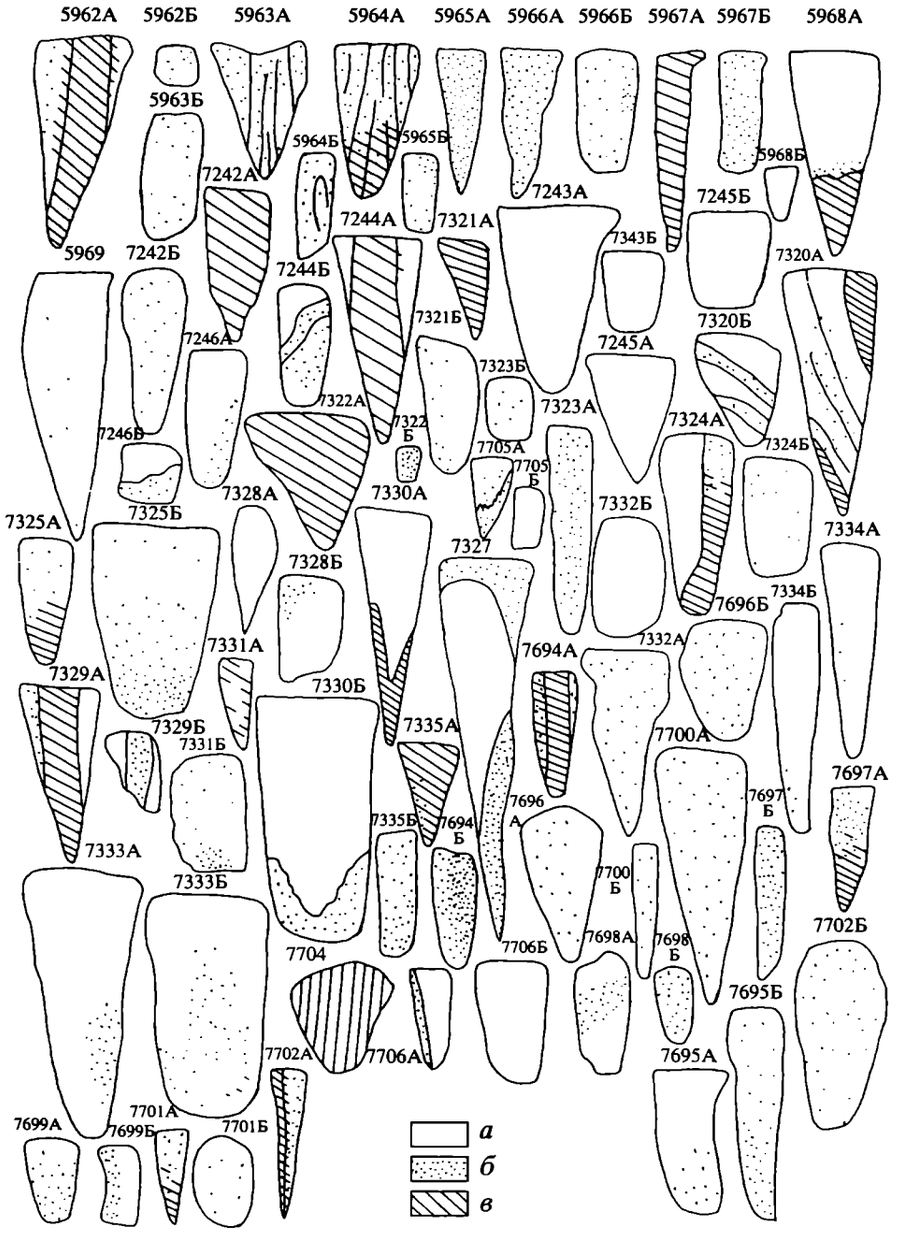

Рис. 3. Технологические схемы изготовления ножей: *а* – железо, *б* – сталь, *в* – термообработка.

0.3–0.5%). Заключительной операцией была резкая закалка, которой подвергся только клинок.

Два ножа откованы из пакетных заготовок (рис. 3, ан. 5963, 5964). Чередование железных и стальных полос на обеих заготовках хаотично, что свидетельствует об использовании при изготовлении этих ножей металлолома. Полосы обоих ножей стальные (содержание углерода 0.3–0.6%). Нож № 5964 подвергся термообработке – его лезвие было закалено и отпущено.

На селище Сенча была найдена бритва (рис. 2, ан. 7706). Изготовлена бритва по технологии косой наварки стального лезвия на железную основу (рис. 3). Содержание углерода на лезвии не превышает 0.2%. Ковочные и сварочные работы были проведены на невысоком уровне.

Рабочий топор с симметричным лезвием происходит из селища Сенча (рис. 4, ан. 7716). Технология изготовления топора достаточно хорошо видна даже при визуальном исследовании орудия после его химической расчистки. Основа топора была сложена на оправке пополам, и между концами заготовки вставлено стальное лезвие (рис. 5, *1*). Окончательной операцией по улучшению рабочих качеств была резкая закалка.

Небольшой боевой топорик из Снепорода откован из стальной тщательно прокованной заготовки (рис. 6, ан. 7248). Содержание углерода около 0.3–0.4%.

Из инструментов в исследованной коллекции следует обратить внимание прежде всего на кузнечные клещи, найденные на селище Сенча (рис. 4, ан. 7342). Находка клещей, несомненно,

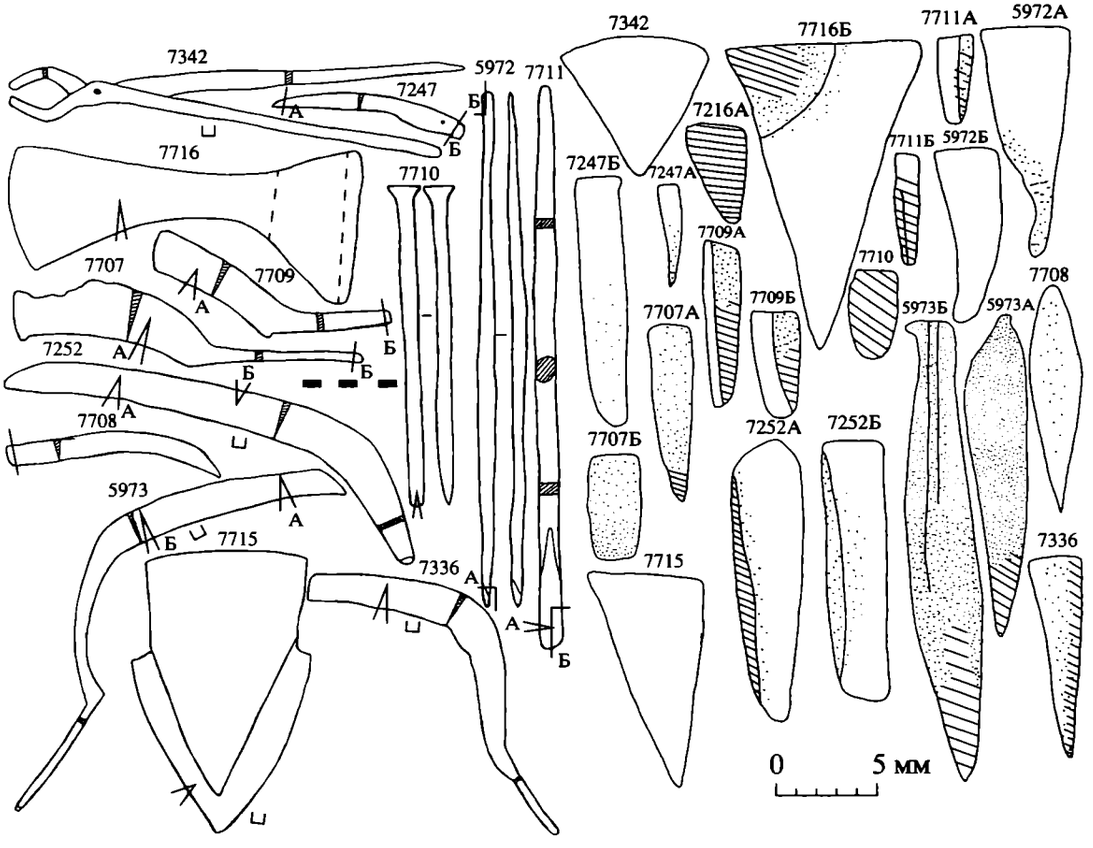

Рис. 4. Орудия труда и сельскохозяйственные орудия и технологические схемы их изготовления. Условные обозначения – см. рис. 3.

указывает на существование на поселении кузницы, а следовательно, и определенная часть поковок являлась продукцией местных кузнецов. Клещи откованы из кричной заготовки с крайне неравномерным зерном феррита. Металл сильно засорен шлаковыми включениями, но шлаки имеют вытянутую форму, что свидетельствует о длительной проковке заготовки.

Цельнометаллическое долото из городища Сенча отковано из стальной высокоуглеродистой заготовки (рис. 4, ан. 7710). В результате тщательной ковки содержание шлаковых включений в металле незначительно (рис. 5, *2*). Заключительной операцией по улучшению рабочих качеств лезвия была резкая закалка.

Перовидное сверло из селища Сенча было изготовлено по технологии наварки стального лезвия на железную основу (рис. 4, ан. 7711; рис. 5, *3*). Рабочие качества орудия были улучшены закалкой с последующим высоким отпуском.

Один предмет из городища Снепород можно определить как заготовку спиралевидного сверла (рис. 4, ан. 5972). Рабочий край орудия подвергнут цементации (содержание углерода 0.2–0.3%). Черенок сверла был расплющен. Он сохранил ферритную структуру.

Широко представлены на исследованных памятниках сельскохозяйственные орудия. Большинство из них происходит из селища Сенча.

Лемехи, относящиеся к типу широколопастных симметричных, имели на рабочей части наварную пластину, которая была откована из кричного железа с повышенным содержанием фосфора (рис. 4, ан. 7715). Микротвердость наварной пластины составляет 206–322 кг/мм^2 (микротвердость основы сошников не превышала 206 кг/мм^2). Металл сошников тщательно прокован, на что указывают шлаковые включения вытянутой формы.

Было исследовано пять серпов. Установлено, что при их изготовлении применялись следующие технологические схемы.

Целиком из стальных заготовок были откованы три орудия. При этом одно – из хорошо прокованной сырцовой стали с содержанием углерода 0.1–0.3% (рис. 4, ан. 7708), а два других – из высокоуглеродистой стали (рис. 4, ан. 5973, 7707). Содержание углерода достигает 0.6–0.7% (рис. 7, *1*). Лезвия обоих серпов подверглись термообработке: резкой закалке (ан. 5973) и закалке с последующим высоким отпуском (ан. 7707). Обнаруженные на шлифе 5973Б сварные швы свидетельствуют о том, что орудие выковывалось не из цельной заготовки: последняя была сварена по длине по крайней мере из двух пластин.

По технологии наварки стального лезвия на железную основу был изготовлен серп № 7709 (рис. 4). Основа этого серпа была откована из фосфорного железа. Сварка была проведена на вы-

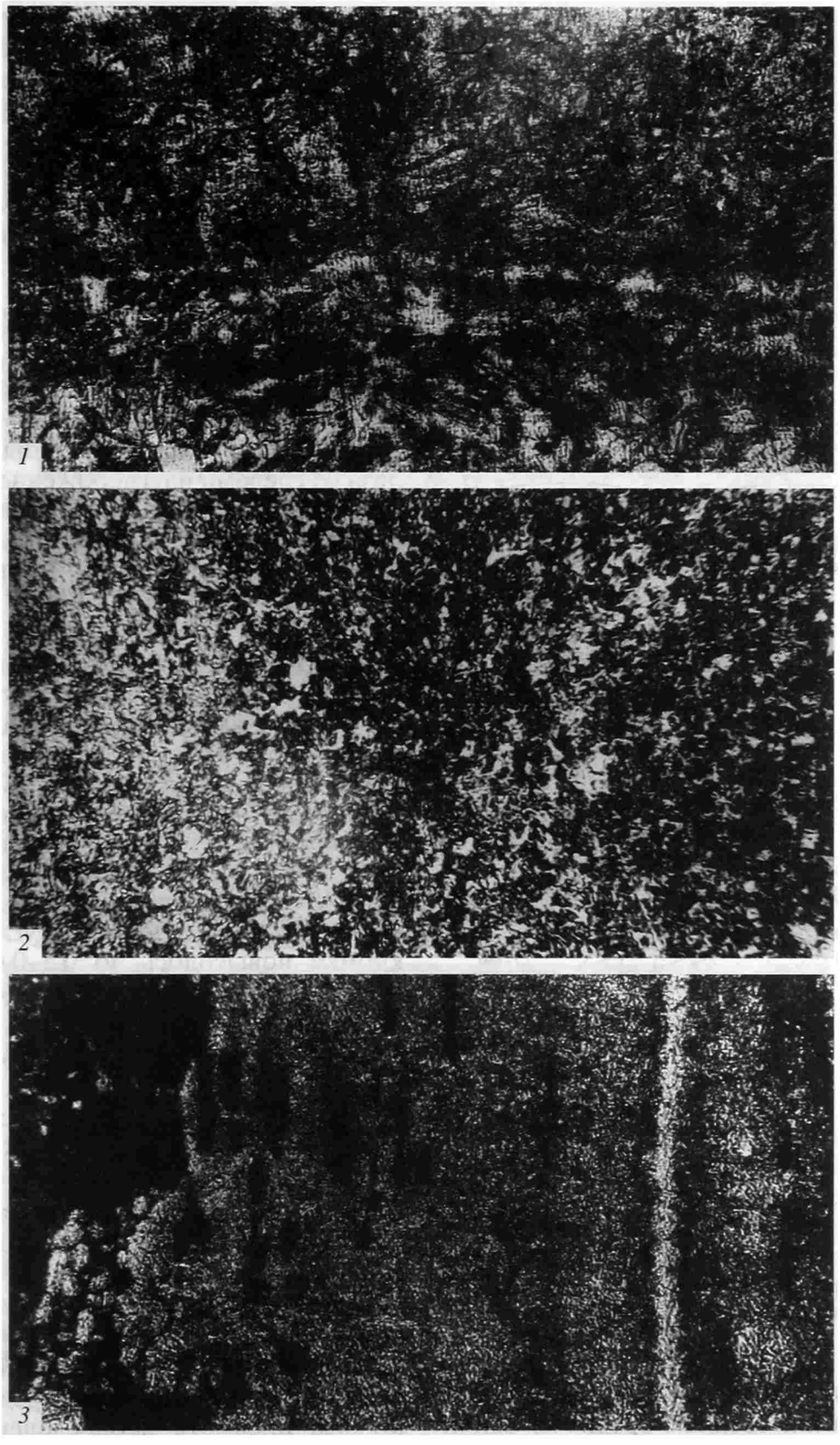

Рис. 5. Фотографии микроструктур: *1* ан. 7716Б, топор, сварной шов; *2* – ан. 7710, долото, феррит с перлитом; *3* – ан. 7711А, сверло, сварной шов. Увеличение: *1*, *3* – ×150, *2* – ×500. Травлено ниталем.

соком уровне (рис. 7, *2*). Заключительной операцией по улучшению рабочих качеств орудия была закалка с последующим отпуском. Из кричной заготовки с последующей цементацией и термообработкой был откован серп № 7336 (рис. 4). Цементация и термообработка (закалка с последующим отпуском) носили локальный характер.

Коса-горбуша из селища Сенча (рис. 4, ан. 7252) изготовлена по технологии косой боковой наварки стального лезвия на железную основу. Сварка велась продолжительное время при повышенных температурах. Изделие подверглось закалке с последующим высоким отпуском.

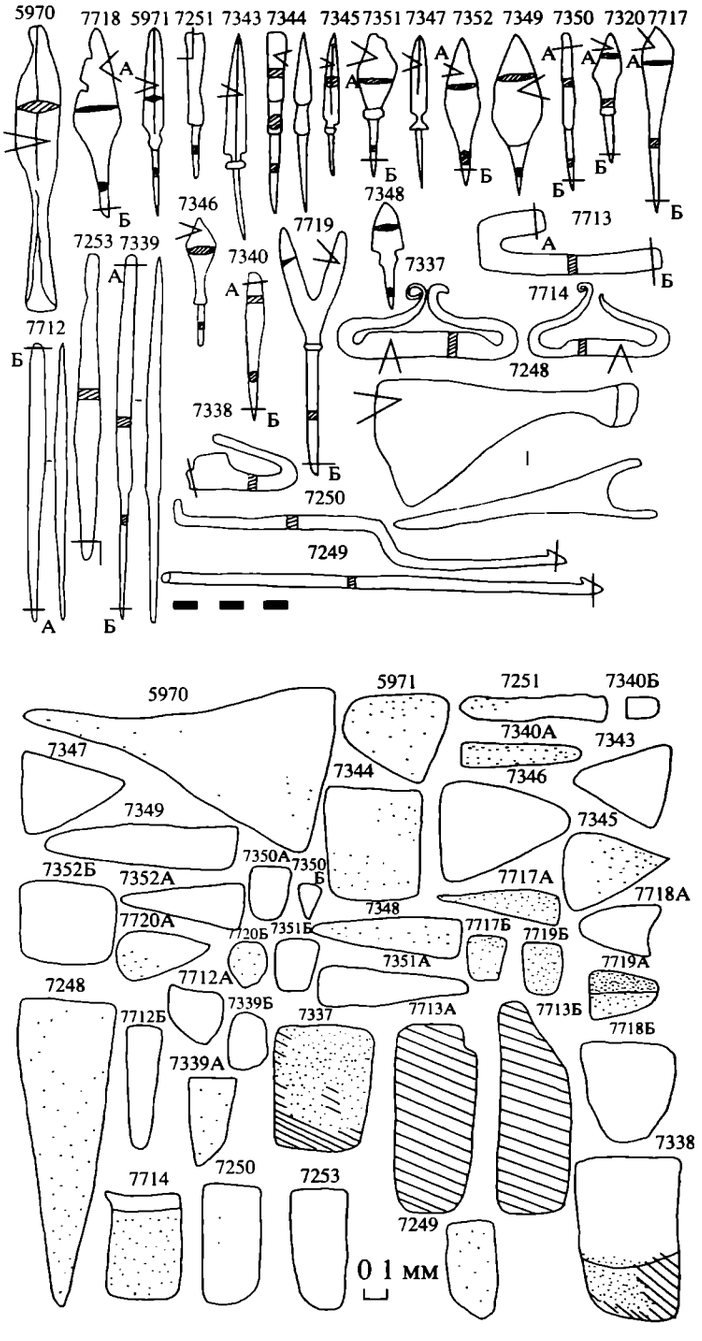

Рис. 6. Оружие и предметы быта и технологические схемы их изготовления.

Как видно из результатов металлографических анализов, сельскохозяйственные орудия из Сенчи и Снепорода были изготовлены по традиционным для древнерусского кузнечества технологическим схемам (Археология СССР..., 1985, с. 225).

Четыре исследованных кресала представлены калачевидным (рис. 6, ан. 7337, 7338, 7714) и овальным коротким (рис. 6, ан. 7713) типами, получившими широкое распространение в Древней Руси в домонгольское время. Два предмета были откованы из цельностальных заготовок с последующей термообработкой (рис. 7, *3*). Два других кресала были изготовлены по технологической схеме наварки стальной пластины на железную основу. В качестве основы использовано фосфорное железо. Сварка проведена на высоком уровне. Термообработанным оказалось только одно кресало (ан. 7338).

Наконечник копья из Снепорода (рис. 6, ан. 5970) был откован из мягкого кричного железа (микротвердость 116–128 кг/мм^2) со следами первичной науглероженности.

Из коллекции этого же городища происходят два наконечника острог. Они относятся к типу I (рис. 6, ан. 7250) и типу II (рис. 6, ан. 7249) по классификации А.В. Кузы (Археология СССР..., 1985, с. 226, 227). Острога № 7250 была откована из железа со следами науглероженности кричного происхождения. Другой наконечник откован из сырцовой стали с содержанием углерода до 0.3%. Ковка этого предмета закончилась при повышенной температуре, на что указывает структура видманштетта.

Наконечники стрел представлены разнообразными типами. За редким исключением, они относятся к разряду боевых. Бóльшая часть наконечников была откована из железа или сырцовой стали (содержание углерода не превышает 0.2%). Четыре наконечника после ковки были дополнительно процементированы (рис. 6, ан. 5971, 7251, 7345, 7717), однако только у наконечника стрелы № 7345 эта операция привела к заметному улучшению свойств: содержание углерода на режущей кромке повысилось до 0.5–0.6%, а микротвердость выросла до 206–221 кг/мм^2.

Среди стрел следует особо отметить срезень из селища Сенча (рис. 6, ан. 7719). Основа этого наконечника откована из сырцовой стали, а на режущий край были наварены пластины высокоуглеродистой стали с содержанием углерода до 0.8%. Качество ковки и сварки было очень высоким.

На селище Сенча были обнаружены два шила. Одно из них имело круглое сечение (рис. 6, ан. 7339). Откован оно было из сырцовой стали. Другое шило подквадратное в сечении (рис. 6, ан. 7712). Черенок его уплощен. Откован предмет из железа с повышенным содержанием фосфора.

В коллекции железных предметов присутствуют два предмета неопределенного назначения. Один из них происходит из селища Сенча и, возможно, является заготовкой ножа (рис. 6, ан. 7340). Это небольшой предмет длиной 6.5 см. Один конец его плоский (ан. 7340А), а другой – шилообразный, круглый в сечении (ан. 7340Б). Примерно посередине заготовки намечен уступ при переходе одной части в другую. Анализ плоской части выявил структуру феррита с перлитом (содержание углерода 0.2–0.3%). На шлифе с противоположного конца заготовки обнаружена структура феррита.

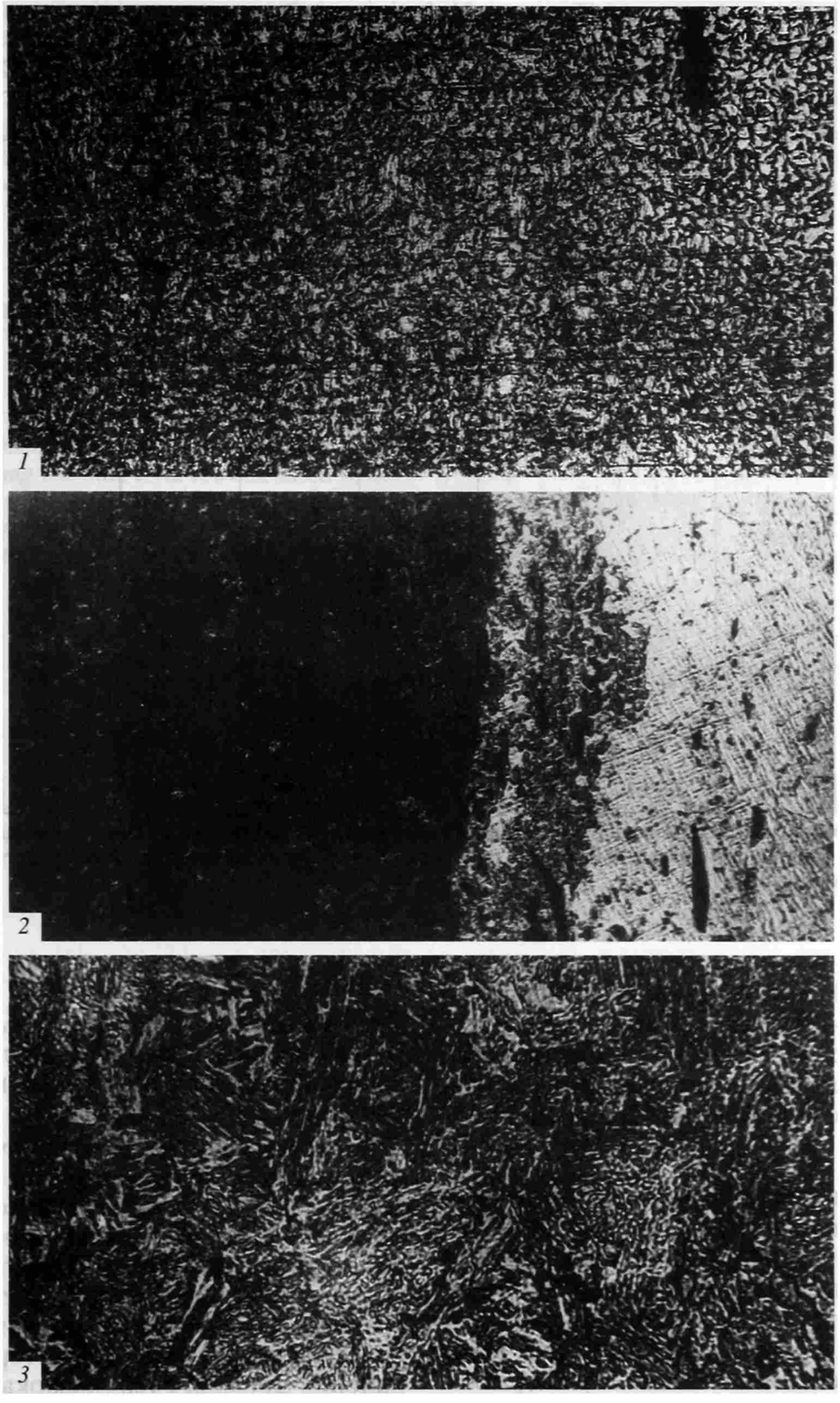

Рис. 7. Фотографии микроструктур: *1* – ан. 7707Б, серп, феррит с перлитом; *2* – ан. 7709А, серп, сварной шов; *3* – ан. 7713, кресало, мартенсит. Увеличение: *1*, *2* – ×150, *3* – ×500. Травлено ниталем.

Другая заготовка происходит из городища Снепород (рис. 6, ан. 7253). Она представляет собой плоскую пластину толщиной 0.4 и длиной 13.5 см. В 5 см от одного из концов пластина имеет расширение. Откован этот предмет из кричного железа.

Проведенные металлографические исследования позволяют сделать определенные выводы о технологических особенностях кузнечной продукции из Сенчи и Снепорода. Основным материалом для поковок служили железо и сталь. Железо большинства изделий мелко- и среднезернистое, микротвердость составляет 151–193 кг/мм^2. Фосфорное железо использовалось крайне редко. О его целенаправленном применении можно говорить только для наварных пластин лемехов.

Таблица 2. Технологическая характеристика кузнечных изделий

Категория	Технологии								Всего
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	
Ножи	5	16/9	5/2	2/2	5/5	3/1	3/2	1/1	39/22
Топор рабочий					1/1				1/1
Топор боевой		1							1
Серпы		3/2	2/2				1/1		6/5
Коса							1/1		1/1
Лемехи	2								2
Сверло							1/1		1/1
Долото		1/1							1/1
Кресала		2/2				2/1			4/3
Шилья	1	1							2
Клещи	1								1
Бритва							1		1
Стрелы	9	2	4				1		16
Копье	1								1
Остроги	2								2
Заготовка сверла			1						1
Предметы	1	1							2
Всего	22	27/14	12/4	2/2	6/6	5/2	8/5	1/1	82/33

Примечание. I – целиком из железа; II – целиком из стали; III – цементация готового изделия; IV – из пакетной заготовки; V – трехслойный пакет; VI – торцовая наварка; VII – косая наварка; VIII – V-образная наварка. В знаменателе дроби указано число термообработанных образцов.

С большой долей уверенности можно говорить о том, что большая часть исследованных поковок – продукция местных кузнецов. О существовании кузнечного производства на памятниках свидетельствуют находки кузнечного инвентаря (клещи), заготовок, шлаков.

Сравнение аналитических данных по всем трем памятникам приводит к выводу об идентичности технико-технологических характеристик. Это проявляется в общем наборе технологических схем, подборе сырья, в качестве исполнения отдельных операций. Соотнесение категорий изделий с технологическими схемами приведено в табл. 2. Основной технологией изготовления железных предметов была формовка изделий из стальных и железных заготовок. Несколько реже применялась цементация готовых изделий (13.4% всех поковок). Сварные технологические схемы составляют 24.4%, но, как уже отмечалось, часть предметов, изготовленных с применением технологической сварки, были импортами. Абсолютное преобладание "архаичных" схем (цельностальных и цельножелезных предметов, цементации) говорит об ориентации местных кузнецов на южнорусские ремесленные традиции.

Доля термообработанных изделий – более 70%. Основным приемом термообработки была резкая закалка. Строгой корреляции между видом термообработки и категорией изделия не прослеживается.

Необходимо отметить отличия исследованной коллекции от материалов из других поселений Посульской линии обороны. Если материал Воиня по своим технологическим особенностям однороден (преобладание цельностальных изделий), то в Сенче и Снепороде представлены (хотя и в сравнительно небольших количествах) технологические схемы, более характерные для северных районов Древней Руси (наварка стального лезвия, трехслойный пакет). Не исключено, что данное наблюдение объясняется различием в составе населения Посульских крепостей: более однородное в Воине, более смешанное в Сенче и Снепороде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село, 1985.

Вознесенская Г.А., 1990. Технология производства древнерусских ножей в первой половине XIII в. // Проблемы археологии Южной Руси. Киев.

Вознесенська Г.О., Недопако Д.П., Паньков С.В., 1996. Чорна металлургія та металообробка населення

східноєвропейського лісостепу за доби ранніх слов'ян і київської Русі. Київ.

Гурин М.Ф., 1987. Кузнечное ремесло Полоцкой земли. Минск.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., 1990. К вопросу о производственной технологии ножей в древнем Новгороде // Материалы по археологии Новгорода. М.

Моргунов Ю.Ю., 1996. Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск.

Розанова Л.С., 1990. Своеобразие технологии кузнечного производства Южной и Северной Руси в домонгольсий период // Проблемы археологии Южной Руси. Киев.

Technological Characteristic of Iron Artefacts from Ancient Russian Sites Situated in the Sula River Basin

V. I. Zav'yalov

Summary

The results of metallographic analyses of the iron artefacts originating from the sites which constituted a defensive line along the Sula river are discussed in the article. The collection comprises 82 species, more than a half of the items are knives. Local production at the sites is evidenced by the finds of smith's tongs, iron blanks and slags. The craftsmen mostly applied archaic technological patterns, such as producing artefacts from solid steel or solid iron blanks, and carburisation of finished items. These patterns testify the affinity of the local simths with the traditions in craftsmanship typical of south Russian lands.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 98–109

ПУБЛИКАЦИИ

БЕЛОГЛИНЯНАЯ КЕРАМИКА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОСКВЕ

© 2001 г. В. Ю. Коваль

Институт археологии РАН, Москва

Белоглиняная керамика, т.е. керамика из беложгущихся (неожелезненных) глин, составляет одну из самых массовых керамических групп в позднесредневековых (XVI–XVIII вв.) слоях Москвы и Подмосковья. Классификация средневековой московской керамики – распределение на группы по цвету черепка, предложенная еще в 1930-х годах, излишне укрупнена, пригодна только для начальной стадии изучения керамического материала. Сейчас такая группировка уже стала тормозить исследовательский процесс. Современная классификация московской керамики должна строиться не на различиях в цвете, а на технологических признаках (качественный состав формовочной массы, способы формовки) и морфологии сосудов. Однако до принятия и внедрения в практику такой классификации изучение керамического материала, по необходимости, должно вестись с учетом традиционных "цветовых" групп.

Хронология и типология московской белоглиняной керамики (для краткости дальнейшего изложения примем для нее аббревиатуру МБК) разрабатывались М.В. Воеводским, М.Г. Рабиновичем, Р.Л. Розенфельдтом, С.З. Черновым. М.В. Воеводский считал, что эта керамика появляется в Москве в XIV–XV вв. (Воеводский М.В., 1936, с. 169). М.Г. Рабинович по результатам раскопок в Гончарной слободе выделил вид "белоглиняной грубой" керамики, а ее появление в культурном слое Москвы датировал серединой XVI в. (Рабинович М.Г., 1949, с. 62). Р.Л. Розенфельдт датировал бытование этой керамики в Москве XIV–XVIII вв., однако начало массового ее распространения относил к XV в. При этом им впервые была построена хронологическая шкала форм этой керамики и отмечены различия в керамическом тесте (Розенфельдт Р.Л., 1968, с. 44–47). В работах С.З. Чернова было отмечено разделение белоглиняной керамики на два вида: "грубую" и "гладкую" (Чернов С.З., 1991; 1992), причем и хронология, и формы сосудов существенно различались (Чернов С.З., 1991, рис. 1, 2). Заметим, что предложенная терминология не вполне удачна, поскольку "грубость" керамики первого вида заключается только в том, что ее формовочная масса содержит песок или дресву, иногда выступающие на поверхности сосудов и делающие ее шероховатой на ощупь, в то время как керамика второго вида не содержит визуально фиксируемых примесей. Поэтому предлагаем называть эти разновидности соответственно видами 1 и 2 московской белоглиняной керамики (сокращенно МБК-1 и МБК-2), проводя различие между ними прежде всего по набору включений в формовочной массе.

Происхождение обоих видов МБК до сих пор не выяснено. Высказывались лишь предположения о производстве МБК в Гжели (Рабинович М.Г., 1949[1], с. 104; Розенфельдт Р.Л., 1968, с. 44, 45), исходящие из наличия там больших запасов светложгущихся глин, промышленно использовавшихся в XVIII–XX вв. Но, поскольку никаких конкретных доказательств гончарного производства в том районе в XIV–XVII вв. (гончарные горны, керамический брак) до сих пор не найдено, эти предположения остаются не более чем гипотезой. Между тем московскую белоглиняную керамику все-таки стали называть "гжельской" как в научной, так и в краеведческой литературе.

Рассмотрим каждый из выделенных видов белоглиняной керамики. МБК-1 характеризуется присутствием в формовочной массе заметного количества крупного или среднего по размерам песка (с зернами более 0.5 мм в поперечнике), составлявшего, возможно, естественную примесь в глине. Иногда наряду с песком встречаются включения мелких остроугольных кварцитов (дресвы) или естественная примесь бурого железняка. Основными формами МБК-1 являются горшки, кувшины и корчаги (Розенфельдт Р.Л., 1968, с. 45, табл. 15, *5, 7, 10, 13*; Московская керамика..., 1991, табл. 87, 100А, 101Б, 102Б, 109, 116Б, 123, 124Б, 126, 127Б, 130). Крышки от горшков не известны. Сосуды формовались ленточным налепом с полным профилированием на ручном гончарном круге (этапы РФК 4–5 по А.А. Бобринскому), дно – на песчаной подсыпке (Чернов С.З., 1991, с. 51). В редчайших случаях встречается подсыпка из дресвы. Венчики сосудов (как горшков, так и кувшинов, корчаг) формовались единственным способом – заворотом "чернового края" наружу, что создавало на внешней поверхности венчика валик, которому придавалось обычно полукруглое сечение (рис. 1, *3, 6б–д*).

[1] Предположение о происхождении белой гончарной глины из Гжели, как ближайшего к Москве месторождения, сделано в заключении лаборатории керамики Академии архитектуры, подписанном А.В. Филипповым.

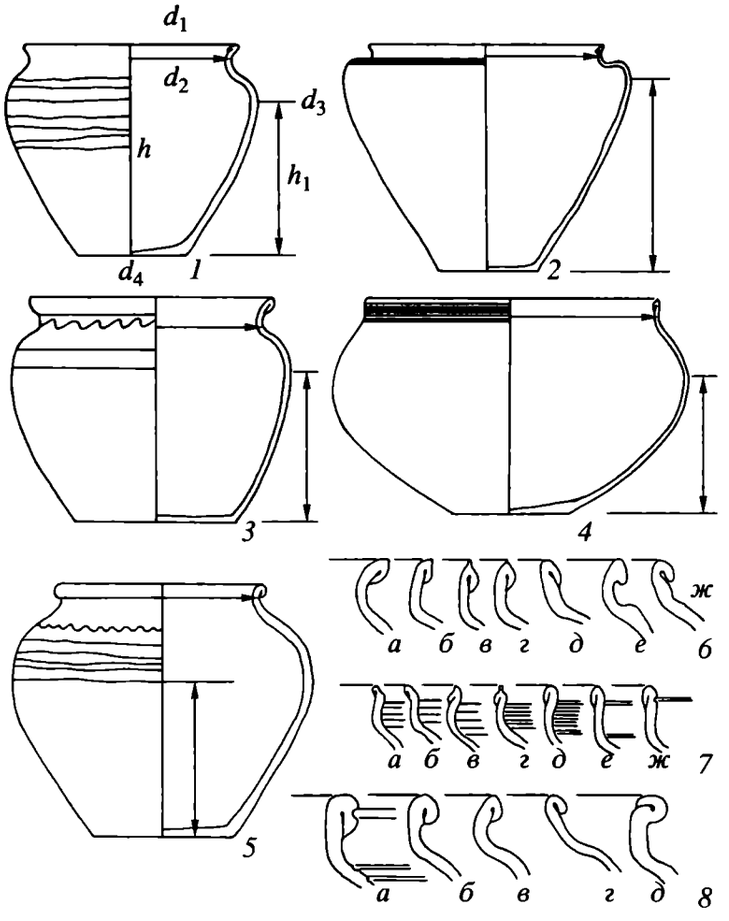

Рис. 1. Сравнительная таблица форм горшков различных типов керамики: *1* – горшок группы "серой" раннемосковской керамики XIII–XIV вв. (Московская керамика..., 1991, табл. 34); *2* – московский красноглиняный горшок первой половины XVI в. (Московская керамика..., 1991, табл. 85); *3* – горшок МБК-1 второй половины XVI в. (Московская керамика..., 1991, табл. 123); *4* – горшок МБК-2 второй половины XVII в. (Розенфельдт Р.Л., 1968, табл. 15, *16*); *5* – горшок из Озаричей XIII–XIV вв. (по С.А. Беляевой); *6* – венчики с заворотом "чернового" края наружу (*а* – "серая" керамика; *б–д* – МБК-1; *е* – горшок из Путивля; *ж* – горшок из Озаричей); *7* – венчики горшков МБК-2; *8* – венчики горшков из Новгорода-Северского (*а–г*) и Ростиславля Рязанского (*д*).

Раскопки Московской экспедиции ИА РАН в 1980-х годах позволили уточнить прежние представления о времени бытования МБК-1. Оказалось, что она появляется в Москве не в XIV–XV вв., а только в конце XV в. (Московская керамика..., 1991, рис. 2). При этом ряд комплексов, содержавших МБК-1, открытых в Историческом проезде (яма 2) и на Монетном дворе (ямы 1, 4), были датированы второй половиной XV в., исходя из предположения об их формировании до пожара 1493 г. либо в связи с ним. Однако нельзя полностью исключать возможность несколько более поздней даты этих комплексов. Так, яма 2 в Историческом проезде была перекрыта гравийно-кирпичной вымосткой, которая была датирована началом XVI в. (Чернов С.З., 1991, с. 50), хотя включала также обломки черепицы первой половины XVI в. (Чернов С.З., 1988, с. 33); а яма 1 на Монетном дворе была перекрыта слоем, отложившимся при строительстве стены Китай-города (1535–1538 гг.), т.е. могла заполняться вплоть до 1530-х годов. Отметим, что доля МБК-1 составляла в первом из этих комплексов 11.5%, причем все обломки принадлежали только кувшинам (Чернов С.З., 1991, табл. 87), а во втором – 7%[2]. (Чернов С.З., 1991, табл. 100, 101). Закрытым комплексом начала XVI в. можно считать яму 1 из раскопок Л.А. Беляева в Коломенском, перекрытую слоем строительного мусора, отложившегося около 1531–1533 гг. при возведении церкви Вознесения (Беляев Л.А., 1991, с. 43, табл. 109). И в этом комплексе МБК-1 составляла всего 8% (Московская керамика..., 1991, табл. А).

Установить дату появления в Москве МБК-1 помогли раскопки 1995–1996 гг. мостовых улицы Ильинки, которые были разделены подсыпками сильно утрамбованной древесной щепы, затруднявшими перемешивание материала. Оказалось, что МБК-1 полностью отсутствовала в комплек-

[2] Для сопоставимости результатов удельный вес МБК-1 подсчитан нами к общему количеству керамики в комплексах. Комплекс ямы 4 на Монетном дворе не может приниматься во внимание из-за нерепрезентативности выборки (в яме найдено всего 59 фрагментов керамики).

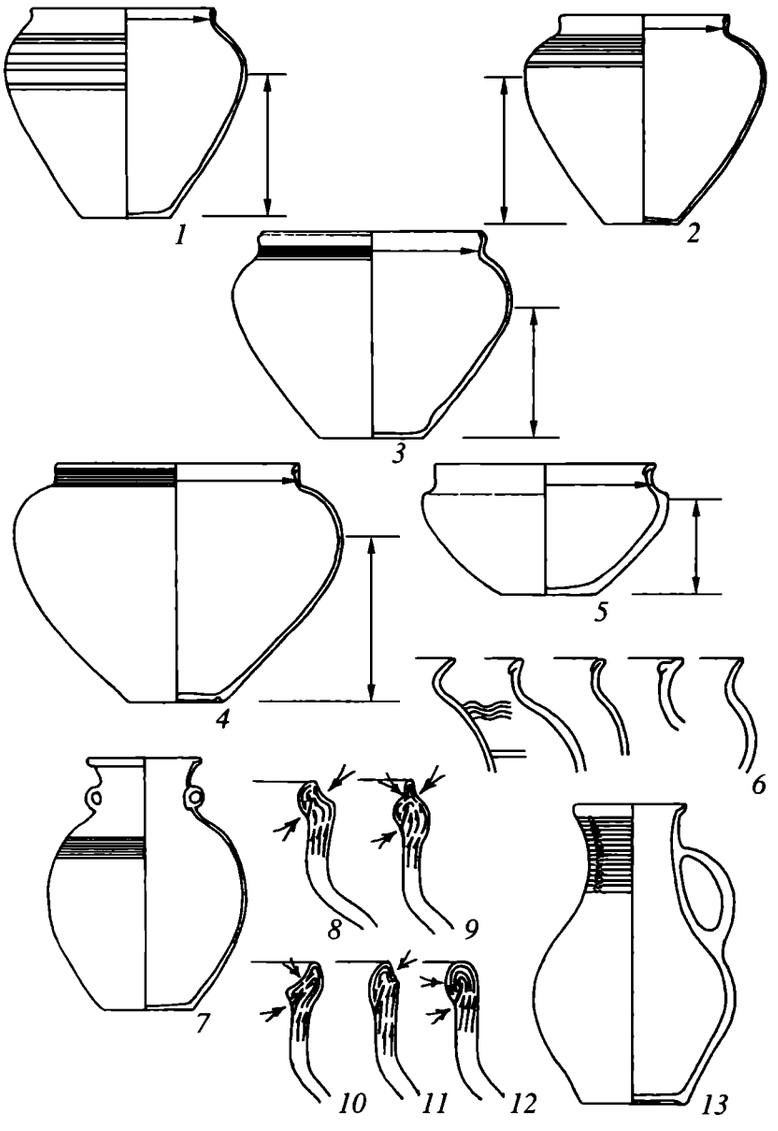

Рис. 2. Формы керамики Поочья XV–XVII вв. *1–4* – светлоглиняные горшки из Ростиславля Рязанского (*1, 2* – XV в.; *3* – середина XVI в.; *4* – XVI в.); *5* – белоглиняный горшок XV–XVI вв. из Новгорода-Северского (по Л.И. Виноградской); *6* – венчики горшков XIII–XIV вв. с селища Аргамач-Пальна близ г. Ельца (по Н.А. Тропину); *7* – крынка XVI в. из Ростиславля Рязанского; *8–12* – технологические схемы формовки поокской белоглиняной керамики XV–XVIII вв.; *13* – белоглиняный кувшин XVI в. из Ростиславля Рязанского.

сах древнейших ярусов 4–9 и появилась только в отложениях ярусов 2–3, где она составляла около 10% всей керамики (Векслер А.Г. и др., 1996, табл. 2)[3]. По данным дендрохронологии, ярус 7 датировался 1470 г., а ярус 4 – 1489 г. (Векслер А.Г. и др., 1996, с. 10), следовательно, вышележащие ярусы 2–3 могут относиться не ранее чем к самому концу XV – началу XVI в. Обращает на себя внимание полное совпадение доли МБК-1 в керамических комплексах с улицы Ильинки, Исторического проезда, Монетного двора и из Коломенского. Таким образом, можно констатировать появление МБК-1 приблизительно на рубеже XV–XVI вв., причем почти до середины XVI в. ее доля составляла не более 1/10 керамических наборов в закрытых комплексах.

Этот вывод противоречит высказывавшемуся ранее мнению о том, что в первой половине XVI в. МБК-1 господствовала в керамической посуде Москвы и Подмосковья (Чернов С.З., 1991, с. 52). Такая гипотеза базировалась на преобладании МБК-1 над другими типами керамики в пяти комплексах из четырех селищ на северо-востоке Московской обл. (Михайловское-2, Ларино, Леш-

[3] По сообщению авторов указанной статьи, из-за вкравшейся в публикацию опечатки, в табл. 2 процентные значения типов керамики по ярусам 2–3 указаны неверно. В то же время абсолютные значения числа находок керамики истинны. Именно по ним нами был проведен пересчет удельных весов различных типов керамики. Отметим также, что единственный обломок МБК в ярусе 8 может объясняться ошибкой при проведении статистической обработки керамики.

ково-7, селище на месте часовни великомученика Никиты), запустевших предположительно между 1557 и 1585 гг. (Чернов С.З., 1991, с. 51, 52). Заметим, что во всех указанных комплексах полностью отсутствовали какие-либо датирующие индивидуальные находки и их датировки более чем приблизительны, а на селище Лешково-7 была вскрыта площадь всего в 1 м^2 (Чернов С.З., 1984, с. 6) и количество собранной здесь керамики недостаточно для каких-либо статистических выкладок. Даже если отбросить допустимые сомнения в окончательном исчезновении всех этих поселений именно в период до 1585 г. (а, скажем, не 10–30 годами позже), остается возможность отложения указанных комплексов на финальном этапе жизни поселений, а это отодвигает эпоху господства МБК-1 в середину и даже вторую половину XVI в.

Исследователями московской керамики уже давно было подмечено, что МБК-1 "появляется... довольно внезапно" и при этом "не является результатом развития форм красноглиняной, но возникает как самостоятельный тип" (Чернов С.З., 1991, с. 51). Действительно, МБК-1 не имеет генетических предшественников не только в Москве, но и более широко – в Москворечье и даже всем бассейне Верхней Волги и Средней Оки[4]. Хотя керамика из беложгущихся глин с примесью древы в тесте изредка встречается в материалах XIII–XV вв. из Москвы и окрестностей, она не может рассматриваться иначе как результаты экспериментов местных гончаров с непривычной для них беложгущейся глиной. Горшки МБК-1 по своим пропорциям резко отличаются от хронологически предшествующих им горшков "серой" и красноглиняной московской керамики (рис. 1, *1, 2*). Тенденция к конусовидной профилировке тулова горшка, прослеживаемая на московских сосудах XIII–XIV вв. и получившая полное завершение в красноглиняных горшках XV–XVI вв., в МБК-1 отсутствует. Это наблюдение подтверждают коэффициенты, описывающие основные пропорции сосудов[5] (см. таблицу), рассчитанные для наиболее типичных горшков различных типов, представленных на рис. 1; 2.

Основные пропорции сосудов

Горшки на рис. 1	Коэффициенты				
	А	Б	В	Г	Д
№ 1 (XIV в.)	1.21	0.85	0.73	0.43	1.37
№ 2 (XVI в.)	1.25	0.82	0.85	0.34	2.51
№ 3 (XVI в.)	1.24	0.88	0.66	0.60	0.91
№ 5 (XIV в.)	1.17	0.71	0.64	0.47	0.83
№ 4 (XVII в.)	1.65	0.82	0.63	0.33	0.81
Горшки на рис. 2					
№ 1 (XV в.)	1.15	0.74	0.68	0.37	1.17
№ 2 (XV в.)	1.17	0.69	0.68	0.31	1.30
№ 3 (XVI в.)	1.33	0.78	0.63	0.37	0.95
№ 4 (XVI в.)	1.41	0.72	0.68	0.29	1.03
№ 5 (XIV в.)	1.88	0.90	0.69	0.38	2.83

Из таблицы видно, что хотя пропорции бело- и красноглиняных горшков из Москвы были практически идентичны, тенденция развития красноглиняной московской керамики шла в направлении сокращения размеров венчика и дна, тогда как в белоглиняной керамике происходил прямо противоположный процесс. Тенденция же увеличения крутизны плечика горшков московской керамики (описываемая коэффициентом Д) привела к такой гипертрофии этого процесса, что венчик стал проседать в процессе формовки внутрь горшка, что абсолютно не заметно в МБК-1.

Совершенно оригинальна и формовка венчиков горшков МБК-1 путем заворота "чернового края" наружу. Следует заметить, что среди "серой" керамики Москвы и Подмосковья изредка встречаются дугообразно изогнутые (так называемые эсовидные) венчики с аналогично сформованным краем (Московская керамика..., 1991, табл. 32, *839, 842, 942*) (рис. 1, *6а*), однако именно к XV в. они полностью выходят из употребления, и поэтому не удивительно, что специалисты констатируют полное отсутствие морфологических прототипов венчиков МБК-1 (Чернов С.З., 1991, с. 54, прим. 13). В Верхневолжье венчики этого типа неизвестны. В Рязанской земле в XIV в. были широко распространены горшки с венчиками, имевшими очень похожий внешний контур, но формовавшимися совершенно иначе – с заворотом "чернового края" внутрь сосуда (Коваль В.Ю., 1996, с. 108–110, рис. 8, *50, 52*) (рис. 1, *8д*). Уже по одной этой причине они не могут быть связаны с МБК-1 (кроме того, они изготавливались только из красных глин). Следовательно, развитие традиции формовки венчиков сосудов МБК-1 происходило в XIV–XV вв. не на территории Северо-

[4] В составе керамики Верхневолжья иногда выделяют "белоглиняную" керамику, однако в большинстве случаев под ней понимается керамика с серым цветом поверхности (Малыгин П.Д., 1991, с. 199), которая изготавливалась из красножгущихся глин, прошедших восстановительный обжиг. В Поочье XII–XIII вв. белоглиняная керамика бытовала весьма широко, однако по своей профилировке она не имела ничего общего с МБК-1. В XV в. белоглиняная керамика вновь появляется в этом регионе, но по признакам технологии изготовления и морфологии она была связана не с МБК-1, а с МБК-2 (см. ниже)

[5] Это коэффициенты общей пропорции горшка (А = $d_3 : h$), степени открытости горшка (Б = $d_1 : d_3$), высотный указатель (В = $h_1 : h$), донный указатель (Г = $d_4 : d_3$) и коэффициент крутизны плечика горшка (Д = $d_3 : d_2 : h_3$), где d_1 – диаметр венчика, d_2 – минимальный диаметр шейки венчика; d_3 – максимальный диаметр горшка; d_4 – диаметр дна; h – общая высота горшка; h_1 – высота уровня максимального диаметра горшка; h_3 – расстояние между плоскостями, в которых лежат d_2 и d_3.

Восточной Руси и не в Рязанской земле. Зато такая традиция сохранялась и развивалась в это время в чернигово-северских землях. На селище Озаричи в Сумском Посеймье подобные венчики доминировали в керамике второй половины XIII–XIV вв. (Беляева С.А., 1982, с. 74, рис. 23, 29, тип II; Беляева С.О., Кубишев А.І., 1995, мал. 61–64) (рис. 1, *5, 6ж*). Аналогичные венчики известны в Путивле (Беляева С.А., 1982, рис. 24, *14*) (рис. 1, *6е*) и в Рыльске в слоях XIV–XVI вв. (Фролов М.В., 1989, с. 12, табл. 2, *1, 3, 4*; 1990, табл. 8, *6, 8*; 9, *5, 9*), а в Новгороде-Северском они существовали с XIII до начала XVI в. (Виногродська Л.І., 1988, рис. 3) (рис. 1, *8*). Примечателен тот факт, что горшки с такими венчиками изготавливались в Озаричах из беложгущейся глины (Беляева С.А., 1982, с. 101). В Новгороде-Северском среди них были как красно-, так и белоглиняные (Виногродська Л.І., 1988, с. 50, 52). Совпадение сразу двух признаков (цвет используемой глины и способа формовки венчика) на МБК-1 и северской керамике вряд ли случайно, тем более что оно дополняется сходной орнаментацией горшков, заключающейся в проведении нескольких горизонтальных линий (реже – одной волнистой линии) по верхней части тулова. Кроме северских земель, белоглиняная керамика, технологически и морфологически схожая с МБК-1, бытовала в некоторых районах Верхнего Поочья.

Морфологические аналогии МБК-1 известны и в керамике Смоленска (тип 5 по Т.В. Сергиной), причем появляются они там также совершенно внезапно в середине XIII в. как уже полностью сложившийся тип, а к концу XV в. вытесняют ранее бытовавшие формы. Появление такой керамики в Смоленске связывается с переселенцами из южнорусских областей (Сергина Т.В., 1994а, с. 67, рис. 1). Вся смоленская керамика формовалась только из ожелезненных (красных) глин, а потому вряд ли она могла послужить прообразом для московской белоглиняной керамики. Видимо, и тип 5 смоленской керамики, и МБК-1 имели один общий исток в традициях керамического производства северских земель.

Традиция керамического производства (ТКП) в археологическом контексте рассматривается нами как набор взаимосвязанных признаков технологии, морфологии и декора керамических изделий, сформировавшийся в среде потомственных производителей посуды и связанных с ними потребителей керамической продукции, который имеет тенденцию к стабильности всех основных характеристик. Важная черта всякой ТКП – медленное изменение присущих ей признаков, объясняемое консервативным сознанием средневекового социума, стремившегося к сохранению в неизменности привычных и освященных памятью о предках форм во всех областях материальной (жилище, способ ведения хозяйства, инструментарий и т.п.) и духовной (религия, фольклор, орнаментика как представление о прекрасном) культуры. Керамика в этом смысле не была исключением. Известны случаи консервации в городах ряда признаков домонгольской ТКП вплоть до XVI в. (например, в Орешке), а в сельской местности – до середины XX в. Эволюция в ТКП происходила только путем поэтапных сдвигов. Любые резкие и глобальные изменения в ТКП являются по сути дела сменой традиции, а подобные смены могут происходить только в результате крупных сдвигов в самом социуме: изменения состава населения при различного рода миграциях или смены культурной ориентации автохтонного населения. Иначе говоря, внезапные изменения ТКП должны иметь обязательные социально-культурные (исторические) причины.

Применительно к московскому материалу данная концепция позволяет сделать следующее наблюдение. На рубеже XV–XVI вв. в Москве вдруг появляется белоглиняная керамика, не имеющая никаких прототипов в местном гончарстве, ближайшие аналогии которой прослеживаются в северских и верхнеокских землях. Между тем именно в это время, после московско-литовской войны 1487–1494 гг., вассальную зависимость от Великого князя Московского признали "верховские" княжества (расположенные в верховьях р. Оки), а затем – Чернигово-Стародубское и Новгород-Северское княжества (1500 г.). Таким образом, как раз с рубежа XV–XVI вв. северские и верхнеокские земли оказались политически и экономически привязанными к Москве. Более того, после ликвидации в 1523 г. Новгород-Северского княжества его территория оказалась в составе великокняжеского домена. Таким образом, были созданы все условия как для добровольного переселения контингентов гончаров из северских или верхнеокских земель в окрестности Москвы (например, во время войн 1501–1503 и 1507–1508 гг. либо при татарских набегах 1512, 1514, 1517, 1521 гг.), так и принудительного – во время военных действий 1487–1494 гг. Первые такие мигранты могли появиться уже в конце 1480-х годов. Подчеркнем, что речь может идти о переселенцах не столько в Москву, сколько в Подмосковье, потому что, с одной стороны, Гончарная слобода Москвы была в тот момент заселена местными мастерами, к тому же в самой Москве не было крупных запасов белых глин, а с другой – за пределами Подмосковья белоглиняная керамика оставалась неизвестной. Регион распространения МБК-1 охватывает только бассейн р. Москвы и верховья Клязьмы, тесно связанные с москворецкой системой. В состав этого региона входила и Гжельская волость, где имелись промышленные запасы беложгущейся глины. Таким образом, местом производства МБК-1 могла быть Гжель, т.е. тот самый район, который предполагался исследователями.

В первые полвека своего бытования в Москве МБК-1 не получила широкого распространения, видимо, из-за непривычности москвичам новых форм горшков. Возможно, именно поэтому их производители сразу же начали осваивать изготовление кувшинов, следы начального производства которых как будто найдены в Гжели (имеются в виду кувшины с излишне толстыми стенками, отражающие, возможно, этап освоения новых форм) (Векслер А.Г., 1986, с. 3, ил. 29). Резкий рост количества МБК-1 в археологических комплексах Москвы наблюдается приблизительно с середины XVI в., т.е. одновременно с внезапным прекращением производства красноглиняной кухонной (горшки) и столовой (лощеной, ангобированной пятнами и ангобированной расписной) посуды, отмечаемым всеми исследователями средневековой московской керамики (Розенфельдт Р.Л., 1968, с. 12, 14, 15, 21, 27; Беляев Л.А., 1991, с. 44). А это заставляет предполагать исчезновение из Москвы значительной части гончаров, выпускавших красноглиняную керамику. Причины такой смены ТКП до сих пор не находили объяснения. Однако очевидно, что это событие приходится на эпоху крупных социально-политических потрясений в Московском государстве. Начало им положила "опричнина" (1565–1572 гг.), нарушившая стабильность экономики. Но, безусловно, самой крупной катастрофой для Москвы и Подмосковья был набег крымских татар 1571 г., завершившийся сожжением московского посада. Такого разгрома Москва не знала с 1382 г., а ее окрестности – с 1408 г. (нашествия Тохтамыша и Едигея). Вероятно, серьезно пострадала и московская Гончарная слобода в Заяузьи. Не исключено, что какая-то часть московских гончаров (носителей традиции производства красноглиняной керамики) была физически уничтожена и именно это привело к прекращению или существенному сокращению производства глиняной посуды в столице. Однако посуда являлась предметом первой необходимости, и ее дефицит не мог сохраняться долгое время. Допустимо предполагать замещение такого дефицита знакомой москвичам уже полвека гжельской белоглиняной керамикой (МБК-1). В рамках данной гипотезы становится понятным также, почему при возобновлении в Москве производства красноглиняной керамики появились имитации МБК-1, достигавшиеся с помощью сплошной облицовки красноглиняных горшков белым ангобом и копирования характерного для МБК-1 оформления венчика. Количество таких подражаний невелико, так как недолгой была и эпоха господства горшков МБК-1, которых сменил новый вид – МБК-2[6].

МБК-2 характеризуется формовочной массой, изготовленной из жирной глины, не имеющей визуально фиксируемых примесей (кроме случайных). Такое качество глины могло быть следствием использования естественно-жирных глин либо специально производимого отмучивания глины (очистки ее от песка и иных естественных примесей). При этом применялась не только чисто белая (неожелезненная) глина, но и слабоожелезненная, дававшая при окислительном обжиге желтоватый, кремовый или розовый цвет поверхности сосудов, а при использовании восстановительного режима обжига – серо-стальной оттенок. Горшки (Розенфельдт Р.Л., 1968, табл. 15, *16*) начиная с XVII в. формовались путем вытягивания из куска глины (этапы РФК 6–7 по А.А. Бобринскому). Пропорции горшков МБК-2 резко отличаются от всех существовавших ранее в Москве сосудов своей приземистостью и малыми размерами дна (рис. 1, *4*). Важнейшая отличительная черта этих горшков – вертикальные венчики, сформованные путем заворота "чернового края" внутрь сосуда, внешняя сторона которых покрывалась многрядным линейным орнаментом, прочерченным острым инструментом с одним рабочим концом (рис. 1, *7*). Кроме горшков, к МБК-2 относились своеобразные кувшины-крынки без ручек, но с двумя маленькими "ушками" на горловине, предназначавшимися для подвешивания сосуда, известные за пределами Москвы только в рязанском Поочье XVI–XVII вв. (Дракевич В.П., 1994, рис. 2, *3*; Коваль В.Ю., 1996, рис. 10, *61*) (рис. 2, *7*). Встречаются также крышки от горшков с петлевидными ручками и детские игрушки (лошадки, птички-свистульки, цилиндрические погремушки), зачастую украшенные росписью полосами красной краски. Редчайшая разновидность этой керамики – кувшины, известные пока только на поокских памятниках XVI в. (рис. 2, *13*).

Время, причины появления МБК-2 и ее генезис специально не обсуждались в научной литературе. Р.Л. Розенфельдт считал, что горшки данного вида появились в конце XV в., однако действительно массовыми они стали лишь с начала XVII в. Им было замечено, что у раннего варианта этих горшков венчики имели утонченный и заостренный край, у горшков же позднего (XVII–XVIII вв.) варианта край венчика округлый (Розенфельдт Р.Л., 1968, с, 45, табл. 15, *6*). Абсолютное доминирование горшков МБК-2 в Москве XVII–XVIII вв. – общепризнанный факт (Чернов С.З., 1991, с. 54). Раскопки 1970–1990-х годов не подтвердили предположения о бытовании МБК-2 в XV в. Первые и притом единичные ее образцы начинают встречаться здесь лишь в XVI в. (Московская керамика..., 1991, табл. 2). Во второй половине XVI в. аналогичная керамика появляется в Среднем Подонье (Цыбин М.В., 1988, с. 147, рис. 2, *4*; Пря-

[6] Особо подчеркнем, что речь здесь идет о смене только одной категории керамики – горшков, поскольку в масштабах производства тарной керамики – корчаг и кувшинов – существенных изменений, по-видимому, не произошло.

хин А.Д. и др., 1996, с. 154, рис. 8, *51*) и приокских районах Мордовии (Шитов В.Н., 1992, с. 108, табл. VI, *3, 10, 11, 14, 16, 20*). Для XVII в. она составляет массовый керамический материал в Старой Рязани (Даркевич В.П., 1994, рис. 1, *5*) и Зарайске (Стрикалов И.Ю., 1998, с. 34). В Переяславле-Рязанском в XVI–XVIII вв. получает распространение керамика аналогичной профилировки и орнаментации, но сформованная из красножгущихся глин[7].

Происхождение МБК-2, равно как и МБК-1, связывалось ранее с Гжельской волостью, хотя производство в одном и том же районе двух принципиально различных видов керамики никем объяснено не было. А оно практически не возможно. Расхождения между МБК-1 и МБК-2 прослеживаются в подборе исходного сырья и подготовке формовочной массы (глины с включениями песка в МБК-1 и глины без всяких примесей в МБК-2), технологии формовки (различные этапы РФК), наборе изготавливавшихся форм посуды, пропорциях горшков, способах оформления венчиков, орнаментации. Объяснить эту разницу эволюцией одного вида в другой невозможно. Единичные находки переходных форм не должны приниматься во внимание, так как при массовом производстве той и другой керамики эволюционное развитие повлекло бы за собой и массовое изготовление таких форм. По тем же самым причинам недопустимо предполагать какое-либо эволюционирование в МБК-2 московской красноглиняной керамики XV–XVI вв. Обратившись к таблице, мы увидим, что по степени открытости и донному указателю горшки МБК-2 близки красноглиняной керамике XVI в., а по высотному указателю и кривизне плечика – сближаются с МБК-1, при этом по общим пропорциям (коэффициент А) эти горшки в корне отличаются от обоих названных предшествующих видов.

Поскольку в литературе высказывалось мнение о близости московской керамики XII–XVII вв. (!) с некоторыми формами приземистых горшков XIV в. из Новгорода-Северского (Виноградская Л.И., 1990, с. 97), проведем сравнение одного из типичных сосудов этого ряда (рис. 2, *5*) с горшками московской керамики (таблица). Из таблицы видно, что практически все значения пропорций новгород-северского горшка существенно отличаются от пропорций горшков как МБК-1, так и МБК-2. Следовательно, горшки данного типа не были связаны не только с реально переместившейся в Подмосковье традицией производства северской керамики, но и с появившейся в Москве XVII в. новой керамикой (МБК-2). Справедливости ради надо сказать, что Л.И. Виногродская не выдвигала гипотез о влиянии новгород-северского гончарства на московское, а лишь указала на похожесть "подтреугольных" венчиков из этих двух городов. Но сама по себе эта аналогия ни о чем не говорит, поскольку подобное оформление края венчика было самым распространенным в разные эпохи на круговой посуде различных регионов Руси.

Итак, МБК-2 демонстрирует совершенно оригинальную традицию керамического производства, не имеющую ничего общего со всеми ранее господствовавшими в Москве. Тем самым, допуская мысль о производстве МБК-1 в Гжели, приходится исключать всякую возможность параллельного генезиса здесь же, на ограниченной территории лесного ополья, совершенно иной традиции (МБК-2).

Подобный вывод вовсе не создает тупиковой ситуации: ведь при полном отсутствии документальных свидетельств о доставке в Москву керамики из Гжели (Розенфельдт Р.Л., 1968, с. 44) существуют сведения о привозе ее – и именно в XVII в. – из Коломны. Еще М.Г. Рабинович обратил внимание на свидетельства архивных источников (Бахрушин С.В., 1952, с. 102) о ввозе в Москву коломенской глины, но решил, что под ней нужно понимать гжельскую глину, так как Гжель располагается "в направлении Коломны" (Рабинович М.Г., 1964, с. 158, 337), хотя это "направление" более чем приблизительно. О продаже в Москве "коломенских горшков" свидетельствуют документы XVII в. (Тверская Д.И., 1959, с. 54). Доставка горшков в столицу осуществлялась по р. Москве (отправка в Москву транспортов коломенскими гончарами зафиксирована источником 1652 г.) (Булгаков М.Б., 1983, с. 212)[8] на стругах – судах грузоподъемностью до 30 т. Струг с полезной площадью около 40 м^2 мог за один рейс перевезти в Москву 2-2.5 тыс. горшков средних размеров (при загрузке их только в 5 рядов). Реально же, видимо, доставлялось значительно большее количество эти сосудов. Расположение на берегу главного речного пути страны, удобство и дешевизна речных перевозок не только ставили Коломну в более выгодное положение по сравнению с Гжелью, но и способствовали распространению коломенской керамики по всему москворецкому и окскому бассейнам и даже в Поволжье. Неслучайно МБК-2 не известна к северу и западу от Москвы, но встречается в Казани и Астрахани (Цыбин М.В., 1988, с. 147).

Последний и важнейший аргумент в пользу существования в Коломенской округе производства МБК-2 – остатки горнов для обжига "белоглиня-

[7] Благодарю В.В. Судакова (Рязанский научно-производственный археологический центр) за консультацию и предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованными материалами из раскопок Переяславля-Рязанского.

[8] Пользуюсь случаем выразить свою глубокую благодарность научному сотруднику Краеведческого музея г. Коломны С.И. Самошину за любезно предоставленные материалы по историографии данного вопроса.

ной керамики XVI–XVII вв.", найденные, по свидетельству Р.Л. Розенфельдта, на правом берегу Оки, напротив Коломны, рядом с пос. Щурово (Археологическая карта..., 1997, с. 199). К сожалению, эти горны не были исследованы, не известно даже точное топографическое местоположение этого памятника, и потому до тех пор, пока не будут найдены новые памятники такого рода, гипотеза об изготовлении МБК-2 в районе Коломны не может считаться полностью доказанной. Однако уже сейчас имеются основания утверждать, что "коломенские горшки", упомянутые в архивных источниках, были именно белоглиняными, поскольку раскопки в этом городе показали, что белоглиняная керамика, морфотехнологически близкая МБК-2, была здесь самым распространенным типом кухонной посуды начиная со второй половины XV в.[9] Наличие в этом районе месторождений глин подтверждается бытованием здесь белоглиняной керамики еще в домонгольскую эпоху. Например, на городище Ростиславль (в 35 км выше Коломны по р. Оке) она составляла до 1/3 всей керамики в комплексах первой половины XIII в. (Коваль В.Ю., 1996, табл. 1). То, что эта керамика была не привозной, а производилась на месте, доказывается обнаруженным на посаде Ростиславля гончарным горном конца XII – начала XIII в. и находкой остатков гончарной глины из смеси белой и розовой глин.

Одним из контраргументов существования в Поочье производства белоглиняной керамики называют отсутствие здесь промышленных месторождений беложгущихся глин. Однако требования современной промышленности к объему месторождений и качеству глин несопоставимы с запросами средневековых гончаров. В частности, современная промышленность использует для производства белой керамики только каолиновые глины (сцементированные глиноземистые породы), которых в Поочье действительно нет. Но древнерусское гончарство (как и гончарство многих других стран в эпоху средневековья) предпочитало использовать более доступные и менее тугоплавкие лессовые глины, а также рыхлые известковые глины, имеющие белый цвет за счет насыщающих их карбонатных частиц. Среднее Поочье является районом, благоприятным для формирования таких глин, поскольку располагается на известняковой платформе (выходы известняков разрабатываются здесь многочисленными карьерами местной промышленности). Возможно, запасы известковых глин были здесь изначально невелики и оказались полностью исчерпанными еще в XVIII-XIX вв.

Вновь подчеркнем, что среди всех разновидностей керамики Руси XV–XVI в. прототипы МБК-2 отыскиваются только в Рязанско-Коломенском Поочье, причем по целому набору признаков. Именно здесь в XV в. получает широкое распространение традиция изготовления керамики из жирной белой или слабоожелезненной глины, обжигавшейся, как правило, в окислительном режиме. Венчики горшков формовались путем смещения "чернового края" внутрь сосуда, имели заостренный край и часто – тонкую канавку по внутренней стороне "чистового края" (рис. 3). Орнамент состоял из тонко прочерченных линий, размещенных на плечиках. Кроме Коломны, подобная керамика известна для XV в. в Ростиславле Рязанском (Коваль В.Ю., 1996, с. 110, рис. 9, *58, 59*) (рис. 2, *1, 2*), на селищах в окрестностях этого города (Коваль В.Ю., 1991, ил. 6,*1*; 13, *60–62, 64, 65*; 17, *103, 107*; 1992, ил. 48, *8–13*) и в Старой Рязани (Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995, табл. 21, *9*; 84, *4*)[10]. Поокская керамика XV в. имеет ряд отличий от МБК-2 XVII в., заключающихся в более низком уровне технологии формовки (сосуды изготавливались ленточным налепом с последующей обточкой на ручном гончарном круге, с подсыпкой под дно крупного песка) и более стройных пропорциях горшков (см. таблицу). Промежуточное звено между ними представляют горшки, найденные на городище Ростиславль, в Коломне и Переяславле-Рязанском в комплексах второй половины XVI – начала XVII в. (Коваль В.Ю., 1996, рис. 10, *62*, 63; Судаков В.В., 1986, с. 3, табл. 42, типы II, III) (рис. 1, *3, 4*), сформованные все еще ленточным налепом и орнаментированные только по венчику. Динамика эволюции представляется в следующем виде: по мере прогрессирования технологии формовки (от этапов 4–5 к этапу 7 РФК) происходило постепенное превращение относительно высоких горшков XV в. (рис. 2, *1, 2*) в горшки средних пропорций XVI в. (рис. 2, *3, 4*) и далее в приземистые горшки XVII в. (рис. 1, *4*). Неизменным признаком оставалось очень маленькое дно горшка. При этом явно прослеживалась тенденция к увеличению открытости горшка и уменьшению крутизны изгиба плечика (таблица). Горшки все больше начинали походить на своеобразные чаши.

В XVI в. днища горшков формовались уже без какой бы то ни было подсыпки, но при этом имели рельефную закраину, образующуюся в результате наплывания излишков глины на края подставки, установленной на круге. Зачастую на днищах таких горшков видны отпечатки пальцев гончаров. В XVII в. закраины на днищах горшков исчезают, поскольку днища тщательно заглажи-

[9] Выражаю свою глубокую благодарность руководителю Археологической службы г. Коломны А.Б. Мазурову за консультацию по этому вопросу и предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованным материалом.

[10] В публикации комплексы с такими горшками не выделены из состава домонгольских, однако датировать эти образцы керамики ранее XV в. нет никаких оснований, поэтому требуют пересмотра и даты самих комплексов.

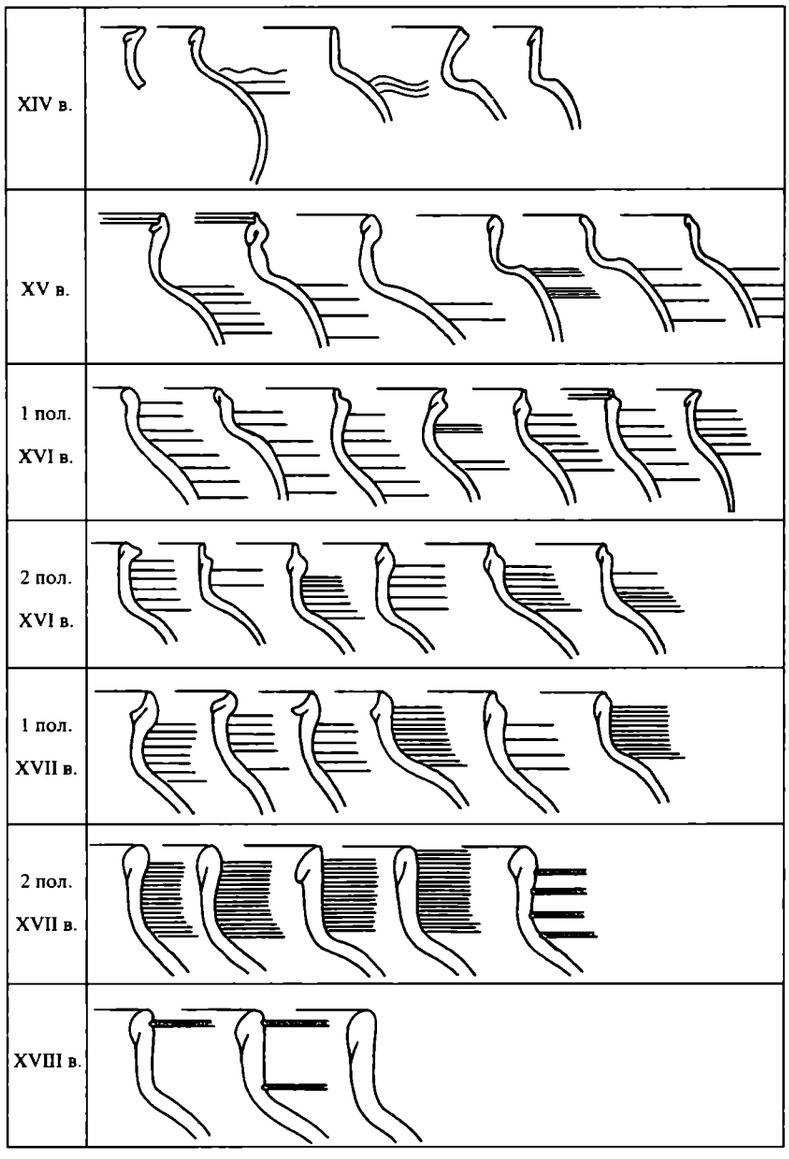

Рис. 3. Эволюционная схема развития форм венчиков поокско-коломенской белоглиняной керамики в XIV–XVIII вв. (в том числе МБК-2 XVII–XVIII вв.).

вались, так что всякие следы, указывавшие бы на способ, каким горшки снимались с круга, оказывались уничтоженными. Наконец, не ранее чем в конце XVII в. появляются горшки со следами среза с круга при помощи нитки или ножа.

В процессе развития венчиков горшков этого типа (рис. 3) в XV в. сформировался тип вертикального или слегка изогнутого венчика, край которого был либо заострен, либо смещен внутрь горшка. По внешней стороне обреза венчика обычно была заметна небольшая канавка технологического происхождения (рис. 2, *8*), а на внутренней его стороне – врезная линия, прочерченная инструментом. Орнамент располагался только на плечиках горшка и на венчик не заходил. На протяжении XVI в. венчики формовались с одной или двумя канавками, проходившими вдоль чистового края, который в результате становился заостренным (рис. 2, *9*). В декоре выявилась устойчивая тенденция заводить линейный орнамент с плечиков горшка на его венчик, причем уже с середины XVI в. этот орнамент стал занимать переходную зону от венчика к плечику, все более концентрируясь на венчике. В конце XVI – начале XVII в. канавка, проводившаяся по внешней стороне чистового края венчика, выродилась в еле заметное углубление, зато на внутренней стороне этого края появился глубокий и широкий желобок (рис. 2, *10, 11*). Орнамент к этому времени наносился уже только на венчик, лишь иногда заходя на переходную зону от венчика к плечику (рис. 3). К середине XVII в. форма венчика примитивизировалась до предела: край стал округлым, профилирующие желобки исчезли (рис. 2, *12*). Линейный орнамент наносится только на венчик, причем исключительно плотно и чаще всего – очень острым инструментом (ножом?). При этом широко использовалось и нанесение орнамента палоч-

кой с рабочим концом шириной 1–1.5 мм; в этом случае плотность орнаментации была меньше (в среднем 4–6 витков). В начале XVIII в. этот орнамент выродился в одну глубоко врезанную линию под самым краем. Иногда проводились две линии: одна – под краем венчика и вторая – у его основания. Основная масса горшков стала в это время полностью неорнаментированной (рис. 3).

Каковы же причины появления МБК-2 в Москве во второй половине XVI в. и ее доминирования с начала XVII в.? Первое событие синхронизируется со спадом производства московской красноглиняной посуды, вызвавшим к жизни распространение альтернативных типов керамики (и в первую очередь МБК-1). К тому же незадолго до этого к Московской Руси было присоединено Рязанское княжество (1520 г.), что заметно расширило экономические связи Москвы с Поочьем. Разорение Москвы и ее окрестностей в эпоху "смутного времени" (в начале XVII в.), видимо, привело к перерыву в снабжении московского рынка гжельской керамикой. Только возрождение ситуации дефицита бытовой посуды (подобно тому, как это произошло в третьей четверти XVI в.) было в состоянии привести к тому, что этот дефицит стал восполняться поставками поокской (коломенской) керамики. Запросы столичного рынка, в свою очередь, должны были стимулировать быстрое развитие в районе Коломны крупного промысла по изготовлению такого ходового товара, как кухонные горшки. Происшедшая в результате "смуты" частичная смена населения Москвы также должна была способствовать изменению запросов покупателей посуды. В дальнейшем (на протяжении XVII в.) московские гончары специализировались на производстве технологически сложной высококачественной (и соответственно дорогостоящей) столовой посуды (чернолощеной и поливной) и печных изразцов, предоставив провинциальным мастерским снабжение москвичей дешевой кухонной утварью. Произошло своеобразное "разделение гончарного труда". Не исключено, что в XVII–XVIII вв. Коломна поставляла в Москву горшки, а Гжель стала специализироваться на производстве кувшинов и корчаг прежних типов, которые продолжали поступать в это время в Москву.

В этой связи нельзя расценивать как случайное и появление в Москве красноглиняных, облицованных белым ангобом горшков, формы которых явно подражали горшкам МБК-2 (Розенфельдт Р.Л., 1968, табл. 4, *24*; 5, *1*). Такие горшки датируются обычно не позднее середины XVI в. (Розенфельдт Р.Л., 1968, с. 27), однако закрытые комплексы с твердыми датами, которые содержали бы такую керамику, не встречены. Исходя из имеющихся аналогий среди МБК-2, основную массу ангобированных горшков этого варианта следует датировать концом XVI – первой половиной XVII в. Местом их производства вполне могла быть московская Гончарная слобода в Заяузье. Во всяком случае по характеристикам формовочной массы эти сосуды идентичны красноглиняной керамике XV–XVI вв.

Остается проследить генезис МБК-2 в Среднем Поочье до XV в. В золотоордынскую эпоху (XIII–XIV вв.) традиция производства керамики из тонких формовочных масс не получила здесь широкого развития, хотя она и не была вовсе чужда гончарству данного региона (Коваль В.Ю., 1996, табл. 2; рис. 4, *23*; 5, *26;* 8, *53*). В XIV – первой половине XV в. основная масса керамической посуды в этих городах, а также в Переяславле-Рязанском и Коломне (Судаков В.В., 1986, табл. 42, типы IV, V; Мазуров А.Б., 1991, рис. 3, *5*) имела иной облик, наследуя местным домонгольским ТКП. Весьма вероятно, что формирование в Поочье ТКП сосудов из жирной белой глины происходило в результате синтеза местных навыков работы с красножгущимися (ожелезненными) глинами с привнесенной извне традицией использования высокопластичных (жирных) беложгущихся глин. Поиск истоков последней приводит к материальной культуре населения юго-западных окраин Рязанской земли, примыкающих к районам Верхнего и Среднего Подонья. В Пронске, например, керамика из белой глины практически без примесей бытовала в XIII–XIV вв. На ряде памятников XIII в. в районе Куликова поля белоглиняная керамика составляла более 95% (Гоняный М.И., 1990, с. 89). Ближайшее сходство прослеживается между поокскими горшками XV в. и керамикой второй половины XIII–XIV в. с территории Елецкого княжества, где горшки из беложгущейся глины с вертикальными венчиками составляли наиболее многочисленную группу (Тропин Н.А., 1996, с. 165, 166, рис. 3, *6–10, 19–23, 30–32*) (рис. 2, *6*). Во второй половине XIII–XIV в. Верхнее Подонье и территория Елецкого княжества были густо заселены, но после разорения Ельца Тимуром в 1395 г. и опустошительных татарских набегов 1414–1415 гг. этот город, да и все княжество, приходят в запустение. Последовавший отток населения должен был происходить скорее всего в Рязанскую землю, так как еще со второй половины XIV в. Елец оказался в зависимости от Рязани. Таким образом, подонская традиция керамического производства могла переместиться в начале XV в. в Рязанское Поочье вместе со своими носителями – гончарами и населением, привыкшим пользоваться их продукцией. Расширение применения формовочной массы из жирной глины без примесей в Поочье XV в. могло быть обусловлено не только синтезом различных керамических традиций, но и общим технологическим прогрессом. XV век стал поистине переломным рубежом в истории русского керамического производства, ведь именно в это время отмечается переход самых различных ТКП

на использование тонких формовочных масс – такой процесс прослеживается в Москве (начало производства "красноглиняной гладкой" керамики) и Смоленске (Сергина Т.В., 1994б, с. 68, 71).

Наряду с описанными выше двумя видами московской белоглиняной керамики следует выделить еще один, третий вид – МБК-3, отличающийся применением формовочной массы, составленной из глины чистого белого цвета с большой концентрацией мелкого песка (диаметр зерен от 0.1 до 0.5 мм). Поверхность таких сосудов шероховатая, мелкозернистая. Обжиг применялся окислительный и всегда полный. Первые образцы такой керамики появляются в Москве в XVII в. и представлены горшками, морфологически идентичными горшкам МБК-2. В XVIII-XIX вв. к этому виду относились горшки, кувшины и игрушки с росписью красной краской (Розенфельдт Р.Л., 1968, табл. 16, *17–29*). Место производства МБК-3 остается неизвестным. Сама же традиция производства керамики с росписью красной краской, несомненно, происходит с территории Украины, где такая керамика производилась в широких масштабах уже в XVII в. (Виногродська Л.І., 1988, с. 52).

Итак, средневековая керамика Москвы демонстрирует яркий пример товара, вызванного к жизни столичным рынком, притягивавшим производителей из разных концов огромного государства. Белоглиняная керамика, как оказалось, также стоит в ряду привнесенных (импортированных) традиций керамического производства – вместе с краснолощеной (волжско-булгарского происхождения), чернолощеной посудой и печными изразцами (западно-европейского происхождения).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологическая карта России. Московская область, 1977. Ч. 4. М.

Бахрушин С.В., 1952. Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI – начала XVII в. // Научные труды. Т. 1. М.

Беляев Л.А., 1991. Керамический комплекс из Коломенского и точно датированные сосуды из архитектурных сооружений // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М.

Беляева С.О., Кубишев А.І., 1995. Поселення Дніпровського Лівобережжя X–XV ст. Київ.

Беляева С.А., 1982. Южнорусские земли во второй половине XIII-XIV вв. Киев.

Булгаков М.Б., 1983. Торговое движение по Оксско-Московской речной системе в середине XVII в. // Промышленность и торговля в России XVII–XVIII вв. М.

Векслер А.Г., 1986. Отчет об археологических раскопках селища у с. Гжель, Раменского района Московской области в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11563.

Векслер А.Г., Кондрашов Л.В., Лагутин А.Б., 1996. Древние мостовые у начала улицы Ильинки в Москве. Предварительные итоги исследования // Тр. Музея истории города Москвы. Вып. 9.

Виногродська Л.І., 1988. До питання про хронологію середньовічної кераміки з Новгорода-Сіверського // Археологія. № 61.

Виногродская Л.И., 1990. Некоторые типы керамики Чернигово-Северской земли второй половины XIII–XV в. // Проблемы археологии Южной Руси. Киев.

Воеводский М.В., 1936. Глиняная посуда Москвы XVI–XVIII вв. по материалам, собранным при работах Метростроя // ИГАИМК. Вып. 132.

Гоняный М.И., 1990. Поселение древнерусского времени Монастырщина III на Верхнем Дону // Тр. ГИМ. Вып. 73.

Даркевич В.П., 1994. Усадьбы XVII века в Старой Рязани // РА. № 1.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.

Коваль В.Ю., 1991. Отчет об археологических разведках в Озерском районе Московской области в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16084.

Ковал В.Ю., 1992. Отчет об археологических разведках в Озерском районе Московской области в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17426.

Коваль В.Ю., 1996. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Тр. Музея истории города Москвы. Вып. 9.

Мазуров А.Б., 1991. Итоги работ 1990 года в Коломенском кремле // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород.

Малыгин П.Д., 1991. Типология и хронология новоторжской керамики XI–XIV вв. // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. М.

Московская керамика. Новые данные по хронологии, 1991. М.

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В., 1996. Елец и его округа – уникальная историческая территория России // Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк.

Рабинович М.Г., 1949. Московская керамика // МИА. № 12.

Рабинович М.Г., 1964. О древней Москве. М.

Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVII вв. // САИ. Вып. Е 1–39.

Сергина Т.В., 1994а. Опыт планиграфического исследования позднесредневековой городской керамики (по материалам раскопа УС–XI Смоленска) // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1993. Псков.

Сергина Т.В., 1994б. Керамика Смоленска XIII–XVII вв. (вопросы технологии и хронологии) // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1993. Псков.

Стрикалов И.Ю., 1998. Керамика Зарайска // Средневековый Зарайск. Зарайск.

Судаков В.В., 1986. Отчет об охранных раскопках в Кремле г. Рязани // Архив ИА РАН. Р-1. № 12119.

Тверская Д.И., 1959. Москва второй половины XVII века – центр складывающегося всероссийского рынка // Тр. ГИМ. Вып. 34.

Тропин Н.А., 1996. Древнерусское поселение XIII–XIV веков у села Аргамач-Пальна // Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк.

Фролов М.В., 1982. Отчет об археологических исследованиях на городище Гора Ивана Рыльского в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14855.

Фролов М.В., 1990. Отчет об археологических исследованиях на городище Гора Ивана Рыльского в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15551.

Цыбин М.В., 1988. Городище Ивницы // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж.

Чернов С.З., 1984. Отчет об археологических разведках в бассейне реки Вори в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11172.

Чернов С.З., 1988. Отчет Московской археологической экспедиции об археологических раскопках в г. Москве в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13154.

Чернов С.З., 1991. К хронологии московской керамики конца XV–XVI в. // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М.

Чернов С.З., 1992. Новые материалы по хронологии московской керамики второй половины XIII–XV в. из раскопок в районе древнего Радонежа // Древнерусская керамика. М.

Шитов В.Н., 1992. Старокадомское поселение // Древние поселения Примокшанья. Саранск.

White-clay Pottery in Medieval Moscow

V. Yu. Koval

Summary

The results of recent excavations in the territory of Moscow have provided the grounds for improvement of chrohology of a numerous pottery group – that one comprising late medieval vessels made of white clay. The early modifications of the pottery in question was introduced into every-day life of medieval Moscow at the turn of the 15th–16th centuries. Its occurrence should be connected with settling of potters' groups in the area of Gzhel (to the south-east from Moscow), those groups had migrated there from the Desna and Oka rivers' basins. These territories were included into the Russian state as a result of the war between Russian and Lithuania in 1487–1494. In the second half of the 16th century the discussed group of pottery became the leading variety of kitchen ware in the capital city. This was caused by the decrease of the Moscow potters' production observed after the economic destabilsation during John IV the Terrible reign, and devastation of Moscow in the course of the Crimean Tartars attack in 1571. Late variety of white-clay pottery dominated in Moscow since the early 17th century. As the region where it was manifactured the vicinities of Kolomna can be pointed to, this town being the second one in significance after Moscow itself in the Muscovite Russia. The tradition of producing the pottery in question was formed in the Oka basin within the territory from Kolomna to Ryazan in the 15th–16th centuries. Wide spread of this pottery group in Moscow should be considered in connection with the economic and demographic crises Russia underwent through as a result of the civil war and Polish intervention in the early 17th century.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 110–114

ЗАМЕТКИ

КНИДСКИЙ ОЙНОФОР ИЗ ХЕРСОНЕСА

© 2001 г. С. В. Дьячков*, Д. В. Журавлев**

*Харьковский национальный университет

**Государственный Исторический музей, Москва

В 1996 г. совместная экспедиция Харьковского госуниверситета и Национального заповедника "Херсонес Таврический" проводила исследования в северо-восточной части так называемой казармы, расположенной в Портовом районе Херсонесского городища у XVI куртины оборонительных стен и городских ворот. В частности, велись раскопки слоев 2 и 3 на месте помещения 36-В средневековой усадьбы VII. Они перекрывали неглубокую цистерну (ванную?), расположенную в центре помещения и, вероятно, входившую в состав большого производственно-хозяйственного комплекса, функционировавшего в римский период строительной истории казармы (I–III вв. н.э.). Эти слои возникли в результате порционной нивелирующей засыпи помещения во время локальной перестройки казармы в последней четверти VI в. н.э.

Характер находок в слоях 2 и 3 типичен для мусорных строительных засыпей Херсонеса Таврического ранневизантийского времени. Среди находок преобладали фрагменты амфор I–VI вв., а также изрядно измельченные обломки столовой краснолаковой керамики этого же времени. Основной массив керамических находок составили обломки амфор следующих типов: светлоглиняных узкогорлые амфоры типов C и D по классификации Д.Б. Шелова (1978); амфоры римского времени типов 69, 73, 75, 84, 86, 90 по И.Б. Зеест (1960), амфоры типа Делакеу (Абрамов А.П., 1993, тип. 7.1; 7.2), светлоглиняные амфоры типа Газа (Романчук А.И. и др., 1995, с. 21, тип. 1), стенки амфор с рифлением типа "набегающей волны" (Сазонов А.В., 1992).

Краснолаковая керамика представлена в основном незначительными фрагментами сосудов понтийской сигиллаты и восточной сигиллаты B различных типов I–II вв.; обломки мисок типа "поздний римский C", форма 1 (Hayes J.W., 1972); обломки блюд, относящихся к группе Pontic Red Slip Ware (по терминологии K. Домжальского) конца IV–V вв. Кроме того, зафиксированы обломки краснолаковых кувшинов II–IV вв., ойнохоевидных сосудов II–IV вв., а также фрагменты светильников. Найдено 33 медных монеты, из которых удалось атрибутировать 24. Среди них наиболее многочисленную и позднюю группу составляли 13 монет Константина Великого и его сыновей (307–361 гг.).

В засыпи были найдены фрагменты краснолакового ойнофора, украшенного изображениями в высоком рельефе (рис. 1; 2). В настоящее время фрагменты хранятся в фондах Национального заповедника "Херсонес Таврический" (Инв. № 17 (1–2), 37294).

Ойнофор имел цилиндрическую форму, горло сужалось. Первый фрагмент, склеенный из пяти обломков, представляет собой нижнюю часть сосуда (дно фрагментировано) размерами 17 × 7.9 см. На фрагменте представлена виноградная лоза с тремя гроздьями винограда, справа от нее – нижняя часть задрапированной женской фигуры, по всей видимости, менады. Второй фрагмент (от средней части того же сосуда) размерами 10.2 × 5.9 см изображает две стоящие мужские фигуры. Центральная фигура (Дионис?) расположена анфас, левое плечо и нижняя часть тела изящно задрапированы плащом, остальная часть тела обнажена. Волосы длинными локонами спадают на плечи. Голова украшена замысловатыми узором и сложной прической. Вторая фигура – обнаженный мужчина – изображена в профиль, голова повернута в сторону первого персонажа и украшена венком, левая рука согнута в локте (?). Оба мужчины обнимают друг друга за плечи. Над головами мужчин – гроздь винограда. В рельефе акцентируется внимание на хорошо развитой грудной клетке. В обоих случаях мужские половые органы обнажены. Черты лица мужчин близки негроидным.

Поверхность обоих фрагментов сильно затерта, лак практически стерт (в древности он был красного цвета (2.5 YR 3/1)[1]. На груди у первой мужской фигуры на лаке отпечаток пальца гончара. Сосуд изготовлен из плотной глины, из-за обжига двуслойной: снаружи глина темно-коричневая (7.5 YR 5/4–4/4), изнутри – серо-коричневая (2.5 Y 3/1), с незначительными известковыми включениями. Сосуд не отличается высоким качеством выделки: внутренняя поверхность плохо заглажена, черты лица слабо проработаны, одна-

Заметка подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках программы "Краснолаковая керамика в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – III в. н.э." (код проекта 96-01-00397).

[1] Цвета глины и лака указаны по цветовым таблицам (Munsell Soil Color Charts. New York, 1992).

Рис. 1. Ойнофор из Херсонеса.

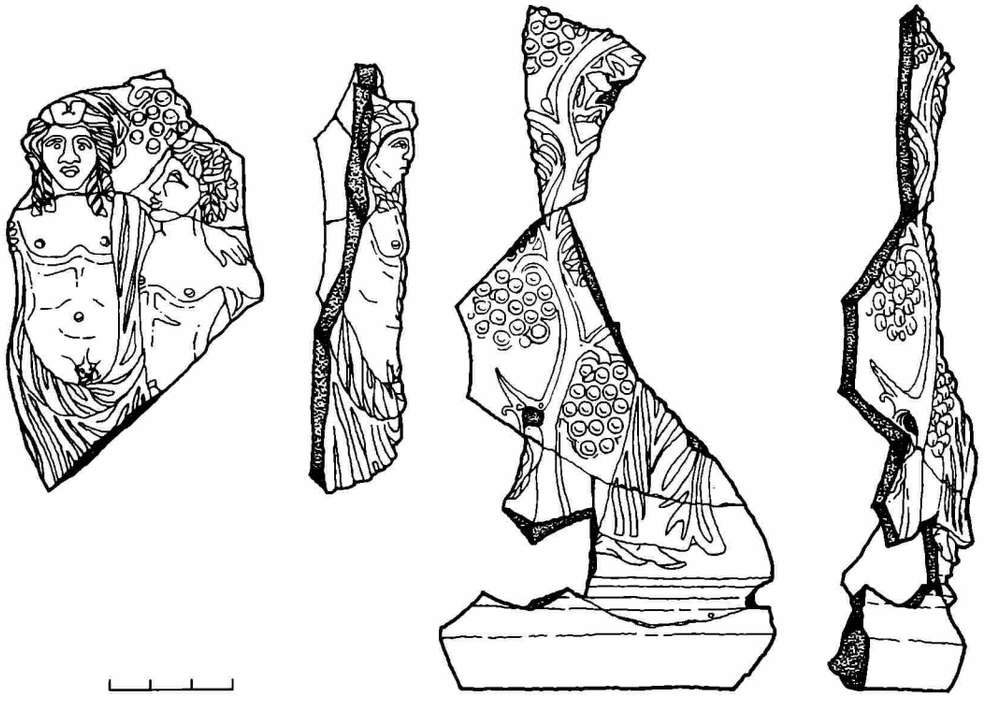

Рис. 2. Ойнофор из Херсонеса.

Рис. 3. Ойнофоры: *1* – Пантикапей (по: Античные государства..., 1984); *2–3* – Британский музей (по: Hayes J.W., 1997); *4–6* – Tulcea (Румыния) (по: Mandel U., 1988).

ко отдельные мелкие детали (мускулатура, гениталии) выполнены достаточно тщательно.

Сосуд относится к изделиям книдского производства, о чем убедительно свидетельствует не только его форма и характер рельефов, но и глина. Подобные ойнофоры были широко распространены в городах Средиземноморья (Bailey D., 1979, p. 257; Kenrick P.M., 1985, B484, B485, fig. 61; Mandel U., 1988 и др.). В отечественной литературе существует лишь одна обобщающая работа, посвященная книдскому керамическому импорту в Северном Причерноморье, вышедшая 40 лет назад, но не потерявшая научного значения до сих пор (Ваулина М.П., 1959), а также ряд отдельных публикаций. Наиболее подробное на настоящее время исследование, посвященное пергамским и книдским рельефным сосудам римского времени и иконографии рельефов на них, было опубликовано У. Мандел (Mandel U., 1988).

Круг аналогий публикуемому сосуду достаточно широк. Практически идентичная сцена (рис. 3, *5*) изображена на сосуде из Tulcea (Румыния) (Mandel U., 1988, K6). Публикуемый нами ойнофор стилистически близок целой серии сосудов с дионисийскими сценами. Так, например, на сосуде Британского музея (рис. 3, *2, 3*) голова сатира, обнимающего ме-

наду, практически идентична херсонесской (Bailey D., 1979, p. 267; pl. Ib; Hayes J.W., 1972, pl. XXIIa; 1997, pl. 26). Близка нашей и фигура Диониса на кувшине из Эльтигена, хранящемся в Эрмитаже (Ваулина М.П., 1959, рис. 6). На этом кувшине Дионис изображен стоящим в венке из плюща, нижняя часть тела задрапирована. Правой рукой он касается головы, левой придерживает виноградную лозу.[2] Говорить об аналогиях второму сюжету с нижней частью задрапированной фигуры не приходится ввиду его крайне плохой сохранности. Как уже отмечалось выше, это, очевидно, менада, возможно, близкая изображению на эрмитажной амфоре из Книда (Ваулина М.П., 1959, с. 75, рис. 4).

Стилистические особенности виноградной лозы в книдском керамическом производстве и ее близость к изображениям на книдских монетах уже были подробно описаны М.П. Ваулиной, поэтому нет необходимости останавливаться на этом подробно.

Отметим лишь, что виноградная лоза близка на всех типах книдских фигурных сосудов. Так, например, очень близкое изображение лозы присутствует на плечиках рельефных лагиносов (Salomonson J.W., 1980, Taf. 1–4, 10, 11 и т.п.).

В целом массовое производство книдской рельефной керамики продолжалось порядка полутора столетий – с конца I по начало III вв. н.э. (Bailey D., 1979, p. 257) подробнее о книдской керамике см.: Bailey D., 1973)[3]. Как известно, ранее подобные ойнофоры относились к концу II–III в. н.э. Сосуды близкой формы производились также в мастерских Северной Африки, а в конце III – начале IV в. н.э. – в Пергаме и Афинах (см. напр.: Hayes J.W., 1972, p. 412). В последнее время появился ряд новых данных, которые позволяют несколько удревнить данный тип сосудов. Большинство аналогичных ойнофоров из Восточного Средиземноморья датируются II в. н.э.[4], равно как и бóльшая часть книдского керамического импорта в Северном Причерноморье. Подавляющее число книдских сосудов, известных сейчас в науке, происходит не из комплексов, а в лучшем случае из имеющих широкую дату слоев городищ. К сожалению, характер нашего комплекса не может помочь датировке ойнофора. В связи с этим мы вынуждены датировать его по аналогиям II в. н.э., возможно – до начала III в. н.э.

Можно с достаточным основанием утверждать, что продукция книдских керамических мастерских поставлялась в Северное Причерноморье в большом количестве. Среди основных форм, поставлявшихся в этот регион, были лагиносы с рельефно украшенным туловом, патеры с ручками в виде головок баранов (очевидно, некоторые сосуды, имеющие ту же форму, являются понтийскими имитациями книдской продукции), ойнофоры, близкие публикуемому нами, кувшины и столовые амфоры. Ряд фигурных сосудов, например в виде барана (см. сводку: Сорокина Н.П., 1997, рис. 18, 19), по крайней мере часть из них, также проводился в книдских мастерских.

Немало книдских сосудов происходит из Херсонеса и его округи, а также из позднескифских памятников Крыма. Находки зафиксированы в некрополе Неаполя Скифского, Битакском могильнике, Алма Кермене (Дашевская О.Д., 1991, табл. 33, *7, 8*), Бельбеке IV (Гущина И.И., Сорокина Н.П., 1995; Гущина И.И., Журавлев Д.В., 1996, рис. 1; Сорокина Н.П., 1997, № 13; Treister M.Yu., 1994), а также в могильнике Совхоз 10 (Севастопольский).[5] Известен книдский импорт и на Боспоре. Так, сосуд из Пантикапея, опубликованный в "Античных государствах Северного Причерноморья" (1984, табл. CXLV, *2*), необоснованно датирован "эллинистической эпохой". На самом деле это также книдский ойнофор римского времени, представляющий эротическую сцену (рис. 3, *1*).

Публикуемый нами ойнофор с рельефной сценой Дионисийского круга лишний раз свидетельствует о массовости книдского импорта в Северном Причерноморье. Хочется еще раз подчеркнуть необходимость скорейшей публикации столовой посуды римского времени из причерноморских памятников, если мы хотим в обозримом будущем иметь достоверную картину распространения керамики хотя бы основных средиземноморских и понтийских керамических центров на огромных просторах черноморского побережья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов А.П., 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. Вып. 3. М.

Античные государства Северного Причерноморья. 1984. М.

Ваулина М.П., 1959. К истории торговых отношений Северного Причерноморья с Книдом // СА. № 1.

Гущина И.И., Журавлев Д.В., 1996. Римский импорт из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Тез. докл. отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологичес-

[2] Сцены, связанные с Дионисом, были очень популярны в книдском керамическом производстве. См.: Mandel U., 1988; Dimitrova-Milčeva A., 1990.

[3] Для того чтобы избежать большого историографического очерка, отсылаем читателя к соответствующим разделам работ Д. Бейли и У. Мандел (Bailey D., 1979, P. 257; Mandel U., 1988).

[4] Благодарим д-ра У. Мандел (Франкфурт-на-Майне) за консультацию. На эту тему У. Мандел был также прочитан доклад на конгрессе RCRF в сентябре 1998 г. в Эфесе (Турция).

[5] Приносим благодарность сотрудникам фондов Национального заповедника "Херсонес Таврический" за любезное разрешение ознакомиться с находками из могильника.

ких исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М.

Гущина И.И., Сорокина Н.П., 1995. Фигурный кувшин-лагинос из могильника Бельбек IV в Крыму // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Тр. ГИМ. Вып. 87.

Дашевская О.Д., 1991. Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. 1–7.

Зеест И.Б., 1960. Керамическая тара Боспора // МИА. № 83.

Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В., 1995. Амфоры из комплексов Византийского Херсона. Екатеринбург.

Сазанов А.В., 1992. Світлогляняні амфори з рифленням типу набігаючої хвили (IV–VII ст. н.е.) // Археологія. № 1.

Сорокина Н.П., 1997. Религия и коропластика в античности. М.

Шелов Д.Б., 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры // КСИА. 156.

Bailey D., 1973. Cnidian relief ware vases and fragments in the British Museum. Pt. 1. Lagynoi and Head-Cups // RCRF Acta XIV/XV.

Bailey D., 1979. Cnidian relief ware vases and fragments in the British Museum. Pt. 2. Oinophoroi and Jugs // RCRF Acta XIX/XX.

Dimitrova-Milceva A., 1990. Dionysos auf Reliefkeramik aus Thrakien und Mosien // RCRF Acta XXVII/XXVIII.

Hayes J.W., 1972. Late Roman Pottery. London.

Hayes J.W., 1997. Handbook of Mediterranean Roman Pottery. London.

Kenrick P.M., 1985. The Fine Pottery, Excavations at Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice). V. III. P. 1. Tripoli.

Mandel U., 1988. Kleinasiatische Reliefkeramik der mittleren Kaiserzeit: die "Oinophorengruppe" und Verwandtes // PF. Bd. 5.

Salomonson J.W. 1980. Der Trunkenbolb und die Trunkene Alte: Untersuchungen zur Herkunft, Bedeutung und Wanderung einigen plastischer Gefasstypen der römischen Kaiserzeit // BABesch 55 (1).

Treister M.Yu., 1994. New Fing of a Relief Lagynos from Asia Minor in South-West Crimia // Colloquenda Pontica. Bd. 1.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 115–116

ЗАМЕТКИ

НАХОДКА КАМЕННОЙ ИКОНКИ "ГРОБ ГОСПОДЕНЬ" НА СТАРОМ ГОСТИНОМ ДВОРЕ В МОСКВЕ

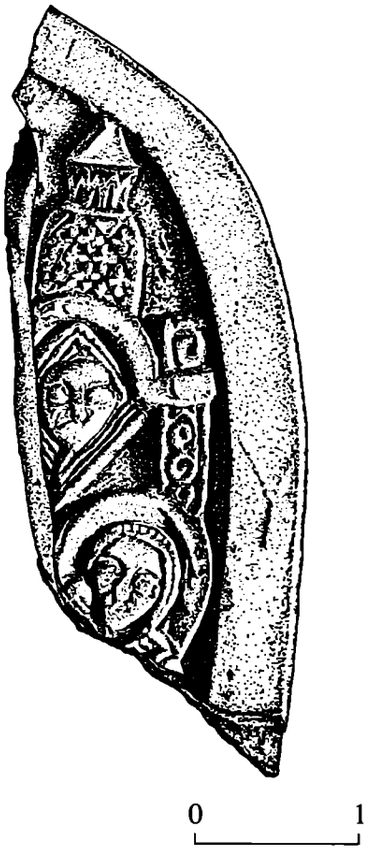
© 2001 г. А. Г. Векслер

Центр археологических исследований, Москва

При охранных археологических раскопках на Старом Гостином дворе в московском Китай-городе в 1998 г. был обнаружен крупный фрагмент каменной иконки с сюжетом "Гроб Господень". Находка сделана в северо-западной зоне внутридворового пространства, на территории, прилегающей к Ильинке, – древней Дмитриевской улице. Условия обнаружения в горизонте предматериковой темно-серой супеси, в заполнении заглубленной канавки у дренажной бочки позволяют стратиграфически датировать иконку второй половиной XV в.[1]

Односторонняя иконка резана в невысоком рельефе на темно-сером глинистом сланце и имеет толщину до 8 мм (рисунок). На неполно сохранившейся правой стороне с закругленным верхом отчетливо прослеживается фрагмент композиции сюжета "Гроб Господень" в плоской рамке шириной около 5 мм. В верхней части композиции – изображение одноглавого с коническим завершением храма. Глава башни помещена на барабане. Судя по расположению храма у самого края иконки, он являлся, соответственно многим аналогичным изображениям, правой частью трехчленного кувуклия. Архитектурное сооружение опирается на дугообразную арку, которая соединена с мощным столбом (колонной). Все архитектурные элементы в композиции покрыты орнаментом: на массиве башни-храма помимо зигзага на барабане тончайшим острием нанесены косые полосы с внутренней плетенкой. Столб украшен более крупным узором в виде завитков растительных побегов. Чрезвычайный интерес представляют лица, изображенные в фас. Верхнее из них, помещенное под дугой, обрамлено ромбом, причем каждую его сторону составляют три тонкие линии, что стилистически напоминает изредка встречающуюся изобразительную символику херувимов. Ниже ромба, под колонной в обрамлении нимба, изображено женское лицо с покрытой головой, которое, как представляется по аналогиям, могло принадлежать Богородице. Пластика овального лица чрезвычайно выразительна, большие выпуклые глаза даны с двойной окантовкой век. Общее решение композиции, несмотря на фрагментарность сюжета, позволяет судить о высоком профессиональном мастерстве художника-резчика, причем ювелирная тщательность в отделке характерна именно для Москвы и отнюдь не свойственна для новгородских мастеров (Николаева Т.В., 1983, с. 40; Рындина А.В., 1978, с. 118, 119).

Находка сделана на Большом Посаде Москвы, в зоне, непосредственное освоение которой, судя по археологическим материалам, относится к XII–XIII вв., а в XV в. документы отмечают здесь у самого Торга (упомянут в 1434 г.) "дворы гостиные" (Векслер А.Г., 1997, с. 25, 27). Сюжет "Гроб Господень" исследователи справедливо связывают с хождениями в Святую землю, знакомством там с главной святыней Иерусалима – храмом

Фрагмент каменной иконки "Гроб Господень".

[1] Шифр: Москва, Старый Гостиный двор – 1998, раскоп 1-а; кв. 63, гл. 408 см, пол. № 322.

Гроба Господня и последующим сооружением на Руси храмов Жен Мироносиц (Николаева Т.В., 1960, с. 33–35). Известно, что иконкам "Гроб Господень" придавалось значение исцеления от недугов, чем и объясняется их особая популярность (Порфиридов Н.Г., 1972, с. 206).

Каменные иконки работы московских резчиков XIII–XV вв. представлены великолепными образцами, находящимися в ризнице Троице-Сергиевой лавры, в Государственном Историческом музее, в Государственных музеях Московского Кремля, а также в ряде частных собраний. Случайные находки иконок в Москве дважды отмечены и при земляных работах: в Кремле при закладке котлована в зоне кладбища Чудова монастыря (сюжеты Собора архангелов Михаила и Гавриила, XIII в.) и на территории города (точное место неизвестно) (Никита воин, XIV в.) (Николаева Т.В., 1983, с. 119, № 276; с. 133, № 322). При стационарных археологических исследованиях в Москве каменная иконка встречена впервые и характеризует высокое мастерство резчика. Композиция сюжета, несомненно, оригинальна, а по технике резьбы и стилистическим особенностям уникальную московскую иконку великокняжеского периода с изображением "Гроба Господня" можно сравнивать с памятниками таких древних центров русской культуры, как Киев, Новгород, Ярославль, Владимир, Суздаль (Николаева Т.В., 1968, с. 11). В ранней пластике этих центров сюжет "Гроба Господня" был широко распространен. В дальнейшем эти традиции унаследовала и развила Москва.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Векслер А.Г., 1997. Гостиный двор и уникальные клады XVII в. // СА. № 1.

Николаева Т.В., 1960. Произведения мелкой пластики XIII–XVII вв. в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск.

Николаева Т.В., 1968. Древнерусская мелкая пластика XI–XVI вв. М.

Николаева Т.В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. // САИ. Вып. Е1-60.

Порфиридов Н.Г., 1972. Древнерусская мелкая пластика и ее сюжеты // СА. № 3.

Рындина А.В., 1978. Древнерусская мелкая пластика. Новгород и Центральная Русь XIV–XV вв. М.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 117–124

ИСТОРИЯ НАУКИ

ДНЕВНИКИ В. А. ШИШКИНА В АРХИВЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ВОСТОКА

© 2001 г. Т. Г. Алпаткина

Государственный музей Востока, Москва

В 90-х годах XX в. с началом работ нескольких международных экспедиций археологическая наука в Средней Азии получила дальнейшее развитие. Эти работы привлекли внимание исследователей к проблемам зарубежной историографии Средней Азии середины XIX – начала XX века (Горшенина С.М., 1996, с. 69–77; 1999, с. 130–147; Литвинский Б.А., 1999, с. 147–155) и, кроме того, позволили вновь оценить значение русской исторической школы и роль ученых, заложивших основы археологического исследования Средней Азии (Логинов С.Д., 1996, с. 166–170; Юсупов Х., Ляпин А.А., 1996, с. 141–161; Ставинский Б.Я., 1996; Стрелкова В.Е., в печати). Так, работы Французско-Узбекской археологической миссии[1] на городище древнего Самарканда – Афрасиабе и в его окрестностях заставили нас обратиться к научному наследию В.А. Шишкина, организатора и руководителя первой археологической экспедиции на Афрасиабе, исследовавшего и многие другие памятники истории Узбекистана.

Василий Афанасьевич Шишкин (1894–1966 гг.) занимает достойное место в плеяде ученых, стоявших у истоков среднеазиатской исторической науки[2]. Его деятельность связана с именем неизвестных археологов и востоковедов, среди которых В.Л. Вяткин, А.И. Тереножкин, А.Ю. Якубовский, Я. Гулямов, К.В. Тревер, И.А. Орбели, Б.Я. Ставиский, Г.А. Пугаченкова, Л.И. Ремпель, Л.И. Альбаум, А.М. Беленицкий, В.А. Лившиц, Е.А. Давидович, В.А. Нильсен, чьи работы открыли для науки много неизвестных страниц истории Средней Азии.

Работая в составе Среднеазиатского комитета охраны памятников старины и искусства (Средазкомстарис)[3] с 1926 г., с 1940 г. в Узбекском филиале АН СССР, а с 1944 г. – в Институте истории и археологии АН Узбекистана, В.А. Шишкин внес значительный вклад в дело изучения и сохранения памятников истории и архитектуры Средней Азии. Под его руководством на территории Бухарского и Самаркандского Согда действовали многолетние экспедиции, в ходе работ которых был сделан ряд выдающихся археологических открытий, получивших мировое признание.

Имя Василия Афанасьевича Шишкина чаще всего связывают с открытием загородного дворца правителей Бухары на городище Варахша (раскопки дворца в 1930–1950-х годах дали науке уникальные настенные росписи и ганчевый архитектурный декор) и с открытием в 1965 г. замечательного памятника художественной культуры Средней Азии – росписей Афрасиаба.

История этих открытий, как и другие исследования В.А. Шишкина, отражены более чем в 80 его публикациях с 1925 по 1969 г.: это отчеты о работах экспедиций, доклады на научных конференциях, статьи в археологических сборниках и периодических изданиях Академии Наук Узбекистана и Государственного Эрмитажа, а также обобщающие труды по истории и искусству народов Средней Азии. Наиболее значительным трудом его многолетней деятельности по изучению Бухарского оазиса стало издание книги "Варахша" (1963).

Но научное наследие В.А. Шишкина – это не только его опубликованные работы. Существует большой архив ученого, оценить значение которого с учетом последних достижений мировой исторической науки – дело огромной важности.

Семнадцать дневников В.А. Шишкина хранятся в архиве Государственного музея Востока (ГМВ) в Москве[4]. Это рабочие тетради, так называемые полевые дневники, которые Василий Афанасьевич вел во время экспедиций. Практически ежедневные записи в дневниках отражают немалый объем работы, проделанной за день, включая подробное описание раскопок, руководство экспедицией, контакты с властями и научной общественностью, а также массу мелких дел, неизбежных в повседневной работе. Одновременно фиксируются все возникающие научные мысли, идеи, спорные вопросы; можно проследить их

[1] Миссия организована в 1989 г. П. Бернаром, руководители – Ф. Грене, М. Исамиддинов. О работе миссии см., например: Fouilles de la Mission..., 1990; 1992; Bernard P., 1996, p. 331–365.

[2] О нем см.: Лунин Б.В., 1965, с. 5–16; 1967, с. 301; Садыков А. и др., 1966, с. 58, 59; Кучкаров Т., 1974, с. 3–8.

[3] В 1933–1940 гг. – Узбекистанский комитет охраны памятников старины и искусства (Узкомстарис).

[4] В фонде Г.В. Шишкиной в архиве ГМВ кроме полевых дневников отца хранятся рукописи его опубликованных, неопубликованных и незавершенных работ; фотографии, чертежи раскопок, рисунки, научная переписка с организациями и отдельными лицами.

проработку, часто с привлечением письменных и археологических данных. Это задел будущих статей и книг ученого, хотя многое так и осталось на страницах дневников и в рукописях: Василий Афанасьевич публиковал только хорошо обдуманный и тщательно обработанный материал. Так, из дневников последних лет его жизни видно, что к началу 1970-х годов могла появиться большая книга по истории Самаркандского Согда.

Семь из семнадцати дневников содержат сведения о работах Зарафшанской археологической экспедиции на территории Бухарского Согда в 1934–1940, 1947, 1949–1950 и 1952–1953 гг. (Архив ГМВ, Ф. I, Опись № 5, "Фонд Г.В. Шишкиной" (далее – ГВ), ед. хр. 15/24, 17/39, 18/40, 19/41, 20, 21/48, 22/51); в тетради 1944 г. – выписки из письменных источников, касающиеся истории орошения Бухарского оазиса (ГВ 16/25); в девяти тетрадях 1957–1965 гг. отражена работа по изучению городища Афрасиаб и округи Самарканда (ГВ 23/60, 251/61, 252/62, 24/63, 253/65, 25/73, 26/74, 254/75, 27/77).

В "Бухарских" дневниках отражено несколько направлений деятельности руководимой Василием Афанасьевичем Зарафшанской экспедиции: 1) наблюдения за реставрационными работами в Бухаре по поручению Узкомстариса (мавзолей Исмаила Самани, мечети Калян и Магоки-Аттари, медресе Улугбека, Мири-Араб и другие памятники) и собственные раскопки на мавзолее Саманидов; 2) исследование земель древнего орошения Бухарского оазиса; 3) раскопки на городище Варахша и изучение его округи.

Ремонтно-реставрационные работы в Бухаре проводились В.А. Шишкиным в сотрудничестве с одним из организаторов реставрационного дела в Узбекистане, крупным историком архитектуры Б.Н. Засыпкиным (ГВ 17/39, лл. 1–4). В 1938 г. В.А. Шишкин "...**решил взяться, по просьбе Б.Н. Засыпкина и Бухкомстариса за раскопки на мавзолее Исмаила Самани**" (ГВ 18/40, лл. 1–3, 40; о раскопках см.: там же, лл. 40–52)[5].

Эти раскопки были начаты в связи с ремонтом мавзолея и необходимостью архитектурного оформления площадки вокруг него. В.А. Шишкиным было вскрыто большое здание к югу от мавзолея. Василий Афанасьевич пробует связать его "**с известием Наршахи о саманидских дворцах на Регистане**" и ставит вопрос: "**Не мог ли быть самый мавзолей возведен на территории или в непосредственной близости к дворцу, в котором жил тот Саманид, для которого построен дворец?**" (ГВ 18/40, лл. 43, 47)[6].

Отчет о работах на мавзолее Саманидов осенью 1938 г. завершается замечанием, которое для археологов, к сожалению, остается актуальным и сейчас: "**Конечно, еще много нужно было бы дообследовать, чтобы уяснить себе полнее картину сложения наслоений архитектурных сооружений, но времени нет, и денег нет**" (ГВ 18/40, л. 47).

Позднее Василий Афанасьевич писал об этом периоде сложения среднеазиатской археологии: "Вторая половина 30-х годов ознаменовалась значительным оживлением, организацией ряда экспедиций. Началось интенсивное накопление материала, получаемого... коллективами научных работников.

...Археология... отказывается от проведения раскопок с целью простого коллекционирования. Постановка тех или иных археологических работ, как правило, тесно увязывается с необходимостью решения больших исторических проблем" (Шишкин В.А., 1969а, с. 110–111).

Именно так была организована деятельность Зарафшанской археологической экспедиции под руководством В.А. Шишкина. Трудно переоценить значение исследований экспедиции в Бухарском оазисе для решения многих вопросов социально-экономической истории бухарского Согда. Так, в 1938 г. ставилась задача "**...установить более или менее надежную, хотя бы и относительную хронологию заселения и опустения отдельных частей древней населенной полосы пустыни**" (ГВ 17/39, л. 86). Огромное внимание уделялось изучению ирригации Бухарского оазиса. Для выявления отдельных каналов и целых оросительных систем Василий Афанасьевич широко привлекал данные письменных источников[7].

Имеющиеся в нашем распоряжении дневники содержат сведения о более чем 100 обследованных в Бухарском оазисе археологических объектах. Ежедневные записи показывают кропотливую работу ученого по восстановлению исторической топографии местности: это изучение письменных источников, установление местонахождения древних поселений, выяснение древнейшего пласта их названий и, если это представлялось возможным, идентификация с топонимами письменных источников[8].

[5] За два года до начала раскопок был опубликован очерк "Архитектурные памятники Бухары" (Шишкин В.А., 1936), который стал результатом многолетней деятельности Василия Афанасьевича по изучению и сохранению исторических памятников города (ГВ 19/41, с. 3–5).

[6] О раскопках мавзолея Саманидов см.: Хмельницкий С., 1992, с. 78–81.

[7] В тетради 1944 г. (ГВ 16/25) содержатся выписки из "Истории Бухары" М. Наршахи и "Истории орошения Туркестана" В.В. Бартольда.

[8] Эти данные исследований В.А. Шишкина в середине 1980-х гг. легли в основу работ Бухарской археологической экспедиции Института истории АН УзССР по оставлению Свода археологических памятников республики (Археологические работы..., 1990, с. 141, 142).

Например, в 1934 г. Бухарская археологическая экспедиция (руководитель В.А. Шишкин) и экспедиция Государственного Эрмитажа (руководитель А.Ю. Якубовский) проводили совместные работы в Бухарском оазисе, в том числе исследовали городище Шахри-Вайрон[9], которые А.Ю. Якубовский отождествлял с древним Таваисом, описанным в "Истории Бухары" М. Наршахи. Изучение этого городища показательно и в плане постановки уже в 1930-е гг. вопросов возникновения, внутренней структуры и динамики развития среднеазиатского города в средние века, остающихся актуальными до настоящего времени.

"22–23 мая [1934 г.] были заняты изучением городища Шахри-Вайрон..., второй станцией по пути из Бухары в Самарканд. Развалины города оказались весьма импозантны и интересны.

...Город был окружен массивной стеной, сохранившейся теперь в виде мощного вала высотой до 7.5 м... Судя по мощности вала, стена была некогда значительно выше, чем ее остатки теперь. Ширина стены вверху... равняется 6-ти метрам.

...Внутри первой стены находится вторая почти такой же вышины, составляющая также четырехугольник... Стена эта также имеет вид довольно крутого вала, прекрасно сохранившегося со всех сторон...

"Третья стена внутри четырехугольника второй стены также идет параллельно и на равном расстоянии по отношению к ней. На этой стене... прослеживаются выступы... от бывших здесь башен.

Наконец, внутри этой стены имеются развалины самого замка-дворца... Таковы в общих чертах основные части городища. Поражает правильность планировки, четкость композиции и огромное количество потребовавшейся для возведения этого сооружения рабочей силы" (ГВ 15/24, лл. 7–8).

Дальнейшие исследования городища подтвердили предложенную еще В.В. Бартольдом схему деления домусульманского города: цитадель (кухендиз), собственно город (шахристан) и пригород-рабад.

"Интересен вопрос: что представляло собою пространство внутри этих вторых стен, вокруг стены кухендиза? АЮ [Якубовский][10], кажется, склонен рассматривать его... как часть кухендиза. Я также присоединялся к нему, основываясь на том, что это пространство слишком незначительно для помещения в нем довольно крупного города, каким был по историческим известиям Таваис... Другое основание – известие Наршахи о том, что в Таваисе был кухендиз и шахристан, без упоминания о рабаде.

...Но теперь меня гложет червь сомнения:

1. Известие Наршахи относится к его времени, а город, возможно, существовал дальше, т.к. его исчезновение фиксируется по Бартольду только в 15 веке, т.о., город мог успеть обзавестись и рабадом.

2. ...Шахристаны бывали и меньше того пространства, которое находится между второй стеной и стеной замка.

3. Очень правильная планировка этого пространства объясняется в свете взглядов самого АЮ на роль и значение шахристана в домусульманскую и раннемусульманскую эпоху как места жительства... челяди и рабов дихкана, не имеющем еще значения феодального города. Раз это так, совсем не обязательна стихийность возникновения и роста шахристана.

4. По тем же историческим сведениям, живший в Таваисе дихкан, может быть, очень богатый и сильный, но отнюдь не стоящий наравне с дихканами-правителями Самарканда, Варданы, Рамитана и т.д., вряд ли мог иметь такой огромный замок, какой мы видим здесь при предположении, что шахристан находился в другом месте. Для целого комплекса: замка, города и крепости – размеры городища гораздо боле понятны.

5. Ежегодные ярмарки, происходившие, по Наршахи, в Таваисе, совершались, конечно, не в пределах этого городища, где не оставалось сколько-нибудь просторной и свободной от построек площадки, а где-нибудь в другом месте, вероятно, рядом со стенами города...

6. На месте ежегодного торга, что бы ни говорил Наршахи... должны были неизбежно развиться зачатки рабада...

Я полагаю теперь, собравшись со всеми этими мыслями, что шахристан Таваиса был там, где ему и быть надлежит – вокруг замка дихкана внутри второй стены, а в пространстве к югу от городища... находился рабад и место ежегодных ярмарок..." (ГВ 15/24, лл. 10–11).

Раскопки Таваиса интересны еще и потому, что город расположен в непосредственной близости от вала Кампирак [Кампир-Дивал] (ГВ 15/24, л. 7), изучению которого В.А. Шишкин уделял большое внимание. Кампирак представляет собой остатки стены, окружавшей в древности орошенные земли Бухарского оазиса и служившей защитой от набегов кочевников. Интересно проследить ход рассуждений ученого, анализирующего полученные археологические данные: например, сам факт близкого соседства города с Кампираком подсказал местонахождение вторых городских ворот Таваиса:

"Кроме найденных ворот на восточной стороне должны были быть в городе, конечно, и ворота с западной стороны, что следует уже хотя бы из того, что все едущие из Бухары в Самарканд останавливались в Таваисе, и трудно, конечно, допустить мысль, что в городе на КД [Кампир-Ди-

[9] Описание раскопок Таваиса см.: ГВ 15/24, лл. 7–13.
[10] В цитатах сохранены стиль и сокращения автора.

вале] имелись ворота только в опасную стешь, населенную врагами-кочевниками. Эти ворота находились, надо полагать, в западной стене, которая настолько разрушена, что определить место этих ворот в настоящее время невозможно" (ГВ 15/24, л. 10).

Итоги многолетних исследований Кампир-Дивана были подведены в книге "Варахша" (Шишкин В.А., 1963, с. 25–28). Дополнением к опубликованному материалу служат и данные дневников Василия Афанасьевича 1934–1938 и 1949 гг. (ГВ 15/24, 17/39, 19/41, 21/48). Осенью 1949 г. для изучения большой территории между городищами Варахша и Пайкенд, включая Кампирак, В.А. Шишкин одним из первых в Средней Азии использовал аэрофотосъемку местности[11] (Шишкин В.А., 1956, с. 4–7; подробнее см.: ГВ 21/48, лл. 26–44).

Работы на Варахше – особая страница в жизни и научной деятельности Василия Афанасьевича Шишкина. Планомерные раскопки на городище были начаты в 1937 г. Однако датой его открытия следует считать 27 декабря 1934 г., когда после нескольких дней поисков в пустыне Василий Афанасьевич впервые попал на холм городища Варахша; этот день одновременно стал днем открытия дворца Варахши: **"Талли Варахш оказался довольно значительным по площади бугром (примерно метров 200 × 400), т.е. площадью около 8 гектаров. Сохранились довольно хорошо некоторые остатки стен из сырцового кирпича. На южной стороне, ближе к восточному углу, остатки большого здания-кешка. И несмотря на то, что ни одного входа во внутренние помещения нет, это именно здание, а не холм, с прекрасно прослеживаемой структурой кладки сырцового кирпича..."** (ГВ 15/24, лл. 59–62).

Дальнейшие раскопки на Варахше дали первый значительный материал по истории монументального искусства и архитектуры Средней Азии, за этим последовали открытия замечательных памятников Топрак-калы, Пенджикента и Балалык-тепе. Стенные росписи Варахшинского дворца стали ярким примером **"...неизвестного нам доныне живописного искусства Согдианы, показывающего очень большое мастерство в рисунке и весьма умелое оперирование цветом"** (ГВ 18/40, л. 31; см. также: ГВ 20, с. 10, 23; 17/39, лл. 75, 77–79; 18/40, лл. 15–20, 23–27, 29–31, 34, 36–39; 21/48, с. 19–20, 23, 50, 54–57, 64–65, 80; Шишкин В.А., 1963, с. 150–165)[12]. Кроме живописи во дворце было открыто также огромное количество фрагментов резного алебастрового (ганчевого) декора (ГВ 17/39, лл. 24–26, 34, 45–49, 75–82, 95; 18/40, с. 74–81, 166–168; 21/48, л. 12; 22/51, л. 61; Шишкин В.А., 1947, с. 225–292; 1963, с. 74–77, 81, 166–186).

Публикации материалов раскопок и варахшинские дневники Василия Афанасьевича легли в основу работ Среднеазиатской археологической экспедиции музея Востока под руководством Г.В. Шишкиной. В ходе раскопок 1987–1991 гг. появились новые данные по истории Варахшинского дворца, в частности, выявлена иная планировка парадного айвана (Алпаткина Т.Г., 1999, с. 61–71), и новые вопросы, которые касаются как дворцовых сооружений, так и украшавшего их архитектурного декора. Материалы экспедиции музея дают основание для нового взгляда на историю сложения этого населенного пункта, включая уточнения датировок и динамики его формирования и развития. Раскопки также дали большое количество новых фрагментов ганчевого декора (Архив ГМВ, Ф. I, Опись № 5, "Фонд Среднеазиатской археологической экспедиции Государственного музея искусств народов Востока" (далее – САЭ), ед. хр. 22/6–27/11).

В округе городища Варахша в 1938 г. В.А. Шишкиным проводились разведки, результатом которых стало появление на археологической карте Бухарского оазиса нескольких десятков открытых им поселений (ГВ 17/39, лл. 35–42, 51–66; 18/40, лл. 20–28; 22/51, лл. 40–42, 80–84). Среди них – небольшая средневековая усадьба Талли-Пупа (ГВ 17/39, лл. 35–36, 42; 18/40, лл. 20, 28; 21/48, л. 18). Пятьдесят лет спустя, в 1990 г., экспедиция музея Востока провела исследование этого памятника (САЭ 22/6).

Последний период деятельности Василия Афанасьевича – изучение Афрасиаба и его окрестностей. Афрасиаб – значительный по размерам и периоду своего существования памятник, первые раскопки которого были предприняты еще в 80-х гг. XIX в. Сам Василий Афанасьевич начал работать на Афрасиабе в 1925 г. студентом-практикантом у В.Л. Вяткина (ГВ 23/60, с. 29; 251/61, лл. 2, 3, 11, 35; Шишкин В.А., 1969а, с. 85, 86; К исторической топографии..., 1981, с. 117). В 1940-е гг. на городище были проведены небольшие по объему, но чрезвычайно важные по результатам работы А.И. Тереножкина. В 1957 г. В.А. Шишкин записал в своем дневнике: **"Однако, это совсем не значит, что на Афрасиабе копать уже нельзя, или что раскопки там не дадут нужных результатов. Исследовать еще есть что..."** (ГВ 23/60, с. 31).

Прекрасно понимая значимость широких комплексных работ, Василий Афанасьевич разрабатывает остающийся актуальным и для современных исследователей Афрасиаба следующий план работ на памятнике и в его окрестностях:

"[21 октября 1957 г.]... Нужна только большая планомерность и обязательно крупный раз-

[11] Впервые в отечественной археологии аэрофотосъемки использовали в Хорезмской экспедиции в 1946 г.: Толстов С.П., 1948, с. 37–62.

[12] В 1952 г. В.А. Шишкин ездил в Таджикистан для ознакомления с новыми открытиями в Пенджикенте, а также для обмена опытом снятия росписей со стен: ГВ 22/51, лл. 1, 2, 7, 8.

мах работ (не меньше, скажем, чем у Веселовского или Вяткина...). Кроме того, Афрасиаб не должен изучаться изолированно, а обязательно в связи со всем рабатом, от Хатырчи до таджикистанской границы, а в первую очередь с ближайшими рабатами, с охватом памятников всех категорий (кроме, разве, чисто архитектурных, если брать с узкой архитектурной стороны; топография памятников должна входить в наш план).

Задачи:

I. Дальнейшие поиски и исследования памятников первобытного общества...

II. Неизвестны памятники времени бронзы, а они *должны быть*. Вряд ли можно представить себе, что средняя часть долины Зарафшана 3-4 тысячелетия тому назад представляла, при своих прекрасных климатических данных, ненаселенную человеком пустыню. Надо искать!

III. Разобраться во всех археологических, геологических, а отчасти и в письменных данных, касающихся начала и развития орошения Самаркандских рабатов...

IV. Племенной состав древнего населения, сочетание кочевых + земледельческих групп. Племенные связи с другими областями и странами. С этой целью нужно обратить особое внимание на курганные могильники и другие виды погребений, связанные с антропологическим изучением останков людей.

V. В археологии классового общества изучение разного рода производств, жилищ, быта и проч. Задачи общеизвестные. Накопление материала позволит углубить наши представления об истории общества, его исторической периодизации, уровне культуры, искусства и др.

VI. Связи межобластные, межплеменные, международные.

Для выполнения этих задач:

1. Широкая разведка. Взятие на учет всего, что имеет отношение к истории материальной (да и духовной) культуры древности и средневековья.

2. Раскопки:

а). Афрасиаб...

б). Разведка в первую очередь Самаркандской группы районов по левобережью Зарафшана...

в). Раскопки *курганов*, наусов и т.п. Разведка, при наличии достаточных возможностей, позволит наметить и другие объекты раскопок" (ГВ 23/60, с. 31–34).

Составленный В.А. Шишкиным план исследований Афрасиаба лег в основу деятельности организованного им в 1958 г. Самаркандского (Афрасиабского) отряда археологической экспедиции Института истории и археологии АН Узбекистана. Основное внимание уделялось вопросам изучения исторической топографии, городской фортификации, стратиграфии, водоснабжения, городских кварталов и округи города. В ходе работ 1958–1966 г. был получен огромный материал, дающий возможность восстановить существенные черты истории Афрасиаба, а также характеризующий древнюю культуру народов Средней Азии в целом (Шишкин В.А., 1969а, с. 136–152; К исторической топографии..., 1981, с. 5).

Раскопкам предшествовала большая подготовительная научная работа, которой Василий Афанасьевич придавал огромное значение. Так, при составлении плана изучения Афрасиаба он писал: **"Задача, которая должна была быть поставлена первой: тщательное собирание всех сведений, которые отложились в рукописехранилищах, библиотеках, архивах"** (ГВ 23/60, с. 34).

Как мы видим из дневников, В.А. Шишкин много работал в библиотеках, музеях и архивах (ГВ 251/61, лл. 2–5, 11–25, 33–35, 50–94; 252/62, с. 81–198; 25/73, с. 51–83, 95–134). В архиве Самаркандского исторического музея предметом его особого внимания были бумаги из личного архива В.Л. Вяткина; фотоматериалы и археологические коллекции (ГВ 23/60, с. 51–101, 141, 142; 24/63, с. 92–95, 151–181; 25/73, с. 50–60, 83–96, 154–185; 25/73, с. 17–62; 26/74, с. 1–17; 27/77, с. 9–18; 252/62, с. 8–11, 33–43; 254/75, с. 76–181; 27/77, с. 1, 2, 9–18). Изучение архивных материалов Василию Афанасьевичу как в организации собственных раскопок на городище, так и в разработке маршрутов многочисленных поездок с обследованием исторических памятников Самаркандской области в 1959–1965 гг. (ГВ 23/60, с. 11–37, 40–47, 116–181; 24/63, с. 31–39, 65–140, 181–192; 251/60, лл. 7–10; 24/63, с. 7–29, 39–65; 253/65, с. 7–80, 86–101, 114–170; 25/73, с. 1–38, 45–49, 67–83, 118–130, 172–178; 27/77, с. 57–63, 68–118, 141–159).

В 1965 г. был открыт замечательный памятник среднеазиатского искусства – настенные росписи Афрасиаба. Обстоятельства открытия росписей, огромный интерес ученых и широкой общественности к этому событию, кропотливая работа сотрудников экспедиции, а также характеристика сюжетов и исполнительной манеры древних художников – все это нашло отражение в записях дневников Василия Афанасьевича (ГВ 25/73, с. 84–94, 168, 177–180; 27/77, с. 4–14, 23–46, 119–140; Шишкин В.А., 1966а, б; Альбаум Л.И., 1975, илл.)[13].

[13] В 1978 г. живописные панно были вновь открыты и под руководством Г.В. Шишкиной заново прорисованы, причем эти прорисовки отличаются от сделанных ранее, значительно их уточняя: выявлены новые фигуры персонажей, новые детали рисунка, манеры письма художника (Аржанцева И.А., 1987, с. 92–114). В конце 1990-х гг. совместными усилиями московских археологов и их коллег из Узбекистана эти прорисовки с новой, достаточно обоснованной интерпретацией живописных сюжетов подготовлены к изданию (Афрасиабские росписи..., в печати).

Памятники истории и культуры Самарканда также не остались без пристального внимания В.А. Шишкина. Одновременно с раскопками на Афрасиабе Василий Афанасьевич проводил огромную работу по учету, составлению описаний и планов, всестороннему изучению и организации реставрации мавзолея Гур-Эмир, обсерватории Улугбека (Шишкин В.А., 1953; 1965; Нильсен В.А., 1986, с. 15–20), мечети Биби-Ханым, комплекса мавзолеев Шахи-Зинда и многих других памятников исторической части Самарканда, так называемого Старого города (ГВ 23/60, с. 22–49; 252/62, с. 11–14; 24/63, с. 69, 101–105, 122–134; 253/65, с. 72–86, 102–123, 162–165; 25/73, с. 22–27, 61–72, 91–94, 108, 109; 27/77, с. 38, 46–56).

Помимо прочих, в ходе исследования Старого города В.А. Шишкиным решались, в частности, вопросы заселения Самарканда в древности, определялись его границы: **"16 июня [1959 г.]... Прошел снова по изрытой территории к северу от цитадели[14]... Собрал некоторое количество образцов керамики... Границы территории со следами заселения в XI и XV вв. требуют еще уточнения... В северном направлении от цитадели это, по-видимому, крайний пункт распространения городского поселения, хотя не исключается предположение, что в XI в. здесь помещался один из пригородов Самарканда, не сливавшихся с основной городской территорией. От Регистана, где была найдена подобная же керамика, расстояние весьма значительное. В противном случае придется признать, что город перед монгольским нашествием занимал всю территорию теперешнего Старого города, да и со значительной лихвой, и, следовательно, и население Самарканда караханидских и хорезмшахских времен было весьма значительным...**

Все эти рассуждения носят пока еще самый предварительный характер" (ГВ 252/62, с. 11, 12, 13, 14).

Будучи востоковедом и владея языками, В.А. Шишкин не мог обойти вниманием и исследование памятников эпиграфики. На страницах дневников мы встречаем прорисовки и переводы надписей со стен и порталов мечетей Бухары и Бухарской области, а также надписей на надгробиях (ГВ 15/24, лл. 32, 58; 17/39, л. 1, 3, 5, 17–19, 52, 54; 18/40, л. 54; Babadjanov B. et al., 1997, S. 176, 177). Много эпиграфических материалов было собрано во время работы в Самарканде: надписи на камнях из раскопов, на надгробиях мавзолеев Гур-Эмир и Шахи-Зинда, на надгробиях и кайраках на мазарах мечетей в Старом городе и в Самаркандской области (ГВ 24/63, с. 11–19, 53–61; 253/65, с. 72–95, 102–109, 159; 25/73, с. 10–26, 69–88, 117; 254/75, с. 1–75; 27/77, с. 11, 46–49).

[14] Тимуридская цитадель Самарканда.

Дневниковые записи 1958–1965 гг. отражают интенсивную повседневную работу ученого и руководителя крупной археологической экспедиции. Например, в 1958 г. Василий Афанасьевич готовил тезисы "Русская наука в Средней Азии и ее роль в развитии культуры местных национальностей" для очередной сессии АН СССР, посвященной прогрессивным последствиям присоединения Туркестана к России (17–22 ноября 1958 г.); занимался организацией Объединенной Самаркандской археологической экспедиции и УзГУ (позднее Самаркандский государственный университет); участвовал в подготовке к печати второго выпуска сборника "Истории материальной культуры Узбекистана" (ГВ 23/60, с. 122, 138, 157, 158; 24/63, с. 139); и при этом, как он пишет, **"каждой свободной минутой пользовался, чтобы проработать собранный пока материал по истории археологического изучения Самарканда"**[15] (ГВ 24/63, с. 139, 140). В последующие годы одновременно с проведением раскопок на Афрасиабе он читал лекции в Самаркандском университете, выезжал в Ташкент для участия в заседаниях Ученого совета Института истории и археологии; готовил в печать рукопись книги "Варахша" и рецензировал печатные работы своих коллег; принимал на Афрасиабе немалое количество гостей, в том числе зарубежных ученых из Японии, Индии, Германии и др. (ГВ 253/65, с. 56–59, 68, 132, 140; 25/73, с. 9, 10, 39–45, 147–150, 176; 27/77, с. 93–96, 153).

Работа на огромном городище в центре современного города невозможна без постоянных контактов с местной городской и областной администрацией (ГВ 24/63, с. 147–149; 253/65, с. 19, 28, 42, 160), которые весной 1965 г. стали очень частыми и напряженными в связи с решением властей начать строительство дорог через Афрасиаб, в его восточной части. С этого момента страницы дневников В.А. Шишкина запестрели выписками из постановлений Совета министров республики "о привлечении за порчу памятников с уголовной ответственностью", сообщениями о многочисленных встречах и переговорах с председателями горсовета и обкома Самарканда, Совета министров и ЦК компартии республики (ГВ 253/65, с. 142–143, 152–154, 160; 25/73, с. 97–116, 130, 169–172).

"[15 марта 1965 г.] Можем ли мы бороться с этим и отстаивать "неприкосновенность" городища? Вряд ли! Силы в борьбе неравные. На нашей стороне – несколько постановлений Совета министров... убеждение, мало действительное для подавляющего большинства тех, с кем приходится иметь дело, – практиками-строителями, заинтересованными совсем в другом (получение ассигнований, чтобы не стояли без дела механизмы и

[15] Этот материал был опубликован: Шишкин В.А., 1969б, с. 3–121; подробнее см. рукопись (ГВ 260).

т.п.). Вопросы истории, культуры и проч. их не интересуют.

С другой стороны – власть, которая может и не считаться даже с постановлениями об охране (знают: их за это никто не накажет), огромный парк механизмов и напористости, которой нам не хватает иногда.

Словом: силы неравные – топор и горшок.

Сделать, что возможно, раскопать возможно больше... Срочно организовать отряд по наблюдению за [строительными] работами с ускорением раскопок тех мест..." (ГВ 25/73, с. 104–105).

К сожалению, даже выдающееся научное открытие – настенная живопись Афрасиаба на трассе дороги – не сразу приостановило разрушение городища.

Понимая значение Афрасиаба как памятника мировой истории и культуры, В.А. Шишкин прилагал большие усилия по его сохранению, в связи с чем, в частности, им был разработан план для представления городским властям Самарканда и руководителям республики Узбекистан, которые после открытия живописи на Афрасиабе стали проявлять повышенный интерес к этому памятнику и развитию науки в республике в целом.

Основные пункты этого плана:

"[21 июня 1965 г.] 1. Афрасиаб – заповедник; воспрещение строительных и земляных работ.

2. Меры против расширения кладбищ, подготовка к их закрытию.

3. Борьба с замусориванием Афрасиаба.

4. Составление перспективного плана археологических работ.

5. О расширении археологических работ.

6. Организация постоянной базы.

7. Обеспечение базы оборудованием и пр. ...

8. Ассигнования...

9. Разработка мер к сохранению памятников живописи:

1). Разработка методики консервации;

2) Проект перекрытий-айванов...

10. Об охране живописи в летний период (июнь–август): круглосуточная охрана; изгородь места стоянки автомобилей.

11. Аннотация, брошюра, экскурсовод.

12. Пожелание поставить вопрос о создании в Самарканде специального археологического музея" (ГВ 27/77, с. 50).

Отдельные предложения В.А. Шишкина из этого огромного плана были проведены в жизнь: в частности, в настоящее время Афрасиаб является археологическим заповедником. А принятое решение о закрытии кладбищ на территории заповедника не помешало тем не менее дальнейшему их расширению: так, южный фас городской стены Афрасиаба во второй половине 1970-х гг. увенчался длинным рядом надгробий[16].

В целом же разработанные В.А. Шишкиным планы исследования Афрасиаба не потеряли своего значения до настоящего времени.

Как мы видим, дневники В.А. Шишкина – это своеобразный научный труд по археологии Узбекистана. Вместе с тем яркий, живой язык, несомненный литературный талант автора и его дар художника, свойственная ему точность всех записей делают эти дневники интересным источником для изучения условий труда и быта среднеазиатских археологов в 1930–1960-х гг., а также национального состава, нравов и обычаев местного населения; прекрасны зарисовки природы Туркестана, которые появляются на страницах дневников по ходу работ и открывают для нас в крупном ученом лирика, тонко чувствующего красоту края.

Методика научной работы В.А. Шишкина, культура ведения записей, подробность замеров и зарисовок, четкие историко-топографические описания изучаемых объектов делают его дневники достоверным и очень ценным источником. "Эти дневники – отражение повседневной работы мысли, выраженной и словом, и чертежом, и рисунком... Тщательность и научная добросовестность, с которой Василий Афанасьевич оформлял свои работы, отсутствие поспешности при обобщениях и выводах делают его труды надежной основой для каждого исследователя, продолжающего работы в этой области" (Кучкаров Т., 1974, с. 8).

Полевые дневники Василия Афанасьевича Шишкина благодаря его высокой культуре, таланту и эрудиции ученого являются для нас подлинным свидетельством научных поисков и открытий в среднеазиатской археологии 1930–1960-х гг. Данный обзор может рассматриваться как первый шаг в работе над дневниками В.А. Шишкина. Дальнейшие исследования позволят осуществить полную публикацию этого замечательного источника с необходимым научным комментарием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алпаткина Т.Г., 1999. Парадный айван Варахши: новые исследования // Материальная культура Востока. М.

Альбаум Л.И., 1975. Живопись Афрасиаба. Ташкент.

Аржанцева И.А., 1987. Пояса на росписях Афрасиаба // ИМКУ. Вып. 21.

Археологические работы на новостройках Узбекистана, 1990. Ташкент.

Афрасиабские росписи: археология и реалии, в печати.

Горшенина С.М. 1996. Первые опыты российских и французских археологов в русском Туркестане: методика исследований и судьба коллекций // Культурные ценности. СПб.

[16] Сообщение Г.В. Шишкиной, 1999 г.

Горшенина С.М., 1999. Центральная Азия в творчестве Жозефа-Антуана Кастанье // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 1. М.

К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда, 1981. Ташкент.

Кучкаров Т., 1974. Памяти Василия Афанасьевича Шишкина // ИМКУ. Вып. 11.

Литвинский Б.А., 1999. Ж.-А. Кастанье – исследователь-ученый или любитель-краевед? // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 1. М.

Логинов С.Д., 1996. К истории археологического изучения древнейших городов Южного Туркменистана // Культурные ценности. СПб.

Лунин Б.В., 1965. Василий Афанасьевич Шишкин как ученый-археолог и общественный деятель (к 70-летию со дня рождения) // ИМКУ. Вып. 6.

Лунин Б.В., 1967. Василий Афанасьевич Шишкин. Некролог // СА. № 2.

Нильсен В.А., 1986. Обсерватория Улугбека в Самарканде. Ташкент.

Садыков А., Муминов И.М., Уразаев Ш.З. и др. 1966. Василий Афанасьевич Шишкин. Некролог // Общественные науки в Узбекистане. № 12. Ташкент.

Ставиский Б.Я., 1996. Сергей Николаевич Юренев – Человек, Личность, а также музейный работник, археолог, краевед... (материалы биографии). К столетию со дня рождения. Бухара.

Стрелкова В.Е., в печати. Основные вехи из "Автобиографической канвы" Б.П. Денике (по материалам его дневника, хранящегося в архиве ГМВ).

Толстов С.П., 1948. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.

Хмельницкий С., 1992. Между арабами и тюрками. Раннеисламская архитектура Средней Азии. Берлин; Рига.

Шишкин В.А., 1936. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент.

Шишкин В.А., 1947. Архитектурная декорация дворца в Варахше // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Т. IV. Л.

Шишкин В.А., 1953. Обсерватория Улугбека и ее исследование // ТИАС. Т. V.

Шишкин В.А., 1956. Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947–1953 гг.) // ТИИА. Вып. VIII. Ташкент.

Шишкин В.А., 1963. Варахша. М.

Шишкин В.А., 1965. Самаркандская обсерватория Улугбека. Из истории эпохи Улугбека. Ташкент.

Шишкин В.А., 1966а. Афрасиаб – сокровищница древней культуры. Ташкент.

Шишкин В.А., 1966б. Новые памятники искусства Согда // Искусство.

Шишкин В.А., 1969а. Кал'а и Афрасиаб. Работы Института истории и археологии АН УзССР по изучению домонгольского Самарканда (1945–66 гг.) // Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент.

Шишкин В.А., 1969б. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей // Афрасиаб. Вып. I. Ташкент.

Юсупов Х., Ляпин А.А., 1996. А.А. Марущенко: архивные материалы // Культурные ценности. СПб.

Babadjanov B., Muminov A., Paul A., 1997. Schaibanidische Grabinschriften. Wiesbaden.

Bernard P., 1996. Maracanda-Afrasiab colonie grecque // La Persia e l'Asia Central da Alessandro al X secolo // Roma.

Foulles de la Mission franco-ouzbeque a l'ancienne Samarkand (Afrasiab): premiere campagne (1989), 1990 // CRAI.

Foulles de la Mission franco-ouzbeque a l'acienne Samarkand (Afrasiab): dexieme et troesieme campagne (1990–1991), 1992 // CRAI.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 125–127

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С.А. Васильев. ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ ВЕРХНЕГО ЕНИСЕЯ (по материалам многослойных стоянок р-на Майны). Санкт-петербург: Центр "Петербургское Востоковедение", 1996. 224 с., 145 иллюстраций ("Archaelogica Petropolitana", I)

Долина Енисея на палеолитической карте Северной Азии представляет район особой концентрации древнейших стоянок, история изучения которых начинается с 80-х годов XIX века (Абрамова З.А. и др., 1991). Однако длительное время они были известны лишь на участке Среднего Енисея, в отрогах Восточного Саяна (р-н г. Красноярска) и Северо-Минусинской котловине (Абрамова З.А., 1979а, б). Стоянки Верхнего Енисея, расположенные в системе межгорных котловин Западного Саяна, стали изучаться только с 1971 г. (Астахов С.Н., 1986).

Рецензируемая книга, автор которой является представителем Санкт-Петербургской школы палеолитоведения, посвящена позднему палеолиту Верхнего Енисея и основана на материалах памятников, приуроченных к северному отрезку Саянского каньона. Это полномасштабное исследование трех опорных многослойных объектов, стоянок: Майнинская (22 культурных слоя), Уй I (8 культурных слоев) и Уй II (2 культурных слоя), расположенных в районе Майнской ГЭС. Поставленные автором задачи касаются области систематизации наблюдений над организацией распределения остатков, образующих различные структуры в пределах жилой поверхности стоянок, культурной характеристики наборов каменных и костяных артефактов, хронологии и периодизации объектов Енисея и выделения по комплексу признаков ряда хозяйственно-культурных зон. Реализация таких задач невозможна без разнообразия методических приемов и методологических установок, перечень и краткая характеристика которых приведены во введении. Основной вид источников, материалы многослойных объектов, обусловил доминирующее значение стратиграфических наблюдений в сочетании с данными типологии наборов артефактов, петрографического, радиоуглеродного, палеонтологического, палинологического и других видов анализа. Особо отметим значение многочисленных радиоуглеродных дат, выполненных по образцам угля и кости, распределяющих стоянки в диапазоне 20–10 тыс. лет назад.

Первая глава монографии посвящена геологии объектов и реконструкции палеосреды. Помимо корреляции стратиграфических колонок, полученных в ходе исследования памятников, приуроченных к двум смежным геоморфологическим уровням террас с различной гипсометрией, здесь анализируются региональные проблемы четвертичной геологии. На первый взгляд это может показаться излишним в силу многочисленных работ Э.И. Равского, Н.В. Кинд, С.М. Цейтлина и др., если бы не появившиеся дискуссионные вопросы в области террасовой стратиграфии долины Енисея, выделения особых "полицикловых" террас, интерпретации их аллювиальных толщ, а отсюда и определение возраста заключенных в них культурных остатков.

Центральные главы книги посвящены характеристике опорных стоянок Майнской группы. Здесь в строгой последовательности, отраженной в рубрикации разделов, приведены общие сведения о стоянках, данные стратиграфии, хронологии и палеогеографии, планиграфии культурных остатков, характеристика структур слоя, анализ каменного, костяного и рогового инвентаря. Каждый раздел насыщен фактическим материалом и проиллюстрирован многочисленными таблицами, графиками, рисунками и фотографиями. Не имея возможности даже кратко остановиться на всех приведенных материалах, несомненно представляющих интерес для археологии Сибири и Дальнего Востока, отметим наиболее, на наш взгляд, важное. Сложность изучения объектов, культурные слои которых залегают в слоистых толщах перегляциального аллювия, заключается в сохранности литологического тела на разных участках раскопа/раскопов, влияющих на возможность его внутреннего членения на ряд горизонтов обитания. Ввиду этого небезынтересными в работе выглядят наблюдения автора о пространственном распределении выделенных единиц стратиграфии. Эти наблюдения помимо археологов должны заинтересовать и геологов, однозначного мнения среди которых о характере строения и генезисе таких толщ, как известно, нет. Культурный слой – это сложный организм, и выясне-

ние законов его организации представляется необходимым. В связи с этим понятно стремление автора отразить свои наблюдения над структурами слоя путем их классификации (это явное достоинство соответствующих разделов глав) и далее характере состава, протяженности и возможного их назначения. Детально описывается инвентарь всех слоев памятников, включающий процессы расщепления горных пород, вторичного преобразования заготовок и, наконец, типологию орудий. В графиках и таблицах суммированы качественные и количественные показатели инвентаря, раскрывающие его технико-типологические параметры и возможности корреляции с другими технокомплексами. Отмечаются также разнообразные редкие изделия, например уникальная глиняная схематичная антропоморфная скульптурка, обнаруженная в слое 5 Майнинской стоянки.

Важным разделом монографии является пятая глава, посвященная культурной принадлежности стоянок позднего палеолита Верхнего Енисея, теоретическое значение которой далеко не региональное. Ранее выделенные в палеолите Енисея культуры (афонтовская и кокоревская), появление памятников (Тарачиха, Афанасьева Гора и т.д.), представляющих среднюю стадию его развития, естественно предполагают сравнительный анализ стоянок Майнской группы как с отмеченными группировками, так и с памятниками Западной и Восточной Сибири. При этом автору удалось избежать формального подхода в процедурных вопросах, при котором каждая отдельная сторона индустрии рассматривается вне общего контекста и часто с упором на промежуточные внешние признаки.

Достоинством работы является организация памятников как по отдельным показателям, к примеру по одной разновидности вещей, так и по совокупности различных признаков. Последние включают и статистические параметры, и типологические вариации артефактов, и "стилистическую" манеру их исполнения, и соотношение обычных и редких типов инвентаря. Помимо целей собственного исследования в определении культурных параметров анализируемых материалов С.А. Васильев стремится рассмотреть ранее предложенный З.А. Абрамовой и С.Н. Астаховым вывод о наличии культур в палеолите Енисея, а затем и всей Сибири. Автор считает, что сходство афонтовских и кокоревских памятников слишком велико, чтобы счесть их разнокультурными. Речь должна идти скорее о вариациях в рамках единой традиции. Такая смена представлений, безусловно, требует коррекции исследовательских установок и анализа стадиальной и внутристадиальной дифференциации палеолита Енисея, предполагающий сочетание (синтез) положений стадиального и локально-культурного подходов. Предприняв историографический обзор версий выделения и определения культур в палеолите, рассмотрев возможности многофакторного проявления вариаций инвентаря и разнообразия причин вариабельности наборов вещей, автор видит больше оснований в построении общей периодизационной схемы верхнего палеолита Северной Азии, трехчленный вариант которой предложен в работе, чем в группировках типа археологических культур. Стадии развития палеолита – это не просто хронологические ступени, заданные палеоклиматической последовательностью, а проявление некой общности, характеризуемой сходными чертами в облике культуры, прослеживаемыми в масштабах сибирского региона. Несомненно, эту линию рассуждения нужно продолжать и дальше, активнее привлекая при этом многочисленные изданные материалы Алтая и Западной Сибири, которые, к сожалению, в книге представлены в меньшем объеме, чем памятники, расположенные восточнее Енисея.

Заключительная глава монографии посвящена хозяйственно-бытовым реконструкциям палеолитических обитателей Верхнего Енисея, которые можно осуществить на археологических материалах. Проанализировав охотничье-собирательскую форму деятельности, автор предлагает ряд выводов о некоторой специализации экономики палеолитических племен. Планиграфические наблюдения, приведенные в предыдущих главах, здесь получают реконструктивные толкования. Анализируются структуры слоя, их взаимоотношения и последовательность функционирования, а также возможные назначения с учетом данных этноархеологии и палеоэтнографии. Ряд рассуждений автора, например о попытках организации наземных сооружений в виде жилищных и других конструкций, вряд ли возможно подтвердить или опровергнуть. Но подобные рассуждения, несомненно, представляют интерес в области общетеоретического палеолитоведения. Любопытным представляется устанавливаемое сходство структуры и организации финально-палеолитических поселений ряда регионов Северной Азии и Европы, которое возможно объяснить общностью палеоэкономики и систем сезонных поселений кочевых охотников на стадных животных и в первую очередь на северного оленя. Вторая половина заключительной главы посвящена построению технологической модели каменного инвентаря для позднего палеолита Верхнего Енисея. Это, пожалуй, один из немногих опытов применения технологического подхода к сибирским материалам, в пределах которого анализируется полный цикл операций с сырьем, начиная от его добычи, обработки, использования, утилизации и кончая причинами и условиями захоронения и

последующими постдепозиционными изменениями.

Рецензируемая работа С.А. Васильева, в которой отражена концепция характера развития позднего палеолита Енисея, несомненно, является существенным вкладом не только в сибирское, но и азиатское палеолитоведение и представляет большой интерес для специалистов по древнекаменному веку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А., Ермолова Н.М., Лисицын Н.Ф., 1991. Палеолит Енисея. Л.

Абрамова З.А., 1979а. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск.

Абрамова З.А., 1979б. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск.

Астахов С.Н., 1986. Палеолит Тувы. Новосибирск.

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск *С.В. Маркин*

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 128–132

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. И. Молодин, Д. В. Черемисин. ДРЕВНЕЙШИЕ НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПЛОСКОГОРЬЯ УКОК Новосибирск, 1999. 160 с.

Вышла в свет книга В.И. Молодина и Д.В. Черемисина "Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок", посвященная проблеме центральноазиатского очага первобытного искусства в связи с новыми открытиями авторов в Горном Алтае. С 1990 г. на протяжении семи лет два археологических отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН проводили планомерные исследования в Кош-Агачском районе Республики Алтай на плоскогорье Укок, расположенном на стыке современных границ Китая, Монголии, Казахстана и России. За последние годы здесь было открыто 55 местонахождений наскальных рисунков различных эпох и зафиксировано множество изображений. В данной книге авторы публикуют древнейшую группу петроглифов плоскогорья Укок, получившую название Калгутинский рудник, а также останавливаются на вопросах интерпретации изображений.

Книга прекрасно иллюстрирована, поэтому читатель может составить всестороннее представление об изучаемых наскальных изображениях и памятнике в целом. Помимо прорисовок петроглифов Калгутинского рудника представлены их цветные и черно-белые фотографии, а также виды местности, карты, схемы и даже фотоснимок систем горных хребтов Алтая и плоскогорья Укок, сделанный с космического спутника Земли.

В главе 1 приводится детальная характеристика древнейших петроглифов Калгутинского рудника. Памятник локализован на правом берегу р. Калгуты, в ее верховьях, на восточной оконечности скальной гряды, там где окатанные и отшлифованные гранитные скалы полого опускаются в речную пойму. Наибольшее количество наскальных изображений сконцентрировано на горизонтальных плоскостях, они составляют компактную группу. Петроглифы, которые авторы книги относят к наиболее раннему хронологическому пласту, в одинаковой степени испытали на себе разрушительное природное воздействие. Они отличаются от изображений других эпох очень плохой сохранностью, сглаженностью контура, степенью патинизации. Их выделяют также значительные размеры, набор образов и стилистические особенности, что объясняется хронологической и культурной близостью данной группы петроглифов. Представлены в основном образы копытных животных – быка или бизона, оленя, лошади, горного козла. Имеются слаборазличимые следы изображений, фрагменты утраченных фигур, реконструировать которые в настоящее время не пред-ставляется возможным.

В главе 2 "Азиатские аналогии калгутинским изображениям" в сравнительном плане рассматриваются наскальные изображения Алтая, Монголии, Северо-Западного Китая, Восточного Казахстана, Минусинской котловины, Тувы, а также Урала и Кавказа. Глубокая аналитическая разработка сюжетов петроглифов Калгутинского рудника и их сравнение с наскальными изображениями Саяно-Алтая, Казахстана, Монголии и Синьцзяна показали, что они не сопоставимы с образцами ни одного из прежде выделенных и надежно датированных изобразительных пластов азиатского наскального искусства. Авторы приходят к выводу, что "уже методом исключения рассматриваемые петроглифы памятника Калгутинский рудник можно отнести к каменному веку" (с. 83). В.И. Молодин и Д.В. Черемисин посягнули на решение столь сложной и ответственной задачи, как выделение древнейшего пласта изображений среди десятков тысяч петроглифов и росписей Северной и Центральной Азии. К этому пласту авторы книги относят петроглифы Калгутинского рудника.

На наш взгляд, неправомерно датировать архаические изображения животных на камне из Аршан-Хада в Монголии эпохой мезолита на основании анализа знаков, прочерченных на другом аршанхадском камне, как это делают авторы книги. Оба камня находятся на расстоянии 20–25 м друг от друга у подножия горы. На горе в древности добывался кремень, здесь обнаружены кремневые мастерские. На одном каменном блоке выбиты архаичные фигуры животных, самая крупная из них, по предположению А.П. Окладникова, представляет собою изображение кабана с длинными клыками, возможно, быка или даже носорога. Эти петроглифы в 1974 г. были осмотрены В.В. Волковым и Э.А. Новгородовой и датированы концом эпохи камня (Волков В.В., Новгородова Э.А., 1975, с. 558). Знаки, прочерченные на другом каменном блоке длиной около 7 м, отвалившемся от карниза скалы, В.В. Волков и Э.А. Новгородова

сопоставляли с ханьскими и гуннскими тамгами и датировали рубежом нашей эры. Изображения следов парнокопытных животных на той же плите, покрытые патиной более темной, чем гуннские тамги, исследователи датировали более ранним временем, не уточняя, каким именно. Впоследствии эти же знаки Э.А. Новгородова, на наш взгляд без достаточных оснований, удревнила до эпохи мезолита (Новгородова Э.А., 1983, с. 308; 1989, с. 49–54). Мезолитический возраст аршанхадской плиты со знаками В.И. Молодин и Д.В. Черемисин считают надежно доказанным (с. 86). С этим мнением вряд ли можно согласиться.

В.В.Волков трижды посещал местонахождение наскальных изображений у горы Аршан-Хад и принимал участие в раскопках около камней с петроглифами. Плита со знаками находилась, по его свидетельству, в переотложенном слое, смытом с горы вместе с обломками кремня. Такого же мнения придерживался А.П. Окладников. "Монгольские археологи, – писал он, – в свое время обнаружили каменные орудия в ближайшем соседстве с древними изображениями на скалах Аршан-Хада. Это побудило их сделать попытку привязать петроглифы к каменным орудиям и с этой целью заложить специальные шурфы в надежде обнаружить рисунки, перекрытые слоями земли с лежащими в них каменными изделиями. По совету В.В. Волкова мы решили ознакомиться на месте с находками из Аршан-Хада и по завершении работ в 1977 г. выехали из Улан-Батора на восток" (Окладников А.П., 1981, с. 78). После знакомства с петроглифами на месте и проведения в 1980 г. раскопок около каменного блока А.П. Окладников пришел к выводу, что "наличие около плиты с тамгами каменных орудий не является свидетельством прямой связи рисунков с этими орудиями. Вероятнее всего, древние каменные изделия в гумусном заполнении шурфа и в лежащем глубже слое суглинка или супеси были смыты сверху, с возвышенности над скалой" (Окладников А.П., 1981, с. 78).

Представляется, что плиту со знаками следует отнести к эпохе поздней бронзы, о чем уже писал В.Д. Кубарев (1997, с. 92), а фигуры животных на другом аршанхадском камне датировать вне зависимости от хронологического определения плиты со знаками. Это совершенно разновременные памятники с разным набором сюжетов. Вполне вероятно, что архаичные фигуры животных могут относиться к эпохе камня, в том числе и к мезолиту. "Предположения о глубокой доголоценовой или, иначе говоря, плейстоценовой древности, – писал Окладников, – подкрепляется и примитивностью этих рисунков, стилистической беспомощностью древнего художника, который явно не мог справиться с трудной для него задачей передачи форм тела изображаемого животного" (Окладников А.П., 1981, с. 78). Окладников отмечал, что "нет свидетельств о связи наскальных рисунков с каменными орудиями палеолитического или мезолитического времени. Тем не менее архаический облик загадочных зверей Аршан-Хада настолько выразителен и они настолько отчетливо выделяются на фоне всех остальных известных нам наскальных рисунков Монголии, что их следует выделить особо в наиболее раннюю группу независимо от их отношения к подъемному материалу каменных изделий" (Окладников А.П., 1981, с. 78, 79).

В главе 3 содержится обстоятельный анализ европейских аналогий калгутинским изображениям. Сравнительное изучение азиатских местонахождений наскального искусства и западноевропейских памятников, расположенных под открытым небом, представляется плодотворным и поучительным, расстояние, их разделяющее, по мнению авторов, не должно стать препятствием для сопоставлений: сходство сюжетов демонстрирует также и мелкая пластика. В.И. Молодин и Д.В. Черемисин приходят к заключению, что петроглифы Калгутинского рудника сопоставимы с рядом европейских наскальных изображений палеолитической эпохи. Среди общих черт: контурность, нарочитая незавершенность отдельных рисунков, массивность туловищ животных, отвислый живот, статичность позы, характерный показ ног в виде двух незаконченных линий.

Глава 4 посвящена проблеме хронологии древнейшего пласта наскальных изображений Северной Азии. Людей современной эпохи не может не волновать тот отдаленный исторический период, когда в темных глубинах пещер зародилось искусство, уже на ранних этапах проявившееся в столь совершенных формах. Что побудило древнего человека наносить изображения на поверхность камня? Если этот аспект проблемы разрабатывается учеными разных специальностей, и не только археологами и искусствоведами, но и биологами, психологами, философами, лингвистами и пр., то другой, хронологический, аспект традиционно находится в ведении археологов. Каковы были первые шаги, которые человечество делало в такой специфической области искусства как создание изображений не только на стенах пещер, но и на каменных плоскостях под открытым небом? Каков возраст наскальных рисунков, не защищенных от внешних воздействий? Авторы всецело отдавали себе отчет в том, что "возможности аргументированной датировки отдельных памятников наскального искусства крайне ограничены и мы еще очень далеки от того момента, когда все точки над *i* в решении проблем наскального искусства Азии будут поставлены" (с. 16).

Широко известно, как длительно, болезненно и даже трагично протекал процесс признания научным миром пещерного искусства, передающе-

го образы "допотопных", вымерших животных. После открытия знаменитых местонахождений пещерного искусства во Франко-Кантабрии стали известны памятники в других местах Евразийского континента. В нашей стране на Урале были исследованы пещеры с росписями и гравировками, древность которых ныне признается всеми или подавляющим числом специалистов. В Монголии была открыта и изучена пещера Хойт-Цэнкер. Однако до сих пор споры по поводу датировки росписей в этой пещера Хойт-Цэнкер. Однако до сих пор споры по поводу датировки росписей в этой пещере не утихли. Те фигуры, которые последователи А.П. Окладникова идентифицировали как образы вымерших животных, рядом специалистов таковыми не признавались. Разброс мнений был чрезвычайно широк. К примеру, в одном из рисунков на потолке пещеры Хойт-Цэнкер А.П. Окладников видел изображение слона, О.Н. Бадер – носорога, А.А. Формозов – кабана, В.Е. Ларичев – птицы, а одни и те же фигуры пернатых идентифицировались разными исследователями как страусы, дрофы, журавли.

Сама возможность сохранения под открытым небом наскальных изображений эпохи палеолита долгое время ставилась под сомнение, как ранее оспаривалась вероятность сохранения пещерных росписей, гравировок и предметов мобильного искусства эпохи плейстоцена. Одним из основных аргументов против признания глубокой древности подобных памятников было отсутствие среди образов наскального искусства плейстоценовой фауны. Среди изображений животных, зафиксированных на памятнике Калгутинский рудник, нет вымерших видов. Авторам, тем не менее, путем скрупулезного анализа удалось привести убедительные доводы в пользу глубокой древности петроглифов Калгутинского рудника.

Крупнейший отечественный исследователь наскального искусства А.П. Окладников определял некоторые из опубликованных им петроглифов и росписей на открытых плоскостях как палеолитические. Оппоненты А.П. Окладникова подчеркивали, что его выводы зиждутся не на развернутой аргументации, а исключительно на интуиции. Однако, как известно, интуиция – это обобщенный опыт, а в отношении опыта полевых исследований А.П. Окладникову в нашей стране среди его коллег не было равных. Он обладал даром не только видеть то, что было скрыто от глаз других, но и провидеть. С течением времени становилось ясно, что ряд его выводов, которые, по мнению многих современников, как бы ни на чем не основывались, оказались в конечном счете научным предвидением, прозрением.

Вопрос о возможности сохранения древнейших памятников под открытым небом и их хронологическом определении можно было решать лишь на надежном сравнительном материале, и в этом смысле памятники Франции, Испании и Португалии представляют собой отличный полигон. Выявление на юге Европы изображений на скалах, расположенных под открытым небом, казалось бы, позволило достаточно обоснованно соотносить их стиль с уже известными пещерными и датировать петроглифы эпохой плейстоцена. Более позднее наскальное искусство Португалии, Испании и юга Франции имеет совершенно иной набор сюжетов и иконографический облик. Близкие региональные аналогии с пещерными росписями и петроглифами позволяют с большей уверенностью декларировать возможность сохранения при наличии определенных условий изображений под открытым небом. Сами условия, в которых предположительно древнейшие фигуры сохранялись на протяжении тысячелетий, также косвенно свидетельствовали в пользу возможности их значительного возраста: многие из подобных петроглифов располагались на скальных плоскостях с отрицательным уклоном или под козырьками, что отчасти обеспечивало их защиту от воздействия непогоды и так называемых обрастателей. Подобные случаи детально рассмотрены и описаны авторами рецензируемой книги.

Парадоксально, что многие зарубежные исследователи, отметающие как аргумент территориально близкие аналогии и отрицающие результаты стилистического анализа, в то же время уповают на безусловную непогрешимость экспериментальных методов прямого датирования изображений. Такое положение дел ярко продемонстрировала дискуссия вокруг хронологического определения петроглифов из Фош Коа в Португалии. Суть этой дискуссии сводилась к следующему: местонахождения петроглифов в долине Коа были отнесены к палеолиту на основании комплексного стилистического анализа, привлечения близких региональных параллелей с датированными памятниками, по геологическому контексту. Привлеченные специалисты проанализировали петроглифы новыми экспериментальными методами и получили иные датировки, омолаживающие изображения вплоть до нескольких сотен лет (см.: Arte Rupestre, 1998). В этой связи чрезвычайно важно новое открытие, сделанное португальскими исследователями в конце 1999 г., о котором пойдет речь ниже.

Хронологическая шкала европейского пещерного искусства, разработанная на основе стилистического анализа и изучения палимпсестов, в настоящее время подкреплена результатами метода прямого радиоуглеродного датирования пигмента, использованного для создания росписей. Вопрос о достоверности других методов естественных наук, нашедших применение для хронологического определения петроглифов, дискуссионен. Усилиями сторонников экспериментальных мето-

дов датирования фонд ранних изображений значительно расширяется. Так, с помощью методов абсолютного датирования получены очень ранние даты для образцов наскального искусства в Австралии (40 000 лет и даже свыше 58 000 лет тому назад), Африке (Намибия, 28 000–26 000), Индии (25 000), Китае, Северной Америке (11 000), Южной Америке (12 000 и 17 000), причем многие, в том числе и самые древние петроглифы Австралии расположены под открытым небом. В.И. Молодин и Д.В. Черемисин относятся к данным некоторых методов абсолютного датирования, с нашей точки зрения совершенно справедливо, с определенной долей скепсиса, подчеркивая, что "применяемые естественные методы настолько несовершенны, что далеко не всегда могут быть использованы даже в обозримом будущем, а на ряде памятников эти методы вообще неприемлемы" (с. 68).

В современной зарубежной научной литературе подвергается сомнению постулат о том, что ранние петроглифы и росписи обязательно должны быть крупных размеров, что массивность и статичность фигур – непременный признак их архаичности. К примеру, хотя среди изображений Фош Коа встречаются и крупные экземпляры, в большинстве случаев их размеры варьируют в пределах 50–100 см. Это касается не только европейских местонахождений наскального искусства. Авторы рецензируемой книги уделили внимание этому спорному моменту и в близких регионах отметили фигуры эпохи неолита, значительно превышающие размерами калгутинские.

В результате проведенного всестороннего анализа В.И. Молодин и Д.В. Черемисин приходят к заключению, что петроглифы Калгутинского рудника следует отнести к концу эпохи верхнего палеолита и считать их на данном этапе древнейшими не только на плоскогорье Укок, но и на всей территории Горного Алтая. Наскальные изображения Калгутинского рудника составляют часть верхнепалеолитического пласта петроглифов Сибири и Центральной Азии.

Следует отдать должное авторам, проявившим необычайную осторожность в выводах и не претендующим на окончательное решение остро дискутируемой проблемы. Одну из глав В.И. Молодин и Д.В. Черемисин заключают словами: "И тогда, когда мы имели возможность работать непосредственно на памятнике, и сейчас, когда мы завершаем работу над этой книгой, сомнения в правильности предлагаемой датировки отнюдь не покинули нас, в чем нам абсолютно не зазорно признаться перед научным сообществом. На сегодняшний день анализ имеющихся в нашем распоряжении источников позволяет сделать выводы, которые мы и выносим на страницы этой книги. Что будет завтра – покажет время, надеемся, наука обогатится новыми возможностями, способными подтвердить или опровергнуть предлагаемую концепцию" (с. 66).

Новые открытия последовали незамедлительно. Книга уже была готова для отправки в типографию, когда в распоряжении авторов оказались новейшие публикации, рассказывающие о недавних находках в Азии и Европе. Информация о них помещена в книге после "Заключения" в разделе "Post scriptum". Так, в Монголии Д. Цэвээндоржем в долине Бага-Ойгур, сравнительно недалеко от памятника Калгутинский рудник, были обнаружены выбитые наскальные изображения, которые автор открытия идентифицировал как фигуры мамонтов или слонов. На горной гряде Арал-Толгой им же было открыто местонахождение петроглифов, в числе сюжетов которого представлены страусы, напоминающие изображения птиц в пещере Хойт-Цэнкер, а также лошади. В этом же разделе авторы приводят сведения о новейших находках палеолитических изображениях под скальными навесами на юге Испании, которые исследовал С. Лопес (см. также: Martinho Baptista A., 1999; Ripol López S., Municio González L.J., 1999).

В декабре 1999 г., уже после выхода в свет рецензируемой книги, новые находки петроглифов под открытым небом были сделаны в Португалии в ходе продолжающегося археологического обследования в долине реки Дору. В зоне затопления гидроэлектростанции близ местечка Фарисеу во время сброса воды было сделано новое сенсационное открытие. В результате раскопок остатков палеолитической стоянки была обнажена вертикальная поверхность скального выхода, на которой выбиты фигуры животных, преимущественно быков и лошадей. Скальная плоскость и петроглифы на ней практически не патинизированы, что может рассматриваться в качестве свидетельства довольно быстрого образования перекрывавшего изображения культурного слоя, относящегося к протосолютре и граветту. На этом основании авторы открытия предполагают, что возраст петроглифов составляет не менее 21 000 лет. Многие изображения наслаиваются на соседние фигуры, что, по мнению исследователей, не является указанием на хронологический разрыв в их создании. В расположенном выше культурном слое, датированном финальным мадленом и предположительно образовавшемся около 10 000 лет тому назад, был выявлен первый в регионе предмет мобильного искусства – сланцевая галька с геометризированной зооморфной фигурой. Эти находки исключительно важны, поскольку для хронологического определения наскальных изображений наиболее надежными считаются редкие случаи перекрывания поверхности с изображениями культурным слоем или наличие в слое фрагмента рисунка или предмета, относящегося ко времени создания петроглифов или росписей, по-

скольку присутствие материала вблизи плоскости с изображениями еще не является гарантией их одновременности. В мире единичны случаи, когда культурный слой содержал предметы, имевшие непосредственное отношение к созданию наскальных рисунков: куски краски, приготовленной для выполнения изображений или обсыпавшейся в процессе их нанесения, отколовшиеся обломки скал с фрагментами фигур, орудия, предположительно применявшееся древними художниками.

Едва ли не каждая публикация, в которой памятник наскального искусства получал палеолитическую датировку, становилась предметом последующей критики, острота и тон которой иногда выходили далеко за рамки норм научной корректности. Рецензируемая работа в этом смысле является примером скрупулезного, обоснованного анализа и взвешенного, выдержанного сопоставления различных точек зрения, высказанных по спорному, чрезвычайно остро дискутируемому вопросу. Это в определенном смысле учебник для тех, кто только входит в науку, и ориентир для тех, чьи запальчивые или тенденциозные высказывания в пылу полемики вряд ли могут способствовать поиску и постижению научной истины, хотя бы относительной.

Книга В.И. Молодина и Д.В. Черемисина "Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок" представляет собою весомый вклад в разработку проблемы центральноазиатского очага первобытного искусства. Она, безусловно, будет иметь широкий резонанс в среде не только отечественных, но и зарубежных исследователей, поэтому существенно важно, что издание сопровождается обстоятельным резюме на английском языке. Книга уже получила заслуженное признание у научной общественности, став лауреатом конкурса научной книги Сибирского отделения Российской Академии наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волков В.В., Новгородова Э.А., 1975. Советско-монгольская экспедиция // АО–1974.

Кубарев В.Д., 1997. О петроглифах Калгуты // Наскальное искусство Азии. Вып. 2. Кемерово.

Новгородова Э.А., 1983. Аршан-Хад – древнейший памятник изобразительного искусства восточной Монголии // История и культура Центральной Азии. М.

Новгородова Э.А., 1989. Древняя Монголия. М.

Окладников А.П., 1981. Петроглифы Монголии. Л.

Arte Rupestre e Pré-História do Vale do Côa. Trabalhos de 1995–1996 // Ministrério da Cultura, 1998.

Martinho Baptista A., 1999. No tempo sem tempo. Vila nova de Foz Coa.

Ripoll López S., Municio González L.J. (eds), 1999. Domingo Gareía Arte Rupestre Paleolítico al aire libre en la meseta castellana. Salamanca.

Институт археологии РАН, Москва

М.А. Дэвлет, Е.Г. Дэвлет

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 133–137

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О ЖУРНАЛЕ "ТАТАРСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ"

Первый номер журнала "Татарская археология" вышел из печати осенью 1997 г. в Казани, а к концу 1999 г. увидели свет уже четыре его выпуска. Наряду с другой молодой периодикой – "Tatarica" и "Finno–Ugrica" – данный журнал входит в новую серию научных гуманитарных изданий, которой заявил о себе созданный в 1997 г. в структуре Академии наук Татарстана Институт истории (б. Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР). Название журнала призвано показать его широкую направленность, не замыкающуюся на проблемах археологии собственно Татарстана, а объемлющую богатый и глубокий спектр вопросов древней и средневековой истории, археологии, культуры, этногенеза и разносторонних контактов татарского народа.

Эта мысль пронизывает обращение к читателю главного редактора журнала Р. Фахрутдинова. Диапазон перечисленных им основных научных тем и хронологических периодов чрезвычайно широк: от первобытного времени до последних веков позднего средневековья, от начальных этнических образований до эпохи сложения и развития государств Волжской Болгарии, Золотой Орды и Казанского ханства и формирования татарской народности. В связи с тюркоязычностью последней в поле зрения журнала неизбежно попадают историческая судьба и культурное наследие древнетюркского, а позже и всего тюркоязычного евразийского мира, взаимодействующего в Волго-Уральском регионе (и не только в нем) с ираноязычным и финно-угорским мирами. Такой подход весьма раздвигает границы территории, доступной для обзора – от Юго-Восточной Европы через Урал до Центральной Азии. Это, безусловно, положительный потенциал издания при условии его дальнейшей реализации. В связи с этим видится перспективным и необходимым активное привлечение в журнал публикаций об археологических исследованиях в Приуралье, на Южном Урале и в Зауралье, которые вносят сейчас новую струю в изучение местных процессов тюркизации, проникновения кимако-кипчакских элементов, Урало-Сибирского ареала угорских памятников. В последнем номере журнала уже опубликована статья на эту тему (Казаков Е.П., 1999).

За исключением первого, остальные выпуски журнала являются тематическими с подзаголовком на титуле. Так, № 1(2) за 1998 г. посвящен археологии, нумизматике и эпиграфике Золотой Орды, № 2(3) за 1998 г. – кочевому миру средневековой Евразии, № 1–2(4–5) за 1999 г. – средневековой археологии Среднего Поволжья. Несмотря на отсутствие формально выделенных рубрик или разделов в структуре журнала, они фактически проявляются с самого начала, ибо все статьи можно разделить следующим образом:

1. Историография – публикация старых, ныне раритетных или забытых работ, а также историографических обзоров (авторы А. Алексин, Л. Гумилев, Ф. Баллод, В. Григорьев, П. Савицкий, Р. Фахрутдинов, Х. Фейзханов).

2. Культура кочевников Евразии – статьи по гуннской, древнехакасской тематике Л. и И. Кызласовых.

3. Этническая история восточноевропейских степей и ее вопросы (И. Баски, Е. Казаков, С. Плетнева, Р. Рашев).

4. Волжская Болгария, облик и слагающие ее культуры на разных этапах развития (Е. Казаков, Н. Кокорина, А. Петренко, К. Руденко).

5. Золотая Орда – степь и города, Казанское ханство (Н. Кокорина и Р. Фахрутдинов, М. Крамаровский, Л. Недашковский и А. Ракушин, А. Сингатуллина, Г. Федоров-Давыдов).

6. Мусульманская культура и искусство татарского народа, эпиграфика (М. Ахметзянов, Д. Валеева, М. Крамаровский, С. Червонная).

Кроме того, в журнале есть информационная "Хроника" и раздел "In memoriam".

Первый и, скажем так, презентационный выпуск журнала состоит из обзорных публикаций по всем разделам. Две из них в какой-то степени смыкаются, затрагивая проблему нижней даты раннеболгарского периода в истории Волжской Болгарии. Выскажу несколько соображений, вызванных ими. В первой статье "Древние болгары в восточноевропейских степях" С.А. Плетнева продолжает развивать теорию прерывисто-волнообразного, четырехкратного расселения болгарских племен в разные районы Восточной Европы на протяжении VII – начала X в. под воздействием внешнеполитических событий и внутренних факторов (Плетнева С.А., 1997). Постоянная апелляция к письменным документам (византийским, сирийским, армянским, латиноязычным источникам) и параллельная корректировка их археологическими материалами составляют основу статьи. И как всегда у С.А. Плетневой, это

сделано легко и нескучно для читателя. На мой взгляд, в данном случае заметно даже преобладание первого источника над вторым, а вернее, недопривлеченность относительно новых археологических памятников VIII–X вв. В их числе поселения и могильники в Прикубанье и Закубанье и Северо-Восточном Причерноморье с яркими вещевыми комплексами и керамикой, входящими в салтово-маяцкие древности. Правда, информация об этих памятниках пока чаще всего довольно краткая, отрывочная и разбросана во второстепенных малодоступных местных изданиях.

В числе особо значимых стоит вопрос о первых болгарах на Средней Волге. С.А. Плетнева не исключает теоретической вероятности их появления здесь в первую волну миграции во второй половине – конце VII в., чему, с ее точки зрения, пока нет археологических свидетельств. Также их нет и для периода арабо-хазарских войн первой половины VIII в., хотя и в этом случае можно предположить, что часть эмигрирующих из Предкавказья болгар могла достичь Прикамья (Плетнева С.А., 1997, с. 42, 44). По мнению С.А. Плетневой, проникновение болгар в Волго–Камье четко отражено могильниками и поселениями IX в. и, таким образом, лишь третья волна болгарских передвижений запечатлелась в Поволжье археологически (Плетнева С.А., 1997, с. 46; Степи Евразии..., 1981, с. 77).

Однако до недавнего времени специалисты-болгароведы самые ранние памятники волжских болгар относили ко второй половине VIII–IX в., а для датировки раннеболгарского периода в истории Волжской Болгарии ключевыми считали не совсем одновременные Больше-Тарханский, Танкеевский, Тетюшский грунтовые могильники, ряд селищ и других памятников (Хлебникова Т.А., 1984, с. 27–31). Ситуация изменилась в связи с открытием в Заволжье и на Самарской Луке новых могильников – курганов "новинковского типа", датирующихся от второй половины VII до первой половины VIII в. или вплоть до его конца. Хотя "новинковские" курганы объединяет ряд признаков, не встречавшихся прежде в здешних болгарских погребениях, их приписывают ранним болгарам (Матвеева Г.И., 1997) или праболгарам (Багаутдинов Р.С. и др., 1998), не все исследователи принимают эти памятники за болгарские, так как не видят их отражения в дальнейшей местной культуре (Казаков Е.П., 1999, с. 29, 30). Кроме того, отмечают их типологическую неоднородность, пестроту погребальных обрядов, неустойчивость вещевых комплексов в целом и типов вещей в частности. Безусловно, в распоряжении археологов сейчас оказались памятники периода, предшествующего возникновению Волжской Болгарии как государства, а о правомерности выделения такого периода и об условности его нижней границы задолго до этого высказывались болгароведы. Так что в решении вопроса о первых болгарах или праболгарах на Средней Волге, действительно, дело за дальнейшими исследованиями. Новое мнение представлено в "Татарской археологии" – это попытка вычленить из степных восточноевропейских погребений раннего средневековья "достоверно болгарские" VI–VII вв. (впускные курганные с северо-восточной ориентировкой) и генетически, по погребальному обряду, предшествующие им захоронения IV–V вв. (Рашев Р., 1998, с. 65–68).

В совокупности новинковских памятников Е.П. Казаков обособляет уреньскую группу курганов с округлыми или подпрямоугольными ровиками, аналогии которым видит в нижнедонских и нижневолжских курганах VIII–IX вв., предположительно хазарских. На этом основывается его тезис о хазарском участии в культуре Волжской Болгарии, а выделению этого и других этнических компонентов населения этого государства посвящена вторая из упомянутых статей первого номера журнала (Казаков Е.П., 1997). К другим компонентам относятся аланский, угорский, печенежский, так называемый позднеболгарский и кипчакский.

Вообще взаимоотношения молодой Волжской Болгарии и соседствующих с ней кочевых этносов, взаимовлияние их культур – особая тема, и Е.П. Казаков давно начал ее разработку на археологических материалах. По прочтении его новой статьи мне представилась более корректной та постановка вопроса, которой автор придерживался в ранней работе. Там речь шла о том, что археологические комплексы, *условно* определяемые как хазарские и печенежские, *не всегда отражают этническую специфику* (курсив мой. – *Е.А.*) и скорее выявляют хронологическую и географическую принадлежность культурных явлений (Казаков Е.П., 1991, с. 168). В обоих случаях Е.П. Казаков называет печенежским погр. № 623 Танкеевского болгарского могильника с северо-восточной ориентировкой, северной приступкой могильной ямы, шкурой коня на дне слева от умершего. Нельзя согласиться с его выводом, что оно "до деталей совпадает" с печенежскими погребениями X–XI вв., как их определяла С.А. Плетнева (Казаков Е.П., 1991, с. 171). По Плетневой, печенежкому погребальному обряду, как правило, свойственна западная ориентировка. Правда, благодаря исследованиям В. Кригера в Заволжье и Приуралье мы знаем, что восточная ориентировка изредка встречается в печенежских могилах, а в огузских погребениях – тоже редко, но фиксируются северная приступка ямы и кости ног коня на ее дне справа или слева от покойного. Кстати, эти отклонения от традиционных обрядов огузов и печенегов он считает иноэтничными влияниями (Кригер В.А., 1985, с. 16; 1993, с. 138). Таким образом, погр. № 623 Танкеевского могильника не

является эталонным, обряд его смешанный, и его нельзя трактовать однозначно, хотя в общем печенежский след в Танкеевском и Больше-Тарханском могильниках признается (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 137).

Интересны наблюдения Е.Д. Казакова над одной из групп керамики Волжской Болгарии – лепными плоскодонными горшками с резной орнаментацией. Такая орнаментация в виде насечек и волны начинает появляться на прежде простых горшках в первой половине X в., вероятно, как знак проникновения в Среднее Поволжье каких-то этнических групп с юга (Казаков Е.П., 1991, с. 170). В соответствии с политическими событиями в их числе могли быть печенеги, под натиском огузов покидающие в конце IX – начале X в. места своего обитания в двух направлениях: на запад за Волгу и на север к близким соседям-болгарам. По Плетневой, воинственные печенеги были виновниками четвертой волны болгарских переселений в начале X в. (Плетнева С.А., 1997, с. 48, 49).

Во второй половине – конце X в. в Волжской Болгарии распространяются новые типы лепной керамики, в том числе кувшины с резным гирляндообразным орнаментом и горшки с "гофрированным" венчиком (т.е. с насечками или защипами по венчику), предположительно огузо-печенежского круга. Они бытовали здесь и в XI в. Такая выразительная керамика найдена на Измерском селище в низовьях Камы, а аналогии ей имеются в Саркеле на Нижнем Дону (Казаков Е.П., 1991, с. 172–175, рис. 53; 1997, с. 65). Непонятно, почему Е.П. Казаков не сопоставил свои наблюдения с выводами Т.А. Хлебниковой, выделившей в керамике Волжской Болгарии вторую этнокультурную группу – лепную посуду с нарезками и вдавлениями по венчику и резной орнаментацией на некоторых ее видах. Эта группа на памятниках IX–XI вв. Волжской Болгарии представлена болгарским и печенежско-огузским вариантами, но в большей степени свойственна южным ее районам, причем в X–XI вв. там преобладает печенежско-огузский вариант (Хлебникова Т.А., 1984, с. 216–219).

Этот и другие новые элементы культуры, в том числе руническое письмо, Е.П. Казаков связывает с очередным, на сей раз массовым "позднеболгарским" притоком населения с юга, в который были втянуты и представители кочевого тюркского мира. Эта волна докатилась до среднего Поволжья вследствие окончательного разгрома Хазарского каганата в 960-х годах (Казаков Е.П., 1997, с. 65, 67). Замечу, что в первой половине XI в. в Волжскую Болгарию аналогично печенегам могли проникать огузские племена, сдвинутые со своих кочевий кипчаками. По-видимому, перспективны дальнейшие поиски следов присутствия носителей упомянутых новшеств, в том числе на селищах X–XII вв. в низовьях Камы и на южных болгарских рубежах. В этой связи кочевнические инновации на селищах Нижней Камы можно рассматривать как свидетельство оседания части огузских племен (см. также: Иванов В.А., 1993, с. 96). Во всяком случае топонимика и русские летописи давно позволили ставить вопрос о "торкских и берендейских" поселениях на болгарском пограничье (Расовский Д.А., 1936, с. 165, 169). Лингвистическими данными подтверждается образование огузо-булгарского объединения с единым языком, в основе которого лежал заметно обулгаризированный огузский (Баскаков Н.А., 1982, с. 39).

Рассуждая об аланском компоненте, Е.П. Казаков приводит в пример три подкурганных подбойных погребения Шиловского могильника, по чертам обряда идентичных погребениям лесостепного, аланского варианта салтово-маяцкой культуры (Казаков Е.П., 1997, с. 62). Независимо от трактовки этих погребений самим их исследователем Р.С. Багаутдиновым методически недопустимо говорить о некой группе населения на основании пока еще единичных фактов, хотя Е.П. Казаков привлекает в качестве дополнительных "аланских" свидетельств отдельные типы круговой посуды из болгарских некрополей. В остальном пусть разбираются специалисты-алановеды.

Если в ранней работе Е.П. Казаков только поставил задачу изучения болгаро-половецких контактов, то в статье в "Татарской археологии" он уже в самых общих чертах изложил первичные результаты выявления кипчакского компонента. Это сводка пока немногочисленных данных о памятниках золотоордынского времени на территории Волжской Болгарии, приписываемых кипчакам и другим кочевническим группировкам (Казаков Е.П., 1997, с. 67). На мой взгляд, эта работа послужит отправной точкой для последующих исследований в данном направлении. Во всяком случае публикация в журнале соответствующих материалов уже продолжилась статьей К. Руденко (1999).

Я присоединяюсь к замечанию, что влияние культуры самих волжских болгар на культуру их южных тюркоязычных соседей в IX–XI вв. изучено мало. В ходе работы над историей исследования огузов у меня возникли кое-какие предположения по этому поводу, которые сейчас уместно привести. Дело в том, что в погребальном ритуале курганов огузо-печенежского времени в Заволжье и Южном Приуралье присутствуют частные, не основные и редко встречающиеся признаки, в которых усматривают свидетельства иноэтничности. Например, к ним относят наличие угля и костей животных в насыпях, ступеньки и подбои в могилах, северную и восточную ориентировку погребенных, сопроводительную загроб-

ную пищу (Кригер В.А., 1993, с. 138). Однако существуют и прочие "частности" в кочевнических могилах IX–XI вв.

1. Подстилка из веток или тростника (камыша) под умершим. Она зафиксирована в курганах Донского Правобережья, Нижнего Поволжья в ур. Кривая Лука и на Ахтубе, на Восточном Маныче, в Волгоградском и Куйбышевском Заволжье (Гуренко Л.В., 1993; Дворниченко В.В. и др., 1977, с. 36; Мыськов Е.П., 1993, с. 69–83; Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1987, с. 44; Яворская Л.В., 1997, с. 148–160; Васильева И.Н., 1979, с. 217). Иногда камышовый тлен прослеживался и поверх скелета, а в ряде случаев вместо камыша подстилалась кора (Васильева И.Н., 1985, с. 173–176; Яворская Л.В., 1997, с. 148–160).

2. Угольки в могилах рядом с погребенным. Эта деталь присутствует в курганах Среднего и Нижнего Поволжья (Мыськов Е.П., 1993, с. 69–83; Васильева И.Н., 1979, с. 218, 219; 1985, с. 173–176). Особняком стоит огузское (?) погребение у пос. Болгарский Актюбинской обл., в котором не отдельные угольки, а углистый слой остался поверх жердевого перекрытия подбоя после какого-то огненного ритуала (Гуцалов С., 1993, с. 91–94; рис. 1; об этом ритуале см.: Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 123).

3. Гроб или покрытие из бересты, встреченные в курганных погребениях Бекешевских могильников на южном Урале и в Зауралье (Гуцалов С., 1993, с. 91–94; Боталов С., Костюков В., 1993, с. 42–49; Пшеничнюк А.Х., 1984, с. 60–70). Правда, этническая принадлежность исследованных А.Х. Пшеничнюком, Н.А. Мажитовым и С.Г. Боталовым погребений IX–XII вв. окончательно еще не выяснена. Южноуральские приписывают либо древним венграм, либо протобашкирам, а зауральские – кипчакам, что же касается урало-казахстанских степей, то пока здесь обнаружено очень мало памятников указанного периода.

4. Заупокойная мясная пища в могилах. Фиксируется преимущественно в Поволжье, но также в Донском Правобережье и на Южном Урале (Васильева И.Н., 1979, с. 217, 218; Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989, с. 19–21, 53–54; Мыськов Е.П., 1993, с. 69–83; Гуренко Л.В., 1993, с. 36–38; Пшеничнюк А.Х., 1984, с. 60–70; Иванов В.А., 1990, с. 24).

Надо сказать, что перечисленные частные признаки пока не поддаются корреляции между собой и с другими обрядовыми элементами. На данном этапе складывается впечатление, что подстилки органического происхождения, угольки и заупокойная пища более характерны для поволжских погребений. Эти же самые особенности в южнорусских курганах XI–XIII вв. со смешанным погребальным обрядом С.А. Плетнева возвела к древнеболгарским VIII–IX вв. (Плетнева С.А., 1958, с. 182–184; Степи Евразии..., 1981, с. 70, 78, 219). Возможно, что и в поволжских кочевнических погребениях огузо-печенежского времени эти черты можно связывать с болгарским влиянием, тем более что часть этих племен граничила и общалась с населением Волжской Болгарии. В Болгарских погребениях Волго-Камья есть, как и в салтово-маяцких древностях IX в., деревянные сосуды с металлической оковкой края, и точно такие же попадаются в поволжских кочевнических погребениях IX–XI вв.

В заключение – несколько общих впечатлений о журнале. Несмотря на заявленную широкую тематику, пока в нем не было статей по археологии первобытной эпохи, бронзы и железного века, т.е. по древней истории. В сущности издание замыкается на средневековье. Может, именно таким журнал стал в реальной своей жизни, а читатели вправе ожидать его дальнейшие выпуски, посвященные древним периодам истории и ар-хеологии. Интересны и разнообразны по содержанию номера, удобны формат и объем. И еще одно: благодаря последовательной пока публикации "Татарской археологией" статей по лингвистической (булгарский язык, руника) и эпиграфической (булгарское письмо в арабской графике) тематике есть надежда на дальнейшее развитие этой рубрики журнала, что особенно важно после прекращения в 1990 г. издания "Советской тюркологии", выходившего в течение 21 года. В какой-то степени это восполняет образующуюся лакуну. Тут можно вспомнить о комплексности как доброй традиции российской востоковедческой школы, в которой Казани изначально принадлежало заметное место (деятельность династии Хальфиных и кафедры восточных языков Казанского университета, издание в 1906 г. "Родословной тюрок" (Абул-Гази и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998. Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара.

Баскаков Н.А., 1982. Микроэтнонимы узов (огузов) – Черных Клобуков в русских летописях // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XXXVI (1–3). Budapest.

Боталов С., Костюков В., 1993. Кыпчакские погребения XI–XII вв. в Южном Зауралье // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.

Васильева И.Н., 1979. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Куйбышев.

Васильева И.Н., 1985. Новые погребения средневековых кочевников в Куйбышевской области // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев.

Гуренко Л.В., 1993. Новые курганные материалы Донского Правобережья // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград.

Гуцалов С., 1993. Погребение огузо-печенежского времени в кургане Болгарка I // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.

Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1977. Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 году // Древности Астраханского края. М.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989. Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.

Иванов В.А., 1990. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII–XIV вв. н.э. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.

Иванов В.А., 1993. Три стадии кочевания в истории средневековых племен Урало-Волжских степей // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.

Казаков Е.П., 1991. О взаимодействии волжских булгар с тюркоязычным населением Юго-Восточной Европы в IX–XI вв. // Прил. к книге: Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань.

Казаков Е.П., 1997. Об этнокультурных компонентах народов Юго-Восточной Европы в Волжской Болгарии (по археологическим материалам) // ТА. № 1.

Казаков Е.П., 1999. Новые археологические материалы к проблеме ранней тюркизации Урало-Поволжья // ТА. № 1–2(4–5).

Кригер В.А., 1985. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X–XIV вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Кригер В.А., 1993. Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара.

Матвеева Г.И., 1997. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара.

Мыськов Е.П., 1993. Погребения кочевников IX–XI вв. на Ахтубе // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград.

Плетнева С.А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62.

Плетнева С.А., 1997. Древние болгары в восточноевропейских степях // ТА. № 1.

Пшеничнюк А.Х., 1984. Курганы средневековых кочевников на Южном Урале // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа.

Расовский Д.А., 1936. Половцы. II. Расселение половцев // Seminarium Kondakovianum. T. VIII. Praha.

Рашев Р., 1998. О возможности выделения самых ранних археологических памятников праболгар в степях Восточной Европы // ТА. № 2(3).

Руденко К., 1999. Могильник на острове "Песчаный" // ТА. № 1–2(4–5).

Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1987. Древности Восточного Маныча. Элиста.

Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР, 1981. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Хлебникова Т.А., 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.

Яворская Л.В., 1997. Средневековые погребения у пос. Верхний Балыклей // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 2. Волгоград.

Институт археологии РАН, Москва

Е.А. Армарчук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 138–140

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. А. Дэвлет. ПЕТРОГЛИФЫ НА ДНЕ САЯНСКОГО МОРЯ (гора Алды-Мозага). М.: Памятники исторической мысли, 1998. 287 с.

Вышла в свет новая книга маститого ученого, автора нескольких широко известных монографий по петроглифам Верхнего Енисея М.А. Дэвлет. Поистине блестящая работа, книга-итог, книга-учебник, книга, которую ждали. Эта монография станет, уверена, настольной книгой не только для профессионалов, но и, что особенно важно, для студентов-историков, специализирующихся по археологии. Ее с удовольствием прочтут также и все любители истории, интересующиеся древним искусством, поскольку написана она легким, доступным языком. Книга к тому же замечательно издана, и это очень важно, так как предназначена она для работы, а не для книжной полки. Твердый переплет и качественная бумага обещают ей долгую жизнь.

Монография М.А. Дэвлет вышла очень своевременно. Это итоговая работа не только для автора, но и для всего научного направления, каким является петроглифоведение.

Последние годы стали для российского петроглифоведения поистине годами подъема. Хотя финансовые трудности несколько снизили темпы его развития, тем не менее специалисты смогли реализовать имевшиеся возможности для более плодотворного профессионального сотрудничества, в результате чего участились встречи с коллегами на разного рода форумах как в России, так и за рубежом. Стоит назвать хотя бы коллоквиум в Париже (1995), конференцию в Кемерове (1995), собравшие значительное число профессионалов. Наши ученые принимали участие в симпозиумах, организованных и проводившихся в разных странах: Намибии (1996), Боливии (1997), Португалии (1999), США (1999) и др. На международной конференции по первобытному искусству, проходившей в Кемерове в 1998 г. свыше 130 участников из 11 стран представляли основные научные центры по изучению первобытного искусства. Эти конференции были посвящены непосредственно проблемам изучения наскального искусства. На таких встречах решается множество разнообразных вопросов и практически всегда обсуждается проблема сохранения петроглифов для потомков. За последние годы создан обширный источниковый фонд, растет число публикаций, поэтому назрела необходимость скорейшего осмысления накопленного материала. На этом фоне новое монографическое исследование М.А. Дэвлет представляет огромный интерес; полагаю, что оно – достойный вклад в дело развития отечественной науки.

Следует отметить, что эта монография – результат многолетней работы специального отряда по изучению петроглифов Тувинской археологической экспедиции, возглавлявшейся автором книги. Отряд работал на труднейшем участке Саянского каньона правого берега р. Енисей в устье его притока р. Чинге. Усилия не пропали даром: для науки сохранены копии изображений интересного памятника Алды-Мозага, ныне ушедших под воду и, возможно, навсегда утраченных. Понимая всю ответственность за качество исследований, отряд вел самоотверженную кропотливую работу по копированию и описанию рисунков. Эти материалы и легли в основу книги М.А. Дэвлет.

Монография продумана до мелочей, выстроена логично и увлекательно. Начнем с Введения, которое будет интересно любому читателю, даже мало посвященному в проблемы петроглифоведения. В нем сообщается, что такое наскальные изображения вообще и в чем своеобразие тувинских рисунков; каковы особенности р. Енисей – крупнейшей водной артерии России; почему возникла проблема изучения наскальных рисунков, покрывающих прибрежные скалы и камни по берегам этой реки. Здесь же мы находим краткую историю археологических изысканий в этом крае, особенности топографии самого объекта исследования – памятника Алды-Мозага.

Истории изучения петроглифов Саянского каньона Енисея посвящен специальный раздел. С огромным уважением к работе предшественников в нем изложена история исследований древних рисунков Верхнего Енисея. Использование дневниковых записей первооткрывателей придает тексту особую окраску, они позволяют поверить, что плыть против течения по Улуг-Хему и его притокам – наказание: "...руки в мозолях, каждый метр – с боями...", и как будто видишь эту поразительной прозрачности воду, которая "журчит по камням удивительных расцветок". Далее приводится подробный отчет о деятельности отряда по изучению петроглифов начиная с 1974 года.

Очень важным представляется раздел "Вопросы методики фиксации петроглифов". Любой исследователь, занимаясь копированием наскальных изображений, пытается найти наилучший способ фиксации рисунков каждого конкретного памятника, стараясь учитывать специфику последнего. Многолетний опыт проведения полевых работ и высокий профессионализм М.А. Дэвлет позволяют ей давать объективную оценку результатам исследований своих коллег, высказывать свое мнение по тем или иным дискуссионным вопросам, касающимся многих специфических профессиональных приемов копирования. Автор не только обобщает опыт копирования петроглифов в целом, но и щедро делится своим, подчеркивая, что методика полевых работ с таким сложным материалом, каким являются петроглифы, не может быть разработана на все случаи жизни и быть одинаково применимой к любому памятнику. И в настоящее время методические основы подхода к наскальному искусству находятся в процессе становления, совершенствуясь параллельно с развитием науки и техническим прогрессом.

Описанию особенностей памятника, самих петроглифов, прорисовкам и фотографиям уделено более 120 страниц книги. Описано 152 камня с рисунками, иллюстративный материал размещен в 52 таблицах. Ряд разделов посвящен анализу этого материала. В первом из них – "Периодизация и сюжеты" – предпринята попытка датировки петроглифов Алды-Мозага, определены группы петроглифов эпохи бронзы, скифского и гуннского, а также позднейшего времени.

Наиболее представительна серия изображений, относящихся к эпохе бронзы. Личины-маски являются наиболее характерным и впечатляющим сюжетом этой эпохи в Саянском каньоне. Здесь их более 300. Материал досконально изучен автором монографии и детально проанализирован. В тексте приведены дискуссионные вопросы, автор полемизирует с оппонентами, аргументированно доказывает свою точку зрения. Очень любопытны наблюдения по топографии изображений личин-масок, которые сосредоточены по преимуществу близ воды "лицом к реке", на плоскостях, обращенных к Енисею, в результате чего создается иллюзия созерцания личиной водной стихии. Закономерность их размещения такова: чем ближе они к Енисею, тем старше. М.А. Дэвлет подобран блестящий иллюстративный материал, огромное количество аналогий. Пожалуй, ни одно изображение не осталось вне поля зрения автора, и каждому приведена аналогия. Правда здесь есть одно "но": на мой взгляд, такой подход бывает не вполне оправдан, так как мы имеем дело с особым материалом – изображением на камне, а оно не всегда могло дойти до нашей эпохи таким, каким было задумано древним художником. Я имею в виду тот факт, что выбитая фигура, определяемая как "парциальная", в древности могла и не быть таковой, так как отсутствующие ныне детали были выполнены, возможно, гравированными линиями, настолько тонкими, что со временем они выветрились и не дошли до нас. Такие примеры имеются и среди представленного тувинского материала (см. рис. 2–8), поэтому уникальность многих изображений, по-видимому, относительна. Кроме того, отдельные изображения можно отнести к рассматриваемой эпохе с большой натяжкой: например, фигуры козлов на камне 28 могли быть созданы и в любую другую эпоху; тем более трудно поверить, что на спине одного из них запечатлен некий мифологический "всадник" (с. 169). Малоубедительна, на мой взгляд, и трактовка ряда изображений как "распластанных шкур животных", "преимущественно бычьих", особенно если взглянуть на рис. 11 (*1–7*). Тем более что никаких композиционных привязок не обнаруживается. Вместе с тем хочу подчеркнуть, что это моя субъективная точка зрения, не всегда мнения исследователей совпадают. Так, к слову, и сама М.А. Дэвлет приводит примеры иного прочтения наскальных рисунков. В частности, изображения, называемые ею жилищами и оградками, Т.Д. Скрынникова прочла иначе: округлая оградка с точками – это "...безусловно (! – *О.С.*), небесная сфера, усеянная звездами, а квадрат с точкой посередине... – земля".

В целом весь представленный материал, содержащий разновременные изображения и сюжеты, всесторонне проанализирован автором работы. Некоторые идеи, высказанные в предыдущих работах, углублены с учетом новых наблюдений.

Безусловно, большой интерес вызывает раздел "Древние верования и проблема генезиса шаманизма". Вопросы семантики наскальных рисунков неизбежно встают перед исследователями и остаются наиболее дискуссионными. Понимая, что по материалам тувинских петроглифов вряд ли удастся определить время зарождения и генезис шаманизма, поскольку утрачены многие звенья этой цепи, М.А. Дэвлет встала на более продуктивный путь: попыталась рассмотреть это явление на конкретном историческом этапе – эпохи бронзы, поскольку именно этот период наиболее полно отражен в материалах наскального искусства данного региона. В этом контексте были рассмотрены прежде всего изображения личин-масок. Привлекая данные этнографии, археологические материалы, эпос, шаманские легенды и т.д., М.А. Дэвлет постаралась доказать, что на скалах были запечатлены во всем их многообразии когда-то реально существовавшие культовые маски шаманов. Были выявлены отдельные элементы шаманской практики. Также продолжена и развита идея, связанная с традицией изображения на скалах мифических персонажей в грибовидных

головных уборах. Здесь они трактуются как "шаманствующие лица". Часть зооморфных персонажей, включенных в конкретные композиции, отнесена к разряду эренов – помощников шаманов. Изображенные на скалах Алды-Мозага образцы колесного транспорта М.А. Дэвлет склонна трактовать как ирреальные, "небесные" колесницы, транспортная функция которых была приспособлена для проникновения в потусторонний мир. Изображения некоторых жилищ видятся ей как жилища божеств. О почитании древним населением Верхнего Енисея небесных светил, о знании ими созвездий можно судить, по мнению автора монографии, по изображениям солярного характера. На скалах Мугур-Саргола и Алды-Мозага солярные знаки встречаются в устойчивых сочетаниях с изображениями личин и жилищ с примыкающими к ним загонами. В таких триединых рисунках – с личиной, жилищем и солярным символом – закодирован целый мир представлений творцов петроглифов и их соплеменников, участников первобытных мистерий. М.А. Дэвлет предлагает рассматривать их как своеобразные зримые благопожелания. Основываясь на представлениях М.Ф. Косарева о структурной основе шаманизма, М.А. Дэвлет предприняла попытку на материалах петроглифов реконструировать представления древних жителей Верхнего Енисея. Было сделано предположение о возможности выделения трехсферной модели Вселенной, о наличии отдельных отголосков анимизма, воплощении на скалах представлений о круговороте жизни и смерти.

В целом урочище Мугур-Саргол и гора Алды-Мозага оцениваются автором исследования как древнее святилище. Тому благоприятствовали местоположение памятников, изолированность местности, расположение на перекрестке сухопутных и водных путей. Не исключено, что одним из побудительных мотивов создания здесь характерных изображений было и падение на Верхнем Енисее гигантского метеорита "Чинге". М.А. Дэвлет предлагает свою точку зрения на определение последовательности нанесения изображений на каменные плоскости и обосновывает ее.

В специальном разделе "Загадка грозной мистерии" намечены пути к реконструкции первобытных ритуалов, с течением времени включенных в систему ламаистской обрядности и ставших прообразом грозной мистерии цам. Демонические маски, изображенные на скалах, рассматриваются как древние прототипы масок докшитов – действующих лиц мистерии. Сопоставления верхнеенисейских изображений с материалами пакистанско-западногерманской экспедиции в верховьях р. Инд позволяют выявить ту территорию, где могли иметь место контакты древнего населения, использовавшего в культовых целях маски и рогатые головные уборы, с буддийским миром. В результате этих контактов первобытная мистерия была ассимилирована северным буддизмом-ламаизмом и оформлена в храмовый праздник цам. Таким образом, приоткрывается завеса над тайной возникновения первобытной мистерии, скрытой за напластованиями буддийской символики.

Книга прочитана. О ней можно спорить. Но автор попыталась дать цельную картину богатейшего мира верхнеенисейских петроглифов, и ей это удалось. Наука получила новый петроглифический материал – обширное поле для новых идей, оригинальных взглядов, смелых выводов.

Кемеровский государственный университет

О.С. Советова

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 141–145

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

АРХЕОЛОГИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ
М.: Издательство "Д и К", 1997. 758 с. Тираж 1400 экз.

Фундаментальный труд, подготовленный коллективом сотрудников Института языка, литературы и истории Коми научного центра РАН, был издан при содействии главы Республики Коми Ю.А. Спиридонова. Книга состоит из шести частей, введения и заключения.

Во введении (автор Э.А. Савельева) отмечено, что книга представляет собой первое в отечественной науке обобщающее исследование, в котором подведены итоги археологического изучения северо-востока Восточной Европы с середины XIX века по настоящее время. Сплошное обследование территории республики Коми началось в 60–70-е гг. и позволило разработать первую историко-культурную концепцию развития региона от палеолита до средневековья. Новый этап в развитии археологии края пришелся на 70–90-е гг. Для него характерно расширение географии исследований.

Естественно, что в таком труде большое внимание уделяется истории изучения археологических памятников в регионе. Этому посвящена часть первая "История археологического изучения европейского северо-востока", написанная Э.А. Савельевой (с. 9). Выделяются три этапа археологических исследований: 1) с середины XIX в. по 20-е гг. XX в.; 2) 20-е – первая половина 50-х гг.; 3) с конца 50-х гг. по настоящее время. В конце 50-х – начале 60-х гг. в отделе истории Коми филиала АН СССР стали работать археологи-профессионалы и с этого времени началось планомерное изучение древностей региона.

Особо надо отметить открытие палеолита в бассейне реки Печора (с. 16). Планомерные исследования позволили выявить памятники всех эпох – от палеолита до позднего средневековья. Целенаправленное изучение поселений и могильников перми вычегодской привело к созданию базы данных по культуре древних коми.

Часть вторая "Палеогеография европейского северо-востока в период верхнего плейстоцена–голоцена" написана В.С. Стоколосом. Анализ климатических изменений на протяжении последних 12–10 тыс. лет позволяет рассматривать историю человека в регионе с учетом его взаимодействий с природной средой на каждом этапе.

Часть третья "Каменный век" включает три главы, первая из которых, "Палеолит", написана П.Ю. Павловым. Проанализировав природные условия в регионе, автор пришел к выводу, что на протяжении среднего и верхнего плейстоцена территория была доступна для заселения человеком (с. 48), особенно благоприятные условия были в межледниковья среднего и начала позднего плейстоцена. Климат был значительно теплее современного и широколиственные леса простирались до побережья Ледовитого океана.

Касаясь истории изучения палеолита на северо-востоке Европы, автор отмечает, что первые памятники были обнаружены М.В. Талицким на Верхней Каме в 1938 г. В 1960 г. были проведены раскопки в гроте Медвежьей пещеры на Печоре и благодаря этому была обнаружена верхнепалеолитическая стоянка. Вслед за этим целенаправленные исследования привели к открытию ряда памятников, что позволило приступить к рассмотрению проблемы о первоначальном расселении человека на этой территории. По мнению автора, к нижнему палеолиту может быть отнесено харутинское местонахождение (с. 53), прочие памятники – к верхнему. Всего автором описано шесть памятников.

Глава вторая "Мезолит" написана А.В. Волокитиным (с. 91). По мнению автора, мезолит в данном регионе связан с приходом населения, уже имевшего сложившуюся мезолитическую культуру. Изучение мезолита началось с открытия стоянок в долине р. Вычегда в 1957 г. В настоящее время в пределах Республики Коми всего известно 79 памятников. Вместе с тем автор отмечает, что раскопки проводились только на двадцати (с. 99). Удалось выделить две культурные традиции: приуральскую (местную) и западную, связанную с проникновением населения из районов Прибалтики и Прионежья (с. 106). Судя по тому, что элементы культуры памятников приуральской традиции не имеют продолжения в неолите, они существовали здесь относительно непродолжительное время – VIII тыс. до н.э.

Глава третья "Неолит" написала Л.Л. Косинской. Автор отмечает, что важнейшим достижением неолита в рассматриваемой зоне является изобретение и распространение глиняной посуды. Хозяйство оставалось присваивающим, в то время как на юге формировалась производящая экономика (с. 150). Совершенно правильно отмечено, что лесной и степной миры не были изолированы, а находились в системе сложных взаимосвязей, ре-

зультатом которых были культурные импульсы. Формирование неолитических культур в лесной зоне происходило несколько позднее, чем в степной. Большое внимание в книге уделено природным условиям в эпоху неолита (с. 151). Это было время мягкого климата, расцвета растительного и животного мира, когда тайга достигала побережья Ледовитого океана. На настоящий момент эпоха неолита представлена только поселениями, погребальные памятники не найдены.

Большое внимание автор уделяет проблеме хронологии и периодизации неолитических культур (с. 153). Материал позволяет сделать вывод о присваивающем характере экономики: главную роль играли охота и рыболовство (с. 179). Данных, позволяющих говорить об элементах производящей экономики, нет. Среди объектов промысла основную роль играли лось, северный олень и бобр.

Несомненный интерес представляет попытка автора определить количество жителей на поселениях и в жилищах (с. 183). Всего в настоящее время выявлено 59 памятников эпохи неолита (с. 188 – карта). Надо отметить схему периодизации неолита европейского северо-востока (с. 210–212).

Автором части четвертой "Энеолит и бронзовый век" является В.С. Стоколос.

Глава первая посвящена рассмотрению культур эпохи неолита. Как отмечает автор, он охватывает период с первой половины III до середины II тыс. до н.э. Переход к новой эпохе связан с потеплением климата и с оживлением связей с южными соседями, которые уже были знакомы с металлом. Начало этапа было определено на основании анализа инвентаря и радиокарбонных анализов. В материалах чужъяельской культуры в ранний ее период автор находит элементы прикамского неолита и верхневолжской культуры.

Чойновтинская культура сформировалась во второй половине III тыс. до н.э. В это время граница леса и тундры проходила примерно там же, где и в настоящее время. Культура сформировалась и существовала в пределах лесной зоны (с. 229–230).

Описанию памятников эпохи бронзы посвящена глава вторая "Бронзовый век" (с. 246). Переход к бронзе на рассматриваемой территории совершился в середине или третьей четверти II тыс. до н.э. Это событие автор связывает с миграцией из-за Урала группы сейминско-турбинских металлургов.

В третьей главе рассмотрены хозяйство и общество в эпоху энеолита – бронзы и некоторые вопросы этнокультурной истории (с. 265). По мнению автора, в период энеолита – бронзы на рассматриваемой территории господствовала присваивающая экономика, основу которой составляли охота и рыболовство. Появление металла – меди и бронзы – первоначально не привело к ощутимым переменам в кремневой и костяной индустрии. Основными объектами охоты были, по-видимому, лось и северный олень.

По мнению автора, некоторые материалы позволяют говорить о зачатках производящего хозяйства, которые он связывает с периодами потепления. Автор указывает на находки пряслиц, свидетельствующих, по его мнению, о прядении (с. 266). Однако этот факт нельзя рассматривать как зачатки производящего хозяйства. Как можно заключить из археологических и этнографических материалов, люди, ведущие присваивающую экономику, в совершенстве умели использовать то, что они добывали собирательством и охотой. Конечно, эти коллективы не были изолированы и могли вести обмен с соседями, которые имели более совершенную экономику. Однако о формировании производящего хозяйства у обитателей рассматриваемого региона можно будет говорить только после получения материалов, действительно свидетельствующих о земледелии или скотоводстве.

Большой интерес представляют соображения автора относительно численности коллективов (с. 267). Разные исследователи определяют размер семьи в каменном веке не более 5–6 человек. Наряду с этим существует мнение, что семья из 6 человек означала бы бурный рост населения, что маловероятно в тех условиях. Я не могу привести аргументы в пользу той или иной точки зрения, однако, несомненно, надо учитывать малую продолжительность жизни в то время и редкость населения. Слишком малочисленные коллективы могли исчезнуть. Социальная структура общества в рассматриваемый период, судя по материалу, составляла род и племя (с. 270). С этим выводом автора нельзя не согласиться.

Для гаринско-борского общества автор отмечает сложную структуру поселения, включающую жилые и хозяйственные постройки и, по-видимому, загон для скота. Жилое сооружение близко тому, что известно для степных и лесостепных скотоводов, а также земледельцев. В таком жилище, по мнению автора, могло помещаться 90 и более человек (с. 270). В данном случае существование производящего хозяйства несомненно.

Касаясь иллюстраций к главе (с. 277–313), надо отметить их высокое качество и продуманность. Рисунки керамики (рис. 5, 8, 12, 13, 14, 19, 21, 28, 29, 31, 35) демонстрируют большое количество целых форм и свидетельствуют об огромной проделанной работе. Вместе с тем нельзя не отметить, что планы жилищ (рис. 2) даны без масштаба, что затрудняет работу с ними.

Часть пятая "Ранний железный век" включает две главы. Глава первая "Памятники ананьинской

культурной общности" написана Л.И. Ашихминой и И.О. Васкул (с. 314). Как известно, ананьинская культурная общность складывается в VIII в. до н.э. и представляет собой культуру эпохи раннего железа. Однако, по мнению авторов раздела, на территории европейского северо-востока распространение железа надежно фиксируется на памятниках с середины – второй половины I тыс. до н.э. Надо отметить, что наряду с распространением железа продолжается использование кремневых орудий.

Используя особенности керамического комплекса, авторы сумели выделить для ананьинских памятников рассматриваемого региона три хронологические стадии (с. 328). При определении времени стадий были использованы камские аналогии.

Глава вторая "Памятники гляденовской культуры общности" написана И.О. Васкул (с. 349). Большое внимание автор уделил рассмотрению культовых памятников (с. 363). Среди них особо надо выделить святилище Джуджыдъяг на средней Вычегде. Оно несомненно имеет общие черты с камскими "костищами", но есть и явные отличия, что, вероятно, отражает локальные особенности. По-видимому, одной из них является расположение святилищ не только на возвышенностях, но и в пещерах.

Нельзя не отметить раздел, посвященный описанию керамического материала (с. 366). Всего при исследованиях были найдены фрагменты от более чем 1500 сосудов и проведена большая работа по определению формы сосудов, их орнаментации и характера теста (рис. 5, 6, 14). Анализ керамики неопровержимо свидетельствует о наличии двух групп памятников. Значение этого вывода трудно переоценить.

Анализ материала и радиоуглеродные даты позволили выделить два хронологических этапа (с. 375). Первый этап датируется концом III–II вв. до н.э. Прекращение бытования памятников гляденовского типа в регионе автор склонен связывать с событиями эпохи Великого переселения народов, которые обусловили появление новых археологических культур в Приуралье.

Касаясь культурной принадлежности памятников, автор делает закономерный вывод, что рассмотренные древности составляют единую культурную общность с памятниками гляденовской культуры. Вместе с тем они не являются ее локальными вариантами: автор выделяет две сходные археологические культуры (пиджскую и дуджыдъягскую).

Часть шестая посвящена культурам позднего железного века. Глава первая "Ванвиздинская культура (VI–X вв. н.э.)" написана К.С. Королевым, А.М. Мурыгиным и Э.А. Савельевой (с. 400). Хотя при исследовании памятников ванвиздинской культуры был добыт большой материал, относительно времени ее бытования единого мнения нет. Относительно генезиса и этнокультурной принадлежности исследователи также придерживаются различных точек зрения.

Обобщив имеющиеся материалы, авторы пришли к следующим выводам: 1) ванвиздинская культура сформировалась на базе, предшествующей гляденовской, ее вычегодского варианта; 2) в сложении ванвиздинской культуры приняли участие пришедшие через Прикамье группы кочевников, исходной территорией обитания которых была лесостепь западной Сибири; 3) существует генетическая преемственность между ванвиздинской и вымской археологическими культурами, последняя из которых принадлежит перми вычегодской (с. 412).

Говоря о находках на поселениях и могильниках, нельзя не отметить, что много сделано при изучении керамики, которая является самой многочисленной категорией находок. Изучение этого важнейшего материала требует огромного труда, поэтому часто он остается не обработанным должным образом. Говоря о рецензируемой книге, нельзя не отметить, что археологи Республики Коми проделали огромную работу по изучению керамического материала.

При обработке керамики с памятников ванвиздинской культуры были разработаны две схемы систематизации посуды. Одна из них, разработанная Г.М. Буровым, подразделяет материал на три этапа (с. 431): ранний IV–V или V–VI вв., средний VI–VII вв. и поздний VII–VIII вв. Н.Н. Чеснокова разделила керамический материал на две группы на основании технико-типологической традиции (с. 432).

Говоря о находках с памятников, нельзя не отметить металлические предметы культового литья, изображения реалистических и фантастических существ (с. 437, рис. 26). Нельзя не согласиться с авторами, что в основе сложных образов пермского звериного стиля лежали представления о всеобщей связи в природе. Несомненно, дальнейшее изучение этого ценнейшего материала, который, безусловно, входит в число сокровищ первобытного искусства, позволит установить, какие образы были выработаны населением лесной полосы, а какие заимствованы. Хозяйство было комплексное, что для рассматриваемого периода закономерно. По мнению авторов раздела, большую роль играли традиционные промыслы северных племен – охота и рыболовство. Есть данные, позволяющие говорить о специализированной пушной охоте. По моему мнению, увеличение промысла пушных зверей происходит тогда, когда меха становятся предметами меновой торговли, о существовании которой, по-видимому, говорят находки, имеющие аналогии в античных колониях Северного Причерноморья и на

Северном Кавказе (с. 417, 418, 441). Остеологический материал свидетельствует о занятии скотоводством, роль которого была незначительной. Прямых свидетельств о занятии земледелием нет. Ряд находок позволяет говорить о развитии обработки как черного, так и цветного металла.

Глава вторая "Памятники позднего железного века лесной и тундровой полосы Печерского Приуралья" написана А.М. Мурыгиным. Трудно переоценить результаты, полученные автором при обработке керамического материала (с. 504). Им выделено девять ведущих формально-типологических комплексов глиняной посуды, которые, в понимании автора, соответствуют культурам. Им проделана огромная работа по классификации керамики, восстановлению формы сосудов, композиций орнамента.

Большое внимание автор уделяет описанию жертвенных мест, пещерных и открытых (с. 515). Судя по обнаруженному материалу, обряды на них начали совершать со второй половины II тыс. до н.э. Это продолжалось до XIII–XIV вв. н.э. Находки с жертвенных мест подразделяются на несколько групп. Одну из них составляют предметы утилитарного назначения. В их число входят наконечники стрел, костяные, реже металлические украшения, посуда и т.д. Вторую группу составляют изображения реальных и фантастических существ. Ряд изображений связан с солярными или космологическими представлениями. О пищевых приношениях свидетельствуют остеологические материалы, составляющие, как правило, основную часть находок. В их число входят кости как домашних, так и диких животных. Интересно отметить, что в средневековых слоях Канинской пещеры найдены кости мамонта (с. 524). Особую группу составляют находки в Уньинской пещере человеческих зубов и фаланг пальцев. В.И. Канивец полагает, и авторы раздела с ним согласны, что это следы человеческих жертвоприношений (с. 525). В связи с этим нельзя не отметить, что такие жертвы не всегда связаны с убийством человека. У разных народов известны случаи, когда человек приносит в жертву божеству часть своего тела: прядь волос, зуб, палец.

Авторы подразделяют изученные объекты на три группы: родовые святилища, межплеменные места почитания, семейные жертвенники (с. 526). Домашний очаг у древнего населения этого региона являлся, как правило, предметом поклонения.

Глава третья "Пермь вычегодская (XI–XIV вв. н.э.)" написана Э.А. Савельевой, Т.В. Истоминой, К.С. Королевым (с. 561).

Удачно составленный обзор письменных источников является важной основой для археологических материалов, а также позволяет судить об экономических и культурных контактах в древности. С другой стороны, авторы отмечают, что нередко письменные источники дают искаженное представление о событиях в основном религиозного или политического характера (с. 567).

В этой главе подробно описана история изучения археологических памятников и рассмотрены древности вымской культуры (XI–XIV вв.) – одной из основных археологических культур эпохи средневековья на европейском Северо-Востоке. Авторы подразделяют культуру на четыре варианта и приходят к выводу, что центр формирования коми-зырян находился в бассейне Выми (с. 574). Генетически вымская культура связана с предшествующей ванвиздинской, существовавшей в VI–X вв. Преемственность культур проявляется в погребальном обряде, керамике, украшениях. Вместе с этим авторы отмечают, что вымская культура была качественно новым этапом в развитии. К этому времени относятся первые свидетельства занятия земледелием, новое в развитии кузнечного производства. В эту эпоху сформировалось комплексное хозяйство, в котором сочетались присваивающие и производящие отрасли производства. Экономическому и культурному развитию региона способствовали контакты с соседними раннефеодальными государствами: Древней Русью и Волжской Булгарией. Как отмечают авторы, начало коми-русских связей восходит к X–XI вв., а особенно интенсивно они начинают развиваться с XII в. Под влиянием славян с XII в. происходит переход к пашенному земледелию, а в кузнечном производстве появляются передовые европейские технологии. На могильниках и поселениях начиная с XII века встречаются предметы христианского культа.

Отмечается, что в погребениях большая часть сопровождающих умершего предметов сломаны (с. 587). Это явление наблюдается в разные эпохи и у разных народов. В одних случаях его объясняют страхом перед умершим, особенно когда сломаны предметы вооружения. В других тем, что загробный мир якобы противоположен миру живых и вещи, сломанные в этом мире, будут целыми там. Наконец, иногда это объясняют желанием уберечь погребение от ограбления.

На основании инвентаря авторы делят погребальные комплексы на четыре группы: к первой относятся те, в которых преобладают орудия труда и оружие, ко второй – захоронения с преобладанием украшений. К третьей группе относятся погребения со смешанным инвентарем и, наконец, к четвертой группе – погребения, в которых найдена только керамика и обломки металлических предметов. Авторы отмечают большую роль огня в погребальном обряде, а также ориентированность погребений на воду (с. 593).

Характеризуя вещи из погребений, авторы находят возможным разделить оружие на промысловое и боевое. Среди орудий труда они выделя-

ют деревообрабатывающие и металлообрабатывающие.

Говоря о керамике, надо отметить, что все сосуды перми вычегодской – лепные и большая их часть имеет плохой обжиг. По примесям в формовочной массе они делятся на две группы: примесь дресвы, песка и кварца имеют более 70% сосудов, в то время как растительную и раковинную примесь – около 30% (с. 602).

Время существования вымской культуры Э.А. Савельева определяет периодом XI–XIV вв. (с. 605). На основании погребального инвентаря она выделяет шесть хронологических групп: XI в., XI–XII вв., XII в., XII–XIII вв., XIII в., XIII–XIV вв.

Говоря о хозяйстве, авторы отмечают, что природно-климатические условия территории обитания вычегодских пермяков были мало пригодны для развития производящего хозяйства, особенно земледелия. Для скотоводства были более благоприятные условия (с. 608). Однако в XI–XIII вв., судя по находкам, получает развитие сначала подсечно-огневое, а с конца XII в. под влиянием древнерусской земледельческой культуры пашенное земледелие. В XI–XIV вв. достигнут значительный прогресс в области металлургического производства и с этого времени абсолютное большинство орудий труда и оружия изготавливалось из железа. Наряду с этим большую роль в экономике играли промыслы, особенно пушной. Таким образом, в комплексном хозяйстве перми вычегодской большую роль играли как производящие, так и присваивающие формы.

Особый раздел посвящен духовной культуре населения (с. 614).

Говоря об иллюстрациях к главе, надо особо отметить иллюстрации, на которых представлены формы сосудов из могильников (рис. 24–29). Значение этих таблиц трудно переоценить.

Глава шестая "древнерусская колонизация европейского северо-востока (XI–XIV вв.)" написана Э.А. Савельевой и М.В. Кленовым (с. 651). Авторы отмечают, что само понятие "колонизация" остается нечетким, что позволяет вкладывать в него различный смысл. По мнению одних исследователей, колонизация представляла собой переселение славянского населения на территорию европейского северо-востока. Сторонники другой точки зрения акцентируют свое внимание на политической стороне этого явления – на установлении власти русских князей над северными землями. Однако в реальной жизни, как совершенно правильно отмечают авторы главы, эти процессы сосуществовали. Судя по материалам в основном из могильников, в XI–XII вв. русский импорт занимает важное место среди привозных вещей и часто превышает 50% (с. 659, табл. 2). Начало проникновения русских вещей на север исследователи связывают с Новгородом, который в этот период был крупнейшим центром международной торговли. С русским влиянием авторы связывают находки различных украшений, большинство замков и ключей в вымских могильниках, а также древнерусскую круговую керамику, которая составляет около 12% общего числа сосудов, найденных при исследовании вымских некрополей. По моему мнению, простые сосуды не могли быть предметами импорта и свидетельствуют о проникновении русского населения на рассматриваемую территорию. В настоящее время известны четыре древнерусских памятника XII–XIV вв. в долинах рек Вымь, Вычегда и Луза.

Ряд данных свидетельствует о том, что в освоении земель европейского северо-востока принимало участие не чисто славянское, а смешанное славяно-финское население. Начало христианской колонизации на основании материалов Лоемского могильника, в котором прослеживается сильное древнерусское культурное влияние, может быть отнесено к XIII–XIV вв.

Завершая рассмотрение этого фундаментального труда, надо отметить, что в нем обобщен огромный материал и он знакомит читателя с современным состоянием изучения археологических памятников на территории европейского северо-востока.

Самостоятельное значение имеет список литературы по проблеме, как отечественной, так и зарубежной, на 54 страницах (с. 701–754). Особо надо отметить, что в книге большое внимание уделено керамическому материалу, что зачастую дает необходимую убедительность выводам. К сожалению, значительная часть иллюстраций, выполненных на высоком уровне, не имеет масштаба, что снижает значение исследования как источника.

Исключительно важно, что памятники рассматриваются не изолированно, а на фоне одновременных древностей со смежных территорий.

Книга несомненно вызовет большой интерес у специалистов.

Институт археологии РАН, Москва *К.А. Смирнов*

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 146–147

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Т. Б. Никитина. ИСТОРИЯ МАРИЙСКОГО КРАЯ В I ТЫС. ДО Н.Э.: ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. V. Йошкар-Ола, 1999. 160 с.

Археологически раннесредневековые погребальные древности Марийского Поволжья изучены хорошо. Материалы, относящиеся к IX–XI и XII – началу XIII в., подробно опубликованы Г.А. Архиповым (1973; 1986). В его научные планы входила также полная систематизация всех данных по грунтовым могильникам IV–VII вв., однако преждевременная смерть не позволила ему осуществить задуманное. Эту работу проделала его ученица – Т.Б. Никитина. И выполнила ее, на мой взгляд, блестяще.

Монографическую характеристику древних некрополей автор дает по традиционной для археологов схеме. В небольшом по объему введении читатель знакомится с историей изучения памятников. В первой главе анализируются планиграфия могильников, погребальный обряд и инвентарь. Исследовательница детально рассматривает расположение могильных ям на площадках кладбищ, основу которых составляла система параллельных рядов, ориентировку и устройство самих могил, различия в способах захоронения трупов (ингумация, кремация, вторичные). К сожалению, в тексте отсутствуют данные о половозрастных характеристиках покойников, хотя для большинства погребенных их можно было определить (пусть и опосредованно) по наборам инвентаря и украшений. Следует также заметить, что выделение Т.Б. Никитиной наряду с одиночными и парными захоронениями еще и коллективных сомнительно. Последних в действительности ни на одном из описываемых некрополей не было. Таковыми она посчитала "гнезда" разновременных могил, последовательно перекрывавших друг друга, что часто наблюдается на многих кладбищах этого времени.

Характеристика и систематизация вещественных находок, наоборот, излагаются предельно кратко и сухо, "математизированным языком", если так можно выразиться. Этот принцип подачи информации оправдан: лишнее и утомительное описание индивидуальных особенностей громадного количества вещей опускается, но сохраняются четкость и лаконичность их атрибутации.

Вторая глава – ключевая в аналитической части монографии. В ней автор акцентирует внимание на датировках каждого могильника, причем привлечен широкий круг аналогий с учетом последних разработок по хронологии раннего средневековья Восточной Европы. Выводы, к которым пришла Т.Б. Никитина, достаточно убедительны и вряд ли могут быть поставлены под сомнение в ближайшем будущем.

Это же можно сказать и о выводах исследовательницы относительно этнокультурной принадлежности рассматриваемых некрополей. По ее мнению, с которым согласен рецензент, кладбища, расположенные в восточной и центральной частях Марий-Эл (Уржумкинский, Мари-Луговской, Арзебелякский, Лушморский, а также Шор-Уньжинский), оставлены племенами азелинской культуры в IV – начале VI вв., а некрополи западной окраины (Младший Ахмыловский и разрушенный Юльяльский) – финским населением второй половины VI–VII в., "имевшим культуру западноволжского облика" (с. 39). Последнюю фразу я бы на месте автора конкретизировал: имевшим облик культуры ранней муромы. Дело в том, что материалы таких памятников, как Подболотьевский и Малышевский могильники, чья муромская культурная принадлежность признается всеми исследователями, фиксируют беспрерывность развития муромского этнографического костюма с VI по XI в., вещественные наборы металлических украшений которого абсолютно тождественны младшеахмыловским. Другими словами, по моему убеждению, Младшее Ахмылово и Юльяль – это известные на сегодняшний день пункты, указывающие на расселение на восток ранней муромы, которая в будущем станет одним из основных компонентов в формировании собственно марийской народности. Единичные же азелинские украшения, обнаруженные в ряде могил Младшего Ахмылова, Т.Б. Никитина справедливо считает результатом культурных связей или обмена, что "было неизбежно на пограничных территориях" (с. 39).

Третья глава монографии, являющаяся фактически самостоятельной частью, точнее, базой исследования, объединяет развернутые описания захоронений пяти могильников и графические иллюстрации погребального инвентаря. По разрозненным полевым отчетам, дневникам и зарисовкам различных исследователей автором собрана, воссоздана и литературно обработана пер-

вичная информация о каждой конкретной могиле. Описание их дано в едином стилистическом ключе, в едином штрихе выполнены и рисунки вещей. Полагаю, данный труд будет высоко оценен будущими исследователями. По крайней мере у них не будет особой нужды копаться в архивах и пыльных музейных собраниях – все материалы предельно скрупулезно изложены в работе Т.Б. Никитиной и с ними можно работать как с первичным источником.

В целом рецензируемая монография являет собой весомый вклад в изучение погребальных древностей эпохи раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Единственно, о чем можно только сожалеть, это об отсутствии в книге резюме на английском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архипов Г.А., 1973. Марийцы IX–XI вв.: К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола.

Архипов Г.А., 1986. Марийцы XII–XIII вв.: К этнокультурной истории Поветлужья. Йошкар-Ола.

Комитет по культуре и искусству, Иваново

А.В. Уткин

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 148–151

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

L. Thunmark-Nylén. DIE WIKINGERZEIT GOTLANDS II. (THE VIKING AGE OF GOTLAND, II.)

Kungl. Vitterhets historie och Antikvets Akademien. Stockholm; 1998. p. + 316 pl.

Имя шведской исследовательницы Лены Тунмарк-Нюлен достаточно хорошо знакомо археологам Восточной Европы, занимающимся древностями так называемого периода викингов (800–1100 гг. н.э.). Ее статьи, преимущественно посвященные различным вопросам археологии позднего железного века о-ва Готланд, представлены в многочисленных специальных изданиях Швеции и стран Балтии. Теперь научные круги могут познакомиться с некоторыми результатами ее кропотливой работы, выполняемой в научной серии "Железный век Готланда" (Gotlands Eisenzeit). Серия была задумана известным шведским археологом Мартеном Стенбергером, открывшим эту серию двухтомной монографией о готландских кладах периода викингов (Stenberger M., 1947–1958). Продолжением серии стала работа Б. Нермана о Готланде вендельского периода (Nerman B., 1969–1975).

В 1995 г. вышел первый из нескольких запланированных Л. Тунмарк-Нюлен томов на тему "Готланд периода викингов" (Thunmark-Nylén L., 1995), в 1998 г. – второй. В последующих томах автор предполагает представить систематическое описание материалов, каталог и обсудить вопросы хронологии, последовав примеру своих предшественников – М. Стенбергер и Б. Нерман издали тексты через некоторое время после выхода из печати таблиц с изображением материалов.

Эта работа – первое монографическое обобщение огромного материала более 1000 погребений периода викингов, результаты раскопок части из них опубликованы в небольших изданиях. Российским читателям лучше всего известен могильник Ире, подробно изданный М. Стенбергером (Stenberger M., 1962). Расположение Готланда на перекрестке торговых путей Балтики и его роль в культурных и торговых контактах Скандинавии с Восточной Европой оправдывают значительный интерес к публикациям его материалов, тем более что в наших археологических коллекциях есть некоторые находки, аналогичные изделиям готландских мастеров.

Рецензирование интересующего нас издания оказалось делом непростым – второй том, так же как и первый, составляют более 300 фототаблиц с изображениями археологических находок, предваряемые 1–2 страницами вводного текста и несколькими страницами, на которых приводится Указатель. В томе I он содержит список названий приходов (в алфавитном порядке), памятников, карту-схему расположения приходов, шифры места хранения и номера таблиц, в томе II – только список приходов, шифры хранения и номера таблиц. Простое сравнение содержания Указателей показывает, что оба тома составляют органичное, неразрывное целое, никак не дублируя, но дополняя друг друга. В томе I представлены фотографии вещей, сгруппированных по погребальным комплексам почти в 500 таблицах. По словам автора, это отражает около 40% примерно 1100 археологически изученных погребений (Thunmark-Nylén L., 1995, p. 5).

Содержание тома II – 316 таблиц с изображениями более 1700 различных предметов погребального инвентаря (10–20% материалов Готланда, относящихся к периоду викингов), сгруппированных по категориям, а внутри категорий – по типам и в хронологической последовательности. Л. Тунмарк-Нюлен подчеркивает, что она стремится показать все разнообразие типов вещей из могильников, и в данном томе в подавляющем большинстве дает изображения вещей, которые не представлены в таблицах погребальных комплексов (с. 9). Материал располагается в следующем порядке: украшения и детали костюма, предметы культа, предметы быта и военного снаряжения, торговый инвентарь, сосуды и отдельные предметы различного или неясного назначения, наборы бус. Завершают том несколько фототаблиц, с изображением групп предметов из нескольких местонахождений. Большинство находок изображено в натуральную величину, исключение составляют только крупные предметы вооружения и некоторые сосуды. Дублирующих изображений относительно немного и они призваны, по замечанию автора, помочь наиболее полно показать все разнообразие типов. В случаях повторных изображений эти вещи даны в ином ракурсе и обязательно со ссылкой на таблицу предыдущего тома. Это иллюстрируют фотографии коробчатой фибулы из пог. 222 могильника Ире – в первом томе она изображена сверху (Thunmark-Nylén L., 1995, abb. 213b, 7), а во втором – сбоку

(Taf. 69, *3*). В других случаях материалы данного тома дополняют сведения о составе погребальных комплексов, что легко определяется по наличию обязательной ссылки в аннотации к соответствующей таблице. Например, характерные фибулы в виде "медвежьей головы" в составе комплекса из прихода Грётлингбу представлены фотографией, сделанной сверху (Thunmark-Nylén L., 1995, Abb. 81a, *1, 2*), а в таблицах типов фибул помещен третий экземпляр оттуда же, но относящийся к другому типу и представленный видом сбоку и сзади (Taf. 30, 7*a–b*). Таким образом, только суммируя материалы обоих томов, можно составить наиболее полное представление о разнообразии археологического материала из готландских погребений периода викингов. Правда, остается не совсем ясным, откуда происходят многие вещи, не соотнесенные с комплексами находок, названными в томе I или не имеющие в аннотации пометок о характере находки.

Содержание таблиц отражает своеобразие материальной культуры Готланда, что отмечалось в литературе неоднократно (Gutar och Vikingar, 1983). Открывают том II таблицы с дугообразными, коробчатыми и в виде "медвежьей головы" фибулами – эти формы характерны для культуры острова и широко распространены здесь в предшествующий вендельский период (Taf. 1–72). Значительная часть фибул представлена фотографиями, сделанными с разных сторон, что позволяет читателю проследить не только конструктивные детали, но и особенности декора разных частей. Кроме того, по мере необходимости изображения того или иного предмета дополнены фотографиями (иногда увеличенными) его отдельных конструктивных или декоративных деталей. Особенно интересны фотографии обратной стороны (или основания) некоторых фибул, которая также оказывается украшенной гравированным, литым, золоченым или посеребренным орнаментом геометрического и растительного характера или в виде зооморфной плетенки. Необходимо отметить прекрасное качество фотографий, которые в ряде случаев сопровождаются четко выполненными прорисями элементов декора. Такое внимание автора к орнаменту неслучайно – даты скандинавских древностей прочно связаны с хронологией орнаментальных стилей Северной Европы.

Среди характерных украшений следует назвать булавки с фигурными головками и браслеты (изображено около 230 различных экземпляров), обилие которых сближает Готланд с некоторыми территориями Балтии и памятниками Финляндии, подчеркивая отличие женского убора острова от остальной части Скандинавии (Taf. 117–123, 144–160). Практически все формы браслетов из погребений хорошо известны по аналогичным находкам в готландских кладах. Столь же выразительными группами находок (около 150 экз.) являются разделители для бус, фигурные цепедержатели и удлиненные подвески, богато украшенные плетеным зооморфным орнаментом, чернением и серебрением (Taf. 161–169, 173–176).

Основную массу кольцевидных фибул составляют подковообразные разного размера, с различным сечением и оформлением концов дуги (более 200 экз.) (Taf. 77–112, 115). Почти все их разновидности хорошо известны и по находкам на памятниках IX–XII вв. Древней Руси, в Юго-Восточной Прибалтике и Финляндии. Исключение составляют кольцевидные фибулы, у которых сомкнутые концы дуги получили завершение в виде зооморфных головок (Taf. 110, 113, 114).

Надо заметить, что на территории Древней Руси известны единичные находки некоторых типичных готландских украшений – это фибула в виде медвежьей головки, пластинчатое кольцевидное основание коробчатой фибулы и незаконченный мастером бронзовый разделитель бус из Старой Ладоги, кольцевидная фибула типа Austris (Taf. 114, *3*) из Подболотьевского могильника и др.

В противоположность характерным для Готланда формам фибул (в данном томе изображены около 300 экз.) украшения, формы которых были широко распространены на Скандинавском п-ове в это время, гораздо малочисленнее. Здесь представлены лишь около 30 экз. овальных, трилистных, равноплечих и круглых женских фибул и единицы мужских застежек с орнаментированной кольцевидной головкой и длинной иглой (Taf. 75, 116). Многие типы этих скандинавских фибул хорошо известны среди древнерусских материалов. Немногочисленные места этих находок на Готланде разбросаны по западной, центральной и южной частям острова.

Пряжки, поясные накладки и разделительные кольца составляют вместе с фибулами группу находок, связанных с костюмом (Taf. 124–141). Среди этих предметов отчетливо выделяются бляшки "восточного происхождения", часть которых имеет прямые аналогии в курганах Тимерева, Гнёздова и Чернигова. К сожалению, часть готландских находок не имеет точного указания на место находки – таковы, например, крупные прямоугольные и пятиугольные бляшки (Taf. 139, *12, 13*) и некоторые другие. С другой стороны, характерные готландские ажурные ременные наконечники с зооморфными изображениями, закрепленные на разделительных кольцах, известны в древнерусских курганах XI–XII вв., исследованных Л.К. Ивановским.

Предметы вооружения представлены в погребениях мечами и деталями ножен, наконечниками копий, стрел, топорами и боевыми ножами (или оковками от их ножен), умбонами и оковками от щитов и предметами снаряжения всадника и вер-

хового коня (Taf. 217–271). Необходимо отметить, что материалы данного тома ни разу не дублируют и не дополняют комплексы находок, опубликованные в томе I. Так же как в случае с фибулами, автор значительное внимание уделяет деталям некоторых из предметов. Изображения всех мечей (26 экз.) приведены в масштабе 1 : 4. Фотографии рукоятей примерно трети из них, выполненные в натуральную величину, демонстрируют характер и способы орнаментации навершия и перекрестия. Судя по таблицам, в могильниках Готланда в подавляющем большинстве обнаружены мечи так называемого каролингского типа (типы B, H, E и др. по типологии Я. Петерсена) и лишь единицами представлены однолезвийные клинки, тяготеющие к более раннему времени (Taf. 217–230). Изображения наконечников копий уменьшены в 2 раза, фотографии втулок или прориси украшающих их деталей, как правило, даются в натуральную величину. Значительную часть находок (всего 92 экз.) составляют ланцетовидные и лавролистные наконечники с врезным "готическим" орнаментом на втулке (типы A, B, E по Я. Петерсену). Наибольший интерес из них представляет наконечник из прихода Хангвар, украшенный серебряными пластинами с черневым орнаментом в виде плетенки (Taf. 237, 5*a–b*). Относительно более позднюю группу находок составляют наконечники копий с пером удлиненно-треугольной формы (типы G, H, K), для которых характерно украшение втулки геометрическим орнаментом, составленным из серебряных пластин и проволоки или геометризированной и зооморфной плетенкой. Таковы, например, копья из приходов Тингстад и Готем (Taf. 245, 1*a–c*; 246) и наконечник копья из Фоллингбу, шейка которого, кроме того, украшена пластиной с рунической надписью (Taf. 241, 4*a–d*). Отдельные находки наконечников с пером ланцетовидной (длинные) и удлиненно-треугольной формы, резной втулкой или украшенной накладными серебряными орнаментированными пластинами в незначительном количестве известны на древнерусской территории (типы III–IIIa по А.Н. Кирпичникову), но составляют здесь скорее исключение. Многочисленные аналогичные находки в странах Балтии обычно рассматриваются как пример готландского "импорта". Третья по численности группа находок предметов вооружения – это топоры (64 экз.). Большинство из них принадлежит типам C и M (по Я. Петерсену), которые известны и на нашей территории (типы V и VII по А.Н. Кирпичникову). Среди топоров Готланда можно отметить редкие находки, указывающие на "восточные" связи острова в период викингов. Это секиры из Хемсе (тип IV) и Бара (тип I) (Taf. 260, *4, 7*) и булава кубической формы из Линде (Taf. 264, *2*). К ним следует добавить топор из прихода Отем, опубликованный в предыдущем томе монографии (Thunmark-Nylén L., 1995, Taf. 260, *6*), и бронзовые оковки плоских поясных сумочек из Хангвар и Экста, аналогичные найденным в могильниках Волжской Болгарии (Taf. 142, *3, 4*).

К уникальным находкам относится носовая накладка округлого плоского шлема, украшенная черневым плетеным орнаментом, найденная в Локруме (Taf. 264, *1*).

В целом стрелы не являются особенно многочисленной находкой и формы их не отличаются разнообразием. В таблицах представлены 23 черешковых наконечника, соотносимые с 6–8 типами, имеющими довольно широкое распространение (Taf. 261–262).

Несмотря на широко распространенное мнение о значении торговли для истории Готланда, находки в погребениях весов и гирек не слишком многочисленны (Taf. 272–275), впрочем, так же как и монет. В целом найденные на Готланде складные весы для малых взвешиваний (8 экз.) относятся к типу, широко распространенному в это время на огромном пространстве от арабского Востока до Исландии. Размеры, форма и декоративное оформление складных коромысел, чашек и металлического футляра относительно стандартны на всей указанной территории. Некоторые исследователи лишь отмечают, что для памятников Прибалтики обычны находки чашек, для подвешивания которых использовали бронзовые цепочки, а не нити. На Готланде для закрепления чашек весов использовались оба способа. В заключение позволю себе обратить внимание на крюки для безмена (Taf. 275, *1, 2*). В Восточной Европе подобные известны из раскопок в Новгороде, Смоленске и Старой Рязани.

Бытовые предметы в погребениях периода викингов представлены различными находками, среди которых наиболее многочисленны ножи, гребни и ключи. Для ножей характерна форма клинка с прямой, слегка спущенной к концу лезвия спинкой, образующей уступ при переходе к черенку (Taf. 117–183). Находки ножей дополнены оковками ножен, часто украшенными фигурными вырезами в виде уступов. Среди гребней преобладают односторонние, гладкие и с орнаментированными накладками, иногда сохранившие футляры (Taf. 189–196). Эти расчески практически ничем не отличаются от типов гребней, хорошо известных на многих памятниках от Северной Германии до Ярославского Поволжья. Двусторонние гребни найдены в единичных экземплярах. Ключи в подавляющем своем большинстве относятся к типу коленчатых и отличаются массивными размерами и формой (Taf. 199–211). Они представлены 70 экз. из 81. Среди них привлекают внимание несколько находок с рукоятями, украшенными массивными 14-гранными бусинами или литыми зооморфными головками, а также ключи с

ажурными бипирамидальными рукоятями из перекрученных железных стержней (Taf. 207–209). Создается впечатление, что для некоторых местных кузнечных изделий характерны дополнительные украшения в виде массивных многогранных бусин, зооморфных масок, выполненных обычно из сплава на медной основе или соединенных методом кузнечной сварки тордированных железных прутьев.

Особую группу находок составляют сосуды: глиняные горшки и бронзовые миски (Taf. 277–286). Надо сказать, что присутствие глиняной посуды в составе погребального инвентаря в данном случае нехарактерно. Горшки леплены от руки или сделаны на примитивном гончарном круге, среди них некоторые напоминают сосуды, происходящие с южного берега Балтики. К числу несомненно импортных относится кружка из Хемсе (Taf. 283*б*), имеющая восточное происхождение. Несколько неглубоких бронзовых мисок украшены гравированным орнаментом (Taf. 284–286). В литературе высказывалось мнение о том, что часть подобных сосудов изготавливалась на самом острове, часть могла быть привезена.

Заканчивая беглое рассмотрение материалов тома, необходимо сказать, что работа по подготовке к изданию и само издание осуществлены при поддержке Шведского исследовательского совета гуманитарных и общественных наук, стипендиального фонда М. Стенбергера и нескольких других фондов.

Ранее говорилось о своеобразной сложности рассмотрения тома монографии Л. Тунмарк-Нюлен, состоящего из таблиц иллюстраций. Я уверена, что появление этой работы представляет огромный интерес для специалистов уже сейчас, поскольку позволяет познакомиться с разнообразными материалами и сделать предварительно некоторые собственные выводы о своеобразии культуры Готланда или о его культурно-исторических связях. Остается лишь жалеть, что, во-первых, эта книга (как, вероятно, и последующие) поступит только в считанные центральные или специальные библиотеки и, во-вторых, что ей в отечественной библиографии аналоги отсутствуют.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Gutar och Vikingar, 1983. Stockholm.

Nerman B., 1969–1975. Die Vendelzeit Gotlands. I–II. Stockholm.

Stenberger M., 1947–1958. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. I–II. Kungl Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. Stockholm.

Stenberger M., 1962. Das Gräberfeld bei Ihre im Kirchspiel Hellvi auf Gotland // Acta Archaeologica. V. XXXII. Kopenhagen.

Thunmark-Hylén L., 1995. Die Wikingerzeit Gotlands I. (The Viking Age of Gotland. I. Kungl Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. Stockholm.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова *Т.А. Пушкина*

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 152–154

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. Г. Иванова. ИДНАКАР. ДРЕВНЕУДМУРТСКОЕ ГОРОДИЩЕ XI–XIII ВВ.

Ижевск, 1998. Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, Историко-культурный музей-заповедник "Иднакар". 294 с.

Книга, посвященная публикации материалов с городища Иднакар, полученных в процессе 17 сезонов раскопок, начатых в 1974 г., включает введение, четыре главы, заключение, ряд таблиц и библиографию по проблеме. Памятник исследован на площади более 8000 м^2. Пока это единственное поселение в Прикамье, исследованное в таком объеме. Значение этих материалов трудно переоценить не только при изучении финно-угорских народов Приуралья в эпоху средневековья, но и всей Восточной Европы. Надо отметить, что большая часть исследований в Приуралье посвящена изучению и публикации богатейших некрополей, а поселениям не уделялось должного внимания. Поэтому значение рассматриваемого труда особенно велико.

Во введении (с. 5) кратко, но подробно изложена история изучения памятников в бассейне р. Чепцы, где в настоящее время их известно 33 (карта на с. 7). Автор отмечает, что первое, довольно подробное описание городища Иднакар было сделано Н.Г. Первухиным в 1896 г. после того, как он осмотрел памятник. Первые раскопки на городище провел С.Г. Матвеев в 1927–1929 гг. Полученный материал он датировал X–XII вв. (с. 9). Автор отмечает, что на ряде памятников провел работы А.П. Смирнов: Дондыкарское городище (1926–1927 гг.), городище Кушманское Учкакар (1930 г.). Полученные материалы позволили судить о постройках и дали возможность проанализировать и датировать находки.

Вместе с тем нельзя не отметить досадную опечатку, на с. 10 рецензируемого труда указано, что план Кушманского городища Учкакар помещен на рис. 103, *2* (с. 29). Между тем он помещен на рис. 103, 4 (та же страница).

С 1954 г. Удмуртская археологическая экспедиция под руководством В.Ф. Генинга начала планомерные работы в бассейне р. Чепцы. Раскопки на городище Иднакар, как уже говорилось, начались в 1974 г., и описанию методики исследования автор посвятил специальный раздел работы (с. 12). Начиная с 1991 г. на городище совместно с сотрудниками Физико-технического института УрО РАН ведутся исследования по выработке методики изучения памятника без вскрытия культурного слоя (с. 15).

Глава I посвящена рассмотрению топографии и оборонительных сооружений поселения (с. 17). По мнению автора, при выборе места основателями городища были максимально учтены особенности рельефа, благодаря чему они получили прекрасные возможности для контроля над окружающей территорией и водной магистралью. Хотелось бы отметить, что эти требования обычно учитывались при выборе места для укрепленного поселения.

Были исследованы три линии валов. Основу внутреннего вала составляли бревенчатые конструкции – срубы. Он утратил свое значение еще в древности и перекрыт хозяйственными постройками. Какие оборонительные сооружения были на его гребне, установить не удалось. На основании находок М.Г. Иванова склонна считать, что эта линия обороны функционировала в X–XI вв., а затем утратила свое значение (с. 22).

Средний вал хорошо заметен и в настоящее время. Он удален от внутреннего на 74 м. При исследовании было установлено, что в валу отсутствуют деревянные конструкции – срубы и что вал был насыпан в несколько приемов, а в его основании отсутствует культурный слой. Остатки сооружений на гребне вала, по-видимому, были уничтожены распашкой. Время его сооружения и функционирования М.Г. Иванова склонна датировать X–XIII вв. (с. 26). Наружная, третья линия укреплений расположена в 130 м от средней. Вал хорошо виден. Он также насыпался в несколько приемов. Основываясь на полученных материалах, М.Г. Иванова выделила четыре этапа развития поселения в целом и его укреплений с конца IX по начало XIII в. (с. 27). Она отмечает, что Иднакар значительно превосходит по размерам прочие Чепецкие городища.

Глава II посвящена описанию сооружений и эволюции планировочной структуры (с. 30). При исследовании внутренней части поселения были выявлены два горизонта построек. Сделано интересное наблюдение: постройки в процессе жизни перестраивались, но оставались на прежнем месте, планировка не менялась.

Автор делает попытку разделить изученные остатки сооружений на жилые, производственные и хозяйственные. Всего с производством связано семь построек, в которых были найдены остатки кузнечного и литейного ремесел. Такой принцип при выделении производственных сооружений мне пред-

ставляется совершенно правильным. Вместе с тем нельзя не отметить, что так могут быть выделены только занятия, связанные с огнем и высокими температурами. Обработка кости, дерева, кожи, шитье, плетение могли производиться в жилищах. К числу хозяйственных автор отнес четыре сооружения без очагов. Против такого определения трудно возражать, однако нельзя исключать и то, что эти сооружения использовались только летом.

Надо отметить, что на рис. 14 на с. 54 помещен план и четыре разреза сооружения XXXIII. В плане на квадратах 14-л и 14-м обозначена прослойка золы. Она должна быть отражена в разрезе по линии АА. Но ее там нет. В поздний период (верхний горизонт) продолжали существовать почти все жилища. Некоторые из них были расширены. Вновь построенных жилищ всего пять. По мнению М.Г. Ивановой, найденный материал позволяет датировать начало жизни на городище IX в., а окончание – XIII в. (с. 64).

Планы жилищ, обнаруженных на средней части площадки и относящихся к верхнему горизонту, помещены на рис. 21 на с. 7. При описании жилищ 2, 3 и 4 ошибочно дана ссылка на рис. 22, на котором даны реконструкции хозяйственных сооружений нижнего горизонта. Найденные предметы свидетельствуют, что нижний горизонт средней части относится к X–XI вв., а верхний – к XII–XIII вв.

Полученный материал позволил М.Г. Ивановой сделать вывод, что городище Иднакар, возникнув в конце IX в., в продолжение четырех столетий дважды вдвое расширяло свою территорию и многократно усиливало оборону. По мнению исследователя, это свидетельствует об интенсивном развитии производительных сил, количественном росте населения и стабилизации удмуртского общества, а также в связи с необходимостью противостоять усиливающемуся влиянию Волжской Булгарии и Древней Руси (с. 81). По моему мнению, давление со стороны Руси стало значительным после того, как Волжская Булгария была устранена как конкурент в борьбе за первенство (XIV в). До этого Южный Урал был отгорожен от Руси Волжской Булгарией – сильным государством эпохи развитого средневековья.

До раскопок на Иднакаре считалось, что для удмуртских поселений была характерна свободная, беспорядочная застройка. Проведенное исследование выявило рядовую планировку городища (с. 83).

Глава III "Вещевой комплекс" посвящена анализу находок. Она начинается с описания производственного инвентаря, центральное место в котором занимают орудия металлообработки. По мнению М.Г. Ивановой, материал, включающий остатки горнов и орудия кузнецов, позволяет предположить, что Иднакар являлся крупнейшим центром кузнечного ремесла и обработки железа. По моему мнению, в настоящее время нет доводов против этого, хотя, конечно, нельзя не учитывать, что пока в таком объеме раскопки проводились только на городище Иднакар. В пользу мнения автора, несомненно, свидетельствует и то, что на городище найдено 20 орудий кузнечного ремесла, в их числе 9 кузнечных клещей – находка редкая (рис. 30 и таблица на с. 110).

Большую серию находок составляют сельскохозяйственные орудия, набор которых свидетельствует о высоком уровне развития земледелия. Достаточно отметить, что таких массивных и дорогих орудий, как наральники, было найдено 29 экз. – огромная серия (с. 95). Большую серию составляют косы-горбуши – всего 20 экз. (с. 99), а серпы единичны, их найдено всего 3. По моему мнению, это явление требует объяснения – обычно серпов больше, чем наральников и кос-горбуш. Вероятно, это связано с особенностями ведения хозяйства. Большую серию составляют орудия деревообработки (с. 100). Среди них наиболее многочисленными являются топоры – всего 24. Автор совершенно правильно отмечает, что топор – предмет, необходимый в хозяйстве, в случае надобности использовался и как оружие. При раскопках была добыта большая серия ножей – всего 391 экз. Из них у 251 хорошо определяется форма. Нож – универсальное орудие в повседневной жизни, а при необходимости и оружие (с. 109).

Среди находок с городища значительное место занимают предметы вооружения, количество которых заметно возрастает в верхнем горизонте (с. 112). Самая многочисленная группа находок – наконечники стрел – всего 715. Из них костяных – 503 и железных – 212. Характеризуя костяные наконечники, автор на с. 121 пишет: "Форма в большой степени могла зависеть от участка кости, используемого для изделия". По моему мнению, это не так. Костяные наконечники достаточно четко подразделяются на типы, имеющие характерные признаки. Это явствует хотя бы из табл. 10 (с. 122). Для более раннего времени эта закономерность проявляется четче. Размеры наконечника тоже не были случайными. Но автор несомненно прав, когда пишет, что изготовление наконечников было доступно любому охотнику или воину.

На с. 121 упомянуты два втульчатых наконечника пулевидной конической формы (рис. 47, *18, 19*). По мнению автора, такие наконечники могли использоваться для промысла пушного зверя: "чтобы оглушить зверя, не повреждая шкуру". По моему мнению, такие наконечники пробьют шкуру, их острота достаточна для того, чтобы нанести проникающее ранение. Наконечник для пушной охоты представлен на рис. 49, *4* (с. 126), среди деталей предметов вооружения. Автор его так и определил, назвав сибирским термином "томар". Касаясь черешковых костяных наконечников, автор на с. 122 пишет: "Среди них можно выделить группы по функциональному назначению". Несо-

мненно, он совершенно прав, хотя, вероятно, полностью эту проблему решить невозможно.

О достаточно высоких навыках верховой езды свидетельствуют находки шести удил, двух роговых псалиев, двух железных и одного рогового стремени (с. 127–129). Интересно отметить, что в мордовских могильниках этого же времени известны железные стремена, которые по сравнению с роговыми были более прочными и надежными. Железные (или стальные) стремена были и у обитателей степи, с которыми жители бассейна Чепцы, несомненно, были знакомы. Конечно, железа они выплавляли столько, сколько им требовалось. Поэтому наличие рогового стремени, по моему мнению, косвенно свидетельствует о том, что верховой конь не играл важной роли у жителей бассейна Чепцы.

Большое внимание автор уделяет производству ювелиров и литейщиков (с. 134). О высоком уровне обработки цветного металла неопровержимо свидетельствуют находки обломков тиглей, льячек, литейных форм и инструментов, а также готовых изделий. На р. Чепце нет залежей меди и, по мнению автора, ее суда привозили в виде готового материала. Найдены бронзовые пруты, достигающие веса до 400 г. Значение этого наблюдения трудно переоценить.

Особого упоминания заслуживают находки остеологических и ботанических материалов, позволяющие судить о земледелии, скотоводстве и охоте (с. 144). Интересно отметить, что, судя по материалу, поголовье домашних животных резко увеличилось к XII в. (с. 145). Особенно возросло количество крупного рогатого скота и лошадей. Судя по материалу, мясная и молочная направленность скотоводства были равнозначны. Лошади доживали до 6–9-летнего возраста и старше, что свидетельствует о их большом значении в хозяйстве.

Было найдено большое количество костей бобров. Увеличение их промысла приходится на период с конца XI по XIII в., что совпадает с ростом могущества государства Волжских Булгар и с ростом торговли с ними (с. 150).

Предметы, изготовленные из кости и рога, играли огромную роль в жизни обитателей бассейна р. Чепцы, поэтому их описанию посвящен специальный раздел (с. 155). Среди них по многочисленности, тщательности отделки и богатству орнаментации надо выделить кочедыки, копоушки и гребни. По количеству находок и тщательности их изготовления коллекция с городища Иднакар не имеет параллелей.

Как всегда, основную массу находок составляют фрагменты глиняных сосудов (с. 196). Интересно отметить, что подавляющую часть составляет лепная посуда, а гончарная немногим более 1%. В последней прослеживаются элементы болгарской посуды.

Особый раздел работы посвящен предметам импорта (с. 202). Судя по этим находкам, население бассейна Чепцы имело устойчивые связи со странами Ближнего и Среднего Востока и Юго-Востока Европы. Целый ряд находок свидетельствует о торговых связях с Русью в X–XI вв. В XII–XIII вв. их интенсивность возрастает. Автор приходит к выводу, что культурное влияние Древней Руси на северных удмуртов было значительным и не ограничивалось эпизодическими торговыми контактами. Многочисленные находки, и прежде всего керамика, свидетельствуют о связях с Волжской Булгарией.

Глава IV "Иднакар и проблемы социальной типологии прикамских городищ" посвящена подведению итогов. Рассмотрев материалы различных памятников, автор делает примерные расчеты труда, затраченного на постройку укреплений, и приходит к закономерному выводу, что сам факт существования таких сооружений свидетельствует о достаточно высоких экономических и организационных возможностях общества, создавшего их. Интересна попытка рассчитать количество жителей на городище Иднакар и в бассейне Чепцы (с. 226–228).

Автор приходит к закономерному выводу, что Иднакар был центром этносоциального образования и может быть с самого начала был задуман как племенной центр, в пользу чего свидетельствует его положение в центре чепецкой группы поселений на центральной водной магистрали.

В книге имеется большое количество иллюстраций, включая чертежи и рисунки вещей. Кроме того, в ней помещен ряд сводных таблиц: "Характеристика жилищ чепецких городищ IX–XIII вв." (с. 86–91); "Состав семян и плодов в материалах городищ Иднакар и Гурьякар" (с. 146–147); "Данные видового анализа костей животных из археологических памятников Лесного Прикамья" (с. 148); "Видовой состав костных остатков млекопитающих городища Иднакар" (с. 149); "Краткие сведения о средневековых городищах бассейна р. Чепцы" (с. 220–223); "Краткие сведения о средневековых городищах Поволжья и Приуралья" (с. 234–239); "Характеристика ям внутренней части городища Иднакар" (с. 248–274). Кроме того, в книге имеется список архивных материалов и опубликованных работ по теме (с. 275–291).

Работа вводит в научный оборот уникальные материалы средневекового удмуртского городища, пока единственного раскопанного в таком объеме и на таком высоком методическом уровне. Вероятно, никто не станет отрицать, что после публикации рецензируемой работы изучение средневековой истории Восточной Европы без ее учета уже невозможно. Несомненно, книга вызовет большой интерес у археологов и историков.

Институт археологии РАН, Москва

К.А. Смирнов

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 155–158

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

R. Harhoiu. DIE FRÜHE VOLKERWANDERUNGSZEIT IN RUMÄNIEN. Editura Enciclopedica, Bukarest, 1998, 228 s., abb.

Рецензируемая монография румынского археолога Раду Хархойю "Ранняя фаза эпохи Великого переселения народов в Румынии" – первый том серии монографий "Archaeologia Romanica", к изданию которой в октябре 1997 г. приступили Германский археологический институт (DAI) и Археологический институт "Василе Парван" Румынской академии. Издание осуществлено при финансовой поддержке фонда им. Александра фон Гумбольдта. Серия ориентирована на публикацию материалов доисторической и классической археологии Румынии и Юго-Восточной Европы для ознакомления с ними ученых Европы (с. 7).

В "Предисловии автора (с. 9, 10) читатель узнает о том, что основой предлагаемой монографии является диссертация "Клад в Петроасе и родственные (ему) находки в Румынии", подготовленная автором в 1975–1980 гг. на историческом факультете Университета в Клуи. Позднее, в 1980–1995 гг., в ходе многочисленных зарубежных командировок Раду Хархойю собрал все находки раннего этапа эпохи переселения народов, обнаруженные на территории Румынии. Комплексному анализу этих артефактов посвящена рецензируемая монография.

Первая глава "История исследования и состояние изученности раннего этапа эпохи переселения народов в Румынии" (с. 11–22) открывается перечнем групп источников, используемых в работе: клады, материалы могильников и поселений. Далее автор исчерпывающе излагает историю исследования древностей раннего этапа переселения народов, причем важно отметить, что процесс изучения этих древностей ("первый этап исследований") был начат в XVII в. находками кладов в Ласкове (Волыния) и Шимлеул Сильваней. Обретение этим процессом научного характера связано с деятельностью Национального музея в Бухаресте, где в 1842 г. впервые был выставлен клад из Петроасы (с. 12), и родоначальника румынской археологии Александру Одобеску. Однако, как в 1938 г. отметил Раду Вульпе, лишь 4% тогдашних научных работ в разной степени касались проблем эпохи переселения народов в Нижнем Подунавье. "Второй этап исследований", как считает Раду Хархойю, начался в конце 50-х гг. нашего столетия. С ослаблением идеологического прессинга в рамках "восточного блока" для ученых стран – его участниц возникла возможность изучать не только славянские, но и собственно национальные древности (с. 16). В Румынии в связи с этими новациями стали проводиться раскопки памятников археологии V – начала VI века. Автор подробно разбирает связанную с этим процессом научную деятельность И. Нестора, Д. Протасе. Отмечается, что И. Нестор связал памятники типа Сынтана де Муреш (к северу от р. Муреш) с ранними гепидами. Считалось, что готами оставлены памятники в юго-восточной части Семиградья. Ряд положений достигался без определенной аргументации. Так, в начале 60-х гг. И. Нестор и М. Комша "весьма интуитивно" отнесли культуру Ипотешты-Киндешты к концу V в. (с. 18). Тогда же сформировалась тенденция к "омоложению" датировки культуры Сынтана де Муреш "до конца гуннского владычества" (с. 19). Этот далекий от историзма вывод был ориентирован на решение проблемы преемственности между гето-романским населением Нижнего Подунавья и его средневековыми жителями. В последних трех десятилетиях достигнуты серьезные успехи в изучении источников первых двух групп (см. выше). Проблема изучения поселений заключалась в отсутствии четких хронологических критериев для массового материала. Данная глава монографии завершается выявленными ко времени ее выхода хронологическими периодами для комплексов ранней фазы эпохи переселения народов (D_1 – 380–420 гг., D_2 – 420–440 гг., $D_{2/3}$ – 440–460 гг., D_3 – 460–480 гг.), выделенными Р. Хархойю для территории Румынии на основе материала, добытого из анализа археологических комплексов Нижнего Подунавья.

Вторая глава именуется "Состояние археологических источников и публикаций" (с. 23, 24). Здесь показана актуальность исследований в первую очередь закрытых комплексов в пределах всех трех обозначенных выше групп источников.

Следующая глава "Письменные свидетельства" (с. 25–29) посвящена краткому нарративному изложению событий, происходивших в 332–567 гг. на изучаемой автором территории. Данные, приводимые в этой части монографии, почерпнуты из письменных и нумизматических источников. При этом широко использованы мнения ученых, изучавших финал античности на северо-восточных рубежах империи. Особое внимание уделено здесь вестготскому королю (точнее – iudex potentissimus) Атанариху, перешедшему со своим войском зимой 380–381 гг. на имперскую территорию. Че-

рез год вестготы во Фракии обрели звание федератов. После установления ок. 420 г. гуннского владычества в Паннонии Нижний Дунай также попадает под гуннский контроль. После крушения державы Аттилы и после поражения гуннов во второй войне с готами в 466 г. их часть под руководством сына Аттилы Денгизиха перемещается в нижнее течение р. Дуная. Ситуация здесь окончательно меняется после того, как бывший в 455–470 гг. заложником при константинопольском дворе Теодорих становится королем остготов и уводит их в 488 г. сокрушать владычество Одоакра в Италии. На северном берегу Нижнего Дуная с этого времени властвуют гепиды, лишь в 567 г. побежденные аварами и лангобардами.

В четвертой главе "Погребения и могильники" (с. 30–33) дается обобщенная характеристика погребальных памятников изучаемой эпохи, представленных редкими для Румынии могильниками эпохи переселения народов, группами погребений данного времени на памятниках иных эпох и отдельными захоронениями. Как выясняется, ведущим типом обряда изучаемого периода для территории Румынии является трупоположение. Могилы содержат костяки, вытянутые по линии север – юг (куда ориентирован череп, остается неясным – с. 32), данные о внутренней структуре могил автором не приводятся (отсутствуют в материалах раскопок?). Погребение с конем отмечено лишь в "богатом" погребении в Концешты. Черепа в шести погребениях (Ботошани-Деалу) и в трех могилах иных могильников искусственно деформированы. Данные о кремированных погребениях крайне скудны. Пожалуй, в рецензируемой монографии этим ограничиваются количественные статистические данные по обряду. Для читателей рецензируемой монографии это делает исследование погребальных ритуалов V в. в Нижнем Подунавье практически невозможным. Следует отметить, что Р. Хархойю построил свою работу так, что читателю из ее текста остается неясным даже общее количество исследуемых погребений (данные о них следует смотреть в "Каталоге находок", где информация о погребальных комплексах представлена совокупно с отдельными находками). Количественной характеристики, как выясняется ниже, лишен и массив вещевых находок.

Пятая глава "Обычаи (-принципы) инвентаря и костюма" (с. 34–40) разделена на два параграфа. Первый посвящен особенностям обстоятельств находок V в. на территории Румынии. Органический материал здесь по естественным причинам не сохраняется, ввиду этого комплекс данных антропологии минимален, как, впрочем, и информация о вместилищах костей (деревянных саркофагах). Основной набор инвентаря в мужских могилах – детали вооружения и конского снаряжения. Монетные находки в погребениях крайне редки. В отличие от более ранней культуры Сынтана де Муреш древности V в. лишены обилия керамических сосудов, встречаемых в эту эпоху лишь единично, в женских могилах. Во втором параграфе представляется спектр возможностей для реконструкции мужского (Апахида, Концешты) и женского костюма и наборов сопутствующих предметов. Для женщин, принадлежавших к элите общества, считаются характерными диадемы (свидетельство влияния северопонтийских кочевников – с. 37) в комбинации с фибулами, представленными в основном парами в районе плеч. Обычай крепления женской одежды одной фибулой появляется на исследуемой территории в III в. в ареале племени карпов (с. 37, 38).

В шестой главе, названной "Клады" (с. 41–43), показано, что на территории Румынии находки в кладах V в. имеют по сравнению с остальным Barbaricum гораздо меньше соответствий в инвентаре погребений. Как справедливо считает автор, "клад является материальной поддержкой представительных задач и одновременно особенно престижным элементом" культуры германских вождей, что подтверждается "Песней о Нибелунгах" (с. 42). Таким образом, обнаруженные в различных частях Румынии клады V в. являются сакральным достоянием князей, контролировавших различные земли на северном берегу р. Дунай.

В шестой главе "Поселения" (с. 44, 45) показана роль поселений в раскрытии изучаемой автором темы. Интересен вывод об использовании разноплеменными переселенцами V в. мест прежних, позднеантичных поселений (с. 45).

Седьмая глава "Находки (фактический материал)" весьма объемна (с. 47–147) и разбита на параграфы в соответствии с отделами артефактов (орудия труда, оружие, конское снаряжение, убор от головных украшений до обувных пряжек), металлические, стеклянные и керамические сосуды, деревянные ларцы, "прочие" (от ложек до складного стула) и монетные находки. Каждый параграф разбит на части, соответствующие категориям находок. В текстах этих частей находки расположены в хронологическом порядке, с минимумом данных о существующих в современной европейской науке типологиях находок гуннского времени. Описание артефактов представлено без упоминания сопутствующего им в изученных на территории Румынии погребениях комплекса вещей. Типологической схемой автора можно считать сам порядок представления вещей в тексте, обозначениями типов, подтипов и вариантов, видимо, служат номера позиций внутри частей главы и параграфов. Правда, при этом отсутствует констатация принципов, коими автор руководствовался для создания своей явно не ранжированной типологии. Иерархия признаков и их групп Р. Хархойю даже не намечена. Кроме того, отсутствует хотя бы эскизный критический разбор созданных в Запад-

ной и Восточной Европе к настоящему времени типологий находок гуннского времени.

Присутствие оружия в погребениях культуры Сынтана де Муреш считается влиянием пшеворских древностей, однако при этом не сбрасываются со счетов и восточные импульсы (с. 47). Относительно янтарных и прочих бусин, встречаемых с рукоятями спат, приводится высказанное в 1956 г. мнение И. Вернера о магическом значении данных привесок. Однако на самом деле подобные бусины напоминают скорее всего детали темляка, соединявшего в бою рукоять спаты с запястьем руки меченосца (Arvidsson G., 1954, S. 65). Конструктивный аналог этой детали холодного оружия известен на примере сабель и шашек русской армии начала XX в., где узел и кисть темляка служили ему противовесом. Традиция бусинной подвески к рукояти престижного меча известна в сарматских древностях I в. н.э. (Menghin W., 1983, S. 143). Натурализовавшись в Европе в раннегуннское время, эта традиция постепенно утрачивает практическую функцию и обретает социальный характер. Так, рукояти ножей даже дружинников-пруссов конца V–VI века снабжаются янтарными бусинами-подвесками крупных размеров (Кулаков В.И., 1994, с. 126), что является обозначением их социального статуса. Позднее, в лангобардских древностях VII в., на мечах воинской элиты Италии (как, впрочем, и у скандинавских родовых князей вендельской эпохи) бусины-подвески исчезают, сохраняются лишь рудименты крепления темляка/подвески (спаренное кольцо на навершии рукояти меча), полностью лишенные возможности практического применения (Menghin W., 1994, S. 238).

Таким образом, основной массив текста седьмой главы содержит лишь описание (кстати, достаточно подробное) сделанных в Румынии находок конца IV–V века с привлечением преимущественно западно-европейских, реже – северопричерноморских находок в виде аналогий. Скандинавский и балтский материал остался за пределами интересов автора рецензируемой монографии. Также, к сожалению, им не учтены новейшие работы, посвященные проблемам "переселенческой" археологии (прежде всего по вопросам типологии ведущих находок), вышедшие в последнее десятилетие из-под пера М. Казанского, И. Гавритухина, С. Каргопольцева, В. Казакявичюса.

В данной главе минимально представлены хронологические аспекты, связанные с публикуемыми находками. Автор признает всю сложность датировки изучаемого им материала, ограниченность привлечения им современной научной литературы по проблемам хронологии делает немногочисленные датировки представленного в монографии материала довольно шаткими (например, комплекс из Сингишоара можно датировать не второй половиной V в., а третьей четвертью этого столетия – с. 63). Это стало результатом видимого отсутствия интереса автора к созданию типологических схем изучаемого материала. Исключением являются несколько абзацев, посвященных Р. Хархойю медальонам (с. 79, 80), причем местом производства "варварских" артефактов этой категории автор предполагает Шимлеул Сильваней (с. 81). Среди фибул типологизации подвергнуты лишь массивы фибул с "луковичными" навершиями (с. 89) и двупластинчатых застежек с вставками из камней, сведенных в группы I–VI (с. 93–97). Последние выделены автором вполне интуитивно на основе длины и пропорции ножки фибул. Непонятна попытка типологии двупластинчатых фибул, представленных в книге литерами a – h. Возможно, под этими литерами скрываются сериации фибул. К сожалению, автору остался неизвестным вышедший в 1994 г. 8-й том Reallexikon der Germanischen Altertumskunde (Lief. 5/6), где собраны новейшие системы типологий такой важнейшей для европейской археологии категории находок, как фибулы. Анализ пряжек и деталей поясных наборов проведен Р. Хархойю без учета важнейших для этой проблемы работ, которыми располагает современная наука (Ковалевская В.Б., 1979; Madyda-Legutko R., 1986). Список монографий, базовых для типологии и хронологии Нижнего Дуная IV–V вв., не принятых во внимание автором рецензируемой монографии, можно было бы продолжить. Но уже без этого вполне ясно: со времени окончания подготовки лежащей в основе данной монографии диссертации (1980 г.) находящаяся в распоряжении автора библиография вопроса увеличилась незначительно. В ней последней работой Ярослава Тейрала, признанного специалиста по проблемам древностей V в., является монографическая статья 1988 г. (с. 225), после которой в свет вышли минимум три важнейшие работы чешского коллеги (библиография Tejral J., 1997, S. 361), значительно изменившие наши взгляды на хронологию древностей Подунавья IV–V вв. Завершая этот сюжет, следует только сожалеть о том, что местоположение находок в трупоположениях даны автором весьма схематично, в виде таблицы (Abb. 2), что не дает, в частности, возможности установить ориентацию фибул на костюме (по логике вещей, иглой вверх или, как парадоксально считает А.М. Обломский в случае с черняховскими древностями, – вниз).

Финальная, восьмая глава названа автором "Заключительные наблюдения" (с. 148–155). Здесь сообщается о том, что непрерывно развивающаяся с конца IV в. культура Сынтана де Муреш прекращает свое существование в результате гуннского переселения на запад (с. 149). При этом хронология событий в Нижнем Подунавье обозначается автором в следующих общих рамках: этап D_1 – последняя фаза существования в регионе позднеримских укреплений, появление в культуре Сынтана де Муреш новых элементов, этап D_2 –

широкое распространение вещевых комплексов, связанных с кочевым миром, этап D_3 – интеграция кочевых и восточногерманских культурных элементов древностей при доминанте последних (с. 149). К первому этапу, ко времени после пересечения в 378 г. Дуная вестготами, автор относит "богатое" погребение в Концештах, в инвентаре которого представлены изделия (в том числе "гвардейский шлем") восточноримских мастерских IV в. По справедливому мнению Р. Хархойю, эти находки попали к готам в результате грабежей или как почетные дары. Второе объяснение, по моему мнению, справедливо, видимо, для большинства кладов V в. в Румынии. На закате империи "варвары" облекались фиктивными почестями и воинскими званиями (реально – для откупа от набегов), для подтверждения которых римляне изготавливали соответствующие ранговые аксессуары (Кулаков В.И., 1998, с. 107). Особый интерес вызывает вполне объяснимое авторское стремление выяснить нюансы, связанные с крушением римского владычества в различных частях Румынии. Выяснилось, что появление новой, явно неримской политической ситуации на Нижнем Дунае приходится в целом на рубеж IV и V вв. (с. 152). К первой половине V в. автор относит знаменитый клад из Петроасы. Его инвентарь, произведенный в IV в. в различных уголках Восточной Римской империи, являлся достоянием восточноготского конунга (рис. 153). После смерти в 453 г. Аттилы "варварское" величие культуры Нижнего Дуная начинает клониться к упадку. Автор отмечает связь с этим периодом лишь отдельных захоронений или небольших групп могил. Роскошные комплексы из Апахиды и Сомешени Р. Хархойю справедливо связывает с дарами, посланными византийским императорским двором новым властителям Дакии. Концентрация таких находок в бассейне р. Малый Сомеш соответствует, по его мнению, центру гепидской (?) власти (с. 155). Однако, несмотря на упомянутые выше отдельные удачные интерпретации, цельной системы хронологии Нижнего Подунавья в конце IV–V веке у автора не получилось. Отсутствует даже попытка выявить на богатейшем археологическом материале динамику этнокультурных изменений, которые захлестнули Дакию в эпоху Аттилы и Теодориха. Не проясняют ситуацию таблицы взаимовстречаемости артефактов на памятниках, распределения на памятниках монетных находок и предельно упрощенные схемы памятников археологии, представленные автором в 21 позиции. Этот графический материал представляет собой образчик методики подачи материала для кандидатской диссертации 15-или даже 20-летней давности. Финальная корреляционная хронологическая таблица в работе отсутствует. Ее "заменяют" три схемы-вкладки (Taf. CXXXVIII–CXL), малоинформативные, весьма спорные и поражающие примитивностью своего исполнения.

При этом самой высокой оценки заслуживает "Каталог находок" (с. 157–194), данный по комплексам, что вызовет, несомненно, удовлетворение заинтересованного читателя. Самое наилучшее впечатление оставляют фотографии и рисунки использованных в работе находок, исполненные на весьма качественном профессиональном уровне (Taf. I–CIV). Завершающий блок таблиц (Taf. CV–CXXXV) посвящен преимущественно нумизматическим находкам в Румынии. Две последние таблицы монографии (Taf. CXXXVI, CXXXVII) представляют собой попытку автора сопоставить несколько систем хронологии ранней фазы эпохи переселения народов. Учитывая высказанные выше замечания об отсутствии в рецензируемой работе появившихся *в последнее десятилетие* новых вариантов датировки изучаемых Р. Хархойю древностей, данные таблицы представляют интерес скорее для историков науки.

Все сказанное выше отнюдь не умаляет значения работы нашего румынского коллеги. В своей великолепно изданной монографии он предоставил возможность ученым Западной и Восточной Европы досконально ознакомиться с ранее малоизвестными древностями поздней античности и гуннского времени, изученными на территории Румынии. Максимально полная презентация фактического материала – подлинная стратегическая задача серии "Archaeologia Romanica" – автором рецензируемой работы полностью выполнена. Коллеги за рубежами Румынии получили прекрасную возможность обработать нижнедунайский материал наиболее сложного в европейской истории периода "варварского" натиска на Римскую империю и осуществить соответствующие типологические, хронологические и по возможности исторические исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ковалевская В.Б., 1979. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки // САИ. Вып. Е1-2.

Кулаков В.И., 1994. Пруссы (V–XIII вв.). М.

Кулаков В.И., 1998. Holibo. Междуречье Ильфинг и Фришинг в 5 в. // Гістарычна-археалагічны зборник. № 13. Мінск.

Arvidsson G., 1954. Valsgärde 8. København.

Madyda-Legutko R., 1986. Die Gürtellschnallen der römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in mitteleuropäischen Barbaricum // BAR. T. 15. 360.

Menghin W., 1983. Das Schwert im Frühen Mittelalter. Stuttgart.

Menghin W., 1994. Kelten, Römer und Germanen. Archäologie und Geschichte in Deutschland. Augsburg.

Tejral J., 1997. Neue Aspekte der frühvölkerwanderlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno.

Институт археологии РАН, Москва

В.И. Кулаков

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 159–163

ХРОНИКА

К 80-ЛЕТИЮ Л.В. АЛЕКСЕЕВА

15 января 2001 г. ведущему сотруднику Института археологии РАН, доктору исторических наук Леониду Васильевичу Алексееву исполняется 80 лет. Для многих археологов он уже принадлежит к поколению Учителей, поэтому так интересно знать не только то, что им сделано за долгую и плодотворную жизнь в науке, но и то, как это делалось в теперь уже прошлом столетии.

Л.В. Алексеев родился и вырос в семье профессиональных музыкантов. Отец его – В.М. Алексеев, умерший совсем молодым, был музыкантом-теоретиком и композитором, мать – Е.И. Горожанкина-Алексеева – учительницей музыки. Музыка, а позже и театр стали тем миром, в который он "был вхож" с детства. Но рядом был и другой мир – научный. Дед Л.В. Алексеева, И.Н. Горожанкин – крупный ученый-ботаник, профессор Московского университета. Две составные генетического багажа – музыка и искусство в широком смысле и наука, тоже в широком диапазоне – стали тем наследством, с которым выпускник МГУ пришел в 1948 г. в археологию. Оно и определило его интересы на всю жизнь. И, конечно, еще обернувшееся удачей препятствие: не принятый в аспирантуру в Киеве из-за "политической пассивности", Л.В. Алексеев попал по распределению в Гродно, где и проработал в 1948–1949 гг. главным хранителем Гродненского историко-археологического музея.

Разоренные в войну фонды музея удалось привести в порядок, а приобретенные навыки архивариуса останутся у Л.В. Алексеева на всю жизнь. На всю жизнь останется и любовь к Белоруссии, ставшей для него второй родиной. Удивительно красивая страна после тяжких военных испытаний, ее древности, требующие внимания и защиты, много страдавший народ с живым интересом к своему прошлому – все это сделало из молодого ученого верного почитателя Белоруссии и неутомимого исследователя ее богатых древностей. Путешествия по ее дорогам – пешком, на велосипеде и на простой крестьянской лошадке – были начаты ученым в послевоенное время и продолжались еще три десятилетия. Находки и открытия не покидали его на этом пути и в поле, и в музее, и в архиве.

Так, архивистская жилка, проснувшаяся в выпускнике Московского университета в Гродно, помогла ему найти в архиве ЛО ИИМК в Ленинграде всеми забытые уникальные негативы, воспроизводящие крест, заказанный Евфросинией Полоцкой Лазарю Богше в 1161 г. Они были сделаны в Полоцке в 1896 г. фотографом И.Ф. Чистяковым для И.А. Шляпкина и пролежали в его архиве более полстолетия, никем не востребованные. Крест, бесследно пропавший в годы Отечественной войны в 1941 г., теперь, после выхода статьи Л.В. Алексеева "Лазарь Богша – мастер-ювелир XII в.", получил "второе рождение". В этой первой большой работе ученого наметились основные черты его исследовательского почерка: разнообразие привлекаемых источников, полнота археологического анализа произведения, умение вписать его в историческую действительность.

Работа эта оказалась судьбоносной: на восьмом десятке лет Л.В. Алексеев скажет: "Я начал жизнь с крестом Евфросинии Полоцкой и кончаю жизнь с ним". И действительно, в 1990-е годы он вновь обратился к судьбе святыни и зорко уловил удивительную связь духовной реликвии не только с крутыми поворотами в истории России за прошедшие восемь столетий, но и с нравственным климатом постоянно меняющегося общества. Наконец, Л.В. Алексеев примет самое активное участие в воссоздании по инициативе патриаршего экзарха всея Беларуси митрополита Филарета креста Лазаря Богши ювелиром Николаем Петровичем Кузьмичом.

Ну а между этими знаменательными событиями в научной жизни Л.В. Алексеевым будут написаны три большие монографии, работа над которыми выведет его в число ведущих исследователей средневековой Белоруссии и Древней Руси в целом. Работал над ними Л.В. Алексеев тщательно и неспешно. Кандидатская диссертация на тему "Полоцкая земля" была защищена в 1955 г., монография под тем же названием вышла в свет только в 1966 г., после того как была значительно дополнена результатами раскопок в Браславе, Друцке и данными разведок памятников железного века Северной Белоруссии. В этой первой монографии Л.В. Алексеев заявляет о себе как об исследователе, умеющем одинаково уверенно анализировать источники и археологические, и исторические. Он историк, когда обращается к летописям и вносит новое в изучение Смоленских грамот XIII–XV вв., и археолог, когда с помощью тотальной разведки решает вопрос о заселенности страны в тот или иной период.

Л.В. Алексеев изобретателен в мобилизации других источников: лингвистических, этнографических, природоведческих. И на этом пути исследователя ждут большие удачи. В распростране-

нии названий типа "Бор", "Борок" он увидит следы исчезнувших древних лесов и выскажет свои интересные соображения, полемизируя со специалистами. Привлекая незаслуженно забытые столетней древности карты и списки волостей, изданные в начале XX в., Л.В. Алексеев выявляет наименования "межа", "межник", "рубеж" и устанавливает, что они распространяются не хаотично, а окружают Полоцкую землю плотным кольцом, фиксируя ее древние границы. Часто встречающиеся названия "Браслов", "Браслово", "Браславль" он убедительно связывает с пограничными укреплениями, отстроенными полоцким князем Брячиславом в XI в.

Археологическое картографирование – постоянное увлечение Л.В. Алексеева и отработанный им метод исследования. За ним – десятки километров сухопутных дорог, новых и древних, пройденных все отмечающим в памяти археологом: курганы на месте известного по летописям города, озеро, сохранившее название другого летописного города, небольшое селище – след еще одного города, от которого сохранилось только название.

А потом в зимней Москве полевые наблюдения накладывались на сведения, почерпнутые из летописей, записок путешественников, "Новейшего российского дорожника", изданного еще при Павле I, исторических трудов от В.Н. Татищева до Н.П. Барсова и обильной археологической литературы. И вот уже водные и сухопутные дороги древней Полотчины обретают конкретность в выразительных картах, города – в реконструкциях древней топографии, а там, где это удалось сделать, – в инструментальных съемках.

Мы многого бы не увидели, если бы не еще одно увлечение Л.В. Алексеева – фотография. Вид городища древнего Лукомля с вросшим в землю каменным крестом, великолепная панорама городища Друцка, церковь Благовещения в Витебске, какой она была в 1961 г., и многое другое, изданное и просто хранящееся в богатом научном архиве исследователя, – плоды этого увлечения. Л.В. Алексеев публикует в своей первой монографии детали кладок сохранившихся полоцких храмов и фундаменты древней церкви Минского детинца. Особый интерес ученого к архитектуре еще не раз проявится в его работах, тем не менее немногие страницы, посвященные искусству Полоцкой земли, оказались значительными и содержали зерно будущих исследований.

Вторая большая монография – "Смоленская земля в IX–XIII вв.". Понадобилось 15 лет, чтобы появилось это серьезное региональное исследование. Трудность его состояла в том, что ключевые для темы археологические объекты – Смоленск и Гнездовский курганный могильник – много лет раскапывались экспедицией Д.А. Авдусина, но мало публиковались. Недостаток конкретного археологического материала был частично восполнен успешными раскопками Л.В. Алексеева в Мстиславле и Рославле.

Обращение к историческим источникам позволило проследить постепенный рост территории Смоленской земли, определить домен Ростислава. Для этого Л.В. Алексеев заново рассмотрел комплекс грамот Смоленской епископии 1146 г. – начала XIII в., выяснил источники Устава Ростислава 1136 г., т.е. провел профессиональное источниковедческое исследование, далеко не всегда доступное археологу. И все же для решения глобальных проблем – определения характера заселенности страны, направления древних путей сообщения – фундаментом оставался археологический материал. Любимый Л.В. Алексеевым метод разведки и картографирования оправдал свою эффективность и теперь. В этой книге Л.В. Алексеев показал себя большим мастером полемики. Вопрос о месте древнего Смоленска и весь сложный узел норманнских проблем, связанных с Гнездовым, он рассматривает далеко не в бесстрастно-академическом тоне. Но ни разу полемический жар не нарушает строгой корректности дискуссии.

Монография о Смоленской земле, по которой в 1982 г. была успешно защищена докторская диссертация, еще раз убедительно подчеркнула умение автора ставить перед собой исторические задачи и решать их комплексно, на базе собственных исследований исторических и археологических источников. В этой работе получила развитие еще одна черта Л.В. Алексеева, хорошо заметная и по предыдущим работам, – постоянный и живой интерес к историографии, не узкопрагматический – по принципу "кто и что об этом сказал", а творческий, почти личный, со стремлением увидеть за работой не только автора, но и человека с его судьбой, душевными склонностями, взглядами на жизнь – древнюю и современную.

Неудивительно, что третья большая монография Л.В. Алексеева "Археология и краеведение Беларуси XVI – 30-е годы XX в." посвящена подвижникам археологии и краеведения Белоруссии. Ценность этого исследования для науки не требует разъяснений. Важно другое: как в такой далекой от практической жизни науке, как археология, и в судьбах ее тружеников отражалась история России. Сам Л.В. Алексеев сформулировал свою задачу конкретнее, как проблему "нашей связи с прошлым в его духовном и материальном воплощении". Надо сказать, что эта задача, как и название книги, у́же ее содержания. Это история рождения и роста самосознания народа на примере деятельности людей, посвятивших себя его изучению, своеобразная история нации через призму биографии особой породы людей – энтузиастов истории и археологии, увлеченных люби-

телей древностей: Матея Стрыйковского, серьезного историка средневековья Белоруссии и Литвы из Мазовии, жившего в XVI в. и впервые высоко оценившего значение русских летописей; военного инженера Ф.Е. Нарбутта, посланного М.В. Барклаем-де-Толли в 1801 г. под Рогачев для обследования места возведения укрепления и увлекшегося там раскопками курганов; участника войны 1812 г. генерала Е.Ф. Канкрина, министра финансов при Николае I, первым профессионально занявшимся знаменитыми Борисовыми камнями Белоруссии... Л.В. Алексеев любит подчеркивать забытые заслуги своих героев, обильно цитирует интересные места их исследований, отыскивает в их судьбах объяснения особенностей их вклада в науку. Люди разных сословий, от аристократов и духовных лиц, блестящей плеяды гимназических учителей до профессиональных археологов XX в., образуют непрерывную живую цепь самопознания народа. Историческая канва, на фоне которой она разворачивается, заставляет задуматься над причинами чередующихся вспышек и угасаний интереса общества к древностям. Л.В. Алексеев убедительно показывает их связь с патриотическим подъемом общества в годины бедствий и страхом власти перед вечно живым в народе чувством собственного достоинства и уважения к "отеческим гробам".

Три большие монографии Л.В. Алексеева фиксируют основные этапы творческой жизни автора, но далеко не исчерпывают ее. Помимо обычных для археолога "промежуточных" статей он постоянно возвращается к столь любимой им археологической разведке и в поле, и за письменным столом, к папкам своего архива с фотографиями и заметками, картографическим материалам и богатой библиотеке. За постоянство иногда бывает неожиданная награда. Так, в 1970 г. Л.В. Алексеев обнаружил в костеле св. Тадеуша в Лучане портрет прабабки композитора Огинского, Эльбиеты Огинской и ее мужа кисти неизвестного живописца XVIII в. Находки и наблюдения множились и в конце концов вылились в еще две интересные и полезные для самого широкого круга читателей книги: "По Западной Двине и Днепру в Белоруссии" и "Гродна и помники Понямоння". В них, как и во всех книгах Л.В. Алексеева, нашлось место и архитектуре, увлечение которой появилось еще в далекие детские годы, когда он жил на Берсеневской набережной, рядом со знаменитым памятником московской архитектуры XVII в. – палатами Аверкия Кириллова. Неудивительно, что археолог Алексеев напишет интересные работы по архитектуре и монастырям Белоруссии, а Г.К. Вагнер назовет это направление его деятельности возрождением "воронинской традиции".

Из постоянных и разнообразных интересов Л.В. Алексеева следует в назидание многим из нас отметить еще один: интерес к своим семейным "корням". Толстые тома машинописных воспоминаний о своей семье занимают почетное место на полках его стеллажей, а в свет уже вышли книга о деде И.Н. Горожанкине, основателе любимого москвичами Ботанического сада на Большой Мещанской, и статья об отце В.М. Алексееве, бережно хранимые произведения которого, долгое время никому не известные, ныне высоко оценены и исполняются. Л.В. Алексеев воспринимает историю своей семьи как часть истории народа, потому что изучение "древностей российских" оказалось для него самого не просто профессией, но и призванием, а значит, постоянным стимулом к творчеству в широком смысле. Остается пожелать, чтобы это продолжалось долго.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ Л.В. АЛЕКСЕЕВА

1. Три шиферных пряслица с надписями из Белоруссии // КСИИМК. 1955. Вып. 47. С. 129–132.
2. Полоцкая земля // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955. С. 1–15.
3. Лазарь Богша – мастер-ювелир XII в. // СА. 1957. № 3. С. 224–244.
4. О работе сектора славяно-русской археологии // КСИИМК. 1958. Вып. 72. С. 117–120.
5. Еще три шиферных пряслица с надписями // СА. 1959. № 2. С. 242–245.
6. Научные связи польских и российских археологов // Вестн. Академии наук. 1959. Вып. 6. С. 107–110.
7. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины // Тр. Прибалтийской экспедиции. Т. I. М., 1959. С. 273–315.
8. Раскопки древнего Браслава // КСИА. 1960. Вып. 81. С. 95–106.
9. О работе сектора славяно-русской археологии в 1958 г. // КСИА. 1962. Вып. 81. С. 125–130.
10. О работе сектора славяно-русской археологии в 1959 г. // КСИА. 1962. Вып. 87. С. 118–122.
11. Художественные изделия косторезов из древних городов Белоруссии // СА. 1962. № 4. С. 197–209.
12. На Замкавай гаре // Маладосць. № 1. Менск, 1962 (на белорус. яз.).
13. Городище Девичья Гора в Мстиславле // КСИА. 1963. Вып. 94. С. 73–79.
14. Владимир Голубович (некролог) // СА. 1964. № 1. С. 362.
15. Друцк // Советская историческая энциклопедия. Т. 5. М., 1964. С. 388, 389.
16. К истории и топографии древнейшего Витебска // СА. 1964. № 1. С. 99–111.
17. А.Н. Лявданский // Советская историческая энциклопедия. Т. 8. М., 1965. С. 864.
18. Киевская Русь // Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М., 1965. С. 218–228 (в соавт. с Б.А. Рыбаковым).
19. Киевское восстание 1068 г. // Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М., 1965. С. 232, 233.

20. Киевское восстание 1113 г. // Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М., 1965. С. 233.
21. История белорусской археологии // Древности Белоруссии. Минск, 1966. С. 236, 237.
22. Некоторые вопросы исторической географии Северной Белоруссии // Древности Белоруссии. Минск, 1966. С. 257, 258.
23. Некоторые вопросы исторической географии Северной Белоруссии в раннесредневековое время // Пленум Ин-та археологии АН СССР. 1966. Тез. докл. М., 1966. С. 1–3.
24. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии IX–XIII вв.). М., 1966. 295 с.
25. Раскопки в Друцке // АО–1965. 1966. С. 168, 169.
26. История СССР (главы по Прибалтике). Т. I. М., 1968. С. 315–320, 464–468.
27. Барыс Рыбакоу // Полымя. 1968. № 2. С. 236–238 (на белорус. яз.).
28. Белорусская археология и историческое краеведение в XIX – начале XX в. // СА. 1968. № 3. С. 85–100.
29. К 60-летию Б.А. Рыбакова // СА. 1968. № 2. С. 111–117.
30. О топонимах "Межа" и "Рубеж" в Восточной Европе // Славяне и Русь. К 60-летию Б.А. Рыбакова. М., 1968. С. 245–250.
31. О работах в древнем Друцке и его округе // АО–1967. 1968. С. 236.
32. Рец.: *Э.М. Загорульский* "Археология Белоруссии". Минск, 1965 // СА. 1968. № 3. С. 291–296 (в соавт. с О.Н. Мельниковской).
33. Вяртаючы народу минулыя стагоддзя // Полымя. 1969. № 12. С. 189–200 (на белорус. яз.).
34. Крыж Евфрасінii Полацкай // Маладосць. 1969. № 7. С. 143–148 (на белорус. яз.).
35. Работы в Мстиславле, Рославле и в окрестностях Друцка // АО–1969. 1970. С. 307, 308.
36. Калі быу заснаваны Віцебск? // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. № 2. Менск, 1971. С. 12, 13 (на белорус. яз.).
37. Раскопки древнего Рославля и разведки в Смоленской земле // АО–1970. 1971. С. 79, 80 (в соавт. с З.М. Сергеевой).
38. Старажытны Мсціслау // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Менск, 1971. С. 25–31 (на белорус. яз.).
39. Віцебская дауніна // Маладосць. 1972. № 12. С. 143–149.
40. Грамота Ростислава Смоленского в свете археологии // Беларускія старажытнаці. Менск, 1972. С. 185–189.
41. Исследования в Смоленской земле // АО–1971. 1972. С. 107.
42. Исследования в древней Смоленщине // АО–1972. 1973. С. 49, 50.
43. Раскопки курганов в Восточной Белоруссии // КСИА. 1973. Вып. 135. С. 49–55 (в соавт. с З.М. Сергеевой).
44. Старажытны Друцк // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. № 3. Менск, 1973. С. 16–23.
45. Древний Ростиславль // КСИА. 1974. Вып.139. С. 81–92.
46. Исторический комментарий к книге Л.А. Обуховой "Витбичи". Минск, 1974.
47. Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель (кресты и иконки Белоруссии) // СА. 1974. № 3. С. 204–219.
48. Оковский лес Повести Временных Лет // Культура средневековой Руси. К 70-летию М.К. Каргера. Л., 1974. С. 5–11.
49. По Западной Двине и Днепру в Белоруссии. М., 1974. 143 с.
50. Устав Ростислава Смоленского и процесс феодализации Смоленской земли // Slowianie w dziejach Europy. (К 70-летию академика Г. Ловмяньского). Warszawa, 1974. S. 85–113.
51. Полоцкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 202–239.
52. Домен Ростислава Смоленского // Средневековая Русь. Памяти Н.Н. Воронина. М., 1976. С. 53–59.
53. Древний Мстиславль // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 44–52.
54. Новые раскопки в Мстиславле // АО–1976. 1977. С. 399.
55. О древнем Смоленске // СА. 1977. № 1. С. 83–103.
56. Раскопки древнего Мстиславля // Наука и жизнь. 1977. № 4. С. 65.
57. Некоторые вопросы заселенности и развитие западнорусских земель // Древняя Русь и славяне. К 70-летию Б.А. Рыбакова. М., 1978. С. 23–30.
58. Старажытны Браслау // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. № 4. Менск, 1978. С. 37–40 (на белорус. яз.).
59. Археология, нумизматика и геральдика. Минск, 1979 (в соавт. с В.Н. Рябцевичем). с. 1–198.
60. Выдатны археолаг і краяузнауца // Полымя. 1979. № 9. (на белорус. яз.).
61. Периферийные центры домонгольской Смоленщины // СА. 1979. № 4. С. 95–111.
62. Новые книги по археологии белорусских городов (Рец.: *Лысенко П.Ф.* Города Туровской земли. Минск, 1974; *Штыхов Г.В.* Древний Полоцк. Минск, 1975; *Зверуго Я.Г.* Древний Волковыск. Минск, 1975) // СА. 1980. № 2. С. 269–274.
63. Проблема возникновения городов в свете демографии домонгольской Руси // Тез. докл. на IV конгрессе славянской археологии в Софии. София, 1980. С. 31, 32.
64. Раскопки в Мстиславле // АО–1979. 1980. С. 357, 358.
65. Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980. 258 с.
66. Таленавіты даследчык Беларусі // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. № 1. Менск, 1980. С. 12–14 (на белорус. яз., о А.М. Сементовском).
67. Исследования Мстиславля // АО–1980. 1981. С. 330, 331.
68. Берасцяная грамата // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. № 2. Менск, 1982. С. 36–39 (на белорус. яз.).
69. Берестяная грамота из древнего Мстиславля // СА. 1983. № 1. С. 204–213.
70. Иван Николаевич Горожанкин в университете и в жизни // Вопр. истории, естествознания и техники. 1984. № 4. С. 112–119.

71. Пачатак вывуяэння помнкау // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. № 4. Менск, 1984. С. 32, 33 (на белорус. яз.).

72. Старажытныя жыхары Беларусі аб сваіх помнікау дауніны // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. № 4. Менск, 1985. С. 30–32 (на белорус. яз.).

73. Работы в древнем Мстиславле // АО–1983. 1985. С. 380, 381.

74. Смоленский город Мстиславль: стратиграфия, хронология, топография // Тез. докл. сов. делегации на V междунар. конгрессе славянской археологии. Киев, 1985.

75. Комплексное изучение Мстиславля и его округи // АО-1984. 1986. С. 336, 337 (в соавт. с О.А. Трусовым и др.).

76. Три альбома каталога по искусству Белоруссии XII–XVIII вв. (Рец.: *Высоцкая Н.Ф.* Жывапіс Беларусі XII–XVIII ст.ст. Фрэска, абраз, партрэт. Менск, 1980; *Высоцкая Н.Ф.* Пластыка Беларусі XII–XVIII ст.ст. Менск, 1983; Дэкаратыуна-прыкладное мастацтва Беларусі XII–XVIII ст.ст. Менск, 1984) // СА. 1986. № 3. С. 272–280.

77. Капитальное исследование по начальной истории Минска (Рец.: *Загорульский Э.М.* Возникновение Минска. Минск, 1982) // СА. 1987. № 2. С. 265–273.

78. Раскопки в Мстиславле // АО–1985. 1987. С. 444, 445.

79. Земля нашых продкау // Памяць. Менск, 1988 (на белорус. яз.).

80. Воспитанница Московского археологического института – первый смоленский археолог Е.Н. Клетнова (1869 – после 1925) // Уваровские чтения. Муром, 1990. С. 9–11.

81. Кто был автором "Приглашения" барона Аша? // СА. 1990. № 1. С. 283–287.

82. Судьбы археологии Смоленщины и Белоруссии // СА. 1990. № 4. С. 241–262.

83. Е.Н. Клетнова – один из первых смоленских археологов // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991. С. 121–136.

84. Е.Ф. Канкрин и открытие Борисовых камней в Белоруссии // СА. 1991. № 2. С. 256–265.

85. Последний лекционный курс Василия Алексеевича Городцова // Проблемы древних культур Евразии. М., 1991. С. 223–227.

86. Двенадцатый археологический съезд в Харькове // РА. 1992. № 4. С. 196–198.

87. Первый исследователь надписей на белорусских камнях (послесловие редактора) // *Левков Э.А.* Моукливыя свидетели прошлого. Менск, 1992.

88. Крест Евфросинии Полоцкой 1161 г. в средневековье и в последующие времена // РА. 1993. № 2. С. 70–78.

89. Проблема становления культово-оборонного зодчества Руси в свете раскопок в Мстиславле // РА. 1993. № 4. С. 217–238.

90. Судьба Виленского музея древностей // Вопр. истории. 1993. № 4. С. 160–163.

91. Памяти Михаила Александровича Ткачева // РА. 1994. № 3. С. 250–252 (в соавт. с Л.В. Колединским и А.А. Метельским).

92. Древний Мстиславль в свете археологии // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 6. Менск, 1995. С. 118–182.

93. Евфросиния Полоцкая: жизнь, деятельность, судьба // Веснік беларускага экзархата. Менск, 1995. С. 38–48.

94. Мстиславльский детинец XII–XIII вв. // РА. 1995. № 3. С. 60–76.

95. Археология и краеведение Беларуси XVI – 30-е гг. XX вв. Минск, 1996. 206 с.

96. Воспоминания об Н.Н. Улащике // Беларускі гістарычны агляд. Менск, 1996. С. 106–109.

97. Гродна і помнікі Панямоння. Менск, 1996. 191 с. (на белорус. яз.).

98. Домонгольская архитектура Полоцкой земли в историческом осмыслении // РА. 1996. № 2. С. 96–100.

99. Крест – хранитель всея вселенныя. Менск, 1996. С. 3–52 (в соавт. с Т.И. Макаровой и Н.П. Кузмичом).

100. Менскія дрэгавічны // Гістарычны журнал. 1996. № 4. С. 80–87.

101. Археология средневекового периода в Белоруссии (1950–1990) // РА. 1998. № 3. С. 176–190.

102. Воспоминания старожила: К возрождению Храма Христа Спасителя в Москве // Журн. Московской Патриархии. 1998. № 1. С. 36–39.

103. Иван Николаевич Горожанкин (1848–1904). К 150-летию со дня рождения. М., 1998. (в соавт. с Е.В. Калесник). 206 с.

104. Изучение древностей в дореформенной Смоленщине // Очерки истории отечественной археологии. Вып. 2. М., 1998. С. 63–84.

105. Крест – красота Церкви. Минск, 1998. С. 17–44 (в соавт. с Т.И. Макаровой и Н.П. Кузмичом).

106. "Менские дреговичи" и полоцкие князья // РА. 1998. № 2. С. 100–111.

107. "Меньск" и Минск // Культура славян и Русь. К 90-летию Б.А. Рыбакова. М., 1998. С. 375–392.

108. Минск и Друцк // Славяне и их соседи. К 70-летию Э.М. Загорульского. Минск, 1998. С. 10–19.

109. Грустная судьба таланта // Муз. Академия. 1999. № 3. С. 180–182.

110. Детинец Мстиславля в XIV–XVII вв. // РА. 2000. № 2. с. 94–114.

111. Древний Друцк: письменные источники, топография, время возникновения // РА (в печати).

112. Монастыри Белоруссии // Светильник (в печати).

113. Древнейшие полоцкие монастыри (в печати).

Институт археологии РАН, Москва *Т.И. Макарова*

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 164–167

ХРОНИКА

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "ЭКОЛОГИЯ ДРЕВНИХ И СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ"

18–19 ноября 1999 г. в Тюмени состоялась конференция "Экология древних и современных обществ", проведенная Институтом проблем освоения Севера (ИПОС) совместно с Институтом археологии и этнографии СО РАН и Тюменским государственным университетом[1]. В ее работе приняли участие 90 исследователей из Владивостока, Екатеринбурга, Кемерова, Москвы, Нижнего Тагила, Омска, Сургута, Тобольска, Томска, Тюмени, Челябинска, Кустаная, Яр-Сале, представлявших 27 научных и научно-просветительских учреждений России и Казахстана.

С докладами на конференции выступили специалисты в области археологии, этнографии, философии, антропологии, геологии, гидрогляциологии, медицины, социологии, биологии, экологии и химии. На пленарном заседании и в двух одновременно работавших секциях "Реконструкция природной среды и жизнеобеспечение древних и средневековых обществ" и "Этническая экология" было зачитано 36 докладов. В них рассмотрены проблемы методов реконструкции природной среды древних эпох, изучения систем природопользования и жизнеобеспечения народов России с древнейших времен и вплоть до современности, разработанные на основе различных исторических, археологических, этнографических, антропологических, естественно-научных и других источников.

Конференцию открыли директор ИПОС СО РАН *В.Р. Цибульский* и проректор по научной работе ТюмГУ *В.С. Соловьев*. В своем докладе, зачитанном на пленарном заседании, *П.А. Косинцев* остановился на методических подходах к реконструкции природной среды прошлого. *Н.А. Томилов* рассмотрел методологические проблемы в изучении природной среды как социокультурного явления и задачи этнической экологии. Он предложил считать объектом последней взаимоотношение этнических общностей с природной средой, понимая под ней геобиосоциальную обстановку и включая в нее искусственно созданное человеком окружение своей жизни. Предметом рассматриваемой субдисциплины являются свойства культуры отражать общие, особенные и отдельные стороны взаимоотношений этнических общностей с природной средой. *Н.В. Федорова* в докладе "Формирование системы хозяйственной адаптации у населения Ямала в железном веке" сообщила о новых результатах комплексных исследований на севере п-ова Ямал. Она датировала его заселение V–VI в. н.э., связав этот процесс с освоением транспортного оленеводства, и показала отсутствие хозяйственно-культурного комплекса охотников на морского зверя, *Е.Ф. Фурсова* в докладе "Традиционные взгляды на землю и воду в культуре жизнеобеспечения восточных славян Обь-Иртышского междуречья" рассмотрела обычаи установки и использования майского дерева у сибирских белорусов, восходящие к представлениям о связи троицких берез с земной и небесной влагой. Актуализация сакральных ритуалов, как она считает, обусловлена обживанием неблагоприятного в климатическом отношении региона.

На секции "Реконструкция природной среды и жизнеобеспечения древних и средневековых обществ" были заслушаны доклады по проблеме человек и мамонт: *В.Н. Зенина, Й. ван дер Плихта, Я.В. Кузьмина* "Радиоуглеродная хронология позднепалеолитической стоянки Шестаково"; *Л.А. Орловой, Я.В. Кузьмина, И.Д. Зольникова* "Мамонт и древний человек Сибири". В них был дан анализ динамики популяций по радиоуглеродным данным. Авторы показали, что деятельность человека имела второстепенное значение для образования скоплений плейстоценовой фауны. Палеолитические стоянки располагались у мест гибели животных, привлеченных естественными солонцами и водопоями. Сделан вывод, что в течение минимум 10 тыс. лет человек сосуществовал с мамонтом, не вызывая сокращения ареала последнего. Антропогенный пресс на их популяцию был невелик, а исчезновение началось 12 тыс. лет назад вследствие климатических причин. Тема вызвала активную дискуссию о степени антропогенного давления человека каменного века на природную среду, приемах охоты на мамонта; была отмечена необходимость сопоставления данных гуманитарных и естественных наук, отработки комплексных методик, а также учета экологических связей мамонта как вида со средой и рассмотрения человека как одного из ее элементов.

Н.Г. Смирнов в своем докладе "Природная зональность Северной Евразии позднего Валдая" продемонстрировал зональное распределение фаун млекопитающих и выделил арктический комплекс, распространенный вдоль края ледника; гиперборейный комплекс, занимавший территорию

[1] Поддержана грантом РФФИ № 99-06-85040.

нынешних зон тайги, смешанных лесов, лесостепи; и степной комплекс.

А.Н. Рудой в докладе "Позднечетвертичная гляциогидрология межгорных впадин Алтая, Тувы и Северной Монголии" остановился на катастрофических стоках из ледниково-подпрудных водоемов и суперпаводках, производивших в дни и недели огромную геологическую работу и резко изменявших ландшафты, что влекло за собой кардинальную смену условий обитания для животных и человека.

В коллективном докладе, зачитанном *А.А. Воробьевым*, "Крупные млекопитающие Камского Приуралья в позднем плейстоцене" выделено три типа фауны: с доминированием северного оленя – гляциальный, с доминированием северного оленя и лошади – интерстадиальный, а также позднеледниковый, характеризующийся отсутствием мамонта и шерстистого носорога и появлением степных голоценовых видов – белки и лося.

С.П. Арефьев и А.А. Муканова в своем сообщении "К характеристике природных условий Ингальской долины" показали значительные колебания природной среды за последнее столетие. Им удалось проследить тенденцию к отступлению лесостепной зоны на север вследствие аридизации и антропогенных пожаров.

Ю.Б. Сериков в докладе "О "потопе" – катастрофическом наводнении в эпоху мезолита" изложил свою интерпретацию расположения новых памятников Среднего Зауралья, обнаруженных на неудобных для проживания чрезвычайно высоких местах и связанных с весенней поколкой копытных животных. В докладе *П.А. Косинцева, С.Е. Чаиркина* "Культовые пещеры Урала" последние были рассмотрены как источники по исторической экологии.

Н.Е. Рябогина, С.И. Ларин, Т.Г. Семочкина в докладе "Палеоэкологические условия обитания носителей доисторических культур Тюменского Притоболья" по данным спорово-пыльцевого анализа показали, что здесь во II тыс. до н.э. лесостепная растительность была вытеснена степной, а затем вновь восстановилась. Начало развития сосновых боров, по их мнению, относится к субатлантическому периоду.

Ряд докладов был посвящен проблемам адаптации коллективов каменного века к природной среде. *Я.В. Кузьмин* зачитал коллективный доклад "Палеоэкология неолита Нижнего Приамурья", в котором привел новые климатические данные и радиокарбонные датировки по археологическим культурам Дальнего Востока, акцентировав проблему становления примитивного земледелия.

П.А. Косинцев и О.Н. Бачура в докладе "Дикие и домашние млекопитающие Волго-Уральских степей" сообщили, что в среднем голоцене фауна северной части этого региона имела лесостепной облик, в центральной и южной – степной. По их данным, к XVIII–XIX вв. относится истребление медведя, бобра, кулана и дикой лошади; домашние животные появились на севере в неолите, в центральной части – в энеолите. Это был сначала крупный и мелкий рогатый скот, в начале раннего бронзового века – лошадь, в начале поздней бронзы – свинья и верблюд.

Доклад *А.Е. Некрасова и П.А. Косинцева* "Охота и рыболовство у населения севера Приишимской лесостепи в неолите-энеолите" был посвящен анализу фауны ряда поселений оз. Мергень, установлены их сезонный характер, специализация на охоте с собакой на медведя, зайца, лису, куницу, водоплавающую дичь, а также на ловле щуки, карася, язя, окуня в теплое время года.

В.И. Юрин продемонстрировал новые материалы по изучению пещер и гротов, скальных навесов Южного Урала. *В.Г. Васильев* рассказал о домостроительных традициях эпохи неолита таежной зоны Зауралья и Западной Сибири, дав характеристику основных типов жилищ и показав экологическую обусловленность их конструкций, площади, планировки.

Серия докладов рассматривала вопросы культурной адаптации населения к изменениям природной среды в эпоху бронзы. *А.Ф. Шорин* в докладе "Черкаскульско-межовские популяции и природная среда: динамика и взаимодействие" сделал вывод о расселении их из лесной в лесостепную и степную зоны, о смене типов хозяйственной деятельности и усложнении социально-постестарной организации. *С.В. Хабарова* в докладе "О сходстве федоровского и черкаскульского погребального обряда" сообщила об обусловленности этих черт близкими природными условиями и контактами населения. *И.В. Толпеко* в своем выступлении "К вопросу об использовании местных ресурсов древним населением Омского Прииртышья" охарактеризовала основные виды минерального сырья, добываемого в неолите и раннем бронзовом веке, характер его залегания, цели применения.

Ряд докладчиков продемонстрировал и демографические показатели по археологическим культурам Урала и Сибири как свидетельство биологической и социальной адаптации древних коллективов. *В.В. Бобров и Ю.И. Михайлов* охарактеризовали некоторые демографические аспекты изучения андроновского общества в восточных районах культурного ареала, предложив двучленную модель детской группы, в которой граница этапов социализации совпадает с пиком смертности.

Н.П. Матвеева дала палеодемографическую характеристику каменской культуры лесостепного Приобья, показав поло-возрастной состав

умерших по бийскому и березовскому периодам, соотношение мужчин и женщин, средний возраст смерти в целом и по наиболее изученным некрополям. На основе анализа средних возрастов смерти взрослых и детей, захороненных в курганах, сделан вывод о существовании расширенной семьи.

А.В. Матвеев, О.М. Аношко в докладе "К вопросу о палеодемографии алакульской культуры Зауралья" привели показатели среднего возраста смерти взрослых, детской смертности, результаты расчетов средней продолжительности жизни. Они полагают, что демографическая обстановка в алакульских общинах была достаточно стабильной и близкой к состоянию лесостепного западносибирского населения эпохи поздней бронзы.

Оживленное обсуждение вызвал доклад *Д.М. Ражева и А.А. Ковригина* "Курганные могильники саргатской культуры и социально-демографическая структура древнего общества". На основании недостаточного количества курганов для выявления числа поселений и преобладания среди захороненных мужчин авторы сделали вывод о принадлежности всех саргатских курганов элитарным слоям населения и о существовании другого, еще не изученного погребального обряда – ингумаций в грунтовых могильниках для большинства социума. Возражая им, В.В. Бобров и Н.П. Матвеева указали на некорректную оценку источников и исходных данных по численности населения, длительности проживания на селищах, наличие групп подвижных скотоводов, хоронивших умерших вне экономической зоны крупных поселений, высокую долю распаханных курганов и ряд других неучтенных факторов.

В докладе *Н.С. Лариной и Н.П. Матвеевой* "Некоторые данные о минеральном статусе костных тканей людей раннего железного века" на основе результатов химических анализов на содержание тяжелых металлов предложена гипотеза о регламентации рациона питания у разных социальных групп саргатского населения.

В сообщении "Предварительные результаты исследования деревянного судна XVIII века близ Нижневартовска" *В.М. Морозов* доложил об открытии двух судов удовлетворительной сохранности, изготовленных в традициях кораблестроения русских северных мореходов, и планах по их музеефикации.

Выступившие в дискуссии на секции акцентировали внимание на сопряженности разных природных и исторических процессов, необходимости комплексного анализа масштабных явлений, реконструирования на основе непротиворечивой доказательной концепции. Выявились различные подходы к демографическим исследованиям по данным погребальных памятников. Биологи указали на необходимость серьезной критики источников, ограниченность толкования результатов вследствие преднамеренной, а не случайной выборки, какую представляет собой могильник, недопустимость переноса данных по нескольким некрополям на всю популяцию. Археологи, в свою очередь признавая социальное, а не популяционное значение демографических расчетов по данным погребений, считают подобные исследования чрезвычайно важными для понимания уровня жизни коллективов прошлого, их стратификации, взаимообусловленности природных и социальных явлений.

На секции "Этническая экология" с докладами по проблемам изучения традиционных систем жизнеобеспечения выступили: *Е.И. Гололобов* – "Принципы функционирования традиционных систем жизнеобеспечения в экстремальных эколого-климатических условиях"; *Э.И. Валеева, В.А. Глазунов, Д.В. Московченко* – "Экологические аспекты расселения казымских хантов и лесных ненцев на территории природного парка Нумто". Отдельные аспекты культурной адаптации проанализировали в своих докладах *М.А. Корусенко* и *С.Ф. Татауров* – "Традиционные способы лова рыбы аборигенов в низовье р. Тары"; *А.А. Богордаева* – "Технология изготовления традиционной одежды у обских угров"; *Т.Н. Глушкова* – "Ткань и тканая одежда в культуре хантов"; *Н.А. Повод* – "К вопросу об этнокультурных отношениях коми-зырян Березовского округа в конце XIX – начале XX в.".

О.О. Дрянкова в своем выступлении остановилась на итогах изучения семейно-демографической структуры восточных хантов в конце XVIII – середине XIX в.

Актуальные вопросы современного природопользования в зонах расселения коренных народов Сибири были рассмотрены в докладах *М.Г. Ганопольского* "Этос и этнос: региональный аспект взаимодействия"; *Г.Т. Бакиевой* "Роль сельской общины сибирских татар в оптимизации использования естественных угодий"; *В.В. Мефодьева* "Медико-экологические аспекты здоровья коренного населения Ямало-Ненецкого округа в районах с разной степенью промышленного освоения"; *Г.М. Патрушевой* "Экологическая культура шорцев Кемеровской области на современном этапе"; *Ю.Н. Квашнина* "Перспективы развития ненецкого оленеводства в связи с освоением газоносных месторождений ЯНАО"; *Н.В. Пятницы* "Социальные технологии нового освоения в этноэкологической перспективе".

К началу конференции были изданы тезисы 90 заявленных докладов. Выступления участников и опубликованные тезисы содержат большой теоретический и фактический материал, позволяющий существенно продвинуться в исследовании методологических основ реконструкции различных аспектов экологии, проблем древних и современных народов Северной Азии и сопредельных

территорий. Доклады вызвали большой интерес всех присутствующих: в прениях выступил 51 ученый, состоялись плодотворные дискуссии. Участники конференции отметили большой интерес к проблемам палеоэкологии человека и этнической экологии среди представителей разных научных направлений.

В принятой резолюции отмечено, что пока нет работ, объединяющих все направления исследований в единое целое, в которых был бы представлен результат междисциплинарной реконструкции связи социумов со средой. В дальнейшем следует ориентироваться на комплексное изучение определенных микрорайонов и древних коллективов. Конференция отметила отсутствие координирующего центра в Урало-Западносибирском регионе в области реконструкции природной среды прошлого и в изучении экологии древних и современных народов. Она предложила войти в совет программы "Плейстоцен и голоцен" с просьбой включить региональный компонент по западной части Западной Сибири в ее содержание. Собравшиеся предложили регулярно проводить подобные мероприятия по обсуждению проблем взаимодействия человека, природы и общества в историческом аспекте.

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

Н.П. Матвеева

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 168–172

ХРОНИКА

IV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "ПРОБЛЕМЫ САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ"

24–29 апреля 2000 г. в Самаре проходила IV Международная конференция "Проблемы сарматской археологии и истории". Эта конференция стала уже традиционной – первая состоялась в 1988 г. в Азове, вторая – в Волгограде в 1994 г., третья – в 1997 г. в Ростове-на-Дону. За исключением II конференции, все они проводились по определенному порядку. Заранее намечались темы конференции и докладчики, которые представляли свои доклады в развернутом виде. Они издавались и за месяц до начала конференции рассылались всем участникам. Поэтому на самой конференции происходило, главным образом, обсуждение тех вопросов и проблем, которые были подняты в докладах. Назовем выпущенные к конференциям сборники: "Проблемы сарматской археологии" (тез. докл. конф.), Азов, 1989 г.; "Проблемы сарматской археологии", Волгоград, 1994 г.; "Сарматы и Скифия" // Донские древности, Азов, 1997 г., вып. 5, по этой конференции были изданы также материалы дискуссии в очередном 16-м выпуске "Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г.", Азов, 2000 г. Начиная со II конференции, в ее работе принимали участие исследователи из Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, которые участвуют в археологических экспедициях в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье. К сожалению, информация о сарматских конференциях никогда не публиковалась в центральных изданиях.

Последняя IV конференция проводилась Самарским государственным педагогическим университетом, Самарским научным центром РАН, Институтом истории и археологии Поволжья, Самарским государственным университетом и Самарским областным историко-краеведческим музеем им. П.В. Алабина при финансовой поддержке Администрации Самарской области, РГНФ и РФФИ. Неизменными инициаторами всех четырех конференций выступали М.Г. Мошкова (Институт археологии РАН), Б.Ф. Железчиков, А.С. Скрипкин (Волгоградский государственный университет), В.Е. Максименко (Ростовский государственный университет).

Круг участников, как всегда, был весьма представителен: Москва (Институт археологии РАН, ГИМ), Санкт-Петербург (Эрмитаж), Волгоград, Самара, Оренбург, Челябинск, Уфа, Воронеж, Ростов-на-Дону, Краснодар, Киев (Украина). Приехали коллеги из Венгрии.

Основное направление работы конференции – "Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология". В ее название вынесены ключевые спорные проблемы современной сарматской археологии. К открытию конференции, как обычно, был выпущен сборник докладов и все участники смогли заранее ознакомиться с ними. К сожалению, не смогли приехать исследователи из Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (Пущино) и из программы выпали доклады, посвященные экологическим проблемам Волго-Уральских степей, реконструкциям природных условий обитания кочевников скифо-сарматского времени.

Конференция открылась приветствиями к собравшимся директора Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина Л.В. Кузнецовой и директора Института истории и археологии Поволжья И.Б. Васильева, пожелавшим успехов в работе.

Первым выступлением был доклад *А.Д. Таирова* "Прохоровская культура Южного Урала: генезис и эволюция". В нем автор предложил свою хронологию и периодизацию культуры кочевников южно-уральских степей VI–I вв. до н.э.: древнепрохоровский этап (вторая половина VI–V в. до н.э.), раннепрохоровский (конец V–IV в. до н.э.), прохоровский (III – первая половина II в. до н.э.), позднепрохоровский (II–I вв. до н.э., возможно, II в. до н.э. – начало I в. н.э.). По мнению докладчика, сложение древнепрохоровского археологического комплекса происходило при активном участии приаральских номадов, передвинувшихся в Приуралье и Зауралье в результате экспансии Ахеменидского Ирана в Среднюю Азию. В процессе сложного взаимодействия с окружающими племенами складываются два крупных объединения кочевников: первый – в Приуралье с центром на Илеке и второй – в Зауралье. Последнему принадлежит ведущая роль в формировании прохоровской культуры. К IV в. до н.э. в результате перемещения в степные р-ны Южного Приуралья зауральских кочевников, включивших в свой состав часть гороховских племен, складывается весь комплекс раннепрохоровской культуры. Дальнейшее развитие раннесарматской культуры было обусловлено сложными политическими процессами в Средней Азии, притоком новых кочевых объединений восточного происхождения (юэчжи) и ухудшением экологической ситуации в южно-

уральских степях. В результате основная масса номадов Южного Приуралья смещается в Нижнее Поволжье, которое со II в. до н.э. становится центром сарматской культуры. Некоторые положения доклада вызвали возражения со стороны Л.Т. Яблонского, И.В. Сергацкова, А.В. Симоненко, в том числе предложенные докладчиком названия периодов. Л.Т. Яблонский выступил против тезиса докладчика о миграции во второй половине VI в. до н.э. части кочевых и полукочевых племен среднеазиатского междуречья и равнин к востоку от Каспия на север в степи Южного Урала. Определенная антропологическая близость этих массивов объясняется, как он считает, общей подосновой этого населения в эпоху бронзы. Для М.Г. Мошковой осталась не ясна позиция докладчика в его оценке археологического комплекса, характерного для второй половины VI–V в. до н.э. Но в целом был отмечен высокий уровень предложенного доклада.

Доклад *Л.Т. Яблонского* "Антропологические аспекты формирования раннесарматской культуры" был посвящен рассмотрению археологических концепций генезиса прохоровской культуры и сопоставлению их с палеоантропологическими материалами. Основные выводы докладчика сводятся к следующему: формирование физического типа населения Урало-Аральского региона проходило на базе андроновско-карасукских популяций эпохи поздней бронзы; население левобережного Хорезма второй половины I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. по своему антропологическому типу было сходным в целом с савромато-сарматскими популяциями Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Результаты анализа больших краниологических серий показали, что скифские популяции, с одной стороны, "савроматские", раннесарматские и приаральские, с другой – представляют две генетически различные линии. Соответственно миграционная версия происхождения скифской культуры Северного Причерноморья не имеет под собой антропологического обоснования. Возражая А.Д. Таирову, Л.Т. Яблонский полагает, что нет никаких оснований говорить о передвижении среднеазиатских номадов в Приуралье и приписывать им большую роль в формировании прохоровской культуры. По его мнению, существенное значение в этом процессе имел зауральский импульс, наложившийся на местный приуральский субстрат.

Очень близким по своей проблематике был доклад *М.А. Балабановой* "Антропологический состав и происхождение раннесарматского населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья". Главный вывод автора сводится к тому, что основной контингент, участвовавший в этногенезе ранних сарматов IV–III вв. до н.э., определяется как сибирско – урало – поволжский. Кроме того, в этом процессе, по ее мнению, совершенно очевидна роль сакских племен Казахстана и Приаралья. В основных положениях своего доклада М.А. Балабанова солидаризировалась с Л.Т. Яблонским.

Интереснейший совместный доклад сделали *А.Ю. Алексеев и Е.Ф. Королькова* – "О дате Первого Филипповского кургана". Сам курган, послуживший объектом исследования авторов, как и весь могильник, – один из ключевых памятников для понимания культурно-исторических процессов, протекавших в южно-уральских степях в период сложения раннесарматской культуры. Основным источником, использованным авторами для уточнения даты этого кургана, явился великолепный и весьма многочисленный набор изделий, выполненных в зверином стиле. Авторы пришли к выводу, что все аналогии зооморфным мотивам на предметах Филипповского кургана лежат вне пределов Южного Приуралья, а главным образом на востоке, включая Ахеменидский Иран, или в Скифии. Все эти аналогии укладываются в рамки конца VI–I в. до н.э. Но учитывая весь комплекс кургана, докладчики допускают возможность датировать Первый Филипповский курган концом V – началом IV в. до н.э. По своему характеру этот памятник стоит в одном ряду с самыми знаменитыми "царскими" скифскими и сакскими курганами. Предложенная дата вызвала оживленное обсуждение, в котором приняли участие И.П. Засецкая, Л.Т. Яблонский, А.Х. Пшеничнюк, В.В. Дворниченко, М.Г. Мошкова и др. Автор раскопок А.Х. Пшеничнюк в сугубо предварительной публикации, опираясь на характер оружия из этого кургана, датировал его началом IV в. до н.э. Однако в выступлении он не настаивал на своей датировке и считал вполне возможным относить комплекс кургана, а тем более часть вещей, выполненных в зверином стиле, ко второй половине – концу V в. до н.э. О возможности отнесения кургана к концу V в. говорили и другие выступавшие. М.Г. Мошкова обратила внимание на то, что курган № 1, принадлежавший человеку самого высокого социального ранга, содержал исключительный по составу и количеству вещей комплекс, который может быть стоит рассматривать как "сокровищницу", принадлежавшую определенной группе кочевого населения. Поэтому он мог содержать более ранние и более поздние предметы. Она считает, что дату следует определять по материалам остальных раскопанных курганов могильника, тем более что погребальный обряд всех курганов одинаков. Все они содержали дромосные могилы.

Доклад *В.Ю. Зуева* "Основные проблемы хронологии "раннесарматской" культуры" претендует на кардинальное изменение хронологии, периодизации, да и самой истории кочевников Волго-Уральских степей VI–I вв. до н.э. Основываясь на пересмотре датировки Прохоровских курганов, В.Ю. Зуев предпринял попытку переосмыслить

содержание понятия "савромато-сарматская культура" или "культурно-историческая общность". По его мнению, развитие культуры сарматов шло дискретно. Предложенная автором периодизация скифо-сарматской эпохи Южного Приуралья выглядит следующим образом: гумаровский этап (конец VIII–VII в. до н.э.), "темный" период (начало VI в. до н.э.), блюменфельдская культура (середина VI – начало V в. до н.э.), филипповская культура (V–IV вв. до н.э.), период дестабилизации (III – вторая половина II в. до н.э.), прохоровская культура (конец II–I в. до н.э.). Настаивая на выделении памятников Южного Приуралья V–IV вв. до н.э. в особую филипповскую культуру, автор не видит ее связи с памятниками II–I вв. до н.э., так как, по его мнению, в III – середине II в. до н.э. наблюдается разрыв в развитии культур кочевников не только южно-уральских, но и значительной части евразийских степей. Сложение прохоровской культуры (по В.Ю. Зуеву – памятники конца II–I в. до н.э.) происходило в Восточном Прикаспии, и затем она распространилась на обширные районы степного пояса Евразии.

Предложенная В.Ю. Зуевым концепция не нашла поддержки у участников конференции. Его идеи подверглись критической оценке со стороны А.С. Скрипкина, В.М. Клепикова, Л.Т. Яблонского, М.Г. Мошковой, А.Д. Таирова, И.В. Сергацкова и ряда других исследователей. Все они отметили отсутствие у автора серьезной аргументации представленной концепции. К тому же в основу ее положены материалы из хищнически раскопанных крестьянами в 1911 г. Прохоровских курганов, которые никак не могут считаться эталонным памятником, на чем настаивает докладчик, а являются лишь эпонимным. Очень неудачна, как все считают, и предложенная докладчиком периодизация памятников Южного Приуралья. Так, ни на чем не основано введение так называемой филипповской культуры, поскольку ни знаменитый Филипповский курган № 1, ни весь могильник всерьез еще не изучены и даже окончательно не датированы.

Доклад *В.М. Клепикова* "Памятники III в. до н.э. в Нижнем Поволжье" был посвящен одной из самых сложных проблем сарматской археологии, вокруг которой в последнее время ведутся оживленные дискуссии. Автор объясняет проблему III в. до н.э. в Нижнем Поволжье не отсутствием памятников как таковых, а невозможностью опереться на античные импорты, которые исчезают в степях в условиях кризисного периода. Им была предложена методика выделения памятников по сочетанию в рамках закрытого комплекса вещей, известных только на раннем и позднем этапах раннесарматской культуры. Наличие многочисленных общих черт в погребальном обряде в сочетании с продолжающими бытовать категориями вещей позволяет, по мнению В.М. Клепикова, проследить единство раннесарматской культуры с IV по I в. до н.э.

Н.С. Савельев в докладе "Курганы Баишевской долины в контексте культурогенеза ранних кочевников Южного Урала" познакомил участников конференции с материалами из могильника Юмаш-Тау и некоторых других курганов Южного Зауралья. Они представляют большой интерес для решения проблемы становления прохоровской культуры Южного Приуралья. Правда, утверждение автора о принадлежности их к сакской культуре не имеет на это никаких оснований и вызвало возражения со стороны Л.Т. Яблонского, И.В. Сергацкова и некоторых других коллег, выступавших в прениях.

Д.В. Мещеряков в докладе "К вопросу об этнокультурной ситуации в Южном Приуралье в IV–III вв. до н.э." на примере V Бердянского и ряда других могильников постарался показать характер этноисторических процессов в южно-уральских степях в последних веках до н.э. Автор считает, что, несмотря на все различия, между раннее- и позднепрохоровским этапами существует определенная связь. Он полагает, что на востоке Южного Приуралья к III в. до н.э. сохраняется мощная группировка кочевников, оставивших памятники прохоровской культуры, которые, вероятно, составляют ее локальный вариант.

Доклад *Л.А. Краевой* "Технология изготовления керамики из "прохоровских" погребений на р. Бердянке" был посвящен весьма интересной теме – способам изготовления глиняной посуды из некоторых могильников Оренбургской обл. Как было ею установлено, следует отличать искусственную примесь талька в черепке сосуда от естественной примеси в глине, имеющейся в некоторых ее месторождениях. Это обстоятельство необходимо учитывать при хронологических или этнических построениях, основанных на керамике.

В совместном докладе *Н.В. Ивановой, В.Н. Мышкина, В.А. Скарбовенко, А.А. Хохлова* "Кочевники Самарского Заволжья во второй половине I тыс. до н.э." авторами представлены интереснейшие материалы раскопок могильников Березки I, Новоберезовский и Журавлиха I. Особый интерес представляет "мавзолей" из сырцового кирпича, открытый в могильнике Березки I. Погребальное сооружение из сырцового кирпича впервые обнаружено среди памятников ранних кочевников Нижнего Поволжья. Не известны они и в одновременных могильниках Южного Приуралья. Памятник разрушен грабителями, что затрудняет работу над реконструкцией этого сложного и очень интересного погребального сооружения. Некоторые черты этого памятника находят аналогии в мавзолеях Северного Тагискена, хотя между ними разрыв в три столетия. Погребения могильника Журавлиха I относятся к III в. до н.э. Эти материалы имеют чрезвычайно

важное значение для решения целого ряда проблем этнического, хронологического, исторического характера в изучении культуры сарматов.

В докладе "К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II–I вв. до н.э." *А.С. Скрипкин* подробно проанализировал некоторые категории находок из сарматских погребений (фибулы, мечи, поясные пряжки, зеркала, импортная глиняная и металлическая посуда) и на этой основе выделил целую серию комплексов II–I вв. до н.э. Захоронения этого времени органично вписываются в круг памятников раннесарматской культуры, однако в них уже появляются вещи, характерные для среднесарматской эпохи. В рамках раннесарматской культуры автор выделяет три последовательных хронологических периода: IV в. до н.э.; III – первая половина II в. до н.э.; вторая половина II–I в. до н.э. На последнем этапе значительно усиливается влияние культурных традиций кочевников, населявших восточные районы евразийских степей.

А.В. Симоненко в докладе "Особенности раннесарматской культуры Северного Причерноморья" удалось показать специфику причерноморских памятников II–I вв. до н.э. Погребения с северной ориентировкой он отождествил с роксоланами, а захоронения с южной ориентировкой в бассейне Днестра и низовьях Дуная – с язигами. Автор подробно остановился на так называемых "кладах" – комплексах вещей, включающих детали конской узды, котлы или ситулы, импортные шлемы, оружие, дорогие и социально престижные вещи. Судя по составу находок и характеру их местоположения, а также отсутствию останков человека, А.В. Симоненко предполагает культовое (поминальное или жертвенное) назначение "кладов". По его мнению, они несут в себе достаточное количество черт, указывающих на их сарматскую принадлежность. Докладчик уделил также внимание вопросу хронологии раннесарматских памятников в западном регионе. По его мнению, отдельные традиции раннесарматской культуры в Причерноморье доживают до II в. до н.э. Это согласуется с сообщениями античных авторов об обитании здесь роксоланов. Памятники среднесарматской культуры (погребения под индивидуальными насыпями, квадратные могилы и т.д.), вероятно, оставлены представителями аорско-аланского объединения. По некоторым частным вопросам, затронутым в докладе, выступили *И.И. Марченко, А.П. Медведев, А.С. Скрипкин*, но общая идея доклада не встретила серьезных возражений.

Венгерские исследовательницы *Э. Иштванович* и *В. Кульчар* в докладе "Проблематика "первого поколения" (по сарматским материалам Венгрии)" познакомили участников конференции с материалами из сарматских комплексов I в. до н.э. степной части Придунавья. Они находят некоторые параллели в памятниках Причерноморья и Поволжья. Эти находки представляют большой интерес, так как служат отражением начального этапа проникновения сарматов (языгов) в Центральную Европу.

И.В. Сергацков выступил с докладом "Финал раннесарматской культуры: хронология и проблемы этнической истории сарматов на рубеже эр". Основываясь на находках фибул, импортной металлической посуды, бус, автор попытался обосновать конечную дату раннесарматской культуры, – начало I в. до н.э. Этим же временем, по его мнению, следует датировать начало среднесарматской культуры. Межкультурные различия обусловлены разными этническими традициями племенных объединений, доминировавших в волго-донских степях в последних веках до н.э. (аорсы) и в I – первой половине II в. до н.э. (аланы). Первое упоминание аланов Иосифом Флавием (35 г. н.э.) довольно точно совпадает с начальной датой среднесарматской культуры. Мысль об "аланской" версии формирования среднесарматской культуры вызвала определенные возражения у Б.А. Раева, И.П. Засецкой, М.Г. Мошковой, А.В. Симоненко.

Доклад *В.П. Глебова* "О заключительной фазе раннесарматской культуры в Нижнем Подонье" был посвящен вопросу о конечной дате прохоровской культуры в донских степях. По его мнению, погребальные традиции раннесарматской эпохи прослеживаются на Нижнем Дону вплоть до II в. до н.э., сосуществуя подчас в одном могильнике со среднесарматскими памятниками. Некоторые положения доклада встретили возражения со стороны Б.А. Раева, И.П. Засецкой и других исследователей.

В докладе *К. Алмаши* (Венгрия) "Карпатский бассейн в прохоровский период" речь шла о времени появления кельтов к востоку от Карпат. По ее мнению, в массовом количестве они проникают на эти земли в начале III в. до н.э. Во второй половине I в. до н.э. территория Карпатского бассейна попадает под протекторат даков. Однако даже появление здесь языгов в I в. до н.э. не смогло прервать существование тут весьма устойчивых кельтских традиций.

Доклад *Р.М. Юсупова* "Антропология кочевников Южного Приуралья раннего железного века" был посвящен антропологическим характеристикам населения южно-уральских степей. Особый интерес вызвали сопоставления физического облика кочевников оставивших погребения Филипповского могильника и некоторых других памятников Южного Урала с антропологическими данными населения Приаралья.

На завершающем заседании было принято решение провести следующую конференцию по

проблемам сарматской археологии в Краснодаре. Предложено посвятить ее вопросам хронологии сарматских памятников. В намеченных докладах должны быть разработаны и представлены хронологические колонки по всем регионам расселения "савромато-сарматских" кочевников. Отмечена также настоятельная необходимость в проведении широкого совещания или конгресса по проблемам номадизма.

Оргкомитет принял решение издать второй выпуск материалов конференции, где должны быть изданы выступления и доклады, не вошедшие в первый том.

Участники конференции выразили благодарность оргкомитету и всем самарским коллегам за прекрасные условия, созданные ими для работы конференции.

И.В. Сергацков, В.М. Клепиков, В.Н. Мышкин

Волгоградский государственный университет
Самарский государственный педагогический университет

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 173–177

ХРОНИКА

МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ-2000 (Алматы, 2000)

23–25 марта 2000 г. в Институте археологии имени А.Х. Маргулана Министерства образования и науки Республики Казахстан (далее – РК) проходила ежегодная конференция "Маргулановские чтения", посвященная итогам археологических исследований на территории Казахстана в полевом сезоне 1999 г. В работе чтений приняли участие более 100 специалистов-археологов, этнологов, антропологов и представителей смежных дисциплин из научных центров Казахстана, России, Кыргызстана, Узбекистана и Бельгии. Активное участие в работе конференции приняли работники музеев, студенты и аспиранты вузов Казахстана. В ходе работы Маргулановских чтений было заслушано 78 докладов и сообщений. Работа конференции была организована по двум секциям: первобытной и средневековой археологии.

Чтения открыл директор Института археологии, чл.-кор. НАН РК *К.М. Байпаков*, который в приветственном слове участникам конференции отметил, что чтения являются традиционным международным форумом для всех, занимающихся изучением древней и средневековой истории Казахстана. Активизация научной жизни республики, по мнению докладчика, ясно прослеживается по итогам работы многих экспедиций. Интерес к древней и средневековой истории Казахстана не ослабевает, и тому подтверждение – международные экспедиции в рамках совместных проектов и экспедиций. Докладчик подчеркнул, что на современном этапе все активнее внедряются методы точных наук и исследования проводятся на стыке различных областей научных знаний. Кроме того, по мнению К.М. Байпакова, необходимо проведение различных выставок, конференций, издание литературы, способствующей популяризации археологии как науки.

В своем выступлении *Д.А. Маргулан* рассказала о работе по подготовке к публикации работ А.Х. Маргулана. Первый том уже издан, и на данном этапе идет подготовка второго тома – "Горное дело и металлургия в Центральном Казахстане в эпоху бронзы".

А.К. Шалекенов в своем выступлении охарактеризовал А.Х. Маргулана как основоположника казахстанской этнографии, отметив, что им уделялось большое внимание подготовке специалистов этой области научного знания.

Доклад *К.А. Акишева* содержал в себе основные итоги работы Ишимской археологической экспедиции в Акмолинском Приишимье на городище Бузук. Городище X–XII вв. имело планировку трехпестковой розетки и оборонительные сооружения: было окружено снаружи валом, а внутри рвом. В ходе работ было вскрыто помещение минарета и мавзолея. В докладе отмечалось, что город строили пришлые мастера, использовавшие местное сырье, что подтверждается обнаруженными в ходе работ печами для обжига кирпича, емкость которых позволяла обжигать до 1000 штук.

В докладе *Ж.К. Таймагамбетова*, посвященном итогам работы совместной Казахстанско-Российской комплексной экспедиции, сообщалось как о разведочных работах, так и стационарных исследованиях на территории от Иртыша на востоке Казахстана до Побережья Каспийского моря на западе. Выявлены десятки новых стоянок первобытных людей. Среди них уникальные комплексы Кызылтау, Шоктас, Кошкурган. Проблема заселения первыми людьми территории нынешнего Казахстана стоит очень остро, и именно она занимает важное место в исследованиях совместной Казахстанско-Российской комплексной экспедиции.

Об исследованиях памятников эпохи бронзы на территории Казахстана и новых направлениях изучения периода доложил *Ж.К. Курманкулов*. В докладе были подняты проблемы изучения эпохи бронзы: в частности, вопрос об уточнении датировки памятников с применением новых научных методов, вопросы социального устройства племен, коррекция ландшафтно-климатической картины, мировоззренческие аспекты, проблемы миграции и иммиграции племен.

В отчетном докладе *З.С. Самашева* были подведены итоги работ в 1999 г. Казахско-Французской экспедиции на могильнике Берел. В результате междисциплинарных исследований были определены проблемы, требующие комплексного решения. Основными из них являются хронология, а также культурно-этническая атрибуция памятников подобного типа, определение ареала культуры номадов Алтайского субрегиона в скифо-сакскую эпоху.

В своем выступлении *Н.О. Алдабергенов* особо подчеркнул вклад А.Х. Маргулана в изучение древних городов. Изучение археологических материалов показало, что города Чуйской долины возникали на основе небольших торткулей, постепенно становясь густонаселенными центрами.

К.М. Байпаков дал подробный обзор работ Южно-Казахстанской комплексной экспедиции. Так, были продолжены исследования на городище Талгар и памятниках Отрарского оазиса. На Отраре была вскрыта мечеть конца XIV – начала XV в., ее постройка связывается с именем Тимура. Под сохранившимися остатками был обнаружен северный портал дворцового комплекса. На городище Куйруктобе была исследована часть города кангюйского времени (первая половина I тыс. н.э.). Одновременно проводились работы по подготовке к консервации цитадели, центрального зала священных церемоний. В долине р. Арысь продолжались работы на Борижарском могильнике. Благодаря исследованиям на городище Акырташ раннесредневекового времени подтвердилось мнение об участии в строительстве города пришлых зодчих. В ходе дальнейших работ на городище Талгар был расчищен участок перед западными воротами, зафиксирована глинобитная стена с проломом, образовавшимся, вероятнее всего, в результате землетрясения. На городище Коялык исследовался буддийский храм, функционировавший с конца XII–XIII в.

Опираясь на археологические данные, *В.А. Грошев* рассмотрел в своем докладе проблему экологического кризиса Аральского моря и оз. Балхаш, а также причины гибели оазисов. Основными причинами сложения кризисной ситуации докладчик считает политические и социальные факторы, войны и как их следствие разрушение системы ирригаций.

В совместном докладе *Б.Т. Туякбаевой* и *А.Н. Проскурина* говорилось о формировании ханской ставки в городе Туркестане. Одновременно был поднят вопрос о реставрации и консервации памятника и о необходимости корреляции археологических исследований с работами по реставрации и консервации памятников уже на стадии проектирования.

Проблемы изучения памятников тюрков Казахстана, по мнению *А.М. Досымбаевой*, связаны с тем, что археологическая тюркология не является приоритетным направлением науки. На сегодняшний день уже выявлено большое количество памятников кочевников средневековья и очевидна необходимость пересмотра устоявшихся стереотипов о культурогенезе древних тюрков. Критическое осмысление комплекса источников (археологических, этнографических и др.) позволяют, по мнению автора, обосновать идею о туркестанской (в геопространственном понимании термина) прародине тюрков.

В докладе *О.А. Артюховой* были сообщенны результаты изучения позднего палеолита Северного Прибалхашья. В частности, докладчик отметила, что для позднепалеолитической культуры Прибалхашья характерно небольшое количество зубчатых и пластинчатых орудий. *А.В. Логвин* выступил с отчетом о работах Тургайской археологической экспедиции. Полученный при исследовании поселения Карасор-1 пластинчатый комплекс датируется эпохой мезолита-неолита, а отщеповый и керамический – эпохой энеолита.

В своем сообщении *В.С. Славинский* рассказал о палеолитических находках на р. Жилкуар в Костанайской обл. По мнению докладчика, результаты обработки материала свидетельствуют о кратковременном характере стоянки.

В докладе *Г.В. Колбина* был поднят вопрос об охране археологических памятников и системе мер ответственности за нарушение закона об охране памятников культурного наследия Республики Казахстан.

В докладе *В.С. Славинского* была дана характеристика мезолитическим комплексам Карасорской группы памятников. О работах в верховьях ущелья Тургень доложил *А.А. Горячев*. В полевом сезоне 1999 г. исследовался памятник Кызыл-Булак, на котором выявлены отдельно стоящие конструкции, парные и детские захоронения, а также парное захоронение кремированных людей в сосуде. На поселении Тургень 2 выявлены жилища. Находки с этого поселения автор сопоставляет с материалами поселения Актас. *В.С. Волошин* сообщил об исследованиях на новых палеолитических памятниках, найденных на территории Сары-Арки. Близкие аналогии автор обнаружил в материалах памятников Семизбугу. Опираясь на материал с памятника Мизар 2, он предположил, что человек здесь поселился в период похолодания.

В докладе *В.К. Мерца* подводились некоторые итоги изучения многослойной стоянки Шидерты-3. На памятнике прослеживается шесть культурных слоев, разделяющихся по сырью. Наряду с материалом неолита и энеолита присутствует материал позднемезолитического комплекса. Как считает докладчик, памятник сможет стать эта-лонным на территории Северного и Центрального Казахстана. *Т.Н. Лошакова* подробно рассказала о работах на поселении Токсанбай, расположенном в Западном Казахстане. На юго-восточном склоне останца было выявлено помещение. Сохранившаяся часть конструкций этого сооружения представляет собой ровные обработанные плиты ракушечника, уложенные плашмя друг на друга и составляющие кладку стены. В основе этой кладки – массивные плиты, поставленные на грань. Они образуют вместе с кладкой полукруг. Способы сооружения фундамента помещения свидетельствуют о своеобразии строительных приемов жителей Устюрта.

А.Е. Рогожинский, Б.Ж. Аубекеров доложили о новых исследованиях в урочище Тамгалы. Продолжены работы на памятнике Тамгалы I, который в 1999 г. получил статус памятника мировой значимости. На памятнике было установлено на-

личие культурных слоев бронзового века, содержащие остатки жилищ.

В содокладе *Ж.К. Курманкулова, З.С. Самашева и Л. Сембиновой* изложены результаты работ, проводимых на комплексе Текты Аулие в Центральном Казахстане. В ходе работ исследовались наскальные рисунки и два кургана-ограды. *Ж.К. Курманкулов, Б. Мырзабаев* сообщили об итогах разведок в Актюбинской обл. На исследуемой территории обнаружены археологические памятники, датируемые от эпохи энеолита и до современных казахских мазаров.

В докладе *Д. Байтлеу* рассматривались сюжеты наскальных изображений Текты Аулие. Докладчик отметил, что доминирующим является изображение лошади, похожей на лошадь Пржевальского. Изображения нанесены комбинированным методом: применены точечные техника и прочерчивание.

В сообщении *А.Т. Толеудаева, Г. Омарова* подводились итоги раскопок могильника Теке-Булак. Полученные материалы датируются эпохой поздней бронзы. *И. Вилкова* изложила предварительные итоги систематизации поселенческих комплексов Северного Казахстана. В ходе работы были исследованы материалы с более 30 объектов. Выделено две группы поселений, входящих в состав ботайской культуры.

Используя материалы памятников Акмолинской области, *Н. Бекбасар* рассмотрел и проанализировал курганы "с усами" как источник астрономических знаний древнего населения.

В докладе *Г.Е. Сабденовой* дан историографический обзор образования Казахского ханства. Используя источники и ссылаясь на последние исследования, докладчик сделала вывод о том, что Жаныбек и Керей совершили перекочевку осенью 1457 г. *Д.С. Байгунаков* изложил историю изучения памятников каменного века Бетпакдалы. По мнению докладчика, регион представляет особый интерес как территория, через которую могло осуществляться проникновение древнего человека в северные районы современного Казахстана.

Живой интерес у присутствующих вызвали результаты комплексного изучения материала могильника Берел специалистами различных научных направлений. Предварительные итоги были доложены на конференции.

Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова охарактеризовали особенности наземного и внутримогильного сооружений кург. № 11 могильника Берел. В южную часть могильной ямы была помещена колода, содержащая погребения двух человек – мужчины и женщины. В северной половине ямы обнаружены захоронения 13 взнузданных и оседланных лошадей, убранство которых было выполнено в лучших традициях скифского звериного стиля. В планы дальнейших работ входит полная реконструкция погребального комплекса. *А.П. Горбунов, Э.В. Северский* раскрыли причины возникновения условий образования многолетней мерзлоты внутри могильной ямы. Основной причиной образования толщи льда названа пористая структура каменной наброски кургана, способствующей возникновению кондуктивно-индуктивного теплообмена внутри камеры. *Т. Турекулов* сообщил об архитектурном обследовании курганов № 11, 18 могильника Берел. Он отметил использование древними зодчими специальных строительных приемов при их сооружении: бутовой кладки, стилобатов, растворов. Курган № 18 имеет в плане идеальный круг, а кург. № 11 – в виде 18-гранного эллипса. Докладчик отметил, что наблюдения позволяют сделать вывод о высокой строительной культуре древнего населения Береля. *И.Ю. Слюсаренко* выделил на основе дендрохронологического и радиоуглеродного анализов образцов дерева из конструкции кург. № 11 две группы деревьев: возрастом 30–70 и старше 100 лет. Кроме того, замечено, что среди бревен есть образцы, срубленные в одном месте одновременно с захоронением и заготовленные заранее в другой местности. Абсолютная датировка кург. № 11 – 294 г. до н.э. *О.И. Исмагулов, А.О. Исмагулова, Э. Крубези* дали предварительное сообщение о погребенных в кург. № 11. Это парное погребение было в древности потревожено не один раз. Мужчина в возрасте 40–45 лет имел смешанный облик. В теменно-затылочной части черепа имеется отверстие от незавершенной трепанации.

В докладе *Е.К. Людвиковой* "Полиморфизм митохондриальной ДНК в популяциях Казахстанского Алтая" отмечалось, что МТ ДНК наследуется по материнской линии. Это следует учитывать при проведении анализов, а также приобретает важное значение при решении вопросов расообразования. Из костных останков северного скелета из кург. № 11 и из образцов крови современного казахского населения региона была выделена ДНК. Установлено наличие монголоидных компонентов европеоидной популяции.

В сообщении *М.Х. Байжанова* и *О. Беркинбай* представлены предварительные результаты научных исследований по останкам людей и животных из кург. № 11. На основе исследования останков лошадей из кург. № 11 *К. Кашкинбаевым* и *А. Бижановым* был сделан вывод о хорошей упитанности лошадей. Было установлено, что в ходе умерщвления лошади не были обескровлены. *Л.А. Макарова* и *Т.Н. Нурумов* в предварительной остеометрической характеристике лошадей из кург. № 11 могильника Берел отметили, что по костным останкам выявлено 12 лошадей из погребения. Захороненные лошади преимущественно старые по возрасту (13 и 19–20 лет), полутонконогие, высота в холке составляла 136–144 см.

К.Ш. Фаизов в своем докладе дал подробный анализ почв из кург. № 11. Был сделан вывод о близости строения современных и палеопочв региона. Мощность гумуса, достигающая сегодня 60–90 см, в раннем железном веке составляла 30–50 см. В прошлом на этой территории, отмечено в докладе, была большая влажность и лесистая местность.

В докладе *К. Алтынбекова* обобщен и проанализирован опыт работы реставратора на памятниках с мерзлотой. Проблеме консервации "мокрого дерева" был посвящен доклад *Н. Турекуловой*. Отмечалось, что большая вариация материалов из курганов требует привлечения индивидуальных методов консервации. Проделанная работа является лишь начальным этапом, за которым будет осуществлен ряд операций по дальнейшей консервации изделий из курганов.

С. Нигматовой и *А. Жамангара* при исследовании растительных остатков, извлеченных в пищеварительном тракте лошадей из кург. № 11 могильника Берел, был сделан вывод о потреблении животными прошлогодней травы и веточек. У лошадей верхнего яруса содержимое пищеварительного тракта представлено грубыми волокнами, а нижний ярус насыщен органикой. Береста и курильский чай использовались для герметизации и консервации погребения.

М.П. Данилов и *Г.М. Кудабаева* дали характеристику растительного покрова района берельских курганов. Было отмечено, что во время сооружения сибирских "пирамид" преобладали хвойные растения. Регион курганов может рассматриваться, как заповедный. Для получения более полной картины по современному растительному покрову необходимы сезонные наблюдения.

В сообщении *Э.Б. Всеволодова, С.Д. Байкеновой, И.Ф. Латыпова* подведены некоторые предварительные итоги о характере и параметрах волос разного происхождения из организмов мужчины, лошадей и изделий, содержащих волосяные компоненты. Помимо волос мужчины и лошадей обнаружен волос пушного зверя, может быть зайца.

И.В. Октябрьской было доложено о работах этнографического отряда КФАЭ-99. Территория Верхнего Прииртышья является зоной расселения найманов, киреев. Казахи Алтая сохраняют элементы обрядности, сохранилось ткачество алаша, имеющее чрезвычайно архаичный облик, почти утрачена технология создания войлоков. В сообщении *Ю. Лысенко* подведены итоги работ отряда КФАЭ на могильнике эпохи бронзы у с. Меновое Восточно-Казахстанской обл. (ВКО). По мнению докладчика, расположение могильника было удобным местом для создания некрополя. По материалам изученных погребений могильника установлено, что погребальный обряд характеризуется скорченным трупоположением на правом или левом боку.

В докладе *А.А. Ковалева, А.А. Тишкина, П.К. Дашковского, С. Сунгатая, Г. Омарова* сообщалось о совместных казахско-российских археологических исследованиях в Курчумском р-не ВКО. Была исследована территория урочища Айна-Булак, с целью картографирования памятников. Обнаружен курган с не замеченными ранее изваяниями, среди которых зафиксированы стелы.

Доклад *П.К. Дашковского* был посвящен анализу имеющихся точек зрения об этнокультурной ситуации в Алтайском регионе. По мнению докладчика, необходимы комплексные исследования для решения проблем по этнокультурной ситуации. *К. Ергазы* в своем отчете о работах этнографического отряда КФАЭ-99 осветила некоторые этнокультурные аспекты преемственности в традициях казахов Алтая. Итогам совместных казахско-английских исследований петроглифов в Семиречье был посвящен доклад *И. Швец, Ж. Жетибаева, К. Лаймер*.

В выступлении *В.Д. Горячевой* подведены некоторые итоги исследования, проводимого на городище Красная речка. Работы велись на цитадели городища и буддийском храме, в котором были обнаружены скульптуры, ладонь Будды высотой 55 см. Интересна находка маленькой статуи Будды, у которого плащом прикрыты обе руки. На данном этапе идет работа по интерпретации и датировке материалов этого городища.

В содокладе *М.М. Нурпеисова* и *С.А. Берденова* освещена работа, осуществляемая по программе ЮНЕСКО "Heritage". В ходе реализации программы были созданы сайты и составлены видеоряды о памятниках Отрарского оазиса и других уникальных памятников Казахстана.

В докладе *Т.В. Савельевой* было доложено о работах на городище Талгар. Наряду с раскопочными работами были проведены археосейсмологические. В результате было выяснено, что западная городская стена носит следы деформации от землетрясения.

Ю.М. Пешков в своем сообщении доложил о ходе работ на городище Антоновка, отождествляемом со средневековым Коялыком. В расчищенной городской усадьбе XII–XIII вв. было обнаружено большое количество стекла и бронзовых изделий из Ирана и китайской керамики. По мнению докладчика, это свидетельствует о важной роли города в системе трасс Великого Шелкового пути. Обнаруженные многочисленные фрагменты резного штука являются первой находкой такого рода в Илийской долине.

Итогам полевых археологических исследований Туркестанской археологической экспедиции был посвящен доклад *Е.А. Смагулова* и *М. Туякбаева*. На городище Туркестан и Шойтобе были заложены стратиграфические раскопы, выявившие новые строительные горизонты. В результа-

те работ на городище и в сельской округе Туркестана было выявлено еще около 20 памятников. Докладчиками был поднят вопрос о реставрации и консервации памятников. О проекте консервации и музеефикации археологического памятника "Кзылкентского дворца" (архитектурный памятник буддийской культуры XVII–XVIII вв.) говорилось в докладе *Н.В. Турекуловой* и *Т.Н. Турекулова*.

В докладе *Р.З. Бурнашевой* был приведен детальный анализ клада монет из Туркестана ташкентского чекана, обслуживавшего денежную торговлю Южного Казахстана во второй половине XVI – первой половине XVII в.

В сообщении *А.М. Камышева* приведен подробный анализ чагатаитских монет, найденных в районе Бишкека. *М.М. Нурпеисовым* было доложено о раскопках мечети на городище Куйруктобе. В ходе работ было установлено, что первоначальное определение сооружения как столпной мечети, по мнению автора, не подтвердилось. Докладчик проводит аналогии с летними мечетями Средней Азии, датируя постройку XV–XVI вв.

В своем докладе *Н.М. Зиняков* отметил, что в результате исследования металлических вещей было обнаружено несколько предметов из булатной стали. Определены две разновидности булатной стали. Первая группа – из твердого булата с полировкой, вторая группа – мягкая, с включениями литоберита. В заключение докладчик подчеркнул, что обработка булата существовала и в дотимуридский период. По предположению, один из центров обработки булатной стали находился на Куйруктобе. В содокладе *К.М. Байпакова, К. Чанг, Ф.П. Григорьева* были освещены итоги работы на Тузусае, где было открыто позднекочевническое захоронение, датируемое XIII–XIV вв. Доклад *Д. Лобас* был посвящен истории изучения культовых сооружений древних тюрков Улытау-Жезказганского региона.

В докладе *Ю.А. Мотова* изложены итоги изучения могильника Тескенсу. В двух раскопанных курганах были зафиксированы погребения в грунтовых ямах. Докладчик отметил, что, судя по материалам могильника, общество было в значительной мере стратифицированным и дифференцированным. Датируются погребения VIII–IX вв.

В своем сообщении о средневековом комплексе Ащи-Тасты 19 *Б. Хасенова* отметила, что это жертвенно-поминальный комплекс. На памятнике были зафиксированы плиты в оградках и каменные изваяния. Датируется памятник достаточно широко – с IX по XII в. *Д.Р. Бельгибаев* сообщил о раскопках кипчакских погребений на городище Бузук. Зафиксированное сооружение типа мазара из жженого кирпича в плане имело форму квадрата, ориентированного по сторонам света. В докладе *Н. Байгабатовой* рассмотрен локальный вариант погребально-поминального обряда казахов Жетысу.

В сообщении *А.А. Каукенова* на основе анализа письменных и археологических источников представлена информация о вооружении и тактике ведения боя у кипчаков.

Взаимоотношениям Казахского ханства с Крымским ханством и Османской империей был посвящен доклад *А. Исина*, в котором отмечалось, что в начале XVI в. большое внимание стало уделяться отношениям с Московским государством, что повлекло в свою очередь ослабление отношений с Крымским ханством и Османской империей.

В совместном докладе *З.С. Самашева, Б. Адильгиреева, В.В. Плахова, С.П. Дорминой* изложены результаты исследования городища Сарайчик. Основные работы на памятнике были сосредоточены на южном участке городища, на территории, примыкающей к раскопкам 1998 г. В итоге были выявлены конструкции помещений, объединенных в дома. В интерьере помещений зафиксированы тандыры, суфы, зерновые ямы. Керамика и нумизматический материал позволяют предварительно датировать выявленные слои XIV–XVI вв.

Доклад *С.М. Аитовой* был посвящен сравнительно-статистическому анализу находок тюргешских монет в Чуйской, Таласской долинах и Присырдарьинском регионе. *Е. Даубасов* изложил историю изучения средневековых городов Сырдарьи. Докладчик особо подчеркнул важность изучения средневековых городов, так как на сегодняшний день это тема является актуальной. *Д. Воякиным* рассмотрены бронзовые изделия, найденные в средневековом Наваканте. *О.В. Кузнецовой* был дан подробный сравнительно-типологический анализ изготовления сосудов с городищ Талгар и Красная речка. Доклад *Г.А. Терновой* посвящен зооморфным символам (религиозным и династийным) по материалам памятников средневековой городской культуры Южного Казахстана. *Ренато Сала* свое сообщение посвятил проблемам формирования кочевого общества в Семиречье в эпоху бронзы и железа.

В заключительных выступлениях участников чтений и принятой резолюции отмечался качественный рост археологических исследований в Казахстане, участие в них широкого круга отечественных и зарубежных специалистов. Большое внимание было уделено вопросам охраны культурного наследия республики, проблеме подготовки молодых специалистов, а также развитию археологической тюркологии.

А.М. Досымбаева, Т.Н. Лошакова

Институт археологии Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 178–179

ХРОНИКА

INTERNATIONAL COLLOQUIUM ON CRANIAL TREPANATION IN HUMAN HISTORY. МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОЛЛОКВИУМ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗУЧЕНИЮ ТРЕПАНАЦИИ ЧЕРЕПА В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (Великобритания, Бирмингем, 2000 г.)

Международный коллоквиум, посвященный древним трепанациям на своде черепа человека, состоялся 7–9 апреля 2000 г. в английском городе Бирмингеме. Он был организован на базе кафедры древней истории и археологии Бирмингемского университета в сотрудничестве с Институтом древней истории университета г. Зальцбурга (Австрия), Российской медицинской академией последипломного образования (Москва) и Международным обществом истории нейрохирургии. Несмотря на достаточно частное звучание названия форума, он привлек внимание большого числа специалистов – археологов, историков медицины, практикующих нейрохирургов, палеопатологов, антропологов и даже искусствоведов – и явил собой пример активного междисциплинарного взаимодействия. 59 докладчиков из 30 стран затронули широкий спектр вопросов, некоторые из которых могут быть интересны для археологов.

Коллоквиум был открыт выступлением проф. *Джона Хантера*, главы кафедры древней истории и археологии Бирмингемского университета. *Стэнли Фингер* (США) выступил с оценкой первых исследований древних трепанированных черепов в работах П. Брока и сэра В. Хорсли. Историографические аспекты доминировали и в докладах участников последовавшей секции "Теория и палеопатология".

В секции "Трепанация в искусстве и жизни" выступили *Чарльз Гросс* (США), исследовавший значение трепанаций в искусстве и культуре Ренессанса, и *Отмар Гратцль* (Швейцария), открывший присутствующим глаза на значительную роль трепанации как метафоры в германоязычной литературе.

Большой интерес вызвали доклады, посвященные находкам древнейшего медицинского инструментария и эволюции способов оперативного вмешательства на своде черепа. В докладе *Ральфа Джексона* (Великобритания) были рассмотрены древнегреческие и римские инструменты, применявшиеся для краниотомии, была представлена богатая коллекция инструментов античного времени из Британского музея. В докладе *Джона Киркупа* (Великобритания) обсуждалась длительная история и эволюция техники операций, связь эргономики трепанирования и доступных человечеству материалов, которыми в разное время служили раковины моллюсков, кремень, обсидиан, возможно, медь, бронза и железо. *Болеслав Лихтерман* (Россия) рассмотрел эволюцию более поздних инструментов – трепанов.

В организации работы других секций устроители старались следовать географическому принципу: "Древний Египет", "Россия и Монголия", "Греция и классический мир", "Европа и Западная Азия", "Северная и Южная Америка".

В секции "Трепанации в России и Монголии" выступали три докладчика. *М. Медникова*, рассмотревшая в своем докладе распространение и археологический контекст трепанаций в европейской и азиатской России от мезолита до раннего средневековья, пыталась доказать, что это явление носило скорее ритуальный, чем хирургический характер. *Наран Базарсад* (Монголия) выступила с сообщением о случаях прижизненных трепанаций, обнаруженных на нескольких черепах Чадманьского (Улангомского) могильника. В докладе *Эйлин Мерфи* (Ирландия) обсуждались две прижизненные трепанации в серии скифского времени из тувинского могильника Аймырлыг.

Большое оживление в работу коллоквиума внесло присутствие экстравагантной четы британских аристократов лорда и леди Нейдпат, которые в попытках "расширить сознание" неоднократно и добровольно подверглись трепанированию черепа. *Аманда Филдинг, леди Нейдпат*, продемонстрировала снятый 20 лет назад фильм, в котором она, стоя перед зеркалом, собственноручно высверливает электрическим бором отверстие в своде черепа. Нет нужды говорить, что присутствовавшие при показе фильма нейрохирурги оценили подобные эксперименты как смертельно опасные.

Среди больших удач коллоквиума можно упомянуть демонстрацию фильма, снятого датскими журналистами в Кении в 1985 г. "Народный целитель" неоднократно описанного в литературе племени Кизии продемонстрировал свое искусство в лечении мигрени у молодой женщины весьма радикальным способом. Здесь причудливо сочетаются приметы новой жизни (обезболивание новокаином и одноразовый шприц) и архаические

действия, анализ которых может быть полезен для палеореконструкций. Итак, для лечения головной боли при помощи кремневого ножа в черепе проделывается отверстие. Родственники больной наблюдают за происходящим, сидя рядом у костра. Предварительно в жертву принесена коза, ее жир и местные травы используются для приготовления противовоспалительного снадобья. Невзирая на такую весьма условную антисептику, женщина через три дня после операции встает и считается здоровой.

Хочется присоединиться к заключавшим конференцию словам английского проф. *Дона Бротвелла*: "Изучение древней практики трепанирования черепов – это не только история медицины, это история самого человечества". Изучая доисторические трепанации, мы воссоздаем пути миграций народов и распространения новых технологий, очерчиваем границы религий древности.

Институт археологии РАН, Москва *М.Б. Медникова*

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 180–182

ХРОНИКА

ПАМЯТИ ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЗАДНЕПРОВСКОГО (1924–1999)

23 августа 1999 г. скончался Юрий Александрович Заднепровский, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИИМК, академик Российской академии естественных наук, участник Великой Отечественной войны, проработавший в Институте около 50 лет. Он умер, не дожив месяца до своего 75-летнего юбилея, вскоре после очередной экспедиции в Киргизию.

Вся его сознательная жизнь была подвигом. В 1941 г. он, пойдя на фронт, участвовал в обороне Ленинграда, был тяжело контужен под Колпино, оказался в госпитале, умирал от голода, выжил, вновь пошел на фронт. Участвовал в боях под Ленинградом, в Эстонии и Польше; в Пруссии в марте 1945 г. снова был тяжело ранен (автоматная очередь прошла в нескольких миллиметрах от сердца, повредив грудную клетку, ребра и обе руки), полгода провел в госпиталях, где сделали ему пять операций и сохранили жизнь и обе руки. Но в 20 лет он остался на всю жизнь инвалидом с осколками в груди, покалеченными руками и все более усиливающейся глухотой. И всю дальнейшую жизнь он учился и работал, преодолевая последствия своих военных травм, физических и психических.

Демобилизовавшись осенью 1945 г. по инвалидности, Юрий Александрович поступил в ЛГУ и летом 1946 г. студентом 1-го курса кафедры археологии поехал в Среднюю Азию (в Фергану) в экспедицию, возглавляемую молодым проф. А.Н. Бернштамом, ставшим на многие годы его научным наставником. С этого полевого сезона до последних дней жизни своего учителя Ю.А. Заднепровский участвовал во всех его экспедициях. Между тем, по окончании ЛГУ, он был зачислен в аспирантуру ИИМК, а закончив ее, защитил кандидатскую (1954 г.) и затем докторскую (1978 г.) диссертации. Своими учителями наряду с А.Н. Бернштамом Юрий Александрович считал ставшую после первого любимого куратора официальным его руководителем К.В. Тревер, а также М.П. Грязнова и других сотрудников сектора Средней Азии, Сибири и Закавказья. Основная научная тематика деятельности Ю.А. Заднепровского была определена еще в ЛГУ, когда А.Н. Бернштам поручил ему заняться археологией (и историей) Ферганы: его дипломная работа была посвящена Фергане, кандидатская диссертация называлась "Древняя Фергана", докторская – "Чустская культура Ферганы и памятники раннего железного века Средней Азии".

Первой научной заслугой Ю.А. Заднепровского стали его исследования по периодизации ферганских археологических культур. Он разобрал и систематизировал материалы довоенной экспедиции Б.А. Латынина, которые после ареста последнего лежали нераспакованными в Государственном Эрмитаже (позднее этот замечательный археолог и человек был полностью реабилитирован, вернулся в Ленинград и был, в частности, официальным оппонентом Юрия Александровича на защите его кандидатской диссертации). Ю.А. Заднепровский увидел ошибку своего предшественника в датировке ферганского памятника Эйлатан эпохой энеолита и отнес его к VI–IV вв. до н.э., выделив эйлатанский период в истории культуры Ферганы. Следующий этап – мархаматский – он первоначально не смог расчленить, так как тогда не были еще известны стратифицированные поселения и архитектура этого периода. Это было все, что можно было установить в начале 1950-х годов, собрав и проанализировав известный тогда ферганский археологический материал. Впоследствии Ю.А. Заднепровский предложил несколько вариантов своей периодизации, которые базировались на процентном соотношении разных групп керамики. Выделение же особой – шурабошатской культуры IV–I вв. до н.э., не имевшей аналогий за пределами Ферганской долины, основывалось уже и на данных, полученных в ходе его раскопок в Восточной Фергане.

Второй основной заслугой Ю.А. Заднепровского были его многолетние полевые изыскания. Это 16 полевых сезонов на городище эпохи бронзы – Дальверзин, ставшем основным памятником чустской культуры Ферганы. Материалы из этих раскопок и некоторых исследований других ученых были обобщены и проанализированы в докторской диссертации Юрия Александровича. Таковы и его работы на горе Тахти-Сулейман в г. Ош на юге Киргизии, "лебединая песнь" и в то же время наибольший пик известности ученого. Эта "ошская эпопея" Ю.А. Заднепровского началась в 1978 г. В 1984 г., после шести лет регулярных раскопок, он высказал предположение об особом статусе Ошского поселения как одного из важнейших культовых центров Восточной Ферганы, а позднее предложил считать Ош древнейшим городом Средней Азии, ровесником полулегендарной Трои. Обосновывались эти его гипотезы необычным террасовидным расположением поселения на горе, необычно большим количеством найденной здесь расписной керамики и, наконец, открытием землянок-святилищ, в одной из которых обнаружено огромное скопление пепла и золы. В 1988 г. на конференции "Город Ош: археология и история" эта концепция не получила поддержку среди коллег-археологов. Однако идеи Ю.А. Заднепровского воодушевили Президента и Правительство Кыргызстана, и в 1996 г. в Бишкеке была опубликована специальная программа, ставшая идеологическим, историческим и практическим обоснованием празднования 3000-летия Оша. Президент республики А.А. Акаев особо высоко оценил заслуги Ю.А. Заднепровского в развитии исторической науки в Кыргызстане, назвал его "киргизским Шлиманом". Наградил его памятной медалью "Манас-1000" и выделил ассигнования для продолжения раскопок. Журналисты г. Ош вручили Ю.А. Заднепровскому премию "Мисир", которая присуждается за выдающийся вклад в укрепление независимости Кыргызстана и за упрочение дружбы между народами. ЮНЕСКО же, поддержав идею, решило провести Международную конференцию, посвященную юбилею, осенью 2000 г. Так, пусть даже Ошу как непрерывно существовавшему городу и не 3000 лет, этот важнейший городской центр древней и средневековой Киргизии привлек к себе, в известной степени благодаря Ю.А. Заднепровскому, пристальное внимание киргизской, российской и мировой общественности, а к боевым орденам и медалям "киргизского Шлимана" заслуженно добавились киргизские награды.

Будучи учеником А.Н. Бернштама, Юрий Александрович не мог не включить в сферу своих научных интересов скотоводов и кочевников: саков и усуней, кангюйцев и тохаров, которых он отождествлял с юечжами. Этой проблематике он посвятил сборник работ "Древние номады Центральной Азии" (СПб., 1997). Касался он и многих других проблем истории и культуры, в том числе международных связей Средней Азии в древности и средневековье и истории стеклоделия. В 1994 г. в Самарканде вышел сборник "Фергана в древности и средневековье", посвященный 70-летию Ю.А. Заднепровского; в нем опубликована краткая его биография и список печатных работ за 1953–1993 гг. (более 300). В 1994–1999 гг. опубликованы еще свыше 50 работ. Им, в частности, были написаны разделы в нескольких фундаментальных коллективных обобщающих монографиях.

Кончина Ю.А. Заднепровского – тяжелая, невосполнимая потеря для нашей науки, а для меня это еще и большое личное горе, так как нас связывали более 50 лет научного сотрудничества и ничем не омраченной дружбы.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ Ю.А. ЗАДНЕПРОВСКОГО

1. Археологические памятники южных районов Ошской области: середина I тыс. до н.э. – середина I тыс. н.э. Фрунзе, 1960. 176 с. Ил., карт.
2. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. 1962. № 118. 328 с. Ил.
3. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1963. 243 с. Ил., карт. (в соавт. с А.А. Абдуразаковым, М.А. Безбородовым).
4. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.; Л., 1978. 52 с.
5. Основные этапы истории Ошского оазиса // КСИА. 1983. Вып. 176. С. 51–57.
6. Древнеземледельческие племена чустской культуры // История Киргизии. Т. 1. Фрунзе, 1984. С. 119–131.
7. Начало разложения первобытного строя // История Киргизии. Т. 1. Фрунзе, 1984. С. 131–135.
8. Кочевники VI в. до н.э. – середины VI в. н.э. // История Киргизии. Т. 1. Фрунзе, 1984. С. 144–177.
9. Древняя Фергана // История Киргизии. Т. 1. Фрунзе, 1984. С. 177–201.
10. Борьба народов Средней Азии с ханьской агрессией // История Киргизии. Т. 1. Фрунзе, 1984. С. 201–206.
11. Культура // История Киргизии. Т. 1. Фрунзе, 1984. С. 206–219 (в соавт. с И. Кожомбердиевым).
12. Этнические процессы в древности // История Киргизии. Т. 1. Фрунзе, 1984. С. 409–414.
13. Фергана. Эйлатанская культура // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 195–198.
14. Фергана // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 304–316.
15. Ранние кочевники Памира // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 95–100.
16. Ранние кочевники Южного Казахстана и Ташкентского оазиса // Археология СССР. Степная полоса

Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 101–107.

17. Ранние кочевники Восточного Казахстана // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 140–148 (в соавт. с Н.А. Боковенко).

18. History of Civilization of Central Asia. 1994. V. II. Paris. UNESKO.

19. Древние номады Центральной Азии // Археологические изыскания. Вып. 40. СПб., 1997. 114 с.

20. Ошское поселение: К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек, 1997. 172 с. Ил.

РГГУ, Москва

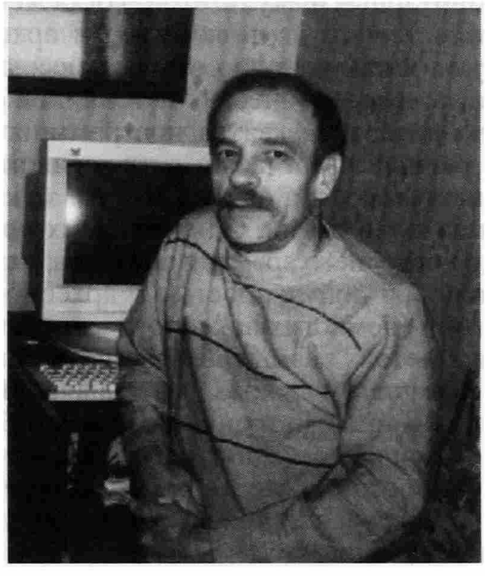
Б.Я.Ставиский

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 183–185

ХРОНИКА

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА БЕСЕДИНА (1954–2000)

9 апреля 2000 года ушел из жизни известный археолог, доцент кафедры археологии Воронежского госуниверситета Владимир Иванович Беседин. Есть люди, которых заменить фактически невозможно. Особенно ясным это становится, когда их уже нет с нами. Таким человеком и был В.И. Беседин. Для тех, кто его знал, – это невосполнимая потеря.

Владимир Иванович Беседин родился в Воронеже в 1954 г., здесь же закончил среднюю школу и после окончания поступил на радиотехнический факультет Воронежского политехнического института. Проучившись всего год, он ушел по собственному желанию. Потом последовала работа электрослесарем на заводе и служба в армии. Иногда он шутил, рассказывая об этом периоде своей жизни: "Я искал себя". Искал и действительно нашел, поступив в 1975 г. на истфак ВГУ. Все последующие годы были тесно связаны с кафедрой археологии. После окончания университета В.И. Беседин работал сначала заведующим музея археологии ВГУ, а затем в 1985 г. поступил в аспирантуру, успешно завершив которую, защитил кандидатскую диссертацию. С 1989 г. он работал на кафедре, сначала преподавателем, а с 1993 г. – доцентом.

Четверть века интенсивной археологической деятельности В.И. Беседина были посвящены изучению скотоводческих обществ эпохи бронзы степных и лесостепных пространств Восточной Европы. Тематика его научных разработок обширна. Она включала в себя решение узловых проблем развития воронежской археологической культуры эпохи средней бронзы, которой была посвящена его кандидатская диссертация, защищенная в Институте археологии НАН Украины. Целая серия статей посвящена ключевым вопросам определения относительной хронологии ряда культур восточно-европейской степи и лесостепи, особенно абашевской и срубной культурно-исторических общностей, возможностям применения радиоуглеродного датирования. Непреходящую ценность имеют работы по изучению колесного транспорта и в первую очередь конской упряжи эпохи средней и поздней бронзы.

Но основным направлением его научного поиска было исследование керамики эпохи бронзы, ее орнаментации. Именно на этом поприще Владимир Иванович добился наибольших успехов. Достаточно назвать тщательно выполненный анализ керамической серии, происходящей с Мосоловского поселения металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы, полевому изучению которого в составе археологической экспедиции Воронежского госуниверситета он отдал почти десять лет. На основании проделанной работы В.И. Беседину удалось не только реконструировать процесс керамического производства у жителей Мосоловского поселка срубной общности, но также выделить три этапа в его развитии с определением характерных черт каждого. Изучению керамики эпохи бронзы была посвящена и докторская диссертация, над выполнением которой он успешно трудился в последние годы.

В.И. Беседин вел активную полевую деятельность, на протяжении более чем 25 лет ежегодно выезжая на раскопки и проводя разведки. Он руководил и принимал участие в исследовании памятников различных эпох и культур, преимущественно в окрестностях г. Воронежа: Подклетнинского могильника доно-волжской абашевской культуры, городища у с. Сенное эпохи средней бронзы и раннего железного века, многослойного Семилукского городища, комплекса памятников славянского времени на северной окраине г. Воронежа и многих других. Последние пять полевых сезонов В.И. Беседин проводил на раскопках ряда памятников эпохи бронзы Капитановского археологического микрорайона на территории Украины, в составе международной археологической экспедиции Воронежского госуниверситета и Института ар-

хеологии НАН Украины. Публикация полученных материалов и их анализ – последняя работа Владимира Ивановича, вышедшая уже после его смерти.

Поистине всеобъемлющим увлечением Владимира Ивановича был компьютер. Во многом благодаря его личной инициативе в свое время на кафедре археологии появился первый персональный компьютер, первый не только на кафедре, но и на ряде гуманитарных факультетов. Тогда же им был введен в систему подготовки кадров археологов практикум по применению статистических методов анализа археологических источников с помощью компьютера. Нехватка программного обеспечения решалась тогда, по сути, единственным возможным способом: он сам садился за компьютер и писал программы. Одна из таких программ вплоть до последнего времени пользовалась достаточно широкой популярностью у археологов. Он был одним из немногих археологов, впервые применившим метод "размытой классификации" при анализе археологического материала. Именно применение данной методики позволило В.И. Беседину в одной из последних работ построить блестящую типологию миниатюрных остроребериых сосудов из погребений абашевской культурно-исторической общности.

В последние же годы значительную долю его свободного времени, которого, как правило, не было, поглощала работа в Интернет. Совместив в себе главного редактора и веб-дизайнера, В.И. Беседин за короткий промежуток времени, практически полностью на инициативной основе, сумел создать коллекцию археологических Интернет-ресурсов, одну из самых примечательных в России.

Энергия и работоспособность В.И. Беседина поражали и оказывали благотворное влияние на окружающих, но последние годы он работал, буквально не щадя себя. Его работы отличает высокая степень профессионализма. Вся жизнь Владимира Ивановича – это пример служения людям и любимым наукам – археологии и истории. Даже ушел он очень символично: сердце перестало биться в последний день проведения VII научной конференции Ассоциации "История и компьютер", где он был избран в Совет Ассоциации.

Без тени сомнения можно сказать, что В.И. Беседин переживал в последнее время период расцвета своих творческих сил, и поэтому больно думать о том, что осталось так много нереализованных планов и идей, которыми он был буквально наполнен. Внезапная смерть была неожиданной и буквально потрясла всех – родных, друзей, коллег.

Беспредельно преданный науке, талантливый ученый и доброжелательный человек, который всегда готов прийти на помощь – таким Владимир Иванович Беседин навсегда останется в нашей памяти.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПЕЧАТНЫХ РАБОТ В.И. БЕСЕДИНА

1. К вопросу о памятниках заключительного этапа эпохи бронзы в лесостепном Подонье // Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 1980 (в соавт. с Ю.Г. Екимовым).
2. Городище у с. Сенное // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж, 1981.
3. Семилукское городище на Дону // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тыс. н.э. Воронеж, 1983 (в соавт. с В.В. Бесединой).
4. Воронежская культура эпохи бронзы // Эпоха бронзы восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 1984.
5. О выделении воронежской культуры эпохи бронзы // СА. 1988. № 3 (в соавт. с А.Д. Пряхиным).
6. Кондрашкинский курган. Воронеж, 1989 (в соавт. с А.Д. Пряхиным, Г.А. Левых, Ю.П. Матвеевым).
7. Типология керамики Мосоловского поселения // Поселения срубной общности. Воронеж, 1989 (в соавт. с А.Д. Пряхиным).
8. Среднедонская катакомбная культура: происхождение, этапы развития. Воронеж, 1991 (в соавт. с А.Д. Пряхиным, Ю.П. Матвеевым).
9. Щитковые (дисковидные) псалии со вставными шипами с территории Восточной Европы // Sbornik praci filozoficke fakulty Brnenske Univerzity. 1992. № 37 (в соавт. с А.Д. Пряхиным).
10. Относительная хронология построек Мосоловского поселения (по данным анализа керамики) // Пряхин А.Д. Мосоловский поселок эпохи поздней бронзы. Кн. первая. Воронеж, 1993.
11. О хронологии Пепкинского кургана // РА. 1995. № 3.
12. Гончарное производство // Пряхин А.Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Кн. вторая. Воронеж, 1996.
13. К оценке абашевских погребений Подклетненского могильника // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 6. Рязань, 1996. (в соавт. с А.Д. Пряхиным).
14. Сосуды с календарной символикой из могильника поздняковской культуры Лебяжий Бор // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 6. Рязань, 1996 (в соавт. с И.Е. Сафоновым).
15. Числа в орнаментации керамики срубной культуры // РА. 1996. № 2 (в соавт. с И.Е. Сафоновым).
16. Воронежская культура эпохи бронзы: выделение и проблемы исследования // Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. Воронеж, 1997.
17. Украинско-российская экспедиция по изучению памятников эпохи бронзы Донецкого бассейна // Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. Воронеж, 1997 (в соавт. с В.В. Отрощенко, А.Д. Пряхиным, Ю.М. Бровендером).
18. Керамика средней и поздней бронзы юго-востока Европы: новые направления изучения // Исторические записки. Вып. 3. Воронеж, 1998.
19. Конская узда периода средней бронзы в восточноевропейской лесостепи и степи // РА. 1998. № 3 (в соавт. с А.Д. Пряхиным).

20. Остроребериые абашевские сосуды Доно-Волжского региона // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж, 1998 (в соавт. с А.Д. Пряхиным)
21. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. Воронеж, 1998 (в соавт. с А.Д. Пряхиным, Н.Б. Моисеевым).
22. "Микенский" орнаментальный стиль эпохи бронзы в Восточной Европе // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж, 1999.
23. О новых абсолютных датах предсрубного периода // Исторические записки. Вып. 4. Воронеж, 1999.
24. The Horse Bridle of the Middle Bronze Age in the East European forest-steppe and the steppe // Anthropology & Archeology of Eurasia. V. 38. № 38. New York, 1999 (в соавт. с А.Д. Пряхиным).
25. К оценке средневолжской абашевской культуры // Исторические записки. Вып. 5. Воронеж, 2000.
26. Поселение эпохи бронзы Капитаново II. Материалы работ украинско-российской археологической экспедиции. Воронеж, 2000 (в соавт. с А.Д. Пряхиным, В.В. Отрощенко, Ю.М. Бровендером).

Воронежский государственный университет

А.Д. Пряхин, И.Е. Сафонов

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 186–187

ХРОНИКА

ПАМЯТИ АТТИЛЫ КИШША (1939–1999)

Laborare est orare...

В Будапеште 30 ноября 1999 г. неожиданно скончался в возрасте 60 лет известный венгерский археолог, международно признанный исследователь эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья, главный научный сотрудник Венгерского национального музея, Аттила Кишш. Археологию постигла тяжелая утрата – из жизни ушел ученый выдающейся творческой силы, археолог-полевик исключительной энергии и прилежания, доброжелательный, отзывчивый коллега. Самая характерная черта жизненного пути Аттилы Кишша заключалась в том, что все свои успехи он зарабатывал огромным трудом. Но судьба возместила ему это, его талант и старательность дополнились еще и удачей. Аттила Кишш исследовал и опубликовал такие кардинально важные памятники, как Майш, Печварад и могильник Кёлкед-Фекетекапу Б, где им были обнаружены исключительные по своей научной ценности и богатству материалы аварской эпохи. Шесть опубликованных монографий и еще одна рукопись, готовая к печати, более 120 статей сделали Аттилу Кишша одним из самых выдающихся специалистов венгерской раннесредневековой археологии.

Говоря о научной деятельности Аттилы Кишша, необходимо отметить присущую ему широту охвата проблемы и самого археологического материала, благодаря чему его работы сразу же получили большой международный резонанс. Исследования А. Кишша – книги, статьи в журналах, сборниках и каталогах – публиковались в Австрии, Германии, Италии, России, Словакии, Франции, Чехии. В публикациях А. Кишша широко использован материал из Восточной Европы, часто цитируются работы российских археологов. В то же время на Западе Аттила Кишш выступал как поистине полномочный представитель центрально- и восточно-европейской археологии. Франко-венгерская выставка "Аттила", состоявшаяся в Музее Нормандии в г. Кан в 1990 г., на которой А. Кишш представлял венгерскую сторону, была по сути дела открытием центрально-европейской археологии эпохи переселения народов как для широкой публики, так и для многих западных специалистов.

Аттила Кишш родился в г. Брашове (Румыния) 27 июня 1939 г. Он учился на отделении археологии и истории Будапештского университета им. Лоранда Ётвёша в 1957–1962 гг. Темой своей дипломной работы он выбрал оружие аварского времени. После окончания университета и до 1973 г. А. Кишш работал археологом в музее им. Януса Паннониуса в г. Печ. Наряду с проведением успешных полевых исследований аварских и ранних венгерских памятников он защитил в 1963 г. диссертацию, посвященную проблематике римского населения Паннонии в аварское время. Эта работа и по сей день является одной из основополагающих по вопросу континуитета населения Паннонии. В печские годы А. Кишш подготовил свод аварских находок из области Бараня, а также каталог находок из ранневенгерских погребений. В монографии по истории области Бараня его глава по эпохе переселения народов, содержавшая каталог находок и их оценку, представляет собой пример работы интересной как для профессионалов, так и для широкого читателя.

С 1973 г. Аттила Кишш работал в Венгерском Национальном музее, продолжая раскопки в области Бараня. Полевые исследования аварских могильников А и Б в Кёлкеде, выяснение их связей с поселением, а также научный анализ находок продолжались до последних дней его жизни. Будучи археологом Национального музея А. Кишш занимался рядом вопросов, связанных с ключевыми периодами эпохи переселения народов в Карпатском бассейне. Им были сделаны попытки идентификации древностей ряда варварских народов V в., например остготов, скиров, алан (1979, 1984, 1994 гг.). В связи со сбором и оценкой данных по германским погребениям из Сабадбаттяна (1980 г.), с публикацией новых материалов, например позолоченной серебряной пряжки и шлема

типа Балденхайм, приобретенных музеем (1984, 1986 гг.), А. Кишш провел анализ этих вещей, благодаря которому были сделаны важные заключения, касавшиеся широкого круга древностей эпохи переселения народов. В качестве соавтора каталога музея по золотым вещам (1986 г.) он изучил материал господствующего слоя Карпатского бассейна начала средневековья с точки зрения археологии (1987 г.), а также пересмотрел ряд отдельных значительных находок (например, Апахида (1987, 1995 гг.); Мезёберень (1991 г.); Тисафёлдвар (1996 г.). Круг ранее известных памятников варварского населения Среднего Дуная V в. был значительно расширен благодаря публикации А. Киншем материалов новых важных могильников и отдельных погребений (Йоббади, Сексард-Паланк, Хач-Бендекпуста). В ходе работы с варварскими древностями Аттила Кишш заинтересовался, казалось бы, уже давно известными гепидскими "княжескими" кладами из Силадьшомьо в Трансильвании (1991 г.). В мае 1999 г. Венгерский Национальный музей и венский Музей истории искусства организовали совместную выставку, впервые представившую вместе эти клады и имевшую большой успех. Одним из ее организаторов и инициаторов был Аттила Кишш, он же явился соавтором каталога, содержащего прекрасные описания вещей и статьи, написанные на высоком профессиональном уровне.

В 1996 г. в Австрии вышла публикация германского могильника аварского времени Кёлкед-Фекетекапу А. Этому предшествовала статья, вышедшая в 1992 г. В ней А. Кишш анализировал германские типы вещей, распространенные в аварской среде. В ходе исследования он пришел к выводу, что начиная с последней трети VI в. авары поселили в Задунавье, на территории современной Западной Венгрии, большое количество гепидов, которые в течение VII в. постепенно были ассимилированы аварами. В то же время при анализе могильника Кёлкед А особо были отмечены сильные византийские и западно-германские связи дунайского населения. Позже Аттила Кишш также занимался вопросами византийской торговли и денежного обращения, будучи прекрасно знаком со всем аварским материалом, изучал археологические свидетельства аваро-византийских связей (1998 г.). Рукопись публикации могильника Кёлкед Б была закончена незадолго до его кончины. Дискуссионная статья, связанная с публикацией аварского золотого поясного набора из окрестностей Сирмиума, еще попала в типографию, а вот работа о женском погребении из Рещелака V в. так и осталась рукописью. Научное творчество Аттилы Киншша завершится посмертной публикацией его монографии о всемирно известных находках могильника Кёлкед-Фекетекапу Б.

Музей истории Будапешта, Венгрия
Институт археологии РАН, Москва

М. Надь, А.В. Мастыкова, И.О. Гавритухин

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия. М.
АП УРСР – Археологічні пам'ятки УССР
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.–СПб.
ВДИ – Вестник древней истории
ВССА – Вопросы скифо-сарматской археологии. М.
ГАТО – Государственный архив Тверской области
ГВМ – Государственный музей Востока
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГМИНВ – Государственный музей искусства народов Востока
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
КМАК – Керченский музей, археологическая коллекция
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
ЛАИ ЧелГУ – Лаборатория археологических исследований Челябинского государственного университета
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МХЭ – Материалы Хорезмской экспедиции. М.
НАИУ НАНУ – Научный архив Института украиноведения Национальной Академии наук Украины
РА – Российская археология
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет. М.
ПАВ – Петербургский археологический вестник
ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. СПб.; М.
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников. М.
СГЭ – Сообщения государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
СЭ – Советская этнография
ТИЭ – Труды Института этнографии. М.; Л.
ТА – Татарская археология
ТИИА – Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР. Ташкент
Тр. АС – Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ – Труды Государственного Исторического музея. М.
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
AP – Archeologia Polski
BABesch – Bulletin Antieke Beschaving. Leiden
BAR – British Archaeological Reports. Oxford
CRAI – Comptes Rendus à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris
CVA – Corpus Vasorum Antiquorum
DOS – Dumbarton Oaks Studies. Cambridge
MA – Materiały archeologiczne
PA – Przegląd archeologiczny
PA – Památky Archeologicke. Praha
PF – Pergamenische Forschungen. Berlin; New York
RCRF – Rei Cretariae Romanae Favtorum Acta. Tongres; München
SA – Sprawozdania Archeologiczne
SCIV – Studii şi Sercetări de Istorie Veche. Bucureşti
St.A – Studia archeologiczne
TTKY – Türk Tarih Kurumu Yayinlarindan. Ankara
WA – Wiadomości archeologiczne
ZOW – Z Otchłani Wieków. Warszawa

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 189–192

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал "Российская археология" публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике журнала, относясь к одному из разделов: статьи, публикации, дискуссии, история науки, критика и библиография, хроника. Иные материалы (письма в редакцию, заявления и пр.) публикуются только по специальному решению редакции и редсовета.

2. Рукопись представляется в 2-х экземплярах, набранных на компьютере с соответствующим шрифтом (рекомендуется Times New Roman Cyr.) и размером (14-й кегль) и распечатанных на принтере (класса LQ-100 и выше) на белой бумаге (формат 290 × 210) с одной стороны листа. К тексту рукописи прилагается дискета. В виде исключения в течение всего 2001 г. будут приниматься статьи, отпечатанные на стандартной пишущей машинке. Текст должен занимать 29–30 строк на странице. Поля вокруг текста должны быть: слева от текста – 25 мм, справа – 10 мм, сверху – 20 мм, снизу – 25 мм. Материалы, напечатанные на портативной машинке либо принтере мелким, курсивным либо иным другим шрифтом, редакцией не принимаются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы подряд, включая список литературы, подрисуночные подписи и резюме.

3. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из: основного текста, списка литературы, списка подрисуночных подписей, резюме, списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы), сведений об авторах. Резюме обязательно только для материалов, проходящих по разделам статьи, публикации, дискуссии. Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.

4. Начало статьи оформляется по образцу: название, автор(ы), полное название учреждений, в которых выполнялось исследование. Например:

ПРИРОДНАЯ СРЕДА ВЕРХОВЬЕВ ХАБУРА

Ш. Н. Амиров

Институт археологии РАН, Москва

5. Общий объем представляемой рукописи не должен превышать 20 машинописных страниц и 8 иллюстраций; для раздела "Заметки" – не более 8 страниц и не более 3 иллюстраций. В объем рукописи включается: основной текст, список литературы, список подрисуночных подписей, резюме, цифровые (математические, статистические и другие не рисованные) таблицы.

6. Все буквенные обозначения должны быть набраны на компьютере (или впечатаны на машинке с латинским шрифтом, или вписаны от руки черными чернилами или тушью разборчиво и крупно).

Необходимо:

– прописные и строчные буквы всех алфавитов, имеющие одинаковое начертание, подчеркивать простым карандашом: большие – двумя чертами снизу (например, S, P), маленькие – двумя чертами сверху (например, s, p);

– буквы греческого алфавита подчеркивать красным карандашом, готические – синим; эти буквы выносятся на поля и поясняются (например, (кси));

– для похожих по начертанию букв, если они вписаны от руки, давать пояснения простым карандашом на полях (например, е (не эль); l (эль)).

7. Рисунки и чертежи должны быть представлены в двух экземплярах. Оформление буквенных обозначений на рисунках – см. пункт 5. Каждый рисунок представляется на отдельном листе вычерченным тушью на ватмане (кальке) либо отпечатанным на лазерном принтере, а также в виде четких фоторепродукций (ксерокопии не до-

пускаются). Фотографии представляются только глянцевые в 2-х экземплярах каждая. Наклеивать фотографии на бумагу или картон не разрешается. На оригиналах иллюстраций с неясной ориентацией необходимо написать "верх" или "низ". Размер авторских оригиналов иллюстраций должен быть в полтора–два раза больше размера иллюстраций в журнале. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подрисуночные подписи. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках.

Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. Фрагменты (части 1, 2; а, б) одного рисунка должны быть обязательно скомпонованы с учетом их последующего уменьшения в журнале. Нескомпонованные части рисунка будут считаться самостоятельными рисунками при подсчете общего количества иллюстраций к статье. На обороте каждой иллюстрации мягким карандашом следует написать фамилию автора, название статьи и номер рисунка.

8. Подписи к рисункам даются на отдельном листе (см. пункт 3). В тексте нужно обозначить на полях место, где должен быть заверстан рисунок.

9. Таблицы, напечатанные на отдельных страницах, подкладываются по тексту при первом упоминании о них. Они должны иметь тематический заголовок и номер. Текст заголовка в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений. Диагональные линейки в головке не допускаются. Колонки должны отделяться вертикальными линиями и нумероваться только в тех случаях, когда на них даются ссылки в тексте (но не для замены головки при переходе таблицы на следующую страницу).

10. Текстовые пояснения (сноски) даются через два интервала внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: 1, 2...

11. В тексте статьи в круглых скобках указывается фамилия автора цитируемой работы (без инициалов, за исключением работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание автора не имеет), через запятую – год издания работы, далее – через точки (если есть необходимость) – страница (С.), рисунок (Рис.), таблица (Табл.) и т.д. Если работа имеет двух авторов, указываются фамилии обоих, если более двух – указывается фамилия первого автора и сокращение "и др.".

12. Список литературы дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей. Первая часть – издания на кириллице, вторая – на латинице. Названия отчетов о полевых исследованиях включаются в соответствующую часть. За фамилией и инициалами автора указывается название работы и выходные данные: место, год издания. Если указываемая работа опубликована в сборнике статей, журнале или ином периодическом издании, то от их названия она отделяется двумя косыми чертами. Труды одного автора располагаются в хронологическом порядке. При ссылке на разные работы одного автора, вышедшие в одном году, в библиографическом списке и в тексте статьи к году добавляются литеры в порядке русского алфавита. Если число авторов работы превышает три, то даются фамилии трех первых авторов и сокращение "и др.".

Источником библиографического описания является титульный лист издания.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д1–4.

Псковские летописи. Т. 1. М.; Л., 1941.

Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

Амиров Ш.Н. Природная среда верховьев Хабура // РА. 2000. № 3.

Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р–1, № 6695.

Ссылки на источники – оригинальные работы древних авторов, архивные материалы (кроме полевых отчетов), музейные коллекции – приводятся в скобках в тексте и в список литературы не включаются.

В тексте и списке литературы следует использовать только общепринятые сокращения, список которых публикуется в журнале.

13. К статье помимо списка сокращений необходимо приложить и русский текст резюме (краткое содержание статьи) объемом не более 1 страницы машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением. Помимо русского текста резюме, автор может приложить и свой вариант английского текста резюме (summary) в целом.

14. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны автором. На отдельном листе прила-

гаются сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового домашнего (по возможности – и электронного) адреса, места работы и рабочего адреса, телефонов и даты отправления. При наличии нескольких авторов статья подписывается всеми авторами.

15. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее, чем через 2 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

16. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются. Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Сдано в набор 13.10.2000 г. Подписано к печати 13.12.2000 г. Формат бумаги 60 × 88 1/8
Офсетная печать Усл. печ. л. 24.0 Усл. кр.-отт. 26.2 тыс. Уч.-изд. л. 25.6 Бум. л. 12.0
Тираж 1070 экз. Зак. 4264

Свидетельство о регистрации № 0110150 от 04.02.93 г. в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Адрес издателя: 117864 Москва, Профсоюзная ул., 90
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6